

ДОЛГЪ

(DUTY)

СОЧИНЕНІЕ
САМУИЛА СМАЙЛЬСА

Переводъ
Н. НАДЕЖДИНА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-Петербургъ || Москва
Гости. Дв., 18 и Невскій, 13 || Кузн. М., 12 и Тверская, 23
1914

ДОЛГЪ

Исторія челоѣчества учитъ насъ,
Что путь долга былъ для міра неоднo-
кратно и путемъ славы.

Теннисонъ

Строгія предписанія долга,
Раскрытую книгу судебъ,
Мученія ада и блаженство небесъ—
Все это носите вы въ самихъ себѣ.

Уайтхедъ.

Долгъ—мой Богъ и повелитель!

Фридрихъ Великій.

ГЛАВА I.

ДОЛГЪ — СОВѢСТЬ.

Совѣсть—мощный боецъ, вѣла его за собой.

Милтонъ.

За что, о, человѣкъ, порицаешь ты міръ? Міръ прекрасенъ и созданъ согласно требованіямъ совершеннѣйшей мудрости; если же онъ кажется тебѣ змѣй и грѣшнымъ, то потому, что ты самъ золъ и грѣшнѣе среди этого прекраснаго міра.

Жюльенъ Физинъ.

Человѣкъ живетъ не для одного себя; онъ живетъ не для одного только собственнаго благополучія, но и для блага другихъ. На cadaго изъ насъ возложены извѣстныя обязанности, на знатнаго богача, какъ и на послѣдняго бѣдняка. Для однихъ жизнь—праздникъ, для другихъ страданіе. Но благородныя сердца не ставятъ себѣ прѣлью жизни ни наслажденіе, ни даже славу; ихъ высшія стремленія побуждаютъ ихъ къ полезному труду и добрымъ дѣламъ во имя общаго блага.

По выраженію Героклеса, каждый изъ насъ является центромъ, обнесеннымъ многими концентрическими кругами. Самый близкій къ намъ кругъ,—первый,—родители, жена и дѣти; слѣдующій заключаетъ въ себѣ нашихъ друзей и родственниковъ, третій кругъ—нашихъ соплеменниковъ и четвертый—остальное человѣчество, и мы несемъ на себѣ обязанности по отношенію ко всѣмъ четыремъ.

Чтобы сумѣть ревностно и неуклонно исполнять свой долгъ по отношенію къ Богу и людямъ, мы должны прежде всего позаботиться о возможно совершенномъ развитіи всѣхъ ниспосланныхъ намъ Богомъ способностей. Его высшая воля вдохновляетъ и управляетъ нашею волей. Сознаніе того, что есть добро и зло, что правда и ложь, справедливость и несправедливость — налагаетъ на насъ отвѣтственность здѣсь, на землѣ передъ людьми, тамъ, на небесахъ передъ Богомъ.

Область обязанности безгранична и связана со всевозможными положеніями въ жизни. Не отъ нашего выбора зависитъ быть богатыми или бѣдными, счастливыми или несчастными, но человѣку вмѣняется въ обязанность всегда исполнять свой долгъ, въ чемъ бы онъ ни выражался. Подчиненіе чувству долга въ самомъ затруднительномъ положеніи составляетъ первую сущность цивилизаціи. Теперь, какъ это было и раньше, въ прошломъ, слѣдуетъ прилагать всѣ силы въ дѣлѣ исполненія своего долга, работать во имя его, и, если нужно, умирать за него.

Представленіе о долгѣ связываемъ мы зачастую съ военной дисциплиной. Память о часовомъ въ Помпеѣ, найденномъ мертвымъ на своемъ посту въ то время, какъ городъ былъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ залитъ пепломъ и лавою, сохранилась до нашихъ дней. Это былъ солдатъ, преданный своему долгу, не покинувшій своего поста въ то время, какъ всѣ другіе искали спасенія. Онъ исполнялъ свою обязанность и не тронулся съ мѣста, которое долженъ былъ оберегать и задохся отъ смрадныхъ сѣрнистыхъ испареній засыпавшихъ его облаковъ пепла. Его тѣло стало прахомъ, но память о немъ жива и его шлемъ, копье и нагрудникъ до сихъ поръ показываютъ посѣтителемъ въ Борбоникскомъ музеѣ, въ Неаполѣ.

Этотъ солдатъ выказалъ геройское послушаніе и выдающуюся преданность долгу: онъ довелъ свое дѣло до конца. Къ послушанію, къ повиновенію родителямъ, на-

ставникамъ и начальству каждый долженъ приучаться съ самаго ранняго дѣтства, но и позднѣйшій возрастъ не освобождаетъ насъ отъ повиненія, мы должны умѣть повиняться до самаго послѣдняго вздоха. Долгъ, въ своемъ благороднѣйшемъ проявленіи, заключаетъ въ себѣ такъ много ограничительнаго, связывающаго, что, при выполненіи его, человѣкъ не имѣетъ возможности думать о самомъ себѣ или считать это выполненіе своей обязанности самопожертвованіемъ.

Перейдемъ теперь къ много позднѣйшему времени, чѣмъ то, въ которое жилъ помпейскій солдатъ. Когда англійскій военный корабль «Биркенгидъ» пошелъ 26 февраля 1852 года ко дну у береговъ Африки со всѣмъ своимъ храбрымъ экипажемъ, который, скрываясь въ волны, далъ прощальный залпъ, увидѣвъ въ безопасности на шлюпкахъ дѣтей и женщинъ, за спасеніе которыхъ онъ пожертвовалъ своей собственной жизнью—герцогъ Веллингтонъ получилъ это печальное извѣстіе на торжественномъ обѣдѣ въ королевской академіи. И Маколей рассказываетъ слѣдующее:

«Я сейчасъ-же замѣтилъ американскому посланнику мистеру Лауренсу, что герцогъ въ своей похвальной рѣчи несчастному утонувшему экипажу ни разу ни обмолвился объ ихъ мужествѣ, но много разъ останавливался на ихъ примѣрномъ подчиненіи, дисциплинѣ и ихъ выдержкѣ. На мужество же ихъ, онъ, казалось, смотрѣлъ, какъ на нѣчто само собой подразумѣвавшееся и вполне естественное».

Преданность долгу всегда связана съ самопожертвованіемъ, представляющимъ нѣчто большее, чѣмъ простая неустрашимость. Гладіатора, боровшагося въ римскомъ циркѣ со львами, исполненнаго львиного мужества, воодушевляла горячность зрителей, но при этомъ онъ никогда не упускалъ изъ виду ожидавшей его награды и не увлекался до самозабвенія. Пизарро былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ людей, но среди всѣхъ его трудовъ и лишений жажда золота

одна помогала ему преодолевать всевозможныя препятствія и заботы.

«Хочешь сдѣлаться великимъ? — спрашиваетъ блаженный Августинъ, — въ такомъ случаѣ будь сначала маленькимъ. Хочешь ты создать обширное и высокое зданіе? — Подумай сначала о прочности фундамента, о смиреніи. Чѣмъ выше должно быть твое зданіе, тѣмъ глубже закладывай фундаментъ. Скрамное смиреніе — вотъ вѣнецъ красоты!»

Лучшимъ способомъ исполненія обязанностей является совершеніе ихъ въ тайнѣ, такъ чтобы оно не бросалось въ глаза людямъ. Самоотверженно и съ достоинствомъ исполнять въ такомъ случаѣ человѣкъ свой долгъ, не хвалясь имъ и не подчиняясь предписаніямъ узкой свѣтской нравственности. Подобный образъ дѣйствій обуславливается болѣе высокими взглядами на жизнь, благороднѣйшими нравственными началами, подчиняясь которымъ каждую человѣческую жизнь и каждое дѣло мы считаемъ выполняемымъ нами обязательствомъ по отношенію ко всему человечеству.

Какъ-же намъ научиться исполнять свои обязанности? Развѣ это такъ ужъ трудно? На первомъ мѣстѣ стоитъ всегда врожденное человѣку ясное и постоянное сознаніе нашихъ обязанностей по отношенію къ Богу; за ними слѣдуютъ другія: обязанности наши по отношенію къ нашей семьѣ, сосѣдямъ, обязанности слугъ по отношенію къ своимъ господамъ, обязанности гражданина по отношенію къ его согражданамъ, обязанности по отношенію къ государству, которое въ свою очередь несетъ на себѣ обязанности по отношенію къ своимъ подданнымъ. Большая часть этихъ обязанностей исполняется въ тайнѣ. Наша общественная дѣятельность можетъ быть хорошо извѣстна другимъ, но внутренней, нравственной и духовной стороны нашей жизни никто не видитъ. Отъ насъ самихъ зависитъ идти по хорошему или дурному пути, потому что никто

не можетъ, кромѣ насъ самихъ, погубить нашей души. Если намъ удалось постепенно сдѣлаться лучше, благороднѣй и совершеннѣй и воспитать въ такомъ же направленіи своихъ близкихъ, то тѣмъ самымъ мы, можетъ быть, сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ и такова задача жизни, отъ которой никто не имѣетъ права уклониться.

Одинъ американскій законодатель слѣдующимъ образомъ отнесся ко ввѣренному ему посту.

Лѣтъ сто тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ произошло солнечное затменіе. Все сильнѣе мракъ окутывалъ небо, и многимъ казалось, что наступаетъ день страшнаго суда. Между тѣмъ въ Конентикутской палатѣ засѣдало законодательное собраніе. Съ увеличеніемъ мрака одинъ изъ членовъ, блѣдный и испуганный, предложилъ разойтись по домамъ, на что старый пуританинъ, Девенпортъ изъ Стамфорда возразилъ, поднявшись съ мѣста:

«Если даже день страшнаго суда дѣйствительно наступилъ—я хочу, чтобы онъ засталъ меня на моемъ посту, при исполненіи моихъ обязанностей, а потому пусть подадутъ огня, чтобы палата могла продолжать свои занятія».

Пристыженные, остальные члены присоединились къ нему и засѣданіе продолжалось; и всѣ были глубоко благодарны старому Девенпорту за то, что онъ поддержалъ такимъ образомъ ихъ колеблющуюся волю въ трудный моментъ жизни.

Одинъ человекъ слабый здоровьемъ, хрупкій и нѣжный посвящалъ большую часть своего времени благотворительной дѣятельности. Онъ посѣщалъ больныхъ и бѣдныхъ въ ихъ убогихъ помѣщеніяхъ, ухаживалъ за ними и утѣшалъ ихъ и всѣми средствами старался придти имъ на помощь. Друзья часто упрекали его въ томъ, что, отдаваясь этой дѣятельности, онъ запускаетъ свои дѣла и замѣчали ему, что у. изголовья больныхъ и умирающихъ онъ легко мо-

жегъ заразиться какой-нибудь опасной болѣзною. Въ отвѣтъ на эти упреки онъ просто, но съ твердостью возразилъ: «Своими личными дѣлами я достаточно усердно занимаюсь изъ любви къ своей семьѣ, но я считаю, что человѣку вмѣняется въ обязанность относительно общества заботиться не объ однихъ только своихъ кровныхъ близкихъ, но также и о другихъ, не принадлежащихъ къ членамъ моей семьи».

Истинными благодѣтелями человѣчества являются не тѣ, которые жертвуютъ на благотворительныя дѣла денежныя суммы, но тѣ, которые посвящаютъ служенію близкихъ самихъ себя, т.-е. свое время, силы и душу; первые пріобрѣтаютъ себѣ извѣстность, снискиваютъ всеобщія похвалы; вторые пріобрѣтаютъ любовь неимущихъ и страдающихъ. Память о первыхъ можетъ надолго сохраниться въ обществѣ, вторые будутъ, можетъ быть, скоро позабыты, но добрыя сѣмена, посѣянные ими, никогда не погибнуть.

Что представляютъ, однако, основы долга? Жюль Симонъ написалъ солидное произведеніе «Долгъ», въ которомъ проводитъ мысль, что долгъ находится въ зависимости отъ свободы. Люди должны быть свободны, какъ для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей, такъ и для выработки своего личнаго характера.

Разъ люди обладаютъ свободой мысли — они должны располагать и свободой дѣйствій: слѣдуетъ, однако, замѣтить, что свободой этой человѣкъ можетъ пользоваться и дурно, направляя ее не столько на добро, сколько на зло. Тиранія толпы хуже, чѣмъ деспотизмъ отдѣльной личности. Американецъ тоже весьма основательно утверждаетъ, что новѣйшій либерализмъ представляетъ не что иное, какъ замѣну феодальнаго рабства рабствомъ общественнаго мнѣнія.

Свобода, какъ общественное достояніе каждой отдѣльной личности, — является понятіемъ, возникшимъ, какъ учить

исторія, лишь въ позднѣйшее время *). Въ старину, такъ называемымъ свободнымъ людямъ даровано было право владѣть рабами. Рабство процвѣтало не только въ государствѣ, но и въ семьѣ, въ республикахъ, равно какъ и при монархическомъ образѣ правленія. Катонъ старшій, значительнѣйшій изъ римскихъ экономистовъ эпохи республики, проводилъ мысль о полезности избавленія общества отъ престарѣлыхъ рабовъ, чтобы не нести на себѣ необходимости содержать ихъ. Рабы, неспособные болѣе къ работѣ отъ старости или болѣзни, отвозились на островъ Эскулапа посреди Тибра, гдѣ погибали отъ болѣзни или голодной смерти. Въ императорскомъ Римѣ плебсъ (народъ) зависѣлъ отъ благотворительности патрициевъ. Также и въ Англіи при отмѣнѣ рабства, когда бѣдняки не могли болѣе существовать монастырскими подаваніями—изданъ былъ законъ о бѣдныхъ, который являлся чѣмъ-то въ родѣ вознагражденія за утрату свободы.

*) Понятіе о трудѣ, какъ о чѣмъ-то унижительномъ — остатокъ времени язычества и феодализма, когда плугъ предоставленъ былъ только рабамъ и крестьянину, воздѣлывавшимъ землю. Римляне опредѣляли благородство въ слѣдующихъ словахъ: «*gentem habent soli cujus parentes nemini servierunt*», что значитъ: «тѣ лишь благородны, чьи предки никому не служили». Распространенное въ сѣверо-американскихъ штатахъ убѣжденіе, что рабская кровь, даже въ самыхъ отдаленныхъ предкахъ — является позоромъ для чело-вѣка—чисто римскаго происхожденія. «Отправтесь-ка въ Америку, вы, любезные нѣмецкіе крестьяне,—говоритъ по этому поводу Гейне,—тамъ вы не встрѣтите ни принцевъ, ни знатныхъ, всѣ люди равны тамъ, правда, за исключеніемъ нѣсколькихъ милліоновъ чернокожихъ, съ которыми обращаются какъ съ собаками! Тотъ, кто удержалъ даже малѣйшіе признаки негрскаго происхожденія, даже не въ цвѣтѣ кожи, а въ чертахъ лица или въ чѣмъ иномъ, осужденъ выносить всевозможныя униженія, которыя намъ въ Европѣ кажутся невѣроятными. Разумѣется, встрѣчается и тамъ не одно благородное сердце, которое въ тайнѣ порицаетъ и жалуется на всеобщее себялюбіе и несправедливость. Но попробуй онъ открыто побороться съ подобнымъ положеніемъ вещей—его ждетъ такое мученичество, о какъ мы въ Европѣ и смѣянтія имѣть не можемъ!»

Есть въ мірѣ нѣчто выше и лучше свободы — это совѣсть! Могущество этого слова признано было въ эпоху самаго ранняго расцвѣта цивилизаціи. Уже греческій поэтъ Менандръ, жившій за триста лѣтъ до Р. Хр., сказалъ: «Въ нашей собственной груди мы носимъ бога—это наша совѣсть!» и дальше: «Жить для одного лишь себя — это нельзя назвать жизнью. Совершая какое-либо святое и доброе дѣло — будь радостень и добръ, потому что самъ богъ, какъ это всякій понимаетъ, принимаетъ въ немъ участіе. Отзывчивое сердце—вотъ что является самой насущной необходимостью для человѣка».

Совѣсть представляетъ ту особую силу души, которую можно также было бы назвать религіознымъ инстинктомъ и которая открывается въ насъ, какъ-только мы замѣчаемъ въ себѣ самихъ борьбу между высшими и низшими душевными побужденіями, борьбу между духомъ и плотью, между злымъ и добрымъ началомъ. И куда ни оглянется человѣкъ — всюду онъ видитъ ту же самую борьбу не на жизнь, а на смерть. Тысячи мужчинъ и женщинъ живутъ, терзаясь душевными муками только потому, что они любятъ добро, но въ то же время не могутъ вполне слѣдовать его высшимъ идеаламъ.

На основаніи этой борьбы создалась первоначальная религія; высшій законъ приводитъ насъ къ Единому, представителемъ котораго является голосъ совѣсти. Каноникъ Мозли говоритъ: «Всѣ религіи основаны на этомъ испытаніи самого себя. Углубляясь въ свою внутреннюю жизнь и замѣчая происходящую внутри борьбу — люди учатся познавать самихъ себя, а изъ этого самопознанія возникаетъ и познаніе Бога». Подъ влияніемъ подобныхъ впечатлѣній человѣкъ пріобрѣтаетъ возможность познавать и чувствовать, что справедливо и что несправедливо; ему предоставляется выборъ между добромъ и зломъ, и такъ какъ за нимъ остается свобода выбора, — то онъ является и отвѣтственнымъ за него.

Во что бы ни вѣрили люди въ теоріи, въ дѣйствительности никто изъ насъ не чувствуетъ, чтобы его поступки были заранее предопредѣлены, необходимы и неизбѣжны, потому что воля наша ничѣмъ не связана, не подлежитъ никакому принужденію. Никакое колдовство не заставляетъ насъ непременно повиноваться тому или другому побужденію. «Мы чувствуемъ,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—что если бы мы захотѣли доказать, что обладаемъ силой воли, способной противостоять какому-бы то ни было желанію — мы можемъ сдѣлать это: для нашей гордости думать иное было бы и унижительно и недостойно».

Наши поступки должны подвергаться извѣстной проверкѣ, иначе для какой цѣли издаются законы по всему свѣту: они имѣютъ въ виду, чтобы имъ повиновались. Вещь извѣстная и ставшая убѣжденіемъ каждаго, что люди повинуются или не повинуются законамъ, смотря по тому, насколько они хотятъ повиноваться или не повиноваться. Каждый изъ насъ сознаетъ, что въ сущности не наши привычки или искушенія властвуютъ надъ нами, но мы сами господствуемъ надъ ними.

Чтобы достигнуть возможности располагать духовной свободой, — умъ человѣка долженъ быть пробужденъ знаніями. Ответственность человѣка растетъ вмѣстѣ съ просвѣтлѣніемъ и развитіемъ его ума и тѣмъ явственнѣй становится голосъ его совѣсти. Онъ подчиняется вліянію высшей воли и дѣйствуетъ согласно съ нею, не по принужденію, но съ радостью, потому что связующій его законъ человѣкъ признаетъ за законъ любви. Человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что только своей жизнью и поступками, своимъ довѣріемъ къ цѣлямъ Божественной воли и согласными съ ней дѣйствіями онъ творитъ добро и обезпечиваетъ себѣ величайшее блаженство. «Человѣкъ безъ религіи,—говоритъ архидяконъ Гэре,—является игрушкой случая, но религія стоитъ выше случайностей и поднимаетъ за собою человѣка». Въ Новомъ заветѣ находимъ

мы также соответствующее изреченіе: «Гдѣ духъ Господень—тамъ свобода». А Куперъ говоритъ: «Свободенъ лишь человѣкъ, освобожденный вѣрой: всѣ остальные—рабы рядомъ съ нимъ».

Человѣкъ, не признающій этого божественнаго закона, поступаетъ лишь подъ давленіемъ холоднаго разсудка, слѣпой страсти или эгоизма и себялюбія. Люди прекрасно сознаютъ, что поступаютъ дурно, подчиняясь своимъ порочнымъ склонностямъ, совѣсть обвиняетъ ихъ, этотъ внутренній законъ нельзя заставить молчать. Они сами называютъ извращенными и грѣшными свои поступки, но ихъ способность сопротивленія уже ослаблена на будущее время, воля ихъ теряетъ свое могущество. Какъ-только имъ представится новое искушеніе, они ему поддаются гораздо скорѣе, чѣмъ раньше, и, такимъ образомъ, извѣстный поступокъ превращается современемъ въ привычку. Изъ всякаго злого дѣла вытекаетъ, какъ слѣдствіе, рядъ новыхъ дурныхъ поступковъ.

Тѣмъ не менѣе совѣсть не умерла. Мы не можемъ вырыть ей могилы и заставить ее молча успокоиться въ ней—мы можемъ растоптать ее ногами, и все же она останется живой. Въ минуту совершенія какого бы ни было грѣха, или преступленія, тутъ-же поднимается его ангель-мститель, и мы не въ состояніи закрыть глаза, чтобы не видѣть. Совѣсть превращаетъ человѣка въ труса, и день страшнаго суда приходитъ для насъ уже въ этомъ мірѣ, въ тотъ моментъ, когда совѣсть пробуждается и предостерегаетъ насъ, заставляя обратиться на правый путь.

Эта вѣчная, всѣмъ присущая совѣсть является истинной сущностью каждаго человѣческаго характера. Она учитъ насъ самообладанію, даетъ намъ силу противостоять искушеніямъ, побѣждать ихъ. Каждый человѣкъ обязанъ работать надъ развитіемъ собственной личности, стараться отыскать для себя правый путь, чтобы слѣдовать ему. У

него есть достаточно для этого воли, онъ властенъ быть самимъ собою, а не какимъ-нибудь эхомъ чужого голоса, отраженіемъ общихъ плоскихъ «обиходныхъ» мнѣній. Настоящее человѣческое достоинство вытекаетъ только изъ самообладанія, изъ побѣды надъ нашими низшими влеченіями, одержанной благороднѣйшими побужденіями нашего существа.

Широкое и постоянное примѣненіе къ жизни самообладанія можетъ быть достигнуто только съ помощью власти совѣсти надъ нашей душою. Совѣсть является чловѣку главной опорой въ жизни и освобождаетъ его отъ господства его собственныхъ страстей и склонностей, показывая ему дорогу къ высшимъ и благороднѣйшимъ идеаламъ чловѣчества. Чистый источникъ радости покоится только на пути долга; онъ одинъ улаждаетъ намъ всякій трудъ и укрѣпляетъ насъ на правомъ дѣлѣ. Слѣдуя голосу совѣсти, мы достигаемъ личнаго счастья, потому что этотъ голосъ учитъ насъ только добруму и справедливому и запрещаетъ все, что приводитъ его къ несчастью.

«Немного, среди цивилизованнаго міра, встрѣчается людей, не раздѣляющихъ убѣжденія, что благополучіе чловѣка находится въ связи съ Божіей волей, — говоритъ Гербертъ Спенсеръ. — Это ученіе проповѣдывалось всѣми религіями и всѣми философами о нравственности, потому что мы можемъ со спокойнымъ духомъ считать его истинной».

Внѣ совѣсти остается у чловѣка одинъ лишь могущественный возбудитель — его личное удовольствіе; онъ дѣлаетъ только то, что ему нравится, и безъ колебаній слѣдуетъ своей жаднѣ наслажденія, въ чувственномъ, какъ и въ нравственномъ отношеніи. Но вѣдь мы живемъ на свѣтѣ не для того, чтобы удовлетворять однимъ лишь собственнымъ склонностямъ и предаваться одному только самоулажденію. Весь міровой порядокъ противорѣчитъ подобному возрѣнію на жизнь. Тамъ, гдѣ пріобрѣтаютъ господ-

ство низшія стороны нашей природы, не можетъ быть и рѣчи о самоотреченіи, самопожертвованіи и самообладаніи— въ лучшихъ случаяхъ эти три качества примѣняются лишь постольку, поскольку требуютъ того государственные законы.

Общество, сложившееся на такихъ началахъ, съ прирожденными человѣку страстями и умственными, и нравственными силами, не допустившее, однако, совѣсть управлять человѣческими дѣйствіями, очень скоро пришло бы къ анархіи и полнѣйшему общему распаденію. Извѣстные результаты подобнаго положенія дѣль мы уже видимъ отчасти въ бессмысленныхъ насилияхъ русскихъ нигилистовъ и нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, такъ же какъ и въ опустошительной коммунистической войнѣ въ Парижѣ. Распространеніе подобныхъ началъ въ обществѣ приводитъ его лишь къ полнѣйшей деморализаціи, какъ въ лицѣ его отдельныхъ членовъ, такъ и въ лицѣ цѣлаго народа.

Въ такихъ случаяхъ остается одно средство: попробовать вернуть людей къ сознанию своего долга. Наши предки ставили себѣ жизненной цѣлью борьбу за свои права; настоящему же поколѣнію выпала задача грудью стоять за чувство долга и работать для его распространенія. На одной доскѣ съ вѣрностью долгу стоитъ справедливость, самая блестящая изъ добродѣтелей и доброжелательность неразлучна съ нею. Въ Библии есть изреченіе, которое безпрестанно звучитъ въ нашемъ сердцѣ и должно было бы быть непрестанно повторяемо всѣмъ и каждому: «Поступайте съ людьми такъ, какъ вы хотѣли бы, чтобы они поступали съ вами». Гумбольдтъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Часто случается въ жизни, что въ тѣ моменты, когда мы не слишкомъ заботимся о своемъ счастьѣ или несчастьѣ, а предаемся исключительно добросовѣстному исполненію своей обязанности — счастье является само собою, даже больше: оно словно вытекаетъ изъ заботъ, бѣдъ и лишеній, съ которыми мы ежедневно бо-

ремся». И Гёте ставитъ вопросъ: «Въ чемъ заключается нашъ долгъ?»—и отвѣчаетъ:—«Въ исполненіи обычнаго дѣла». Но подобный взглядъ на обязанность слишкомъ узокъ. Далѣе Гёте спрашиваетъ: «Какое правленіе наилучшее?—То, которое учитъ насъ управлять самими собою». Плутархъ сказалъ императору Траяну: «Пусть твое господство начинается съ твоей собственной жизни, а въ основу его положи владычество надъ своими собственными страстями».

Истиннымъ достоинствомъ обладаютъ дѣла, совершаемыя изъ чувства любви и долга, а не ради себялюбивыхъ цѣлей. Все, что дѣлается съ радостью и по собственному побужденію, разумѣется, въ тысячу разъ лучше дѣлъ, совершаемыхъ во имя какого бы то ни было вознагражденія. Но купленная обязанность не имѣетъ никакой цѣны. Людвигъ Фейербахъ глубоко правъ былъ, говоря: «Есть одно лишь доброе на свѣтѣ — любовь, одно зло — эгоизмъ. Имѣй въ душѣ любовь и остальные добродѣтели сами придутъ къ тебѣ».

У каждаго человѣка есть обязанности по отношенію къ себѣ самому и своимъ собратіямъ; жизнь, не освѣщенная чувствомъ долга, не имѣла бы въ сущности никакой цѣны.

«Не зарывай достоинствъ, показывать которыя въ твоей власти: искренность, строгость, постоянство въ трудѣ, отвращеніе къ наслажденіямъ, умѣнье быть довольнымъ малымъ, благосклонность, благородство и искренность».

Есть люди, одаренные величайшей силой ума и познанія, рядомъ съ которыми уживается въ нихъ полнѣйшее отсутствіе благородства или великодушія. «Последнія качества вытекаютъ изъ высшей силы человѣческаго духа—совѣсти и высшей его способности — разума, который въ соединеніи съ вѣрой возвышаетъ человѣка надъ животнымъ. Дарвинъ вполне справедливо выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ: «Внушенія совѣсти въ связи съ раскаяніемъ и чувствомъ долга являются важнѣйшимъ различіемъ между человѣкомъ и животнымъ».

Насъ учать вѣрить во всемогущество матеріи: мы должны вѣрить только тому, что видимъ своими глазами и осязаемъ собственными руками. Мы не должны вѣрить въ то, чего не понимаемъ. Но какъ безконечно мало знаемъ мы и постигаемъ въ точности! Мы видимъ только поверхность вещей, словно сквозь тусклое зеркало. Какъ можетъ матерія помочь намъ разгадать тайны жизни? Мы совершенно ничего не знаемъ о причинахъ чувственной, умственной и волевой дѣятельности. Мы знаемъ о ихъ существованіи и образѣ выраженія, но объяснить ихъ себѣ не можемъ. Когда одинъ молодой человекъ увѣрялъ однажды доктора Парра, что желаетъ вѣровать лишь въ понятныя ему явленія, — докторъ отвѣтилъ ему: «Въ такомъ случаѣ вашъ символъ вѣры является самымъ короткимъ и исключительнымъ въ цѣломъ мірѣ». Сидней Смитъ выразился по этому поводу еще остроумнѣй. Однажды на званомъ обѣдѣ, одинъ изъ гостей—иностранецъ—объявилъ, что онъ отъявленный матеріалистъ, вѣрующій только въ то, что онъ видитъ. Сидней Смитъ, мѣняя разговоръ, тутъ же сказалъ: «Вотъ отличное кушанье!» Матеріалистъ согласился съ нимъ: «Да, оно восхитительно!»—«Кстати,—возразилъ Смитъ, со своей обычной находчивостью,—смѣю васъ спросить, вѣрите-ли вы въ повара?»

Намъ приходится вѣрить въ тысячу вещей, которыхъ мы не понимаемъ, матерія съ ея разнообразными сочетаніями является такой-же глубокой тайной, какъ и сама жизнь. Взглянемъ на безчисленные далекіе міры, величаво обращающіеся въ своихъ опредѣленныхъ орбитахъ, посмотримъ на землю—наше жилище, совершающую ежедневное обращеніе вокругъ собственной оси и въ то же время годовое вокругъ солнца—въ состояніи-ли мы уяснить себѣ причины этого обращенія, что можемъ мы знать о немъ, исключая факта, что они существуютъ въ дѣйствительности?

Знаменитый французскій математикъ Блезъ Паскаль

говоритъ по этому поводу въ своихъ «Мысляхъ о религiи»: «Какимъ грандіознымъ ни кажется намъ круговое обращеніе солнца въ небесномъ пространствѣ само по себѣ, оно представляетъ лишь незначительное явленіе въ сравненiи съ гораздо болѣе обширнымъ круговымъ обращеніемъ, совершаемымъ звѣздами. Какимъ-бы необозримымъ ни казался намъ этотъ міръ—онъ является все-же лишь точкой въ необъятномъ содержанiи вселенной. То, о чемъ мы можемъ составить себѣ представленіе—лишь отдѣльные атомы въ сравненiи съ дѣйствительностью—безконечнымъ кругомъ, центръ котораго всюду, а окружность остается безграничной. Что представляетъ человѣкъ среди всего этого безконечнаго? Но слѣдуетъ остановиться еще на одномъ, не менѣе поразительномъ: на безконечномъ подъ нимъ. Разсмотримъ самую крохотную, первую попавшуюся намъ подъ руки букашку: у нея есть члены, жилы, кровь, обращающаяся въ этихъ жилахъ, и которая совершенно такъ-же, какъ кровь человѣка, содержитъ въ себѣ шарики, мокроты и лимфа. Въ предѣлахъ этого атома я вамъ укажу не только видимый міръ, но и самую непредѣльность природы. Каждый, душу котораго занимаютъ подобныя мысли, придетъ въ ужасъ при мысли о самомъ себѣ, со страхомъ призадумается онъ надъ тѣмъ, гдѣ отвела ему мѣсто природа: между безконечностью и ничѣмъ. Только одинъ Творецъ этихъ чудесъ можетъ постичь ихъ; но кромѣ Него никто».

Конфуцій училъ своихъ учениковъ, что Богъ открывается не въ словѣ или писанiи: «Небо не говоритъ,—пучаль онъ,—оно даетъ познавать себя въ дѣйствiи. Блаженъ тотъ, кто слѣдуетъ божественному закону, проявившемуся въ тѣхъ или другихъ событiяхъ; несчастенъ тотъ, кто не слѣдуетъ ему. Мыслите честно и живите добродѣтельно. Знаніе, благородство души и энергiя вмѣняются въ обязанность каждому». Эти слова дошли до насъ, какъ отдаленное эхо великаго учителя, жившаго и дѣйствовавшаго больше чѣмъ за 2.400 лѣтъ тому назадъ.

Онъ могъ бы еще прибавить: всё эти добродѣтели являются только слѣдствіемъ наставленій внутренняго руководителя человѣка — совѣсти: изъ этого первоначальнаго источника проистекаютъ всё дальнѣйшія правила поведенія; она учитъ насъ различать добро отъ зла, дѣлать первое и избѣгать второго. Совѣсть показываетъ намъ, какъ мы должны поступать, чтобы дать счастье другимъ и тѣмъ снискать собственное счастье и душевное спокойствіе. Совѣсть—это та молчаливая власть, которая даетъ намъ силу бороться съ нашими слабостями и возможность проникаться сознаниемъ духа и воли Божіей.

У древнихъ грековъ мы также могли-бы многому поучиться относительно великой добродѣтели долга. Сократъ, который считается преимущественно основателемъ греческой философіи, проникнуть былъ убѣжденіемъ, что божество избрало его, чтобы будить въ сердцахъ людей нравственное сознаніе. Онъ родился въ Афинахъ въ 468 г. до Р. Х. и получилъ для того времени самое лучшее образованіе. Сначала онъ посвятилъ себя скульптурѣ и приобрѣлъ даже себѣ въ ней нѣкоторую извѣстность. Затѣмъ, какъ это было у афинянъ въ обычаѣ, служилъ своему отечеству въ качествѣ солдата и, присягая, произнесъ вмѣстѣ съ другими юношами слѣдующую формулу: «Клянусь не опозорить вѣреннаго мнѣ родиной священнаго оружія и не покинуть поста, порученнаго моею защитѣ!»

Съ большимъ мужествомъ и храбростію участвовалъ онъ во всѣхъ походахъ пелопонесской войны. Въ одной изъ битвъ, происходившихъ при Потидеѣ раненый Алкивиадъ упалъ среди неприятелей. Сократъ кинулся къ нему на помощь и на рукахъ вынесъ его вмѣстѣ съ оружіемъ съ поля битвы, не обращая вниманія на окружавшихъ его враговъ. За это отважное дѣло ему былъ присужденъ въ награду за храбрость гражданскій вѣнецъ — желѣзный прѣсть тѣхъ временъ. Не меньшей славой покрылъ его имя и второй походъ. Въ общественомъ сраженіи при Де-

ліумѣ онъ спасъ жизнь Ксенофону и на собственныхъ плечахъ вынесъ его въ безопасное мѣсто, все время отбиваясь по дорогѣ отъ непріятелей. Онъ послужилъ отечеству еще и въ третьемъ походѣ, а затѣмъ перешелъ на нѣкоторое время на гражданскую службу. Въ бытность свою сенаторомъ, онъ выказалъ не меньше мужества, чѣмъ выказывалъ его, служа солдатомъ. Онъ обладалъ тѣмъ высоко-нравственнымъ мужествомъ, съ которымъ человѣкъ готовъ бросить вызовъ не только смерти, но и общественному мнѣнію, что часто бываетъ еще труднѣе сдѣлать. Онъ такъ-же мало отступалъ передъ разнузданной чернью, какъ и передъ правителемъ-тираномъ. Когда предводители флотскихъ силъ въ битвѣ при Аргинузскихъ островахъ преданы были суду за то, что не выкупили тѣла убитыхъ, Сократъ одинъ осмѣлился защищать ихъ. Народъ пришелъ въ бѣшенство, Сократъ былъ удаленъ изъ совѣта, но его твердость спасла по крайней мѣрѣ жизнь адмираламъ.

Въ позднѣйшіе лишь годы своей жизни Сократъ посвятилъ себя окончательно дѣлу распространенія своего ученія. Онъ говорилъ на площадяхъ, посѣщалъ школы и заходилъ въ мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, завязывалъ разговоръ съ разными людьми, съ цѣлью выспросить ихъ убѣжденія относительно міра, религіи и нравственности и незамѣтно познакомить грековъ со своими собственными воззрѣніями, а въ особенности пробудить въ нихъ пытливость ума и мышленія. Ему пришлось преодолѣть массу трудностей на избранномъ имъ пути. Ученіе его появилось въ эпоху полнѣйшаго скептицизма. Онъ старался разубѣдить людей въ ихъ метафизическихъ воззрѣніяхъ, приводившихъ ихъ къ безвыходному сомнѣнію и путаницѣ понятій: «Стоить-ли жить, вообще?»—такой вопросъ въ тѣ времена пробуждалъ къ себѣ не менѣе вниманія, чѣмъ теперь.

Сократъ училъ ихъ заглянуть въ глубину своей души

(«познай самого себя!») и убѣждалъ ихъ, что путь нравственности и совѣсти—единственный, слѣдуя которымъ человѣкъ можетъ завоевать себѣ счастье въ земной и загробной жизни.

Число послѣдователей Сократа увеличивалось съ каждымъ днемъ: и юноши, и люди зрѣлаго возраста, и философы группировались вокругъ него. Аристиппъ изъ Кирены отыскалъ Сократа въ Аѳинахъ, вступилъ въ число его учениковъ и хотѣлъ обезпечить ему спокойную старость извѣстной суммой денегъ. Но Сократъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія и отвѣчалъ, что онъ учитъ не ради денегъ, но во имя распространенія мудраго ученія. Лучшею же для него наградой, какую онъ могъ-бы, по его словамъ, охотно принять,—было-бы убѣжденіе, что его труды послужатъ въ пользу человѣчеству.

Онъ училъ не по книгамъ, онъ высказывалъ свои убѣжденія въ простыхъ разговорахъ. «Книги нельзя разспрашивать,—говорилъ онъ,—и онѣ не могутъ отвѣчать, потому-то онѣ не могутъ учить». Онъ стремился къ тому, чтобы отыскать первоисточники всѣхъ вещей и такимъ образомъ достигнуть достовѣрности, какъ единственнаго мѣрила истины. Познаніе добра представлялось ему настолько существеннымъ по отношенію къ нравственности, что онъ считалъ добродѣтель—наукой, которую можно передавать людямъ, какъ всякое научное знаніе: никто, познавшій добродѣтель, не могъ, по его мнѣнію, быть дурнымъ человѣкомъ. Онъ ненавидѣлъ несправедливость и глупость во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и никогда не упускалъ случая возстать противъ нихъ. Онъ съ ироніей относился къ убѣженію, будто каждый человѣкъ способенъ быть правителемъ. Онъ держался того мнѣнія, что управлять могутъ только мудрые и что ихъ немного.

На семьдесятъ второмъ году враги Сократа обвинили его на судѣ въ богохульствѣ и развращеніи своими проповѣдями юношества; ему вѣняли въ вину его невѣріе въ

боговъ, признаваемыхъ государствомъ, и то, что онъ хочетъ ввести новыхъ боговъ. На этихъ основаніяхъ судъ приговорилъ его къ смерти. Во время своего тридцатидневнаго пребыванія въ тюрьмѣ онъ продолжалъ бесѣдовать со своими послѣдователями на свою любимую тему о безсмертіи души *), о добродѣтели, мужествѣ, умѣренности, объ абсолютной красотѣ и добрѣ, также и о своей женѣ и дѣтяхъ, которыхъ онъ поручилъ заботамъ друзей. Всѣ попытки къ бѣгству, которыя предлагали ему устроить, онъ рѣшительно и мужественно отклонилъ.

Онъ утѣшалъ своихъ плачущихъ послѣдователей и дружески порицалъ ихъ за жалобы на несправедливость приговора. Онъ былъ готовъ къ смерти. Зачѣмъ роптать и жаловаться? Онъ былъ уже старикъ; все равно смерть уже стояла за его плечами въ силу естественнаго міроваго порядка и внѣ этого приговора. Смерть представлялась ему только какъ возрожденіе къ лучшей, высшей жизни. Когда наконецъ наступила минута появленія тюремщика съ ядовитымъ настоемъ цикуты въ чашѣ, которую онъ подаль мудрецу, Сократъ мужественно осушилъ ее и умеръ со спокойнымъ духомъ. «Таковъ былъ конецъ нашего друга, котораго я съ полнымъ правомъ могу назвать мудрѣйшимъ, справедливѣйшимъ и лучшимъ изъ людей, какихъ я когда либо стрѣчалъ»—говоритъ Федонъ.

«Въ позднѣйшія эпохи люди сохранили свято память объ этомъ философѣ и его добродѣтеляхъ,—говоритъ Льюисъ (Исторія философіи въ біографіяхъ), но къ сожалѣнію не особенно стараясь подражать его примѣру, не научась

*) Онъ говорилъ по этому поводу: «Если-бы смерть была концомъ всего—то порочнымъ и безбожникамъ было бы пріятно умирать, ибо они счастливо раздѣлывались бы не только со своими тѣлами, но также со своими душами и дурными поступками. Но такъ какъ душа, внѣ сомнѣнія, безсмертна, то для злого не можетъ быть иного облегченія и спасенія, какъ стремленіе къ высшей добродѣтели и мудрости (Диалоги Платона).

изъ исторіи его жизни ни терпимости, ни благородству ума и сердца. Имя его послужило темой правоучительныхъ разсужденій для школяровъ и студентовъ. Остается пожелать, чтобы нравственное вліяніе его примѣра приобрѣло большую власть надъ человѣчествомъ.

Сократъ не написалъ ни одной книги. Почти все, что мы о немъ знаемъ, почерпнуто изъ твореній его знаменитыхъ учениковъ Платона и Ксенофонта, которые увѣковѣчили память о его дѣлахъ, ученіи и смерти. Платонъ прожилъ вмѣстѣ съ Сократомъ цѣлые десять лѣтъ и изложилъ впослѣдствіи воззрѣнія своего учителя въ своихъ знаменитыхъ діалогахъ; но въ этихъ «разговорахъ» трудно отличить—какія слова принадлежатъ Сократу а какія самому Платону. Послѣ того какъ смерть разлучила этихъ двухъ друзей, Платонъ на сороковомъ году жизни поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ познакомился съ сиракузскимъ тираномъ Діонисіемъ. Вслѣдствіе разногласія въ воззрѣніяхъ на политику, въ выраженіи которыхъ относительно свободы безстрашный Платонъ нисколько не стѣснялся, тиранъ приговорилъ его къ смерти. Благодаря заступничеству Діона, брата Діонисія, тиранъ подарилъ философу жизнь, но продалъ его въ рабство. Спустя нѣкоторое время одинъ изъ киренскихъ друзей выкупилъ его и возвратилъ ему свободу. Тогда Платонъ вернулся въ Аѣины и по примѣру своего учителя принялся за безвозмездное преподаваніе своей философіи. Вскорѣ онъ достигъ такой славы, что даже государственные люди, воины и герои посѣщали его лекціи. Онъ также задался великой цѣлью запечатлѣть въ душахъ своихъ слушателей правдивость, нравственность, поклоненіе долгу. Основными добродѣтелями онъ считалъ слѣдующія: мудрость и осммотрительность, мужество, стойкость и храбрость, умѣренность скромность и самообладаніе, правдивость и справедливость. Подобное подраздѣленіе обычныхъ понятій о добродѣтели онъ называлъ основой своей нравственной философіи.

«Пусть каждый,—говорилъ онъ, къ какому бы сословію и общественному положенію онъ ни принадлежалъ, исполняетъ свой долгъ, все равно ведетъ его это исполненіе къ счастью и успѣху, или къ несчастью и горю: каждый долженъ довольствоваться своей судьбой». Какой глубокой смыслъ сохраняетъ это ученіе для всѣхъ временъ и поколѣній!

Послѣдніе дни своей жизни Платонъ провелъ въ мирномъ уединеніи, въ своей академіи, но тѣмъ не менѣе въ неустанной дѣятельности. Сочиненіе его тридцать пять «Диалоговъ» и рядъ многочисленныхъ другихъ трудовъ, снискавшихъ ему глубокое уваженіе потомства, доставили ему много утѣшенія и радости, въ особенности въ преклонныя лѣта. Его называли божественнымъ Платономъ. Сердце его билось только для правды, которая, по его мнѣнію, одна должна наполнять душу чловека. Подобно своему учителю, онъ неразлучно соединялъ съ высшимъ разумомъ понятіе о добротѣ, справедливости и мудрости, а также и о внимательствѣ этого разума въ дѣла міра и людей. Поэзіи онъ, подобно Карлейлю, придавалъ мало значенія *). Единственный родъ поэзіи, который онъ одобрялъ,—поэзія нравственная, другими словами, переложенная въ поэтическую форму философія. Вспомнимъ, что Платонъ жилъ за 400 лѣтъ до Р. X., Кольриджъ называетъ его истиннымъ предтечею христіанской вѣры и графъ де-Местръ такъ преклонялся передъ

*) Карлейль говоритъ по одному поводу: «Если у васъ есть что сообщить людямъ полезнаго — зачѣмъ вы непременно хотите выразить это въ стихахъ? Мнѣ кажется большимъ несчастьемъ для чловека то обстоятельство, что намъ приходится выражать свои способности въ какой бы то ни было словесной формѣ, а не въ божественномъ молчаливомъ дѣйствіи, которое одно въ состояніи выразить ихъ. Я всегда сожалѣлъ, что въ наше полное серьезнаго значенія время, люди, одаренные гениемъ, что значить—свѣтомъ разума, силы и мужества—постоянно стремятся выразить свой божественный даръ въ стихахъ, къ которымъ мало кто относится теперь

нимъ, что не рѣшала ни одного важнаго вопроса, не посоветовавшись съ Платономъ.

Новый завѣтъ указываетъ намъ на величайшій идеалъ человѣческой жизни, но тому, кто намѣревается послѣдовать этому идеалу, предстоитъ не мало борьбы на жизненномъ пути. Мы чувствуемъ вѣчно, что есть въ мѣръ вещи, которыя мы охотно стали бы дѣлать вмѣсто того, что требуетъ нашъ долгъ. Но обязанность взываетъ къ намъ и должна быть исполнена немедленно и безъ отклоненій. Какъ много счастливой и здоровой философіи заключается въ выраженіи: «Какое бы дѣло ни попало въ твои руки, дѣлай его какъ-только можешь лучше!» Тотъ, кто старается вложить въ свой трудъ всевозможное усердіе — стоитъ на пути къ успѣху, какова бы ни была его доля въ жизни.

Разсказываютъ, какъ нѣкто воскликнулъ въ минуту глубокаго отчаянія: «Безполезно стремиться къ добру, потому что невозможно быть добродѣтельнымъ, а если-бы это и было возможно, то не принесло бы человѣку никакой пользы!» Тяжело слышать подобныя вещи: онѣ несправедливы и недобросовѣстны. Каждый изъ насъ можетъ принести въ своей жизни хоть малѣйшую крупницу добра и каждый обязанъ стремиться къ этому. Мы не имѣемъ права вести бесполезное существованіе, какъ не имѣемъ права на самоубійство.

Мы должны быть добросовѣстны какъ въ мелочахъ,

серьезно. — Съ другой стороны Метью Арнольдъ въ предисловіи къ «The English Poets» выражаетъ убѣжденіе, что человѣчество все болѣе и болѣе будетъ опираться на поэзію. «Нѣтъ той вѣры, которая не была бы поколеблена, — говоритъ онъ. — Религія наша слишкомъ матеріализировалась въ фактъ, фактъ предполагаемомъ, который возведенъ въ догматъ, а теперь отъ насъ отнимаютъ этотъ фактъ — исчезаютъ и чувства, которыя были къ нему привязаны. Поэзія же все свое значеніе и содержаніе почерпаетъ въ идеѣ и своимъ царствомъ признаетъ мѣръ божественныхъ грезъ».

такъ и въ крупныхъ дѣлахъ, употребляя съ возможною большою пользою дарованные намъ таланты и знания. Мы обязаны только повиноваться голосу своей совѣсти и неукоснительно идти по пути долга. Каждый долженъ быть честенъ, правдивъ и трудолюбивъ, если цѣнаетъ къ самому себѣ хоть нѣкоторое уваженіе. Трогательный въ этомъ смыслѣ отвѣтъ далъ однажды молодой рабъ на вопросъ своего покупателя: «Будешь-ли ты вѣренъ и честенъ, если я куплю тебя!»—«Буду все равно, купите-ли вы меня или нѣтъ!»

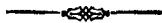
Въ изложеніи проповѣди, обращенной къ рабочимъ классамъ въ одной изъ глосговскихъ церквей, покойнымъ докторомъ богословія Меклеодомъ — упомянуто, что проповѣдникъ говорилъ преимущественно на тему о нравственности, которая должна служить цѣлью стремленій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій. «Самое цѣнное наслѣдство, оставшееся послѣ принца Альберта, — говорилъ проповѣдникъ,—это его замѣчательный характеръ, полный справедливости и твердости, богатый въ то же время истинной человѣчностью, кротостью и добротой. Я хорошо знаю убѣжденія нѣкоторыхъ бѣдняковъ, что для нихъ недостижимо составить себѣ честное имя, необходимое и возможное только для людей съ лучшимъ положеніемъ. Я не хочу и слышать объ этомъ, потому что это неправда. Въ вашей средѣ не найдется такого мужчины, или женщины, какъ бы они ни были бѣдны, которые не могли бы, по милости Божьей, оставить по себѣ лучшее, что свойственно на землѣ человѣку—добрую, честную по себѣ славу. И ваши дѣти идя по вашимъ слѣдамъ возблагодарятъ въ такомъ случаѣ Бога за то, что ихъ отецъ или мать были благочестивые и честные люди».

Характеръ человѣка складывается благодаря добросовѣстному исполненію самыхъ первыхъ обязанностей: самоотреченія, способности жертвовать собою для блага своихъ ближнихъ, дѣлами любви и милосердія, дѣлами долга. Основы нравственности полагаются въ домашнемъ воспи-

таніи человѣка: хороши или дурны врожденныя ему склонности, вліяніе родителей и наставниковъ, проводимое въ жизнь съ постоянной любовью и терпѣніемъ — даетъ имъ окончательное направленіе. Уже въ раннемъ дѣтствѣ главные черты характера высказываются въ мелочахъ, какъ впоследствии онѣ будутъ высказываются въ крупномъ, потому-то родители и должны неуклонно и внимательно слѣдить за своими дѣтьми, служа имъ лучшимъ примѣромъ. Доброта и любовь рождаютъ къ себѣ доброту и любовь и въ другихъ, а правда и довѣріе приносятъ богатые плоды правды и довѣрія.

Ничто доброе не пропадаетъ даромъ. Ни одинъ хорошій поступокъ, ни одинъ благородный примѣръ не умираютъ съ тѣми, кто показаль ихъ намъ. Они нетлѣнны и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, чтобы воспитать по своимъ образцамъ какъ образъ мысли, такъ и волю слѣдующихъ поколѣній. Одно великое благородное дѣло возвышало не разъ цѣлое селеніе, цѣлый городъ, цѣлый народъ и воспитывало ихъ. Маленькое сѣмя можетъ разрастись въ громадное великолѣпное дерево: такимъ же образомъ великій и благородный характеръ складывается изъ раннихъ привычекъ къ добросовѣстному исполненію долга, которое запечатлѣвается въ душѣ благодаря великимъ примѣрамъ. Лучшее, что можетъ оставить человѣкъ — это свои честныя и высокія мысли, которыя, воплотясь въ дѣло, распространяютъ на тысячи и тысячи лѣтъ свое благотворное вліяніе. Припомнимъ тутъ къ случаю прекрасное стихотвореніе англійскаго поэта Уордеуора:

«Строгий законодатель! ты облеченъ тѣмъ не менѣе благостной милостью божества; и я не знаю ничего очаровательнѣе улыбки на твоемъ лицѣ; тебѣ улыбаются цвѣты на твоемъ пути и благоуханіе идетъ по твоимъ слѣдамъ; ты даешь правильное теченіе звѣздамъ и благодаря тебѣ сами древнія небеса остаются въ расцвѣтѣ юности и силы.»

ГЛАВА II.

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА.

Вѣривъ себя Богу, не обращай отъ пути долга; благословенъ ты, исполнивъ неуклонно свои обязанности. *Лютэра.*

Ихъ добрыя дѣла, а не мечтай о нѣкихъ чуждыхъ дняхъ, и ты превратишь жизнь и смерть и ожидающее насъ неопытное будущее въ одну торжественную хвалебную пѣснь!

Т. Квинслей.

Человѣкъ, основательно обдумавшій, какія требованія предъявляетъ къ нему его долгъ, тотчасъ же постарается провести свои убѣжденія въ жизнь. Наши дѣйствія—единственное что въ нашей власти. Они выражаютъ, какъ образъ нашихъ мыслей, такъ и весь нашъ характеръ.

Ясно, конечно, что далеко не всегда легокъ путь долга, слѣдуя ему, человѣку, приходится преодолевать много затрудненій и препятствій. Часто мы хорошо распознаемъ, что правда и благо, но у насъ не хватаетъ воли и рѣшимости поступать согласно ихъ требованіямъ—духъ бодръ, но плоть немощна. Нерѣшительный человѣкъ повсюду видитъ несподнимое, онъ мечтаетъ, философствуетъ и колеблется, но не дѣйствуетъ, а мысли и слова не приносятъ и тысячной доли той пользы, какую можетъ принести могучее рѣшительное дѣйствіе. Въ Библии говорится: «Будьте исполнителями заповѣдей, а не ихъ слушателями только, чтобы не обмануть самихъ себя!»

Исполненіе долга зависитъ не только отъ побѣды чело-
вѣка данъ своими склонностями, но также, что еще го-
раздо труднѣе, отъ рѣшимости пренебречь въ нужную ми-
нуту неблагосклоннымъ къ намъ общественнымъ мнѣніемъ.
Человѣкъ, который во всѣхъ случаяхъ жизни прежде всего
задаетъ себѣ вопросъ, что о немъ скажутъ?—никогда не
выработается въ настоящаго дѣятеля. Если-же онъ задаетъ
себѣ вопросъ: «Долженъ-ли я такъ поступить?»—онъ чув-
ствуетъ себя нравственно вооруженнымъ и можетъ спо-
койно ждать осужденія свѣта или даже его издѣвательствъ
и насмѣшки. Г. де-ля Кретель справедливо говоритъ:
«Сохранимъ глубокую вѣру въ добрыя и благородныя дѣла,
и съ сомнѣніемъ и недоувѣріемъ будемъ относиться только
къ злымъ. Лучше быть обманутымъ, чѣмъ жить, порабо-
щеннымъ вѣчнымъ недоувѣріемъ».

Первыя понятія о долгѣ почерпаетъ человѣкъ въ семьѣ.
Ребенокъ является на свѣтъ безпомощнымъ и вполнѣ за-
виситъ отъ другихъ, какъ въ отношеніи своего здоровья,
такъ и нравственнаго и умственнаго своего развитія. По-
степенно онъ начинаетъ воспринимать понятія и идеи,
учится при надлежащемъ руководствѣ послушанію и обуз-
данію себя, учится съ добротой и любовью относиться къ
окружающимъ, исполнять свой долгъ и быть счастливымъ.
У него есть самостоятельная собственная воля, но будетъ-
ли она направлена къ добру или злу—это большей частью
зависитъ отъ вліянія и воспитанія родителей.

Намѣренія воспитываются волей: и очевидно, что про-
бужденіе въ душѣ человѣка благихъ и честныхъ намѣре-
ній въ самый ранній періодъ его жизни—имѣетъ глубоко-
важное значеніе. По словамъ Новалиса: «Характеръ—есть
вполнѣ сложившаяся воля». Если эта воля разъ навсегда
вылилась въ твердыя формы, она останется на всю жизнь
сильной и устойчивой. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова
хорошій безошибочно идетъ къ своей цѣли и мало при-
даетъ значенія людскимъ похвалямъ и наградамъ. Удовле-

твореніе его собственной совѣсти служить ему лучшей наградой.

Воля сама по себѣ, внѣ всякаго направленія—является не болѣе какъ постоянствомъ, твердостью и настойчивостью; при ложно направленномъ или плохомъ воспитаніи твердая воля можетъ вылиться въ злую и вредную силу. Въ лицѣ жестокихъ деспотовъ твердая воля обращается въ демоническую силу, потому что въ соединеніи съ властью и могуществомъ она не знаетъ себѣ предѣла. Она подчиняетъ себѣ миллионы людей, разжигаетъ ихъ страсти, заражаетъ ихъ неукротимой жаждой войны и питается лишь завоеваніями, притѣсненіями и разрушеніемъ. Ничѣмъ не сдержанная воля порождаетъ завоевателей въ родѣ Александра Македонскаго или Наполеона. Александръ проливалъ слезы надъ тѣмъ, что нѣтъ уже въ мірѣ больше царства, которое онъ могъ бы завоевать, а Бонапартъ, въ триумфальномъ шествіи завоевавъ полъ-Европы, сложилъ свои силы въ холодныхъ снѣгахъ Россіи. «Побѣда сдѣлала меня властителемъ,—сказалъ онъ,—она же должна и удержать меня на высотѣ величія». Но такъ какъ это былъ человѣкъ, безъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, то Европа свергла его съ его шаткаго пьедестала, утомившись его деспотизмомъ, и отвернулась отъ него.

Но, когда твердая воля человѣка направлена на добро, она возбуждаетъ и распространяетъ вокругъ себя столько же благословенія и счастья, сколько злая воля — бѣды и проклятія. Человѣкъ, обладающій твердой, направленной на благо волей, управляетъ умами и сердцами человѣчества, вдохновляетъ ихъ своими нравственными идеалами, внушаетъ имъ свои благородныя воззрѣнія на долгъ и истину, ведетъ ихъ къ добру и прекрасному и отвлекаетъ отъ заблужденія и порока. Въ силѣ воли мы распознаемъ источникъ всякой другой нравственной силы и потому именно преклоняемся передъ этимъ высшимъ и благороднымъ источникомъ всего прекраснаго. Энергичный человѣкъ даетъ

тонъ направлешио умовъ окружающаго его общества, согражданъ и можно даже сказать цѣлаго родного народа. Онъ является утѣшеніемъ и опорой для робкихъ и вѣчнымъ упрекомъ для лѣнливыхъ. Перваго онъ одушевляетъ надеждой и ободреніемъ, внушаетъ ему увѣренность въ себя и силу, а втораго вызываетъ къ дѣятельности своимъ примѣромъ.

Но переходной ступеню между людьми, обладающими сильной, злой волей, и людьми съ волей твердой и направленной на доброе — является громадное число слабовольныхъ или безвольныхъ вовсе. Это люди безхарактерные: они не имѣютъ твердой склонности ни къ добродѣтели, ни къ пороку. Они пассивно воспринимаютъ разнообразныя впечатлѣнія, которыя ненадолго овладѣваютъ ими. Они склоняются то въ одну, то въ другую сторону, словно тростникъ подъ вѣтромъ. Душа ихъ походитъ на доску, на которой можетъ каждый писать собственнымъ грифелемъ, что ему угодно, при чемъ эта надпись также быстро стирается; всякая чужая воля способна управлять ими; они не умѣютъ стремиться къ правдѣ, не понимаютъ, что представляетъ строгое и ревностное отношеніе къ дѣлу. Изъ подобныхъ людей всюду почти составляетъ наиболѣе многочисленная часть общества—люди безпечные, апатичные, слабые, покорные и пассивные.

Отсюда ясно, какого глубокаго вниманія требуетъ укрѣпленіе и правильное развитіе воли въ человѣкѣ, начиная съ дѣтства и юности: отсутствіе воли ведетъ за собою недостатокъ силы, самостоятельности, индивидуальности характера, любви къ правдѣ, хорошихъ нравственныхъ началъ. Безхарактерный человѣкъ опускается до роли простого орудія въ рукахъ перваго попавшагося авантюриста. Умственнаго развитія недостаточно для сообщенія характеру необходимой рѣшительности: философы обсуждаютъ и создаютъ идеи, рѣшительные люди проводятъ ихъ въ жизнь. Беконъ говорить: «Не рѣшать—значить рѣшать; то-есть ничего не дѣлать».

Англійскій философъ Локкъ высказываетъ по этому поводу слѣдующее: «Самое подходящее время для правильнаго воспитанія воли—юность, когда наша душа открыта всѣмъ жизненнымъ впечатлѣніямъ, когда она свободно воспринимаетъ богатое сокровище полезныхъ истинъ, когда еще наши страсти находятся подъ властью разсудка и добрыя начала могутъ настолько прочно укорениться въ насъ, что послужатъ намъ твердой опорой на всю послѣдующую жизнь. Но этотъ счастливый періодъ далеко не распространяется на все время нашего земного странствованія. Онъ ограничивается обыкновенно нѣсколькими лишь годами нашего жизненнаго срока, и когда они исчезнутъ безплодно—нашимъ удѣломъ, какъ это въ порядкѣ вещей, становятся заблужденія и невѣжество. Мы уже не признаемъ надъ собою иного закона, кромѣ собственной воли, и страсти пускаютъ въ нашемъ сердцѣ такіе глубокіе корни, которыми мы уже не въ силахъ противостоятъ вполнѣ слѣдствію».

Лордъ Шефтебюри развилъ однажды въ разговорѣ съ Локкомъ вполнѣ опредѣленную теорію характера и нравственнаго кодекса, пролившую свѣтъ на его собственный душевный складъ. Онъ говорилъ, что источникъ благоразумія заложенъ не въ умѣ, а въ сердцѣ человѣка, а также всевозможныя безразсудства рождаются не отъ невѣдѣнія, а скорѣе отъ извращенности воли, благодаря которой врываются въ ихъ жизнь распущенность и всевозможныя безумства. Одно знаніе еще не сообщаетъ человѣку твердости характера. Человѣкъ иногда склоненъ къ продолжительнымъ размышленіямъ, обсужденіямъ со всѣхъ сторонъ всякаго дѣла и взвѣшиванію всевозможныхъ вѣроятныхъ случайностей—и не приходитъ ни къ какому рѣшенію. Въ подобныхъ случаяхъ знаніе является лишь препятствіемъ къ дѣйствію. Воля должна проявляться въ насъ въ союзѣ съ умомъ и духомъ, и только тогда душа наша живетъ полной и дѣятельной жизнью.

Во всякомъ случаѣ глубокія познанія вовсе не играютъ

троля числа пассажировъ, входящихъ въ омнибусъ, но получили въ отвѣтъ слѣдующее заявленіе: «Этотъ способъ контроля для насъ бесполезенъ: намъ подходило бы изобрѣтеніе, способное создавать честныхъ людей; боюсь, что мы не найдемъ ничего въ этомъ родѣ». Намъ нужны честные люди! Вотъ крикъ, который раздается со всѣхъ сторонъ. Полиція часто накрываетъ на воровствѣ и мошенничествѣ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, которое и обмануто ими самымъ низкимъ образомъ. Болѣе всего недостаетъ намъ людей, которые своей жизнью и дѣлами убѣдили-бы міръ, что имъ можно довѣряться безгранично и безусловно.

То-же самое происходитъ и въ другихъ странахъ. Россія, Испанія и Египетъ хуже всего обставлены въ этомъ отношеніи. Въ Россіи продажность чиновниковъ, даже лицъ высокопоставленныхъ, превосходитъ всякія вѣроятія. Золото—вотъ чѣмъ люди только и могутъ проложить себѣ тамъ дорогу, желая чего-нибудь добиться. Подкупъ производится тамъ всевозможными приемами, и безчисленные рассказы, не лишенные трагическаго юмора, ходятъ по этому поводу въ публикѣ. Единственнымъ извиненіемъ этого сильно распространеннаго зла является скудость получаемого поденными служащими жалованья. Постройка московско-петербургской дороги въ пятидесятихъ годахъ стоила баснословныя суммы. Невѣроятныя оклады получали инженеры и рабочіе, но не менѣе сказочныя суммы растаяли въ карманахъ директоровъ и т. п. начальства. Князь Меншиковъ сопровождалъ однажды императора Николая въ его поѣздкѣ по Петербургу, который показывалъ столицу вновь назначенному персидскому послу. Персъ, проникнутый истинно-восточной апатіей, равнодушно смотрѣлъ на золотоглавыя храмы, на мраморныя дворцы, великолѣпныя театры, ослѣпительныя витрины магазиновъ. Императора взяла досада. Онъ шепнулъ Меншикову съ нетерпѣніемъ: «Неужели мы не нападѣмъ ни на что такое.

последнее слово. Какія бы затрудненія и сомнѣнія ни мучали его, онъ твердо держится убѣжденія, что тайна мірозданія, насколько она вообще раскрыта, раскрыта только через нравственность.

Между школьнымъ ученіемъ и нравственнымъ воспитаніемъ существуетъ весьма небольшая связь, а можетъ быть и вовсе никакой; развитіе познанія едва-ли имѣетъ особенное вліяніе на поведеніе, и самыя лучшія убѣжденія, усвоенныя памятью, не въ силахъ искоренить дурныхъ наклонностей. Умъ является лишь орудіемъ, приводимымъ въ движеніе скрытыми за нимъ внутренними, болѣе значительными силами: самообладаніемъ, умѣренностью, энтузіазмомъ, воображеніемъ и т. п. способностями, сообщающими силу и энергію характеру. Эти-же качества пріобрѣтаются преимущественно не въ школѣ, а дома. Когда въ семьѣ живется неуютно, когда она несчастна и порочна—конечно школа является единственнымъ приближеніемъ, гдѣ ребенокъ можетъ научиться послушной и дисциплинѣ, но все же семья представляетъ самую лучшую почву для насажденія добродѣтели. Всякія семейныя событія, крупныя и мелкія, принимаются человѣкомъ ближе къ сердцу и сильнѣе интересуютъ его, чѣмъ школьныя дѣла. Въ семьѣ яснѣе обрисовывается настоящій характеръ ребенка и ярче опредѣляется, какія надежды подаютъ онъ на будущее.

Дѣломъ старшихъ въ семьѣ является воспитаніе ея младшихъ членовъ, молодежь же должна платить имъ за это любовью и развиваться согласно внушаемымъ ей нравственнымъ началамъ. Христіанство, по мнѣнію Гизо, является прекраснѣйшей школой уваженія и нравственности. И въ общемъ, одно только религіозное воспитаніе способно вдохновить человѣка великими добродѣтелями, возвышенными мыслями и духомъ самоотреченія. Только истинно религіозный человѣкъ способенъ терпѣливо переносить различныя жизненныя испытанія безъ ропота на Провидѣніе.

Величайшая главная цѣль воспитанія—свобода, и чѣмъ раньше ребенокъ будетъ доведенъ до способности предпринимать самому себѣ законы, тѣмъ скорѣе онъ созрѣетъ и станетъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Епископъ орлеанскій Дюпанлу замѣтилъ однажды: «Я уважаю человѣческую свободу въ самомъ маленькомъ ребенкѣ даже болѣе, чѣмъ въ зрѣломъ человѣкѣ, потому что послѣдній имѣетъ всѣ средства защитить ее, а первый нѣтъ. Никогда не способенъ я отнестись къ ребенку какъ къ сырому матеріалу, который можно положить въ какую угодно форму и отпечатать его на-вѣки печатью моей собственной воли».

Но свобода еще не все: также необходимо послушаніе, самообладаніе и самоуправленіе: качества, для достиженія которыхъ человѣкъ долженъ прилагать всевозможныя старанія. Послѣднее является конечной и самой существенной цѣлью воспитанія. Но самоуправленіе достигается не только съ помощью одного лишь обученія, но главнымъ образомъ съ помощью примѣра. «Первые уроки молодежи, говоритъ Бональдъ,—выражаются не столько въ нравоученіяхъ, сколько въ образованіи привычекъ, не столько въ словесныхъ разсужденіяхъ, сколько въ примѣрахъ. Примѣръ—вотъ самая убѣдительная проповѣдь: потому что подать примѣръ много труднѣе, чѣмъ прочитать нравоученіе. Приэтомъ хорошее вліяніе прививается медленно, какъ доброе сѣмя вырастаетъ не торопясь въ противоположность сорной травѣ».

Правильный образъ дѣйствій является такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ предохранительнаго клапана нравственной стороны нашей природы. Доброй воли мало, она не всегда ведетъ за собою добрыя дѣла; усердный, настойчивый трудъ приводитъ къ лучшимъ результатамъ и является лучшимъ воспитателемъ, какъ бы онъ ни выражался, въ формѣ-ли физической или умственной работы. Праздность и лѣность развращаютъ тѣло, душу и совѣсть. Изъ ста

пороковъ дѣяносто вытекають изъ лѣни. Безъ труда невозможенъ ни малѣйшій прогрессъ въ человѣческомъ благосостояніи и никакое счастье. Представимъ себѣ лѣниваго человѣка, одареннаго вѣчной юностью, когда все вокругъ него разрушается и умираетъ. Какъ невыносимы были его страданія и какой искренностью звучалъ-бы его призывъ къ смерти, какъ избавительницѣ отъ невыносимой тяжести жизни. «Слабѣйшее изъ земныхъ созданій,—говоритъ Карлейль,—можетъ совершить что-нибудь, посвятивъ всѣ свои силы какому-нибудь одному предмету; но, разбрасываясь въ разныя стороны, и самый сильный можетъ ничего не сдѣлать».

Когда на пути воздвигаются препятствія—постараемся мужественно преодолѣть ихъ. Никакое заклинаніе не дѣйствуетъ сильнѣе труда. Умственная и физическая лѣность подобна ржавчинѣ; она скорѣе, чѣмъ работа уноситъ силы человѣка. Шиллеръ выразилъ это въ прекрасной поэтической формѣ, сказавъ: «Работа—потребность жизни, мудрость—ея цѣль, а самоудовлетвореніе—награда».

Величайшія затрудненія чаще всего попадаютъ тамъ, гдѣ мы ихъ менѣе всего ожидаемъ встрѣтить. Когда судьба испытываетъ насъ тяжелыми бѣдствами, они можетъ быть являются для насъ лишь пробнымъ камнемъ. Если мы останемся твердыми въ минуты такихъ испытаній,—тѣмъ самымъ мы приобретаемъ внутренній міръ, удовлетвореніе, возникшее изъ сознанія исполненнаго долга. «Битвы въ пустынѣ, та внутренняя борьба, которую вели отшельники,—говоритъ Норманъ Меклеодъ,—походятъ на ту молчаливую борьбу, которая ежедневно совершается въ насъ; только послѣдняя болѣе нравственнаго, чѣмъ тѣлеснаго происхожденія: какъ пустынникамъ, намъ приходится побѣждать необъятное зло, выносить труды и тягости, превозмочь препятствія, переживать пораженія и побѣды».

Школа жизни, полная препятствій и трудностей, является лучшей школой для выработки характера: она насъ

учить съ бодрымъ духомъ идти на встрѣчу опасности. Уже Аристотель утверждалъ, что счастье заключается не столько въ достиженіи намѣченной цѣли, сколько въ энергичномъ стремленіи къ этому достиженію. Настойчивая борьба съ затрудненіями—лучшій способъ преодолѣть ихъ. Твердое рѣшеніе достигъ поставленной себѣ цѣли — является нравственнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что мы можемъ и хотимъ это сдѣлать. Нашъ умъ воспитывается необходимостью и борьбою человѣка съ лежащими на пути его препятствіями.

Воспоминанія людей, бесплодно проигравшихъ свою жизнь, составили-бы грустную, но весьма поучительную для человѣчества книгу. «Ни одинъ здоровый и сильный человѣкъ,—говоритъ Эбенезеръ Эллиотъ,—оставаясь вѣрнымъ самому себѣ не пройдетъ въ мірѣ безслѣдно. Ради блага юношества хотѣлъ-бы я подсчитать точный процентъ людей, не имѣвшихъ въ жизни успѣха, на тысячу упорно стремившихся поступать правильно и честно. Я не думаю, чтобы подсчетъ далъ больше одного процента».

Люди съ завистью относятся къ чужому успѣху, а въ сущности онъ является лишь послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи неудачъ. Они переживали неудачу за неудачей, пока не преодолѣли всѣхъ затрудненій, взявъ свое съ бою.

Стремленіе къ обладанію, не купленному трудомъ — вѣрный признакъ слабости характера и лѣни. Всякое удовлетвореніе пріобрѣтается только съ помощью всевозможныхъ усилій, и тѣмъ выше его цѣна, чѣмъ больше труда положено на его достиженіе. Если мы заранее рѣшили предпочесть работу лѣности и безпечности, здоровое упражненіе всѣхъ нашихъ душевныхъ способностей бесплодному ихъ усыпленію,—мы въ концѣ-концовъ придемъ вѣроятно къ выводу, что эта дѣятельная напряженность всѣхъ нашихъ силъ доставила намъ болѣе истиннаго счастья, чѣмъ удовлетвореніе, послѣдовавшее за пріобрѣтеніемъ столь желаннаго нами блага.

Мы должны трудиться, твердо уповая, что хоть нѣкоторые изъ брошенныхъ нами въ землю сѣмянъ пустятъ крѣпкіе корни и принесутъ зрѣлые плоды. Начатое человекомъ для своего собственного блага Богъ часто приводитъ къ концу ради блага другихъ. Сами мы ничего не въ силахъ довести до настоящаго конца. Другіе принимаютъ за дѣло съ того мѣста, гдѣ мы кончили, и доводятъ нашъ трудъ до слѣдующей степени совершенства. Намъ вмѣняется въ обязанность оставить пришедшимъ послѣ насъ благородное и достойное подражанія начало и тѣмъ влести новое звено въ цѣпь добрыхъ дѣлъ, которыя изъ прошлаго перейдутъ посредствомъ настоящаго въ будущее.

Очень немногіе люди имѣютъ право думать, что они бесполезно живутъ на свѣтѣ. Уже въ самомъ фактѣ ихъ существованія предполагается его необходимость. Передъ ними цѣлый міръ, они пользуются возможностью свободного выбора между добромъ и зломъ, бесполезностью и пользой; что предприняли они, какъ распорядились своими силами и своимъ временемъ? Доказали ли они міру, что ихъ существованіе принесло какую бы то ни было пользу? Своими поступками и примѣромъ обратили ли они къ добру хоть одну душу? Или вся ихъ жизнь протекла въ лѣнности, праздности, себялюбіи, равнодушіи ко всему и всѣмъ? Погоня за удовольствіями не была ли ихъ главной цѣлью? Истинное же счастье несомнѣваемо съ праздностью и недостижимо для лѣнливой воли: оно плодъ труда и работы и не уживается съ безпечностью и пассивностью.

Одинъ несчастный юноша, прійдя къ убѣжденію въ полной бесполезности своего существованія, рѣшилъ положить ему конецъ публично. Дѣло было въ августѣ 1868 г. въ Капронѣ (Соединенные штаты). Юноша былъ человекомъ весьма образованнымъ, но и только: ни добродѣтель, ни религія, ни долгъ не имѣли власти надъ его ду-

шою. Матеріалистъ до мозга костей, онъ не вѣрилъ въ будущую жизнь и не боялся ея. Онъ объявилъ, что прочтетъ лекцію и послѣ окончанія ея пустить себя пулю въ лобъ. Входная плата на эту изумительную лекцію назначена была по доллару съ человѣка. Часть этихъ денегъ должна была быть исрасходована на погребеніе лектора, а остальные на приобрѣтеніе сочиненій трехъ англійскихъ матеріалистовъ для городской библіотеки. Въ назначенный вечеръ зала ломилаcь отъ множества присутствовавшихъ. Несчастный сдѣлалъ то, что обѣщаль: онъ прочелъ лекцію—наборъ вздорныхъ убѣжденій, смѣшанный съ запутанными научными выводами—и, кончивъ, разможилъ себя голову. Несчастная жизнь, ужасный конецъ: предстать съ обгаренными собственной кровью руками предъ лицо Божіе!

Весьма возможно, что это ужасное рѣшеніе вызвано было вздорнымъ тщеславіемъ, желаніемъ бить на эффектъ. Имя его, думалъ можетъ быть юноша, появится въ газетахъ, всѣ будутъ изумляться его мужеству! И все же въ подобныхъ поступкахъ на самомъ дѣлѣ больше трусости, чѣмъ мужества. Тщеславіе, которое можетъ быть рассчитывало ранѣе на иного рода успѣхъ и обманулось въ своихъ ожиданіяхъ — вотъ гдѣ вѣрнѣе всего скрываются причины этого безумнаго поступка. Шериданъ сказалъ однажды: «Люди считаютъ корыстолюбіе, сластолюбіе и властолюбіе—величайшими человѣческими страстями. Они ошибаются: самая могущественная, господствующая надъ всѣми остальными страсть—тщеславіе. Вдохновляемый ею человѣкъ идетъ какъ на самые геройскіе подвиги, такъ и на самыя ужасныя преступленія. Спасите меня отъ этой страсти, и я самъ избавлюсь отъ остальныхъ. Онъ не болѣе какъ крошечные гномы, тогда какъ тщеславіе — титанъ».

Твердая воля нужна человѣку не только для исполненія тяжелыхъ обязанностей, но еще и для того, чтобы съ

должной энергіей, живостью и самообладаніемъ преодолевать тѣ многочисленныя затрудненія, которыя на каждомъ шагу попадаютъ на пути cadaго изъ насъ. Для борьбы съ каждымъ отдѣльнымъ препятствіемъ требуется, казалось бы, вовсе не большой запасъ нравственной силы, но чтобы стойко встрѣчать цѣлый рядъ ихъ, борясь съ каждымъ въ отдѣльности, не падая духомъ отъ неудачъ и всегда чувствуя себя наготовѣ столкнуться съ новой неудачей—для человѣка необходимо постоянное напряженіе всѣхъ его духовныхъ способностей.

Каждое поколѣніе несетъ на своихъ плечахъ собственный гнетъ, должно преодолевать свои особыя, ему одному свойственныя испытанія и опасности. Ежедневно всплываютъ въ нашей жизни всевозможныя искушенія, которыми мы должны сопротивляться, цѣною какихъ бы то ни было житейскихъ выгодъ. Когда такимъ образомъ добродѣтель обратится для насъ въ излюбленную привычку,—мы достигаемъ извѣстной независимости характера, который уже болѣе или менѣе сложился для выполненія нашей житейской задачи.

Какъ много добраго погибаетъ для міра отъ недостатка мужества! Мы полны иногда готовности и желанія поступить такъ или иначе—но не можемъ провести ихъ въ дѣло. Все значеніе міровой жизни стоитъ въ такой тѣсной зависимости со всеобщей дѣятельностью, что со всѣхъ сторонъ самые разнообразныя голоса, повидному, зываютъ къ намъ: «Трудись, трудись!» Бѣдный сельскій священникъ, неустанно возстающій въ своемъ приходѣ противъ несправедливости, пороковъ и всевозможнаго зла—одаренъ много высшими понятіями о долгѣ, чѣмъ тѣ, которые властвовали душой Александра Великаго.

Но встрѣчается масса людей, которые никогда не имѣютъ смѣлости взяться за проведеніе въ жизнь тѣхъ началъ, которыхъ они являются жаркими поборниками въ теоріи: робко стоятъ они у порога жизни, не отваживаясь

смѣлымъ прыжкомъ ринуться въ ея стихію. Кто знаетъ, сколько прекраснаго и добродѣтельнаго могли бы они совершить, если-бы у нихъ хватило мужества приступить къ дѣлу. «Начало половина пѣлаго»,—сказалъ Горацій.

Профессоръ нравственнаго права въ Единбургѣ—Уильсонъ, въ своихъ лекціяхъ постоянно ставилъ на видъ студентамъ идею долга, долга, проведеннаго въ жизнь—и убѣдительныя рѣчи его производили глубокое впечатлѣніе на его слушателей и за нимъ сохранилась заслуга умѣнья основательно вооружать ихъ, посылая на жизненную борьбу. Подобно древнему датскому герою, онъ вдохновлялъ ихъ благородной смѣлостью, воспитывалъ въ нихъ твердую волю и непреклонную стойкость на пути долга. Таковъ былъ его символъ вѣры.

Всевозможныя отклоненія, колебанія и неустойчивость человѣческихъ душъ зависятъ преимущественно отъ отсутствія мужества. Когда Лютеръ упрекнулъ Эразма, озабоченнаго, какъ бы не испортить своихъ отношеній съ какою либо изъ враждовавшихъ между собою партій, говоря: «Вы стремитесь ходить по яйцамъ, но такъ, чтобъ не раздавить ихъ, и по стекламъ, желая, чтобъ они не побились»—робкій и колеблющійся Эразмъ отвѣчалъ ему: «Я не измѣню дѣлу Христа, по крайней мѣрѣ настолько, насколько мнѣ позволитъ настоящее смутное время». Лютеръ обладалъ совѣтъмъ пнымъ, стойкимъ, живымъ и твердымъ нравомъ: «Пойду въ Вормсъ,—воскликнулъ онъ,—хотя бы встрѣтилъ гамъ столько чертей, сколько черепицъ на кровляхъ домовъ!» А святой Павелъ въ свое время сказалъ: «Не боюсь не только быть связаннымъ, но даже умереть въ Иерусалимѣ за дѣло Христа».

Сэръ Александръ Бернесъ рассказывалъ про себя, что серьезное отношеніе ко всякому дѣлу—главнѣйшая черта его характера. «Разъ предпринявъ что-либо, я никогда не отношусь равнодушно къ предпринятому и прилагаю всѣ усилія, чтобы выполнить его по мѣрѣ возможности ус-

пѣшно». Этотъ принципъ достаточно выясняетъ намъ разницу между сильнымъ и слабымъ характеромъ. Дѣла показываютъ каковы мы, слова—какими мы стремимся быть. Мужественные нерѣдко погибаютъ, болтуны плетутся сзади, а трусы обращаются въ бѣгство. Каждая минута дѣятельной жизни походить на одержанную побѣду.

Пессимисты утверждаютъ, что трудъ, или необходимость трудиться—является врагомъ человѣка, но мы, тѣмъ не менѣе, каждый день слышимъ противоположное. Профессоръ Каро говоритъ: «Непреодолимый инстинктъ влечетъ человѣка къ дѣятельности, все равно—является-ли для него трудъ мимолетнымъ наслажденіемъ, или принятой на себя обязанностью. Этотъ непреодолимый инстинктъ—не что иное, какъ духъ самой жизни, все содержаніе которой сосредоточивается въ немъ. Въ ту минуту, когда имъ пробуждается въ насъ сознаніе бытія—онъ показываетъ намъ и настоящую цѣнность нашего существованія. Чистѣйшія радости, какія только посылаетъ намъ жизнь, вытекаютъ изъ неустанной борьбы и конечнаго преодоленія препятствій. Энергія, которая сначала властвуетъ сама собою, а потомъ и всей жизнью, съ помощью-ли подчиненія себѣ чужой злой воли, или съ помощью торжества надъ трудностями науки, или техническими затрудненіями искусства—является утѣхой и другомъ смертнаго, возвышаетъ его надъ всѣми его слабостями, очищаетъ и облагораживаетъ его и поддерживаетъ его въ дни неуспѣха и бѣдствій, когда проходятъ первыя минуты остраго горя. Трудъ, самъ по себѣ, независимо отъ его конечнаго итога—является источникомъ истиннаго удовольствія. Смотрѣть на него съ пессимистической точки зрѣнія, какъ на врага человѣчества, значитъ совершенно извращенно понимать сущность удовольствія и радости. Съ какимъ удовольствіемъ труженикъ замѣчаетъ, какъ дѣло кипитъ въ его рукахъ или въ его мысляхъ, тѣсно сливаясь съ этимъ дѣломъ, какъ выражается Аристотель, въ своей «Этикѣ», все

равно будетъ ли то трудъ пахаря, воздѣлывающаго свое поле, или архитектора, воздвигающаго домъ, скульптора, высѣкающаго статую, или поэта, занятаго творчествомъ.

«Наслажденіе творчества съ лихвою вознаграждаетъ трудящагося за всѣ его старанія и подобно тому, какъ сознательная работа, вступающая въ борьбу съ внѣшними препятствіями, представляетъ радость пробудившейся жизни, такъ доведенный до конца трудъ является величайшимъ удовольствіемъ, будя въ насъ сознание собственного достоинства и освящая наше, хотя-бы и преходящее и частное, торжество надъ природою. Таковъ истинный характеръ усилія и стремленія или дѣйствующей воли» *).

Многіе великіе люди, которыхъ мы считаемъ поразительными гениями, достигли своего пьедестала, совершая чудеса трудолюбія. Сила воли и дѣятельность побѣждаютъ самыя затруднительныя обстоятельства, выравниваютъ самыя каменистыя дороги и поднимаютъ насъ выше обыкновеннаго курса колебанія несчастья и счастья. Радости, которыя міръ посылаетъ намъ на долю, служатъ увеличенію нашихъ силъ для новыхъ, большихъ трудовъ. Мудрость челоѣчества проявляется въ его дѣлахъ, и каждый челоѣкъ является созданиемъ собственныхъ трудовъ. Жанъ Рихтеръ говоритъ, что добрыя дѣла возносятся къ небесамъ, какъ звуки колокола.

Дѣятельное и полное участія сношеніе между людьми въ ежедневной жизни является лучшей подготовкой для здоровой, устойчивой дѣятельности, чѣмъ самыя глубоко-мысленныя размышленія въ уединеніи. Справедливы воззрѣнія Сведенборга на обѣты нищеты и отшельничества и посвященія себя небесному служенію. «Жизнь, которая можетъ привести къ небесному блаженству, вовсе не представляетъ необходимости отреченія отъ міра: она является дѣятельностью въ мірѣ. Жизнь, исполненная любви къ

*) Le pessimisme au XIX siecle, par E. Caro.

людямъ, участія къ своимъ собратьямъ въ минуты ихъ радостей и горестей, какъ это завѣщено намъ евангеліемъ— не представляетъ трудности, но жизнь, посвященная исключительно подвигу благочестія, чаще отвлекаетъ насъ отъ неба, чѣмъ приводитъ къ нему».

Религіозность большей части людей выражается въ однихъ лишь разговорахъ; они являются чуть ли не образцами совершенства — на словахъ. Но дѣла ихъ, мысли и весь образъ жизни рѣдко согласуются со словами. Нерѣдко наши религіозныя чувства выражаются лишь исключительно внѣшнимъ образомъ, вмѣсто того чтобы съ ревностью и усердіемъ воплотиться въ серьезномъ дѣлѣ. Душеспасительное чтеніе о подвигахъ благочестія не достигаетъ цѣли: истинная, воплощенная въ дѣйствіяхъ и характеръ человѣчества религія въ тысячу разъ болѣе поучительна, чѣмъ цѣлый сводъ книгъ о религіи. Человѣкъ, лишенный твердой и настойчивой воли, ведущей къ добру, или становится празднымъ лѣнтяемъ, или превращается въ игрушку плотскихъ страстей.

Опаснѣйшимъ порокомъ, засасывающимъ въ настоящее время англійскую молодежь— является лѣность. То, что мы привыкли подразумѣвать подъ словомъ «культура», мало что значить. Культура не исключаетъ въ человѣкѣ возможности уживаться съ самой жалкой нравственностью, презрѣннымъ служеніемъ «лицамъ» (высокопоставленнымъ), но не дѣлу, и пошлой кичливостью по отношенію къ безвѣстнымъ бѣднякамъ. Юноша нашего вѣка, самоувѣренный и вялый ни во что не вѣрить, ничего не уважаетъ, ничего не ждетъ отъ жизни: онъ не живетъ даже надеждой на конечную побѣду добра надъ зломъ въ человѣческой личности. Ежедневно и отовсюду раздаются возгласы: «это безразлично» или «все равно, какъ-бы я ни поступалъ, это никого не касается». Между тѣмъ это далеко не безразлично и не будетъ безразличнымъ можетъ быть еще въ продолженіе цѣлаго вѣка. Жизнь каждой отдѣльной личности

является лишь страницей въ исторіи всего человѣческаго общества. На каждомъ изъ насъ лежитъ свойственный ему долгъ, который онъ долженъ выполнить, свое особое дѣло, которое онъ обязанъ сдѣлать. Если-же онъ его не выполняетъ, то страдаетъ не только самъ, но и его окружающіе. Его лѣнь заражаетъ другихъ и даетъ дурной примѣръ. Безполезная жизнь вноситъ разложеніе въ бытіе міра.

Среди нашей молодежи вообще слишкомъ много личностей, настроенныхъ пессимистически. Въмѣсто того, чтобы съ удовольствіемъ и свѣжими силами, какъ то подобаешь юношеству, трудиться для осуществленія своихъ идей и идеаловъ, они теряютъ время, разливаясь въ пространнхъ жалобахъ на несовершенство и несправедливости міра и судьбы. «Стоить-ли жить?» Конечно нѣтъ, разъ жизнь растрчивается на вѣтеръ. Даже чтеніе является сплошь и рядомъ лишь пріятнымъ времяпровожденіемъ, высшей ступеню праздноствія. Между людьми, читающими много и постоянно, встрѣчаются поэтому личности разочарованные, равнодушные ко всему, но не лишены нѣкоторой умственной полноты и остроумія, дающаго имъ возможность въ своемъ бездѣйствіи иронически относиться къ труду другихъ. Они осмѣиваютъ всякое серьезное отношеніе къ жизни, съ жалкой индифферентностью относясь ко всему на свѣтѣ. Души ихъ, если только они сознаютъ ихъ присутствіе въ себѣ, колеблются, словно пламя свѣчи подъ вѣтромъ въ ту сторону, куда онъ подуетъ, потому что у нихъ нѣтъ опоры ни въ какихъ нравственныхъ или религиозныхъ началахъ. Имъ не достаетъ твердыхъ принциповъ вѣры и какихъ бы то ни было стремленій къ усовершенствованію—они похожи на большое дерево, которое уже не дастъ ни цвѣтовъ, ни плода.

Такимъ образомъ, цѣлый народъ можетъ гордиться утонченнѣйшей культурой, не дѣлая никакихъ шаговъ впередъ въ иныхъ отношеніяхъ. Знаніе и мудрость, какими ни кажутся они другъ другу близкими—часто не

сохраняють между собою никакой внутренней связи, и еще вопросъ, ведетъ ли знаніе хотя отчасти ко благу и мудрости? Есть пословица: «Высшая мудрость—это умѣнье быть настоящимъ человѣкомъ».

Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ писателей такъ характеризуетъ современное ему общество: «Со всѣхъ сторонъ надвигается на насъ въ настоящее время глубокой индифферентизмъ по отношенію къ вѣрѣ и долгу, неразлучно связанный съ жаждой наслажденій и денегъ, которыя помогаютъ удовлетворять всякое желаніе. Все можно купить: совѣсть, честь, религію, мнѣніе, могущество, санъ, даже уваженіе. Куда ни оглянись, всюду крушеніе всякихъ истинъ и добродѣтелей. Всѣ философскія теоріи, даже самыя атеистическія ученія разрѣшились во всепоглощающемъ индифферентизмѣ, настоящей могилѣ пониманія, гдѣ не найдется со-временемъ даже костей».

Но мы вѣдь ждемъ спасенія отъ «культуры». Это модное слово *) требуетъ однако многихъ поясненій. Многие преклоняются передъ культурой, считая ее своимъ единственнымъ божествомъ. Но подобная «культура» является лишь выраженіемъ умственного цинизма, во всемъ сомнѣвающагося, прикрытаго лишь внѣшнимъ лоскомъ. Ея поборники живутъ въ атмосферѣ извращенной утонченности, подобно Мольеровскимъ «*Precieuses ridicules*». Ихъ девизъ—*nil admirari*. Они съ насмѣшкой относятся къ устарѣлымъ

*) Еще одно такое-же любознательное словечко вошло нынче въ моду — «Филистеръ». Если Стефенсъ называетъ его браннымъ словомъ, въ торымъ мощные франты обзываютъ остальныхъ людей. Артуръ Шопенгауеръ даетъ этому понятію иное опредѣленіе: «Филистеръ лишень духовныхъ потребностей, — говоритъ онъ, — и следовательно и духовныхъ наслажденій, согласно справедливому изреченію: «нѣтъ истинныхъ удовольствій, не вызванныхъ истинными потребностями». Его удовольствія исключительно чувственныя, внѣшнія, вся задача его жизни выражается въ стремленіи къ вѣшнему комфорту».

добродѣтелямъ въ родѣ трудолюбія, энергіи и самопомощи, и усюнаиваются въ холодномъ отрицаніи безъ надеждъ и благоговѣнія передъ-чѣмъ либо. Они скептики во всѣхъ отношеніяхъ и вѣрятъ лишь въ самихъ себя, своего единственнаго божка.

Гёте является однимъ изъ поборниковъ и творцовъ «культуры». Его творенія однако, служа утѣхой утонченнаго ума, не будятъ въ душѣ человѣка того, страстнаго стремленія къ благороднымъ дѣламъ, какое возбуждаютъ поэмы Шиллера. Какъ ни былъ блестящъ и разностороненъ умъ Гёте, пронизателенъ и ясенъ его взглядъ на вещи, обширны его познанія, — темной стороной въ его характерѣ является та черта, что всѣ эти благородныя качества онъ бесплодно сосредоточивалъ на игрѣ въ любовь съ безчисленными женщинами, которыхъ чаровалъ и привязывалъ къ себѣ могуществомъ своего духа. «Когда его сердце оставалось временно свободнымъ,—говоритъ его послѣдній біографъ,—онъ напоминалъ специалиста-анатома, лишенаго объекта для опыта». Гёте, говоря о Бальзакѣ, замѣтилъ, что каждый изъ его *chef d'oeuvre*'овъ словно цѣликомъ почерпнутъ изъ страдающаго женскаго сердца. Бальзакъ могъ бы ему отвѣтить то-же самое. Описывая свое пристрастіе къ естествовѣдѣнію, Гёте самъ рассказываетъ слѣдующее: «Вспоминаю, какъ я рвалъ ребенкомъ цвѣты на части, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ прикрѣплены лепестки къ вѣнчику; случалось, что я общипывалъ и птичекъ, чтобы понаблюдать, какъ перья воткнуты въ крылья». Однажды Беттина замѣтила лорду Гаутону, что онъ совершенно такъ же обращался съ женщинами, и всѣ его увлеченія, какого бы они ни были свойства, поверхностныя или серьезныя, подвергались подобной вивисекціи. Велика была сила его очарованія, и если онъ во имя своихъ литературныхъ цѣлей считалъ нужнымъ проявить сильное, страстное чувство—онъ безъ раскаянія и размышленія разыгрывалъ роль страстно-влюбленнаго, какъ тотъ ху-

дожникъ, который, рисуя картину Распятого Христа и желая придать своему натурщику болѣе естественное выраженіе страданія, вонзилъ ему мечъ въ бокъ. Способность предаваться въ подобныхъ случаяхъ жизни наблюденіямъ и анализу заставляетъ придти къ заключенію о нѣкоторой холодности сердца и мы легко можемъ представить себѣ Гёте, какъ онъ высчитываетъ, подобно герою романа «homme blasé», удары своего пульса, чтобы во-время остановить растущее въ немъ возбужденіе, оберегая себя отъ бреда горячки. Гёте откровенно рассказываетъ, что умѣлъ извлекать пользу изъ каждаго своего романическаго похождения, смотрѣлъ на свою любовь къ женщинѣ съ эстетической точки зрѣнія и находилъ, что самымъ дѣйствительнымъ палліативнымъ средствомъ въ случаѣ неудачи или разочарованія — является описаніе того, что произошло.

Сколько откровеннаго тщеславія таится въ исключительно умственномъ развитіи! Какимъ маленькимъ и мало стоящимъ является оно въ сравненіи съ истинной глубиной чувства! Что даютъ намъ эти исключительно-умственные страсти, внѣ души, которая одна сообщаетъ имъ жизнь, движеніе, силу и сущность. Каждому должны тутъ придти на память простыя слова знаменитаго физика, астронома, философа и математика, Ньютона, одного изъ самыхъ великихъ міровыхъ геніевъ, знаменитаго изобрѣтателя интегральныхъ и дифференціальныхъ исчисленій, теоріи всемірнаго тяготѣнія и разложенія свѣта,—сказавшаго, что онъ представляется себѣ самому ребенкомъ, который, играя на берегу, видитъ передъ собою безграничный и неизвѣданный еще океанъ правды и истины. Найдется-ли еще гдѣ-нибудь философъ, способный произнести такого рода признаніе?

«Есть истины, — говоритъ графъ де-Местръ, — которыя могутъ быть постигнуты только сердцемъ человѣка. Добрый человѣкъ часто изумляется при видѣ противорѣчій, кото-

рыя овладѣвають очень умными людьми по отношенію къ истинамъ, для него совершенно яснымъ и понятнымъ. Вѣры и религиозныхъ убѣжденій недостаетъ этимъ людямъ. Какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, если онъ лишенъ религиознаго чувства,—мы не въ силахъ не только убѣдить его, но даже заставить его насъ понять».

Широчайшіе пути долга находятся прежде всего внѣ предѣловъ мудрости или книжной учености. Человѣку сильнѣе врождено быть существомъ общественнымъ, чѣмъ разумнымъ, и лучшая сторона человѣческаго развитія обязана своими основами именно общественнымъ его отношеніямъ: они являются главнымъ источникомъ вѣжливости, обоюдной снисходительности и способности поступаться своими правами въ пользу другихъ. Опытность имѣетъ въ жизни человѣка гораздо большее значеніе, чѣмъ ученость. Жизнь—книга, на чтеніе которой уходитъ у человѣка цѣлый длинный рядъ годовъ, но для пониманія наиболѣе трудныхъ ея страницъ требуется не мало мудрости.

Въ старинное время дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ ввухали уже стремленіе къ серьезному исполненію ихъ обязанностей: единственная награда состояла въ томъ, что, по исполненіи возложенной на ребенка обязанности, ему поручали другую, труднѣйшую; единственное наказаніе—обвиненіе ребенка въ слабости духа, если онъ не исполнялъ своего долга. «Что же касается прелестной, но лживой мечты, будто образованіе послужило къ повышенію общаго уровня нравственности человѣчества—то это не болѣе, какъ иллюзія: люди пытаются посредствомъ усерднаго тренія обратить въ золото мѣдныя монеты; но имъ это не удается: они наводятъ на нихъ лишь внѣшній блескъ, цѣнность-же остается та-же.

Лучшимъ воспитательнымъ факторомъ въ жизни человѣчества, указаннымъ Самимъ Богомъ все таки является семья; благосостояніе же и устройство семьи всецѣло зависятъ отъ женщины. «Надежда Франціи въ рукахъ мате-

рей!»—устно и письменно восклицалъ покойный епископъ орлеанскій Дюпанлу. То-же самое можетъ относиться и къ Англіи. Но, къ несчастью, нашъ слухъ поражаютъ крики и протесты противъ своего женскаго назначенія современныхъ эмансипированныхъ женщинъ, стремящихся всѣми силами уничтожить въ себѣ свои наиболѣе привлекательныя черты. Онѣ домогаются могущества и политическихъ правъ, а между тѣмъ онѣ и безъ этого сильны и властны, потому что управляютъ міромъ, благодаря своему вліянію на собственную семью. Онѣ требуютъ разрѣшенія подачи голосовъ и полной политической равноправности. Неужели онѣ серьезно вѣрятъ въ то, что послужатъ прогрессу, если получатъ право разъ въ три года или въ пять лѣтъ выбрать представителя въ парламентъ? Св. Павелъ отдавалъ пальму первенства домовитымъ и работающимъ женщинамъ, потому что смотрѣлъ на семью, какъ на общество въ миниатюрѣ и признавалъ, что семейное благополучіе и исполненіе женщиной своего долга—лучшая гарантія постоянства, вѣрности и чистоты сердца.

Одно изъ новѣйшихъ сочиненій, изобразивъ отличительныя качества женской натуры, прибавляетъ: «Видя, съ какой легкостью современныя женщины устремляются въ погоню за новомодными ученіями вѣры или нравственности, можно опасаться, что небо гораздо болѣе удалено отъ нихъ, чѣмъ отъ ихъ предшественницъ прошлыхъ вѣковъ, что религія постепенно теряетъ надъ ними свое вліяніе и что сердца ихъ лишены бывалою благородной вѣры въ благость Божьяго Промысла». Это писала женщина, повидимому очень хорошо знакомая съ положеніемъ дѣлъ въ этой области.

Передъ началомъ послѣдней франко-прусской войны, военный агентъ въ Берлинѣ, баронъ Штафель, получилъ порученіе составить докладъ объ общественномъ мнѣніи и нравственномъ уровнѣ Пруссіи сравнительно съ Франціей. Въ своемъ донесеніи онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Дис-

дисциплина въ арміи находится въ тѣсной зависимости отъ дисциплины въ семьѣ и обществѣ. Молодежь воспитывается въ Пруссіи, начиная съ ранняго дѣтства, въ повиновеніи, привыкаетъ уважать властей и строго относиться къ своему долгу. Подобная дисциплина не можетъ, очевидно, утвердиться во французской арміи, разъ ея нѣтъ во французской семьѣ. Заглянемъ во французскія семьи, школы, гимназіи и т. п. Развѣ тамъ стремятся къ развитію въ дѣтяхъ уваженія по отношенію къ родителямъ, ревностнаго исполненія своего долга, повиновенія законамъ и власти, а, главное, вѣры въ Бога? Вовсе нѣтъ или почти-что нѣтъ. Отсюда вытекаетъ, какъ слѣдствіе, что французская армія увеличивается ежегодно большимъ числомъ молодыхъ людей, но большей части совершенно лишенныхъ какихъ бы то ни было религіозныхъ началъ и здоровыхъ принциповъ нравственности, привыкшихъ съ дѣтства никому не повиноваться, ничего не уважать и порицать все. И находятся люди, которые утверждаютъ, что, примкнувъ къ арміи, эта молодежь сразу усваиваетъ себѣ строгую дисциплину. Тѣ, кто проповѣдуетъ подобныя вещи, забываютъ, что военная дисциплина является, въ сущности, такой же самой, каковая примѣняется и въ частной жизни: она заключается въ сознаніи долга, повиновеніи начальству, уваженіи къ принципамъ власти и установленнымъ учрежденіямъ. Искусственная дисциплина можетъ держаться короткое лишь время подъ давленіемъ затруднительныхъ обстоятельствъ: при первомъ серьезномъ испытаніи она, что всего вѣроятнѣе, сразу же будетъ нарушена». Нужно ли прибавлять, что эти слова барона Штафеля оказались поистинѣ пророческими.

Неужели и мы, англичане, идемъ въ настоящее время навстрѣчу такому же тяжелому положенію дѣлъ? Потокъ демократическихъ идей, захватывающій все больше вширь и вглубь, неужели и у насъ снесетъ и поглотитъ богатые плоды нравственнаго воспитанія и семейной выдержки? Мы

—народъ тщеславный, гордый своимъ могуществомъ и богатствомъ, своими морскими и сухопутными военными силами, своимъ превосходствомъ въ отношеніи торговли и промышленности. Но вѣдь можетъ случиться, что всѣ эти преимущества будутъ отъ насъ со-временемъ отняты и мы, подобно голландцамъ, можемъ превратиться хотя и въ богатый, но почти лишенный политическаго значенія народъ. Народъ въ массѣ воплощаетъ то, что вносятъ въ него отдѣльныя личности, и ни одинъ народъ не можетъ обладать высокимъ уровнемъ нравственности, строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и уваженіемъ къ законамъ правды и чести, если граждане его, каждый въ отдѣльности и въ массѣ, не обладаютъ благородными чертами нравственнаго склада. Въ одной изъ своихъ рѣчей лордъ Дерби замѣтилъ однажды:

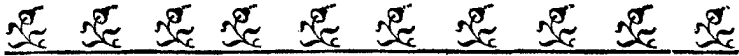
«Одно высокопоставленное лицо сказало мнѣ на-дняхъ, что, по его мнѣнію, Англія со времени сраженія при Ватерлоо постепенно теряла въ тѣхъ качествахъ, которыя обуславливаютъ силу и могущество національнаго характера; хотя онъ не высказалъ мнѣ этого рѣзко, но изъ его словъ и недомолвокъ я понялъ, что онъ потерялъ всякую надежду на возстановленіе того, что потеряно, что потокъ приближается и что блаженны тѣ, кто отжилъ свой вѣкъ и не увидитъ картины окончательной гибели».

Въ этихъ словахъ заключается весьма серьезное предостереженіе! Близка-ли на самомъ дѣлѣ катастрофа, которая вѣкъ тому назадъ разразилась надъ Франціей? покойный докторъ Норманъ Мекмодъ сказалъ: «Смутное время, наступившее послѣ войны 1815 г., является томительно-гнетущимъ. Съ одной стороны, мы видимъ полнѣйшій переворотъ, переоцѣнку всѣхъ прежнихъ понятій, касающихся политики, общества, науки, богословія и философіи. Несмотря, однако, на безразсудный атеизмъ и самоувѣренность со стороны предводителей, направляющихъ противъ старыхъ стѣнъ свои убійственныя орудія—въ

сердцахъ массы еще живо глубокое сознаніе настоящей необходимости признанія крайней важности истины и долга, выражающихся, нельзя съ этимъ не согласиться, исключительно лишь въ крѣпкой вѣрѣ въ Бога: Богъ и истина всегда стоять рядомъ».

Ничего не можетъ быть прискорбнѣе зрѣлища мужчинъ и даже женщинъ, вѣчно легкомысленно и бесплодно разсуждающихъ о священныхъ началахъ, которыя служили ихъ предкамъ предметами глубокаго благоговѣнія. Двѣ великія мысли, овладѣвъ однажды нашимъ умомъ, однѣ способны совершенно измѣнить теченіе нашей жизни: вѣра въ то, что настоящій міръ представляетъ лишь переходъ къ безконечному бытію, и мысль о Томъ Всемогущемъ, въ Которомъ человѣкъ живетъ и въ томъ и въ этомъ мірѣ. Каждому изъ насъ предоставлено на выборъ идти путемъ добра и правды или зла и несправедливости. Кто можетъ угадать, какое побужденіе одержитъ верхъ? Это зависитъ отъ насъ самихъ—отъ чуткости нашей совѣсти, отъ ясности нашей воли. Несомнѣнныя тревоги и горести ожидаютъ насъ на пути исполненія нашего долга; и все же онъ долженъ быть исполненъ бодро и радостно, потому что такова воля Божія. Добрыя дѣла вдохновляютъ и вливаютъ въ насъ свѣжую силу и кромѣ того служатъ воодушевляющимъ примѣромъ для другихъ. Они похожи на зарытыя въ землю сокровища, которыя приносятъ намъ великую пользу въ черный день. И потому приложимъ все силы къ тому, чтобы всегда идти впередъ къ вѣчному свѣту! Отъ этого зависитъ наше спасеніе въ настоящей и будущей жизни!

ГЛАВА III.

ПРАВДИВОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ.

Не позыдайте ниогда дорога долга и чести —
это единственное, въ чемъ мы почерпавемъ счастье.

Бюффонъ.

Какъ бы ни былъ бѣднѣй честный человекъ —
все же онъ царь людей.

Бернсъ.

Честность и правдивость тѣсно связаны другъ съ другомъ и дополняютъ одна другую: нельзя думать объ одной, не вспомнивъ въ то-же время о другой. Правда, что одной честности недостаточно, чтобъ сдѣлаться великимъ человекомъ, но тѣмъ не менѣе она является одной изъ необходимѣйшихъ чертъ великаго и благороднаго характера. Правдивость человекѣ служитъ ему порукою въ глазахъ тѣхъ, отъ кого онъ зависитъ, и внушаетъ довѣрiе тѣмъ, кто зависитъ отъ него. Правдивость—первое качество, необходимое каждому, потому что изъ нея вытекаютъ чистота душевная и твердость. Въ настоящее-же время, болѣе чѣмъ когда-либо въ раннiй перiодъ жизни человечества, абсолютная правдивость составляетъ первую необходимость.

Какъ бы ни была обыкновенна ложь, она обличаетъ себя прежде всего въ лицѣ самого лжеца, потому что онъ, хорошо понимая какимъ уваженiемъ пользуется правда, всюду выдаетъ за нее свою ложь. Ложь не только недостойна, но она является еще и признакомъ трусости. «Дерзай быть правдивымъ, — говорить Джорджъ Гербертъ, —

къ чему тебѣ послужить ложь?» Худшіе лгуны тѣ, которые не смѣютъ переступить границы правды: у нихъ часто не хватаетъ мужества объявить истину и они влиають изъ стороны въ сторону, извращая правду. Ложь, на половину смѣшанная съ правдой—худшая изъ лжей.

Подобная двойственность часто сказывается и въ жизни иныхъ людей; и дѣлами, какъ словами, подобнаго человѣка міръ очень часто можетъ быть обмануть. Низкіе люди зачастую выставляютъ на словахъ на видъ добродѣтели, которыхъ не имѣютъ, и ведутъ, такимъ образомъ, двойную игру, тогда какъ справедливый, правдивый человѣкъ говоритъ то, что думаетъ, поступаетъ такъ, какъ считаетъ должнымъ, и дѣлаетъ то, что обѣщаетъ. Мистеръ Спурджонъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи «Библия и газета», что «въ ежедневной жизни сплошь и рядомъ встрѣчаются самыя кричащія противорѣчія между словами и дѣлами человѣка — иные доходятъ до крайней нетерпимости въ своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ, другіе черезчуръ жаркіе защитники мира, третьи доходятъ до крайности въ своей защитѣ воздержанности, и нерѣдко горячіе сторонники щедрости являются на самомъ дѣлѣ самыми мелочными скупцами, попадаютъ и такіе, которые, считая себя ревностными поборниками истины, какъ извѣстной научной системы, сами, ничтоже сумняшася, въ дѣлахъ торговыхъ, или по отношенію къ доброй славіи своихъ сосѣдей, или, наконецъ, въ семейныхъ дѣлахъ поступали совершенно вопреки требованіямъ этой самой истины».

Ложь представляетъ самый обычный и всеупотребительный порокъ и въ особенности властно господствуетъ въ такъ-называемомъ обществѣ: «дома нѣтъ!», обычный, вошедшій въ моду отказъ непрошеному посѣтителю, уже съ дѣтства усваиваемый человѣкомъ. Ложь считается настолько необходимой для поддержанія свѣтскихъ отношеній, что всѣ молча мрутъ съ нею. Мелочная ложь вошла во всеобщее употребленіе, а когда она всплываетъ наружу,

то считается незначительной, простительной и безвредной. Но если ложь и допускается въ обществѣ—то каждый болѣе или менѣе чистосердечный человѣкъ относится къ ней въ глубинѣ души съ ненавистью и презрѣніемъ. «Какой бы незначительной и ничтожной ни казалась ложь, — говоритъ извѣстный англійскій философъ, Рескинъ, — все же она оставляетъ черный налетъ на сердцѣ, отъ котораго мы должны стремиться очистить его, какъ постарались бы смыть эту копотъ съ лица, если-бы она его загрязнила».

«Лгать внѣ своего отечества, ради блага этого отечества» — таковъ былъ обычный пріемъ дипломатовъ. А между тѣмъ честному человѣку слово должно бы въ сущности быть дороже жизни. Когда кареагеняне отправили вмѣстѣ съ послами въ Римъ плѣннаго ими Регула, съ тѣмъ чтобы онъ ратовалъ передъ своими соотечественниками въ пользу мира — они взяли съ него слово возвратиться, въ случаѣ если цѣль переговоровъ не будетъ достигнута.

По прибытіи въ Римъ Регулъ убѣдилъ сенаторовъ продолжать войну и не соглашаться на обмѣнъ плѣнныхъ. Сенаторы и верховный жрецъ, понимая что грозитъ самоотверженному Регулу, постановили, что такъ какъ слово взято съ него насильно, — то ничто не обязываетъ его возвращаться въ Кареагенъ. «Вы хотите опозорить меня! — воскликнулъ Регулъ: — я хорошо знаю, что въ Кареагенѣ ждетъ меня мучительная смерть, но что она значитъ передъ безчестьемъ нарушенія клятвы? Пусть я рабъ кареагенянь, но я римлянинъ въ душѣ. Я обѣщаль вернуться и мнѣ остается исполнить свой долгъ, остальное предоставляю на волю боговъ». И Регулъ спокойно вернулся въ Кареагенъ и умеръ на пыткѣ.

Библия говоритъ: «Правда освобождаетъ человѣческую душу». Также и Платонъ замѣчаетъ: «Кто хочетъ достигнуть счастья—пусть стремится постигнуть истину, и онъ освободится отъ всякихъ печалей». Приведемъ кстати небольшую выноску изъ твореній императора Аврелія - Фи-

лософа: «Поступающій несправедливо — въ одно и то-же время совершаетъ безчестный поступокъ, потому что, если всемогущая природа создала разумныя существа съ тѣмъ, чтобы они помогали другъ другу и защищали другъ друга, но отнюдь никому не вредили, тотъ, кто преступаетъ эту высшую волю — повиненъ въ неуваженіи божества. Безбожно и богохульно поступаетъ и тотъ, кто лжетъ, грѣша относительно того же божества по природѣ всего существующаго, тѣсно связаннаго съ грядущимъ. Эта вся природа называется правдой, представляя первоначало всего истиннаго. И такъ лгуцій умышленно совершаетъ нечестіе; лгуцій неумышленно не менѣе виновенъ въ томъ же, потому что поступаетъ въ противорѣчіи съ природой и нарушаетъ порядокъ вещей, покоящейся на правдѣ. Онъ пренебрегаетъ и разбрасываетъ на вѣтеръ тѣ нравственныя силы, которыми одарила его природа и съ помощью которыхъ онъ имѣлъ бы полную возможность отличать ложь отъ правды».

Честность и правдивость могутъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Она является на сцену и въ торговыхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ хорошихъ, честныхъ, не идущихъ на компромиссы людей чаще, чѣмъ это принято думать. Подобная честность представляетъ простѣйшее и скромнѣйшее выраженіе принциповъ правды. Полная мѣра, вѣрный вѣсъ, добросовѣстная служба, строгое исполненіе обязанностей—необходимыя качества нравственнаго дѣловаго человѣка. Приведемъ для примѣра наиболѣе обыкновенный случай: Самуэль Футъ нашелъ, что ему подавали на обѣдъ не полную порцію пива. Онъ призвалъ хозяина и сказалъ ему: «Сколько бочекъ пива расходуется у васъ въ мѣсяцъ, сэръ, извините за вопросъ?» — Десять, сэръ, — отвѣчалъ содержатель гостинницы. «Желали бы вы, чтобы у васъ расходилось ихъ одиннадцать?» — Конечно! «Я вамъ дамъ совѣтъ, какъ это сдѣлать, — возразилъ Футъ, — пополните свою мѣру!»

Обманъ и ложь идутъ однако и дальше, распростра- няются и въ болѣе серьезныхъ областяхъ. Мы жалуемся на невѣрныя мѣры и вѣсы, на поддѣлку товаровъ, на то, что, покупая одно, получаемъ другое. Ясно, конечно, что купецъ хочетъ сбыть свои товары съ барышомъ, но если при этомъ онъ прибѣгаетъ къ обману, то много теряетъ, потому что мы идемъ въ другую лавку. Ле Пле, посѣтивъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Англию, съ большимъ удо- вольствіемъ замѣтилъ необыкновенную честность англій- скихъ фабрикантовъ въ торговыхъ дѣлахъ и хвалилъ ихъ добросовѣстность въ количествѣ и качествѣ отправляемыхъ за границу товаровъ.

Едва-ли въ настоящее время онъ далъ бы о нихъ та- кой же лестный отзывъ. Не разъ уже раздавались голоса, толкующіе объ упадкѣ англійскихъ фабрикатовъ. Вспом- нимъ толки о хлопкѣ, приготовляющемся съ примѣсю фарфоровой глины, цинка, крахмала и магнезій, для того чтобы придать ему видъ болѣе плотнаго и цѣннаго, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Со временемъ же подобный хлопокъ, особенно при перевозкѣ моремъ, скоро портится, покрывается ржавыми пятнами и затѣмъ съ трудомъ или вовсе не распродается. Ржавчина—грибовидный паразитъ, зарождается отъ сырости и питается и размножается въ средѣ, гдѣ есть крахмаль. Съ появленіемъ ржавчины, одинъ изъ самыхъ значительныхъ рынковъ для сбыта ан- глійскаго хлопка—Китай, постепенно пересталъ покупать его.

Китайская поговорка гласитъ: «Фокусникъ не проведетъ того человѣка, который аккомпанируетъ ему на гонгѣ». Впрочемъ сами китайцы по части всякихъ плутней не уступятъ англичанамъ. Они подмѣшиваютъ желѣзные опилки въ свой чай и поливаютъ шелкъ водою, чтобы уве- личить ихъ вѣсъ; потому-то они вѣчно на-сторожѣ, подо- зрѣвая въ обманѣ всѣхъ, имѣющихъ съ ними дѣло. «Слѣд- ствіемъ подобнаго положенія дѣлъ, — говоритъ англійскій консулъ въ Чифу, — является постепенно сложившаяся здѣсь

печальная репутація нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя мало-по-малу вытѣняются съ рынка американскими, хотя послѣднія нерѣдко на 40% дороже. Намъ уже не оказываютъ довѣрія: прежде англійское клеймо являлось полнымъ ручательствомъ въ доброкачественности товара,—но эти счастливыя времена давно миновали.

То-же самое замѣчается и въ англійской торговлѣ съ Индїей. Англійскій шертингъ и другія англійскія ткани плохо выдерживаютъ мытье: они слишкомъ накрахмалены; когда же вода смываетъ крахмалъ—матерія превращается въ тряпку. Въ Индїи начинаютъ изготовлять теперь собственныя ткани изъ растущаго тамъ хлопка; туземцы—искусныя работники съ тонкими, гибкими пальцами: они прядуть и ткутъ такъ плотно, ровно и тонко, какъ манчестерскіе ткачи. Достаточно въ Индїи и капиталовъ, съ помощью которыхъ возникли значительныя мѣстныя прядильныя фабрики, и такимъ образомъ индусы развиваютъ собственное мануфактурное производство и потребляютъ ткани мѣстнаго изготовленія.

Все это давнымъ-давно хорошо извѣстно въ мануфактурно-промышленныхъ центрахъ Англїи и не разъ уже обсуждалось публично на митингахъ. Приготовление тканей съ подмѣсю фарфоровой глины уже ни для кого не тайна. Мелларъ, членъ парламента, рѣзко порицалъ фабрикантовъ за эту фальсификацію: «Неужели они считаютъ всѣхъ потребителей, кромѣ самихъ себя, глупцами, которые попадутся въ ловушку?»—спрашивалъ онъ. Онъ разсказалъ между прочимъ объ инженерѣ, который во время плаванія въ Индїйскомъ океанѣ обматывалъ свою шляпу бѣлой кисеею въ защиту отъ палящихъ лучей солнца. «Это англійская кисея?»—спросили его. «О нѣтъ, она швейцарскаго издѣлія: англійская до того пропитана клеемъ, что прилипаетъ къ рукамъ». Такимъ образомъ мы теряемъ возможность сбыта для своихъ товаровъ и сами призываемъ на свою голову дурной оборотъ дѣла.

Американскія хлопчато-бумажныя издѣлія съ большимъ успѣхомъ расходятся даже въ Лондонъ и Манчестеръ, индійскія же ткани проникли въ Китай и Австралію, хотя онѣ и дороже англійскихъ. Индусскія туземныя издѣлія едва-ли не превосходятъ англійскія. Развѣ это не изумительный фактъ? Мы стараемся въ настоящее время открыть доступъ къ техническому образованію нашимъ рабочимъ классамъ, но что оно можетъ значить при вошедшемъ въ обычай обманъ въ торговлѣ?

Подобное явное пониженіе уровня общественной нравственности и другихъ жизненныхъ принциповъ — является прискорбнымъ знаменіемъ времени. Когда извѣстный французскій общественный дѣятель, Дюпенъ, посѣтилъ Англію лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, — онъ съ восторженнымъ удивленіемъ говорилъ о неутомимой энергіи, умѣ и дѣловитости нашего коммерческаго класса. «Не одной предприимчивостью, умомъ или трудолюбіемъ коммерсантовъ, — замѣтилъ онъ — однако, еще обезпечивается превосходство торговли и промышленности какой-либо страны; но гораздо болѣе значенія имѣетъ въ этомъ дѣлѣ ихъ благоразуміе, выдержка, а главное честность. Если-бы когда-либо купецъ британскихъ острововъ лишился этихъ качествъ—мы убѣждены, что Англія потеряла-бы возможность успѣшно вести свои торговые обороты, несмотря на поддержку сильнаго флота, на дальновидную дѣятельность талантливѣйшей дипломатіи и серьезной политической науки. Потерявъ доступъ въ иностранные порты, англійскіе торговые корабли принуждены были бы очистить моря, по которымъ разносятъ теперь товары, сокровища трудолюбивой промышленности трехъ соединенныхъ королевствъ, обмѣнивая ихъ на произведенія всѣхъ странъ свѣта» *).

Нѣкоторое объясненіе и извиненіе упадка нашего тор-

*) Торговое могущество Великобританіи—Пьера Карла Франсуа, барона Дюпена.

говаго дѣла слѣдуетъ искать въ необыкновенно разившейся конкуренціи и различныхъ стѣсненій свободного производства со стороны правительства. Различныя ограничительныя законы связываютъ промышленниковъ по рукамъ и по ногамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій безусловно хороши и необходимы: таковъ законъ, воспрепятствующій женщинамъ и дѣтямъ работать въ каменноугольныхъ копяхъ, а также законъ, уменьшающій число рабочихъ часовъ, но въ общемъ фабричныя законы заходятъ едва-ли не слишкомъ далеко, нанося вредъ промышленности; это въ особенности замѣтно на англійскомъ желѣзномъ дѣлѣ: всѣ машины меньшихъ размѣровъ ввозятся въ Англію изъ Бельгіи и Голландіи, потому что эти страны, не стѣсненныя никакими ограниченіями, обрабатываютъ мелкія подѣлки съ помощью рабочихъ рукъ мальчиковъ, получающихъ много дешевле взрослыхъ.

Кромѣ ограничительныхъ законовъ, дѣятельность фабрикантовъ еще болѣе стѣсняется стачками. Едва дѣло начинается повидимому процвѣтать—рабочіе, приостанавливая работу, требуютъ повышенія работной платы. Фабрики закрываются, доменные печи погасаютъ, постройки останавливаются и наступаетъ полнѣйшій застой. А потому ясно, что рабочіе классы дѣлаютъ страшную ошибку, считая своихъ работодателей за враговъ и неустанно ведя съ ними борьбу.

Что же касается доброкачественности работы, то она у насъ оставляетъ желать многого. Было время, когда люди вкладывали все свое стараніе и всю свою душу въ дѣло рукъ своихъ, гордясь добросовѣстностью своего производства, стремясь къ тому, чтобы, какъ говорится въ стихахъ Чаусера, работа производилась не торопливо и дѣлала честь трудившемуся надъ нею.

Какъ обстоитъ дѣло нынче? Люди въ большинствѣ случаевъ работаютъ, какъ пошало, лишь бы сбыть съ рукъ порученное имъ, не прилагая къ дѣлу особыхъ стараній,

или добросовѣстности. Слѣдствіемъ этого являются провалы туннелей и желѣзныхъ мостовъ, обвалы зданій еще недостроенныхъ и т. п.; сплошь и рядомъ водосточныя канавы лишены дренажныхъ трубъ, являясь рассадниками заразныхъ болѣзней. О, легкомысленный, безразсудный англійскій рабочій. Сколько ты причинилъ на своемъ вѣку бѣдствій людямъ, сколько погибшихъ жизней лежитъ на твоей совѣсти, сколько семействъ страдаютъ по твоей милости. Едва работа окончена, ты стараешься сбыть ее съ рукъ, не заботясь о томъ, какъ она сдѣлана. Ты заботишься только о томъ, чтобы сдѣланное тобою выдержало поверхностный осмотръ и не думаешь о томъ, что подобное отношеніе къ дѣлу безчестно и несправедливо.

Всякая дурно выполненная работа—тогъ же обманъ и ложь. Деньги платятъ за то, чтобы получить вещь, сдѣланную на совѣсть. Если работа плоха—покупающій даромъ бросаетъ деньги. Обыкновенно всѣ ея недостатки открываются слишкомъ поздно, потому что всякой вещи можно придать вполне удовлетворительный внѣшній видъ, но только поверхностный. Пока подобный порядокъ вещей будетъ существовать—напрасно и бесполезно разсыпать фейерверки краснорѣчія о достоинствѣ труда и социальномъ значеніи рабочихъ классовъ. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ добросовѣстность—о достоинствѣ труда не можетъ быть и рѣчи. «Достоинство работы заключается не въ легкости и внѣшнемъ блескѣ, но въ прочности и основательности. Если современная работа отличается большей легкостью и хрупкостью въ сравненіи съ работой прошлыхъ поколѣній, то причина этому заключается въ жадномъ стремленіи во что бы то ни стало одолѣть конкуренцію и возможно скорѣе нажиться». (Cander, F. R. «Good Words»).

Даже туземцы острововъ Тихаго океана уже не доверяются больше на англійскія рекламы. Во время своего миссіонерскаго путешествія по Полинезіи, епископъ Паттесонъ замѣтилъ, что туземцы избѣгали покупать англій-

скіе товары. «Всѣ произведенія, рассчитанныя только на внѣшнюю показную доброкачественность, не имѣютъ въ ихъ глазахъ никакой цѣнности. Они покупаютъ товары лишь доброкачественные и прочные. Они съ удовольствіемъ приобрѣтаютъ за шиллингъ простой ножикъ съ грубою рукояткою и однимъ лезвіемъ и бракуютъ изящный и нарядный съ шестью лезвіями». Также извѣстный путешественникъ Ливингстонъ видѣлъ не разъ, что африканцы не хотѣли покупать англійскіе желѣзные товары, потому что они подвержены быстрой порчѣ.

Еще Сократъ училъ, какое значеніе имѣетъ твердое рѣшеніе человѣка достигнуть возможнаго совершенства въ практикуемомъ имъ ремеслѣ: если онъ плотникъ—онъ долженъ приложить всѣ старанія, чтобы быть самымъ отмѣннымъ плотникомъ, если онъ государственный дѣятель— пусть стремится превзойти всѣхъ работающихъ на одномъ поприщѣ съ нимъ. Только при подобныхъ задачахъ человѣкъ можетъ добиться успѣха. По мнѣнію Сократа,—подобный плотникъ достоинъ носить вѣнецъ плотничьяго дѣла, хотя бы онъ и былъ сдѣланъ изъ обыкновенныхъ стружекъ.

Приведемъ тутъ для примѣра Уэджвуда, вдохновленнаго гевіемъ истиннаго труженика—въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Уже въ то время, когда онъ цѣлой головой переросъ положеніе обычнаго ремесленника—онъ никогда не считалъ себя удовлетвореннымъ своей работой, пока не достигалъ въ исполненіи ея возможнаго совершенства. Онъ заботился не только о доброкачественности своей работы, но принималъ во вниманіе и цѣль, для которой она приготовлялась и то, какъ будутъ цѣнить ее другіе. Въ этомъ заключалась причина его силы и громаднаго успѣха. Онъ не выносилъ работы неоконченной и небрежно сдѣланной: если она не отвѣчала его идеальному представленію о вещи, которую онъ дѣлалъ,—онъ безъ дальнѣйшихъ колебаній брался за свою палку, разбивалъ

ее на куски и выкидывалъ вонь со словами: «Это не годится для Джашуа Уэджвуда».

Онъ обращалъ самое тщательное вниманіе даже на всѣ мелочи: всѣми силами стремился онъ достигъ самой строгой пропорціональности линий, самага безукоризненнаго изящества формы, самой совершенной глазировки и т. п. издѣлій, выработанныхъ его фабрикой, поминутно передѣлывая калильные печи, чтобы ввести въ нихъ все новыя и новыя улучшенія. Онъ учился работать на цѣломъ рядѣ упорно преслѣдовавшихъ его вначалѣ неудачъ. Онъ изобрѣлъ и улучшилъ почти всѣ, вошедшія въ употребленіе на его фабрику, машины и большую часть своего времени проводилъ, сидя за столами, рядомъ со своими рабочими, чтобы лично учить ихъ и руководить ими. Насколько ему удалось его производство, свидѣлствуютъ извѣстныя повсемѣстно издѣлія его фарфороваго завода. Этотъ примѣръ далеко не единственный: съ такой же неутомимой энергіей и высокой честностью работалъ подрядчикъ Брассей, швейцарскій механикъ Брегеттъ и т. п.

Англійскіе рабочіе переживали и плохія, и хорошія времена,—но положеніе дѣлъ остается безъ переменъ. Эти люди почти никогда не думаютъ о будущемъ: они становятся расчетливѣй лишь тогда, когда у нихъ изсякаютъ деньги для удовлетворенія своихъ прихотей. Одинъ изъ Брадфордскихъ фабрикантовъ сказалъ однажды: «Приблизительно лѣтъ десять тому назадъ наша торговля и промышленность находились въ весьма хорошихъ условіяхъ, такъ что купечество высоко поднимало уже свои головы. Многіе быстро богатѣли и всѣмъ уже казалось, что такое положеніе дѣлъ установилось навсегда. Рабочіе классы пользовались своей долей въ этомъ благополучіи и также теряли голову, какъ работодатели. Они стремились усилить посредствомъ стачекъ заработную плату, уменьшая число рабочихъ часовъ, и нѣкоторое время имъ это удавалось. Но они слишкомъ зарвались: они настаивали на

слишкомъ большомъ ограниченіи производства при чересчуръ высокой платѣ, желая работать какъ можно меньше, а жить какъ можно лучше. Но наступилъ промышленный кризисъ, который оказался настолько тяжелымъ, что никакія усилія рабочихъ ферейновъ не могли облегчить положенія рабочихъ. Тогда большинство благоразумныхъ людей выразили мнѣніе, что если рабочіе желаютъ вернуться къ доброму, старому времени,—они должны привыкнуть относиться къ своему дѣлу добросовѣстно и честно, а не продолжать небрежничать при исполненіи своихъ обязанностей, стараясь за возможно большую цѣну сдѣлать возможно меньше.

На одномъ изъ рабочихъ собраній въ Эдинбургѣ одинъ изъ ораторовъ, поднявъ вопросъ о стачкахъ, воскликнулъ: «Моя теорія—старайтесь работать возможно меньше, а получать возможно больше!» Если подобная теорія пройдетъ на практикѣ, она поведетъ за собою полнѣйшую деморализацію труда и превратитъ рабочаго въ существо бесполезное, лѣнливое и недобросовѣстное. Другой, выступившій такъ-же ораторъ пришелъ къ совершенно противоположному выводу: «Учрежденіе союзовъ въ цѣляхъ стачки является въ высшей степени безнравственнымъ. На-дняхъ, идя по одной изъ эдинбургскихъ улицъ, я встрѣтилъ рабочаго, который медленно и лѣнливо брелъ своей дорогой. Прохожій замѣтилъ ему: «Ну, ты сегодня не торопишься!»—«Время-то не мое, а хозяйское!»—возразилъ тотъ. Благодаря системѣ стачекъ этотъ чело^вѣкъ составилъ себѣ совершенно превратное понятіе, будто убытокъ работодателя служить къ благосостоянію рабочаго, изъ чего вытекаетъ полнѣйшая невозможность получить въ настоящее время хорошо исполненную работу».

Ораторъ совершенно правильно развивалъ мысль, что было бы истиннымъ благомъ привести рабочіе классы къ сознанію причинъ затруднительности ихъ положенія въ настоящее время: внушить имъ истину, что работодатели

и рабочіе несутъ къ общей пользѣ обоюдныя обязанности. Рабочіе возстаютъ противъ низкой платы, но не возстаютъ противъ недобросовѣстной работы, а въ этомъ лежитъ причина упадка англійской промышленности.

«Воскрешая въ своей памяти свой четырнадцатилѣтній опытъ, пріобрѣтенный мною въ качествѣ рабочаго,—продолжалъ второй ораторъ,—я долженъ вамъ сказать, что если-бы мнѣ была дана въ свое время возможность получить за восьмичасовой день плату, достаточную, чтобы составить себѣ средній капиталъ, пока у меня не изсякла работоспособность, и если-бы мнѣ была предоставлена свобода исполнять свое дѣло возможно лучше, по мѣрѣ моихъ силъ, такъ, чтобы я могъ не только гордиться своимъ ремесломъ, но и удовлетворять съ помощью его своимъ эстетическимъ потребностямъ, и если-бы притомъ я былъ гарантированъ, что пока добросовѣстно исполняю свои обязанности—никто не столкнетъ меня съ моего мѣста,—я вполнѣ былъ бы доволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ. Я былъ бы преданъ своему хозяину, его успѣхъ радовалъ-бы меня и льстилъ моему самолюбію, его интересы сливались бы съ моими. На его сторонѣ были-бы заботы и выгода, которая составляетъ вполнѣ справедливую плату за заботы, а на моей—довольство и свободное время, которое я могъ бы посвящать наукѣ».

Много найдется среди англійскихъ рабочихъ людей искусныхъ и расположенныхъ къ труду. Но какъ нуженъ трудъ солидный и добросовѣстный, а не исполненный съ плеча, съ обманомъ и плутнями. Мы нуждаемся не столько въ увеличеніи рабочихъ часовъ, сколько въ улучшеніи самого производства. Нечестный трудъ является поруганіемъ репутаціи самой промышленности и заключаетъ въ себѣ тайный обманъ по отношенію къ покупателю. Самый фактъ, что въ Англии учреждаются всевозможные союзы, ради поддержки человѣка, отказывающагося работать за низкую плату, но не существуетъ ни одного такого союза, ко-

торый давалъ бы пособіе не желающимъ работать недобросовѣстно,—указываетъ на сильный упадокъ чувства чести среди ремесленныхъ классовъ. Если подобное положеніе дѣлъ продлится еще—никакія промышленныя и ремесленныя школы въ мірѣ не удержатъ за Англіею ея старинной репутаціи великой коммерческой державы.

Такіе-же возгласы отчаянія доносятся и изъ Америки. Истина, заключающаяся въ пословицѣ: «Нѣтъ Бога къ западу отъ Миссури», сдѣлалась общеизвѣстной. Всемогуцій долларъ—вотъ божество, снискавшее всеобщее поклоненіе. Одна газета въ Сакраменто говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Американцы—народъ, страстно любящій деньги и страстно стремящійся къ ихъ приобрѣтенію: никакой государь, никакая аристократія не управляетъ ими; ихъ властелинъ—деньги, а аристократами слывутъ въ ихъ глазахъ всѣ, обладающіе этими деньгами. Жажда богатства беретъ верхъ надъ всѣми ихъ стремленіями; плутовство въ торговлѣ возведено у нихъ въ общее правило вмѣсто того, чтобы быть исключеніемъ. Мы отравляемъ фальсификаціей наши жизненные припасы, да, мы даже портимъ наши лѣкарства, подмѣшивая въ нихъ дешевыя и плохія вещества. Мы продаемъ за цѣльныя издѣлія изъ подклееннаго дерева, мы строимъ жалкія лачуги изъ дурного кирпича, цемента и сырого лѣса и зовемъ ихъ домами. Мы грабимъ и обманываемъ другъ друга гдѣ и какъ только можемъ, въ дѣлахъ, въ торговлѣ, мы до такой степени охвачены всѣ жаждой наживы, что намъ некогда даже выражать протесты противъ явнаго наглого надувательства и мы утѣшаемся тѣмъ, что въ свою очередь проведемъ въ отместку другого. Мы очень дорого расплачиваемся за эту свою національную особенность и самыми быстрыми шагами идемъ къ разрушенію національнаго чувства чести и справедливости. Въ «невѣжественныхъ и рабскихъ» земляхъ по ту сторону океана, управляемыхъ монархами, люди все же имѣютъ возможность жить дешевле и съ большими

удобствами, чѣмъ мы. Плутство считается тамъ преступленіемъ, и обманщикъ, разъ онъ пойманъ, подвергается строгому наказанію. Но по нашему мнѣнію это поглупѣвшія старыя страны, ничего не смыслящія въ свободѣ! У нихъ нѣтъ ни четвертаго іюля, ни Уолль-Стрита, ни мятежей во имя трески, ни рабочихъ-аристократовъ. Они не признаютъ факта, что право на жизнь и свободу и стремленіе къ счастью (подразумѣвается къ богатству!) толкаютъ cadaго къ надувательству своего ближняго, служа помѣхой всякой возможности его исправленія».

Изумительно, что американцы начинаютъ склоняться къ убѣжденію, что дурная и недобросовѣстная работа является до нѣкоторой степени слѣдствіемъ распространенія школьной системы. Каждый получаетъ такое обширное образованіе, что ручной трудъ кажется ему унизительнымъ. Среди американцевъ уже нѣтъ болѣе ни мастеровъ, ни слугъ. Въ доказательство нашихъ словъ сошлемся на одного изъ сотрудниковъ Скрибнеровскаго «Ежемѣсячника», который сказалъ:

«Американцы преклоняются передъ своей школьной системой. Дурной отзывъ о ней считается предательствомъ: стоитъ человѣку мало-мальски усомниться въ ея благотворности, и онъ прослыветъ врагомъ образованія. А между тѣмъ пора бы намъ перестать закрывать глаза на то, что она совершенно непригодна для задачи сдѣлать изъ ребенка рабочаго, наполняя дѣтскія головы поверхностными отвлеченностями».

Авторъ статьи говоритъ дальше, что прежняя система отдавать дѣтей въ ученіе въ какое-нибудь ремесло совершенно вышла изъ моды. Мальчики ходятъ въ школу, а времени для изученія ремесла у нихъ вовсе не остается, да и всякій ручной трудъ имъ уже не по вкусу. Поэтому всевозможныя ремесла находятся въ рукахъ исключительно

инострanceвъ. Юные американцы стремятся на службу или стараются жить умственнымъ трудомъ *).

«Подъ сѣнью широколѣвистаго каштана стоитъ деревенская кузница»,—говоритъ Лонгфелло въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, но это перестало быть истиной: подобныя идиллическія картины почти вовсе вывелись въ Америкѣ. Когда генераль Армстронгъ, членъ гэмптѳонской негрской колоніи, отправился на сѣверъ въ Виргинію, чтобы нанять тамъ кузнецовъ, онъ не нашелъ среди нихъ ни одного американца. Всѣ кузнецы были ирландцы, переходившіе изъ деревни въ деревню, исполняя предлагаемую имъ работу. Однако, въ слѣдующемъ поколѣніи американскихъ ирландцевъ, мужчины уже получаютъ настолько обширное образованіе, что не захотятъ посвятить себя какому бы то ни было ручному труду. Протестуя противъ этого съ быстротой эпидеміи распространяющагося зла, одинъ нью-іоркскій священникъ, отецъ многочисленнаго семейства, недавно возвѣстилъ съ кафедръ, что cadaго изъ своихъ сыновей намѣревается обучить какому-либо ремеслу, чтобы

*) На вопросъ: отчего заброшена старая система ремесленнаго образованія — мы должны отвѣтить, что препятствіе къ ея восстановленію непреборимо. Такъ, напримѣръ одинъ фортепіанный мастеръ жаловался на недостатокъ рабочихъ рукъ: причина же этому та, что его рабочіе состояли членами общества, присвоившаго себѣ право назначать число подмастерій, какое онъ могъ брать къ себѣ для обученія ихъ своему ремеслу. Число это они ограничили однимъ... Хозяину оставалось въ виду этого выписывать себѣ уже обученныхъ мастеровъ изъ-за границы. Т.-е. по всей странѣ существуетъ пелѣный обычай не допускать американскихъ мальчиковъ къ полученію серьезнаго ремесленнаго образованія, находящагося такимъ образомъ подъ гнетомъ насильственной системы, которую слѣдовало-бы парализовать вмѣшательствомъ закона. Что же получается? Съ одной стороны народная школа отвлекаетъ большинство своихъ учениковъ отъ ремесла, а съ другой члены союза, поработавъ и хозяевъ и мастеровъ, стѣсняютъ свободный выборъ тѣхъ, которыхъ природная склонность еще влечетъ къ ручному труду (Scribner's Monthly illustrated Magazine. March. 1880).

въ случаѣ нужды онъ могъ заработать себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ. Богатымъ, наравнѣ съ бѣдными, не мѣшало бы учиться работать возможно искусно и прилежно, потому что превращеніе богачей въ бѣдняковъ случается такъ же часто, какъ и обратное. Образованіе, не дающее человѣку достаточнаго умѣнья обезпечить на всю жизнь себя и его окружающихъ—неполно и не-удовлѣворительно.

Такъ часто и много жалобъ на плохія дѣла раздаются со всѣхъ сторонъ, но не сами ли мы въ этомъ виноваты? Согласно конторской ариметикѣ, дважды два не всегда превращается въ четыре. Ради возможно быстрой наживы къ какимъ уловкамъ ни прибѣгаютъ люди, отбрасывая въ сторону всякія соображенія о честности. Въмѣсто того, чтобы работать терпѣливо и добросовѣстно, чтобы приобрести себѣ умѣренное состояніе, каждый гоняется за мгновеннымъ обогащеніемъ. Господствующій духъ вѣка—духъ биржевой игры, а вовсе не торговли. Всѣ словно на бѣгахъ, задыхаясь, мчатся къ цѣли—богатству, призъ получаетъ проворнѣйшій. Не надо быть пророкомъ, чтобы указать, что бѣдственное положеніе нашей торговли и распостранившаяся въ ней система обмана, безумная роскошь и тщеславіе и самая жалкая, все ниже распространяющаяся нищета стоять въ тѣсной связи одно съ другимъ.

«Сынъ мой,—говорилъ одинъ отецъ,—ты стоишь на порогѣ жизни: люди будутъ стараться обижать тебя, но когда до этого дойдетъ, пусть лучше другіе тебя обманываютъ, чѣмъ ты станешь обманщикомъ самъ». Другой же убѣждалъ: «Если можешь—старайся нажитья честно, если не можешь—можно обойтись и безъ честности!» Третій промолвилъ: «Въ сущности быть честнымъ выгодноѣ, чѣмъ безчестнымъ: я попробовалъ оба способа». Разумѣется, подобныя слова противорѣчатъ самымъ основнымъ правиламъ правдивости и честности, но въ настоящее время бо-

лѣе высокіе нравственныя идеалы почти что отсутствуютъ въ торговлѣ.

Въ большихъ торговыхъ центрахъ молодежь съ удивленіемъ и поклоненіемъ смотритъ на стремленіе къ наживѣ людей, стоящихъ во главѣ крупныхъ предпріятій и слывающихъ богачами. Эти люди занимаютъ первое мѣсто въ обществѣ, задаютъ великолѣпные праздники, украшаютъ свои дома величайшими произведеніями искусства, наполняютъ свои погреба лучшими винами и, кажется, купаются въ золотыхъ волнахъ своихъ несмѣтныхъ капиталовъ. Примѣръ такого образа жизни кружитъ голову юношеству: не обладающіе твердой волей и твердыми нравственными устоями не въ силахъ противостоять искушеніямъ и идутъ по слѣдамъ этихъ крестовъ, попадаясь въ сѣти рискованныхъ спекуляцій. Можетъ быть вначалѣ они встрѣтятъ рядъ успѣховъ, и жажда наживы вполнѣ затягиваетъ ихъ въ мертвую петлю. Они теряютъ послѣднюю честь и совѣсть, векселя ихъ наводняютъ конторы и банки, они вдаются, ради поддержанія своего кредита, въ безумнѣйшіе расходы на предметы ненужной роскоши. Въ старинныя времена безчестные и власть имущіе отнимали силой имущество у ближнихъ; нынче они пріобрѣтаютъ его обманными банкротствами. Прежде всякое насилие и грабежъ совершались открыто, теперь все прикрывается тайной, пока страшная катастрофа не выводитъ преступленія на свѣжую воду. Дѣло рушится, вчерашній богачъ объявляетъ себя нищимъ, векселя его не стоятъ ничего, имущество распродается, и должникъ бѣжитъ, сопровождаемый проклятіями своихъ кредиторовъ. Во время банкротства одной крупной фирмы открылось, что 39.000 фунтовъ стерлинговъ занесены были въ графу расходовъ на дѣтскіе пріюты и другія благотворительныя учрежденія! Еще средство пускать пыль въ глаза довѣрчивымъ людямъ, которое кажется мнѣ отвратительнымъ. Фирма эта въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ закупала въ громад-

номъ количествѣ товары, тогда какъ несостоятельность ея была уже очевидна, и вела, такимъ образомъ, изъ финансовыхъ цѣлей мошенническую торговлю. Щедрая милостыня такихъ людей приводитъ мнѣ на память изреченіе манчестерскаго епископа: «Между нами встрѣтится немало людей, которые жертвуютъ части своихъ незаконныхъ доходовъ на сооруженіе храмовъ, чтобы очистить себѣ путь къ небесамъ!»

Кто не знакомъ съ банкротствами банковъ, начавшихъ съ биржевой игры и плутней и кончавшихъ жестокими крахами, увлекая въ своемъ паденіи цѣлыя состоянія, разоряя цѣлыя семьи своихъ вкладчиковъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ положеніямъ. Шиллеръ говоритъ: «Дерзость стащить миллионъ, но еще большее нахальство украсть гинею: грѣхъ, кажется, уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увеличиваются размѣры преступленія». Въ послѣднее время кражи миллионныхъ денегъ, кажется, особенно не удивляли. Деньги уносились изъ банковыхъ кассъ для покупки желѣзнодорожныхъ акцій или зсмель въ дальнихъ колоніяхъ, велись спекуляціи на повышение или пониженіе биржевого курса, приводившія къ ужаснымъ катастрофамъ. Банкъ прекращалъ дѣятельность, и въ результатѣ тысячи семействъ становились жертвами разоренія и отчаянія. Мужчины сходили съ ума, а женщины просили у Бога смерти.

«Смилуйся надъ нами, о, Господи; насъ пятеро: младшей шестьдесятъ лѣтъ. Мы преисполнены горя и страха. Хорошо, что мать наша умерла. Неужели не могли они подождать? Мы не задержимъ ихъ: мы согласны были бы довольствоваться малымъ, не теряя бодрости и веселаго настроенія. Но промѣнять на богадѣльню старый домъ, гдѣ жило вмѣстѣ съ нами столько святыхъ воспоминаній! Лучше могильный покой *)».

*) Авторъ этого стихотворенія, докторъ Уальтеръ Смитъ, скалъ на одномъ митингѣ въ Эдинбургѣ: «Я получилъ множество пи-

Богатые люди, въ надеждѣ стать еще богаче, очертя голову, бросаются въ самыя отчаянныя предпріятія, если только они общаются болѣе быстрый способъ нажиться. Въ большинствѣ случаевъ это ведетъ къ безнадежному разоренію и потерѣ всего, что они имѣли раньше. Это подтверждается самыми многочисленными примѣрами. Богатый ирландскій банкиръ изъ Типерари, демагогъ и радикаль, добился выбора въ парламентъ и современемъ, чтобъ упрочить свое политическое положеніе, пустился въ рискованныя финансовыя предпріятія. Уже корона пѣра носилась въ его честолюбивыхъ грезахъ, но онъ не достигъ своей цѣли. Онъ спекулировалъ на американскихъ, итальянскихъ и испанскихъ желѣзнодорожныхъ акціяхъ и понесъ жестокіе убытки. Тогда онъ сталъ выпускать на сотни тысячъ фунтовъ фальшивыя векселя, намѣреваясь поправить свои дѣла. Его хитрѣя, безчестныя плутни открылись. Разореніе уже стояло у его порога. Ночью онъ вошелъ къ себѣ, взявъ пузырекъ съ синильной кислотой, вышелъ на улицу, выпилъ ядъ и умеръ.

семь относительно банкротствъ, и многіе изъ моихъ корреспондентовъ выразили свое удивленіе, какъ я, человекъ религіозный, придаю такое значеніе бѣдствіямъ, возникшимъ изъ-за денегъ. Настоящее бѣдствіе, однако, приноситъ столько страданій нашимъ братьямъ по человечеству, что я не могу сочувствовать той религіи, которая принимаетъ такъ мало участія въ бѣдствіяхъ своихъ собратьевъ. Я стыжусь, что подобныя грабежи совершаются въ средѣ людей, пользующихся довѣріемъ, но надѣюсь, что мое дорогое отечество съ честью выйдетъ изъ этого проклятаго кризиса и вскорѣ вступитъ на путь дѣятельности здоровой и болѣе нравственной, чѣмъ какаяслошъ и рядомъ встрѣчается теперь. Меня спрашивали, въ дѣйствительности-ли случилось то, что писали многія газеты о пяти сестрахъ-старухахъ? Да, къ сожалѣнію это самый достоверный фактъ, и я никогда не забуду той минуты, когда ихъ увидѣлъ, спустя 9 дней послѣ банковаго краха: несчастныя не ѣли, не пили и не спали: пораженныя и убитыя, онѣ жили только слабой, смутной надеждой, что Господь освободитъ ихъ всѣхъ разомъ отъ бѣдственной ихъ жизни».

Какое страшное зрѣлище открылось на улицахъ Торльса и Типерари, когда распространилась вѣсть о его смерти! Старики съ жалкимъ плачемъ жаловались на потерю всего состоянія, и вдовы въ отчаяніи становились на камни мостовой, взывая: «Неужели мы стали нищими навѣки!» Но страшная правда была на-лицо. Богатый лордъ и банкиръ растратилъ всѣ свои банковые вклады до послѣдней копѣйки, ухватился за плутовскія продѣлки, чтобы вернуть потерю, и все глубже и глубже запутывался въ сѣтяхъ своихъ спекуляцій, приведшихъ къ полному разоренію тѣхъ, кто ему довѣрился. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ на имя брата, онъ говоритъ: «Ужасно видѣть и чувствовать до какого я дошелъ позора, спускаясь постепенно въ пропасть, ведомый преступленіями, смѣнявшими одно другое. Я—причина разоренія, отчаянія и ужаса тысячъ людей. Какъ ужасно, какъ гнетуще это сознаніе! Я готовъ подвергнуться какому угодно наказанію, но видѣть ихъ страданья я не въ силахъ. Я не могу слышать ихъ стонъ и проклятій. Смерть—это лучший для меня исходъ. Если-бъ я совсѣмъ не покидалъ Ирландіи! А еще лучше было бы, если-бъ у меня хватило во-время духа противостоять первому искушенію пуститься въ спекуляціи! Я вѣроятно остался бы тѣмъ, чѣмъ былъ,—честнымъ и правдивымъ. Теперь я горькими слезами оплакиваю свое паденіе, я полонъ жгучаго раскаянія—но къ чему оно приведетъ?» *)

*) Недостойное пристрастіе въ наслажденіямъ и удобствамъ жизни, пишетъ епископъ Петерборосскій, унижительное поклоненіе богатству и деморализирующія и безчестныя продѣлки, которыя ведутъ за собой жажда наживы, не имѣющая себѣ предѣловъ роскошь, чаще всего возникающая какъ слѣдствіе обладанія богатствами, пропитанный гордостью и избыткомъ земныхъ благъ порокъ откаивается даже носить маску лицемѣрной правдивости и становится нахаломъ. Гнусный цинизмъ своимъ беспощаднымъ издѣвательствомъ убиваетъ всѣ благороднѣйшія стремленія—лучшую сторону народной жизни. Результатомъ всего этого является отчаянная борьба

Подобно отдѣльнымъ лицамъ, цѣлыя государства и народы могутъ быть безчестными. Такъ, напримѣръ, Испанія, Греція и Турція пользуются очень дурной репутаціей въ коммерческомъ мірѣ. Испанію погубили ея несчетныя богатства. Золото, получаемое ею изъ южныхъ американскихъ ея колоній, развратило народъ и развило въ немъ лѣнь и безпечность. Въ настоящее время испанецъ стыдится, если обстоятельства вынуждаютъ его работать, но просить милостыню—ему нимало не совѣстно. Греція уже давнымъ-давно не платитъ своихъ долговъ: подобно Турціи, ей нечѣмъ платить ихъ. Всѣ ремесла и промыслы этихъ государствъ находятся въ рукахъ иностранцевъ.

Болѣе благородства можно было бы ожидать отъ Филадельфіи и остальныхъ южно-американскихъ штатовъ, которые въ 1837 — 38 году отказались отъ уплаты своихъ долговъ, хотя они вовсе не нуждались и обогатились еще болѣе внѣшними и внутренними займами, что дало имъ возможность настроить дорогъ и провести каналы. Сидней Смитъ, извѣстный талантливый англійскій публицистъ (каноникъ церкви св. Павла въ Лондонѣ), отпустившій имъ въ числѣ другихъ «свои сбереженія отъ пожизненнаго дохода, отложенныя имъ съ помощью труда и лишеній»,

интересовъ, изо дня въ день растущая сословная вражда, рожденная эгоистической завистью нищеты, возстающей въ силу естественной реакціи противъ тщеславнаго эгоизма богатства, страстная ненависть, съ какой несчастный нищій начинаетъ мало-по-малу относиться ко всему общественному строю. Отсюда взбалмошные революціонные порывы, надежда на то, что переворотъ уравниетъ всѣхъ безъ труда и усилій съ ихъ стороны. Вотъ сѣмена, которыя, посеянныя на родной намъ почвѣ нашими собственными руками — вырастутъ въ одинъ несчастный день въ непреодолимую силу, которой должно бояться больше, чѣмъ самыхъ многочисленныхъ нашествій какого-либо внѣшняго врага. Вотъ какимъ образомъ въ распаленной атмосферѣ нашей новѣйшей цивилизаціи вянутъ и гибнутъ драгоценнѣйшія основы нашего національнаго величія. И если мы не позаботимся о необходимой перестройкѣ—то можетъ быть наступитъ время, когда горько покажемъ о томъ.

въ пылкомъ увѣщательномъ письмѣ, посланномъ въ ва-
шингтонское собраніе представителей власти и впослѣд-
ствіи напечатанномъ, предалъ гласности этотъ поступокъ:
«Американцы, которые хвастаютъ тѣмъ, что улучшили
у себя всѣ учрежденія Стараго Свѣта, стали съ нимъ на
одну доску, по крайней мѣрѣ, на пути преступленія. Ра-
стоптавъ въ пыли всякій земной деспотизмъ, американскій
великій народъ не побоялся поднять на свои плечи чудо-
вищное надувательство, какимъ когда либо запятналъ себя
самый ничтожный изъ властителей самой безчестной
европейской державы».

Штатъ Иллинойсъ, хотя и былъ бѣденъ, одинъ посту-
пилъ тогда съ истиннымъ величіемъ. Какъ и Филадельфія,
онъ сдѣлалъ заемъ, чтобы привести въ исполненіе нѣко-
торыя планы внутреннихъ усовершенствованій. Когда жи-
тели богатой Филадельфіи рѣшили не платить своихъ дол-
говъ, многіе болѣе бѣдныя штаты послѣдовали сейчасъ же
ихъ примѣру. Такъ какъ каждый домовладѣлецъ имѣлъ
право подавать голосъ въ этомъ дѣлѣ—провести эту мѣру
было очень легко. Въ главномъ городѣ штата Иллинойса,
Спрингфильдѣ, собрался совѣтъ, гдѣ предложенъ былъ на
голосованіе проектъ отказа отъ уплаты. Большинство было
за отреченіе и уже проектъ былъ на пути къ утвержденію,
когда одинъ честный человѣкъ помѣшалъ этому. Степанъ
Дугласъ, позднѣе судья высшаго государственнаго совѣта
въ Иллинойсѣ и сенаторъ, имя котораго заслуживаетъ
глубочайшаго уваженія, лежалъ тогда больной въ своемъ
отелѣ, но, несмотря на это, пожелалъ присутствовать на со-
вѣтѣ. Его принесли на носилкахъ, такъ какъ онъ былъ слабъ
и не могъ ходить. Лежа, онъ написалъ съ трудомъ слѣду-
ющее заключеніе, которое убѣдилъ своихъ сочленовъ при-
нять вмѣсто указа объ отреченіи въ уплатѣ:

«Рѣшено, что штатъ Иллинойсъ поступитъ честно,
хотя бы ему и не удалось уплатить ни одного цента».

Такое рѣшеніе пробудило чувства чести во всѣхъ чле-

нахъ совѣта и было принято съ восторгомъ, нанеся смертельный ударъ проекту объ отреченіи. Едва одѣлалось извѣстно, что долги Иллинойса будутъ выплачены, облигаціи каналопроводнаго общества быстро поднялись въ цѣнѣ. Свершился значительный приливъ капиталовъ и людей, и въ настоящее время штатъ Иллинойсъ славится своимъ благосостояніемъ. Желѣзныя дороги растянулись въ немъ на много большія разстоянія, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ штатѣ. Его обширныя преріи представляютъ одну сплошную, хорошо обработанную ниву и населены многочисленными мирными, пользующимися сравнительно цвѣтущимъ благосостояніемъ, жителями. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ своей честности.

Мы стали слишкомъ эгоистичны—вотъ въ чемъ проклятье. Чѣмъ больше мы заботимся о собственныхъ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, тѣмъ менѣе печалятъ насъ нужды нашихъ ближнихъ. Человѣку эгоистичному недоступны понятія о чужихъ печаляхъ, онъ словно носитъ непроницаемый панцырь, который защищаетъ его отъ стонъ и жалобъ чужого бѣдствія. Его умъ отдается только приятнымъ впечатлѣніямъ. «Есть люди,—говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—которые живутъ лишь для наслажденій, проводя время въ упитываніи своего тѣснаго тѣла... При видѣ ихъ обремененныхъ яствами столовъ, ангелы Божіи отворачиваютъ свои лики, дьяволъ ликуетъ, люди добродѣтельные негодуютъ, слуги смѣются съ презрѣніемъ... Праведники предоставляютъ такіе роскошные праздники лишь тиранамъ и людямъ, которые дышали преступленіемъ и были бичами міра».

Мы не умѣемъ болѣе жить просто, удовлетворяясь малымъ, какъ это подобаетъ бѣднымъ и честнымъ людямъ. Всякій стремится къ роскошной обстановкѣ—удѣлу богатаго, ставя достиженіе ея главной цѣлью жизни, какъ будто она одна даетъ счастье. Ограниченіе себя во всемъ, что не составляетъ необходимости, является между тѣмъ лучшимъ

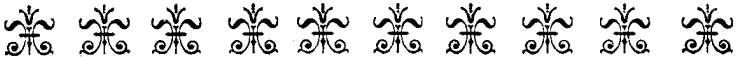
и вѣрнѣйшимъ путемъ къ христіанскому самоотреченію и твердости силъ и благородству, какими отличался характеръ древнихъ. Болѣе всего не хватаетъ нашему вѣку такихъ людей, которые отличались бы способностью удовлетворять всѣмъ своимъ скромнымъ желаніямъ, беря съ покорностью то, что даетъ имъ судьба. «Великое сердце въ скромной обстановкѣ,—говоритъ Лакордеръ,—вотъ что всегда трогало меня глубже всякихъ земныхъ благъ. Счастливы сѣющій сѣмена правды и добра. Выходы не обмануть его упованій».

Тутъ приведемъ, кстати, примѣръ строгой честности и правдивости, проявившихся однажды въ поступкахъ и характерѣ простаго нѣмецкаго крестьянина, который разсказанъ Бернарденемъ де-Сень-Пьеръ въ его «Этюдахъ о природѣ». Совершая походъ въ Гессенъ въ 1760 г., Бернарденъ служилъ въ качествѣ инженера подъ начальствомъ графа де-Сень-Жерменъ. Впервые довелось нашему писателю познакомиться со всѣми бѣдствіями войны; каждый день проходили они по разореннымъ селамъ и опустошеннымъ нивамъ. Мужчины, женщины и дѣти съ плачемъ покидали свои хижины, скрываясь въ лѣсахъ отъ безпощаднаго врага, предававшаго огню и мечу плоды ихъ трудовъ и хвалясь этимъ. Но среди этихъ золь и ужасовъ Сень-Пьеру довелось увидѣть высокія черты благородства и честности бѣднаго крестьянина, чье жилище стояло на пути движенія арміи.

Драгунскій капитанъ получилъ приказаніе отправиться со своими людьми въ поиски за провіантомъ. Дойдя до бѣдной хаты, они постучали въ дверь. Сѣдой старикъ показался на порогѣ. «Сведи насъ куда-нибудь на поле, гдѣ я могу найти кормъ для солдатъ и лошадей»,—крикнулъ ему офицеръ.—Сейчасъ, сударь,—отвѣчалъ старикъ. И онъ провелъ его вверхъ по долинѣ. Приблизительно черезъ полчаса ходьбы, они увидѣли прекрасное ячменное поле. «Вотъ и прекрасно: больше намъ ничего не нужно»,—ска-

заль офицеръ.—Продождите немножко,—отвѣчалъ старикъ,—мы найдемъ и получше.—Рота двинулась впередъ и дошла до второго поля. Всадники спѣшились, скосили ячмень и, сдѣлавъ снопы, навьючили ими своихъ лошадей. «Другъ,—сказаль тутъ офицеръ,—зачѣмъ ты насъ вель такъ далеко? Первое поле было нисколько не хуже».—Правда,—отвѣтилъ старикъ,—только вѣдь оно было не мое.

ГЛАВА IV.

НЕПОДКУПНЫЕ ЛЮДИ.

Если хочешь учить людей правдѣ—будь самъ высоко нравственнымъ человекомъ. Пусть твоя жизнь, какъ зеркало, отражаетъ добродѣтель.

Свѣтъ прекрасенъ и жизнь радостна, пока мы даемъ ему, что можемъ, и протягиваемъ руку помощи: онъ становится зломъ и печалью, когда надо просить у него или получить свое обратно.

Бульверъ Литтона.

Незапятанная честь—лучшее сокровище въ этомъ мѣрѣ.

Штислеръ.

Мудрецъ презираетъ славу, но не честь. Рѣдко честь идетъ объ руку со славою, еще рѣже слава съ честью.

Зенке.

Честь лучше денегъ.

Фр. пословица.

Все мы, къ сожалѣнію, сталкивались съ людьми, которыхъ можно купить, съ безчисленнымъ множествомъ негодяевъ, готовыхъ продать душу и тѣло за деньги или хорошую порцію водки. Кто изъ насъ не слышалъ о выборахъ, которые становились недействительными, благодаря подкупу и взяткѣ. Подобный образъ дѣйствій является плохой гарантіей для наслажденія свободой и ея охраненія. Люди, продающіе себя,—рабы, а тѣ, которые ихъ покупаютъ,—безнравственны и безчестны. Свобода также не всегда независима отъ эксплуатаціи. «Я стою на почвѣ свободы»,—торжественно объявилъ одинъ ораторъ.—Не правда,—отвѣтилъ ему находившійся среди слушателей

сапожникъ, — вы стоите въ сапогахъ, за которые вы мнѣ еще не заплатили.

Люди всегда почти склонны примыкать къ большинству, повинаясь призывному лозунгу толпы. «Что такое большинство?—спрашиваетъ Шиллеръ. — Разсудительность всегда составляла удѣлъ меньшинства. Голоса, въ сущности, должно не считать, но вѣдѣшивать. Государство, въ которомъ численность беретъ перевѣсъ, а невѣжество рѣшаетъ, рано или поздно придетъ къ разложенію».

Когда въ шотландской церкви произошелъ расколъ, Норманъ Меклеодъ сказалъ, что большимъ испытаніемъ для плоти является стремленіе остаться вѣрнымъ непопулярной партіи и продолжать поступать, какъ подсказываетъ совѣсть. Насмѣшки и взрывъ негодованія были ему отвѣтомъ. «Сегодня, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ, — я видѣлъ въ Голирудской часовнѣ могилу съ надписью: «Здѣсь покоится честный человекъ». Хотѣлъ-бы я одного въ жизни: заслужить себѣ подобную же эпитафію».

Люди легкомысленные, безпечные и неразвитые большею частью поддаются подъ влияніе людей безнравственныхъ, а изъ такихъ состоитъ большинство. Одинъ французскій шарлатанъ привлеченъ былъ въ Парижѣ къ отвѣтственности за то, что загоразивалъ проходъ по Новому мосту, собирая вокругъ себя громадную толпу. Судья спросилъ его: «Скажи, молодецъ, какъ это тебѣ удается собирать столько народа и вытягивать у него деньги продажей всякихъ лѣкарствъ?»—Сударь, — отвѣтилъ шарлатанъ, — какъ вы думаете, сколько людей проходитъ въ часъ по Новому мосту?—«Право не знаю», — отвѣчалъ судья. — Такъ я вамъ отвѣчу: около десяти тысячъ, а сколькихъ изъ нихъ можно назвать умными?—«Ну, сто, пожалуй!»—Это чересчуръ много, — разсмѣялся шарлатанъ, — ну, положимъ, я вамъ оставлю этихъ сто, а девять тысячъ девятьсотъ пусть остаются мнѣ въ качествѣ покупателей.

Люди идутъ на подкупъ во всѣхъ слояхъ общества и всѣми приемами, разъ они лишены чувства чести и сознанія собственнаго достоинства: если-бы было иначе,—то они конечно возмущались бы подобными посягательствами, въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Нерѣдко случается, что подкупить себя позволяютъ интендантскіе чиновники, принимая безъ браковки годный и негодный къ употребленію товаръ отъ подрядчиковъ: вотъ почему солдатская обувь разваливается въ самомъ началѣ похода, солдатское сукно быстро превращается въ лохмотья, провіантъ выдается войску испорченный и несвѣжій. Такъ капитанъ Нерсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ подать самый печальный отчетъ обо всемъ, что касалось продовольствія его солдатъ во время полярной экспедиціи; подобныя жалобы раздавались во французской арміи во время франко-прусской войны и въ русской во время послѣдней восточной. Все это плоды подкупа. Поварь беретъ взятку съ торговца съѣстными припасами, буфетчикъ съ виноторговца, и т. д. до высшихъ степеней, отчего многіе, получая небольшое жалованье, страшно наживаются.

«Всѣ дѣловыя отношенія отравляются всевозможными незаконными комиссіонерствами»,—говоритъ по этому поводу одна изъ статей въ Times. Но если когда-нибудь это зло изъ людской и рынка проникнетъ въ болѣе высокія области общественной жизни и государственную службу—этимъ самымъ будетъ подорвано всякое довѣріе къ общественнымъ дѣятелямъ. Вопросомъ величайшей важности является предохраненіе государственной службы отъ подобныхъ пороковъ: ни малѣйшее подозрѣніе не должно падать на чиновника, занимающаго видное мѣсто и облеченнаго полнымъ довѣріемъ. Печально будетъ, если въ обществѣ когда-нибудь распространится слухъ, что правительственные чиновники способны сдаться на взятку или принимать «на чай».

Одинъ изобрѣтатель предложилъ новую систему кон-

троля числа пассажировъ, входящихъ въ омнибусъ, но получили въ отвѣтъ слѣдующее заявленіе: «Этотъ способъ контроля для насъ бесполезенъ: намъ подходило бы изобрѣтеніе, способное создавать честныхъ людей; боюсь, что мы не найдемъ ничего въ этомъ родѣ». Намъ нужны честные люди! Вотъ крикъ, который раздается со всѣхъ сторонъ. Полиція часто накрываетъ на воровствѣ и мошенничествѣ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, которое и обмануто ими самымъ низкимъ образомъ. Болѣе всего недостаетъ намъ людей, которые своей жизнью и дѣлами убѣдили-бы міръ, что имъ можно довѣряться безгранично и безусловно.

То-же самое происходитъ и въ другихъ странахъ. Россія, Испанія и Египетъ хуже всего обставлены въ этомъ отношеніи. Въ Россіи продажность чиновниковъ, даже лицъ высокопоставленныхъ, превосходитъ всякія вѣроятія. Золото—вотъ чѣмъ люди только и могутъ проложить себѣ тамъ дорогу, желая чего-нибудь добиться. Подкупъ производится тамъ всевозможными приемами, и безчисленные рассказы, не лишенные трагическаго юмора, ходятъ по этому поводу въ публикѣ. Единственнымъ извиненіемъ этого сильно распространеннаго зла является скудость получаемого поденными служащими жалованья. Постройка московско-петербургской дороги въ пятидесятихъ годахъ стоила баснословныя суммы. Невѣроятныя оклады получали инженеры и рабочіе, но не менѣе сказочныя суммы растаяли въ карманахъ директоровъ и т. п. начальства. Князь Меншиковъ сопровождалъ однажды императора Николая въ его поѣздкѣ по Петербургу, который показывалъ столицу вновь назначенному персидскому послу. Персъ, проникнутый истинно-восточной апатіей, равнодушно смотрѣлъ на золотоглавыя храмы, на мраморныя дворцы, великолѣпныя театры, ослѣпительныя витрины магазиновъ. Императора взяла досада. Онъ шепнулъ Меншикову съ нетерпѣніемъ: «Неужели мы не нападѣмъ ни на что такое.

что поразило бы этого человѣка?» «Есть нѣчто такое, — отвѣтилъ князь:—покажите ему, ваше величество, счетъ по постройкѣ Николаевской дороги!»

Въ Египтѣ огромный подкупъ взимается за пропускъ въ портъ, то-же самое производится и въ Испаніи, гдѣ ни одинъ корабль не вступаетъ въ гавань, прежде чѣмъ не нагрузить обильными взятками карманы таможенныхъ чиновниковъ. Извиненіемъ опять является недостаточность окладовъ: безъ этихъ побочныхъ поборовъ испанскому чиновнику нечѣмъ жить.

Попадаются люди, идущіе на подкупъ, и въ республикахъ. Золото выручаетъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и рѣшаетъ множество задачъ. Въ Америкѣ — образъ міровыхъ республикъ—подкупъ примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Обыкновенный окладъ средней руки чиновника оказывается далеко недостаточнымъ для того образа жизни, который ведетъ тамъ бюрократія; но и всѣ чиновники высшіе и низшіе берутъ взятки въ видѣ экипажей, лошадей или просто денегъ. Проницательнѣйшіе и наиболѣе честные изъ американскихъ государственныхъ дѣятелей не могутъ не сознаться съ глубокой печалью, насколько продажность, подкупъ и всякія грязныя сдѣлки подрываютъ авторитетъ правительства и поддерживаютъ дурную славу объ общественной нравственности въ глазахъ всего міра.

Подобныя вещи происходятъ во всѣхъ странахъ міра, независимо отъ монархическаго, аристократическаго, республиканскаго и какого бы то ни было вообще образа правленія. Дѣло не въ образѣ правленія, а въ тѣхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ оно находится. Политическое могущество, находящееся во власти себялюбивыхъ людей, готовыхъ воспользоваться имъ для достиженія эгоистичныхъ цѣлей, является настоящимъ бичомъ, тогда какъ при разумномъ и справедливомъ образѣ дѣйствій оно представляетъ истинное благословеніе и благодѣяніе для общества.

Горе странѣ, въ которой правящія сферы заражены себялюбивыми стремленіями и страстью къ наживѣ. Зло распространяется сверху внизъ, проникая даже въ самые бѣднѣйшіе классы, такъ что вся жизнь сосредоточивается на погонѣ за деньгами и наслажденіями жизни. Въ подобныхъ случаяхъ уже и рѣчи быть не можетъ о какихъ-либо нравственныхъ основахъ: честность считается старо-свѣтской фантазіей, вѣра и вѣрность гибнутъ, и общество превращается въ настоящій базаръ суеты и наживы.

Безъ сомнѣнія, міръ еще не вовсе лишенъ людей, которые не продадутъ своей чести за всѣ сокровища вселенной, и во всѣ времена находились такіе, которые, несмотря на крайнюю бѣдность, отказывались продавать себя, неуклонно служа своему долгу. Между сѣверо-американскими индѣйцами стремленіе къ обогащенію считается недостойнымъ порядочнаго человѣка, и вождемъ бываетъ часто самый бѣдный представитель племени. Лучшіе благодѣтели челоуѣчества почти-что всегда были бѣдняками, какъ среди евреевъ, такъ и среди грековъ и римлянъ. Елисей работалъ на полѣ съ плугомъ, когда былъ призванъ пророчествовать, и Цинцинатъ также точно обрабатывалъ свою ниву, когда его призвали къ диктаторству. Сократъ и Эпиминондъ принадлежали къ бѣднѣйшимъ изъ гражданъ Греціи, такъ-же бѣденъ былъ Сынъ плотника изъ Назарета и Его апостолы — галилейскіе рыбаки, свыше вдохновенные распространители христіанскихъ истинъ.

Аристидъ за свою глубокую честность получилъ прозваніе «справедливаго». Его безкорыстіе осталось навѣки незапятнаннымъ, его справедливость — непогрѣшимой. Онъ сражался при Мараонѣ и Саламисѣ и предводительствовалъ войсками при Платеѣ. Но, занимая самыя высокія должности въ государствѣ, онъ умеръ бѣднякомъ. Ничто не могло подкупить его и заставить свернуть съ пути долга, и шла молва, что, видя передъ собою этотъ блестящій примѣръ, аеиняне сами стали добродѣтельныѣ. Во

время представлѣнія одной изъ трагедій Эсхила, гдѣ пла рѣчь о добродушіи и безкорыстіи, которыя громко восхва лялись, взоры всѣхъ зрителей, оторвавшись отъ сцены, устремились на Аристиду.

Фокіонъ, аѣинскій военачальникъ, человѣкъ высокаго ума и необычайной храбрости, былъ прозванъ «честнымъ». Когда Александръ Македонскій вторгся въ Грецію, онъ попробовалъ склонить на свою сторону Фокіона истинно царскими дарами: онъ предлагалъ ему не только денегъ, но цѣлыхъ четыре города въ Малой Азіи. Отвѣтъ Фокіона достаточно показываетъ всю нравственную чистоту этого человѣка: «Если Александръ дѣйствительно цѣнитъ меня— пусть онъ мнѣ оставитъ мое честное имя».

Нѣчто иное, справедливо или несправедливо, рассказывають о краснорѣчивомъ греческомъ ораторѣ Демосеенѣ. Когда Гарпаль, одинъ изъ полководцевъ Александра Великаго пришелъ въ Аѣины, онъ пытался подкупить своимъ золотомъ греческихъ политическихъ ораторовъ, и прежде всѣхъ знаменитаго Демосеена, и это, будто-бы, удалось ему. Рассказываютъ, что Демосеенъ, придя къ Гарпалу, съ жадностью принялся разсматривать прекрасной работы золотой кубокъ; хозяинъ передалъ кубокъ гостю, чтобы ораторъ могъ убѣдиться въ его тяжести. «Сколько можетъ стоить такой кубокъ?» спросилъ Демосеенъ. — Онъ вамъ принесетъ до 20-ти талантовъ, — отвѣтилъ Гарпаль и въ тотъ же вечеръ, насыпавъ въ кубокъ деньги, отправилъ его къ Демосеену. Но этотъ поступокъ покрылъ послѣдняго позоромъ и вскорѣ Демосеенъ отравился.

Цицеронъ, напротивъ, никогда не принималъ подарковъ ни отъ друзей, ни, тѣмъ менѣе, отъ враговъ своего отечества, и никто не могъ поставить ему въ упрекъ жадность или корыстолюбіе. Послѣ того, какъ онъ былъ умерщвленъ по приказанію своего врага, Антонія, императоръ Августъ засталъ однажды своего внука за сочиненіями Цицерона. Ребенокъ хотѣлъ спрятать книгу, но им-

ператоръ взялъ ее въ руки, долго задумчиво перелистывалъ и возвратилъ ее мальчику съ ласковыми словами: «Милый сынъ, ты спокойно можешь читать эту книгу: писавшій ее былъ краснорѣчивый ораторъ и глубоко преданный своему отечеству человѣкъ».

Когда греческаго мудреца Біаса спросили въ ту минуту, какъ онъ вмѣстѣ съ другими вынужденъ былъ покинуть родной городъ, отчего онъ не взялъ съ собою ни хотя бы маленькой части своего имущества, какъ это дѣлали другіе, — онъ отвѣтилъ «Все свое я несу съ собою!»

Когда императоръ Діоклетіанъ отрекся отъ престола и соправитель его, Максимиліанъ: убѣждалъ его вернуться, Діоклетіанъ отвѣтилъ: «Если-бы ты видѣлъ чудную капусту, которую я собственными руками посадилъ въ Салоникахъ, чудныя дыни, которыя я самъ выростилъ, и тѣнистыя рощицы, которыя я развелъ вокругъ своей виллы, — навѣрное ты не сталъ бы больше настаивать, чтобы я промѣнялъ это мирное счастье на жажду власти и трона».

Ему доставляло полнѣйшее удовлетвореніе то, что онъ пользовался плодами собственныхъ трудовъ и стараній. Онъ былъ вдохновляемъ духомъ трудолюбія, внушающимъ стойкость и энергію труженику, храбрость воину и твердость государственному человѣку. Трудъ устраняетъ искушенія безчестныхъ поступковъ, открываетъ болѣе широкія перспективы развитію всѣхъ человѣческихъ способностей и придаетъ новыя силы для исполненія обязанностей. Вотъ почему римляне такъ желали возвращенія Деоклетіана на государственное поприще. Довольство лучше роскоши и могущества: оно является неисчерпаемымъ источникомъ богатства и счастья. Марія, старшая сестра Елизаветы Англійской, высказывала не разъ сожалѣніе о томъ, что родилась принцессой, а не простой дѣвушкой, а для многихъ и многихъ это дѣйствительно было бы лучше. Она избѣгла бы мученій неудовлетворенной любви, злоупотребленія королевской властью и всѣхъ кровопролитій, кото-

рыя превратили ея царствованіе въ самый мрачный періодъ англійской исторіи и приобрѣли ей прозвище «Марія Кровавой».

Благородные и честные люди трудятся не ради денегъ, но во имя человѣколюбія, чувства чести и благородства. Когда Сократъ предпочелъ лучше умереть, чѣмъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, когда Ласъ-Казасъ прилагалъ всю свою энергію, чтобы смягчить жестокую судьбу несчастныхъ индійцевъ — оба не помышляли ни о деньгахъ, ни даже о своемъ отечествѣ: они трудились во имя общественной пользы и отдавали что могли для возвышенія мыслящаго и утѣшенія страждущаго человѣчества.

Принимая отъ папы Павла III заказъ по сооруженію собора св. Петра въ Римѣ, Микель Анджело поставилъ условіемъ, что онъ будетъ работать совершенно безвозмездно, единственно лишь во славу Божию. Менѣе возвышенной, но болѣе эксцентричной является идея бельгійскаго художника Виртца († 1865 г. въ Брюсселѣ), который никогда не хотѣлъ продавать ни одного изъ своихъ твореній. «Оставьте у себя свои деньги, — говорилъ онъ покупателямъ, — золото приноситъ гибель таланту».

На поприщѣ политической жизни выдающееся мѣсто занимаютъ обыкновенно деньги и почести при назначеніи человѣка на извѣстную должность, а вовсе не его заслуги, что доказываетъ упадокъ общественной нравственности, разъ политическая причина замѣняется совершенно посторонними низменными соображеніями или личнымъ вліяніемъ какой-либо высокой особы вмѣсто вниманія къ истиннымъ заслугамъ на пользу отечества — подобное положеніе дѣлъ унижительно для администраціи.

Андреа Морвель былъ патріотомъ древне-римскаго образца. Онъ родился въ Гуллѣ въ началѣ царствованія Карла I и жилъ въ самое неспокойное время. Юношей онъ четыре года учился въ кэмбриджской Trinity College и затѣмъ путешествовалъ по Европѣ. Въ Италіи онъ встрѣ-

тился съ поэтомъ Мильтономъ и остался на всю жизнь его другомъ. По его возвращеніи въ Англію тамъ разгоралась международная война, но онъ, кажется, не принималъ въ ней дѣятельнаго участія, хотя всегда считался самымъ ревностнымъ поборникомъ свободы. Въ 1660 г. онъ выбранъ былъ въ члены парламента въ качествѣ представителя своего родного города и, засѣдая въ немъ, чуть ли не съ каждой почтой извѣщаль городского плову и своихъ избирателей о ходѣ дѣлъ.

Морвель не сочувствовалъ анти-монархистскимъ идеямъ Мильтона. Его біографъ характеризуетъ его, какъ друга свободы Англіи и великой хартіи. Онъ не возставалъ противъ въ достаточной мѣрѣ ограниченной монархіи и на этомъ основаніи стоялъ за реставрацію Стюартовъ. Народъ тоже не имѣлъ ничего противъ этого, надѣясь, что съ возвращеніемъ Карла II возродится миръ и справедливость, но даже друзья монарха жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Морвель, въ знакъ того, что его не считаютъ врагомъ двора, получилъ назначеніе въ Россію при посольствѣ лорда Карлейля. Много бѣдствій разразилось во время его отсутствія надъ Англіей. Новый король постоянно нуждался въ деньгахъ и, стремясь добыть ихъ, вѣчно прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ уловкамъ: продавалъ должности, учреждалъ монополіи и дѣйствовалъ исключительно изъ личныхъ выгодъ, не обращая вниманія на нужды страны. Въ одномъ изъ писемъ къ своимъ избирателямъ Морвель, возмущенный этимъ, говоритъ: «Дворъ все болѣе погружается въ глубину нужды и роскоши, а въ народѣ царствуетъ всеобщее недовольство». Во время разбирательства въ лондонскомъ судѣ присяжныхъ дѣла двухъ квакеровъ, Пенна и Мида, судья подавалъ совѣтъ ввести въ Англію испанскую инквизицію, потому будто-бы, что иначе «нечего ждать хорошаго для страны!»

При посредствѣ своихъ придворныхъ и ложныхъ патриотовъ, подкупленныхъ королевскимъ золотомъ, Карлъ II

продолжалъ, нисколько не задумываясь, свой прежній образъ дѣйствій. Но нельзя было подкупить Морвеля, хотя дворъ и попытался сдѣлать это. Онъ продолжалъ печатать свои сатиры на придворную жизнь и ея паразитовъ. Они читались всеми отъ короля до послѣдняго лавочника. И король рѣшилъ пустить въ ходъ все возможное, чтобы привлечь на свою сторону такого опаснаго противника или, по крайней мѣрѣ, лишить его возможности вредить двору. И вотъ Морвеля принялись склонять къ миру то лаской, то угрозой, создавали ему всевозможныя препятствія, окружали его шпионами, подсылали къ нему наемныхъ убійцъ, и многія очаровательныя придворныя дамы старались разставить ему свои сѣти. Ничто не помогало. Ни одной Далилѣ не удалось проникнуть въ тайну его твердости, онъ вышелъ невредимымъ изъ всѣхъ опасностей, и никакія угрозы и ласки не могли поколебать его честной гордости и твердыхъ нравственныхъ принциповъ.

Шла молва, что лордъ казначейства, Денби, въ расчетъ подкупить Морвеля, посѣтилъ своего стараго школьнаго товарища въ его бѣдной мандсардѣ. Прощаясь съ нимъ, Денби незамѣтно сунулъ ему въ руку чекъ на 1000 фунтовъ и быстро спустился по лѣстницѣ къ своей каретѣ. Морвель, посмотрѣвъ на бумажку, поспѣшалъ вслѣдъ за знатымъ посѣтителемъ и сказалъ: «Милордъ, подождите минутку». Денби охотно опять поднялся на его чердакъ, куда Морвель призвалъ прислуживавшаго ему мальчика Джека: «Джекъ, скажи, что ты вчера мнѣ подавалъ къ обѣду?» — «Развѣ вы не помните, сэръ? у васъ была передняя баранья лопатка, которую, по вашему приказанію, я купилъ на рынкѣ у торговки». — «Хорошо, хорошо; ну а сегодня что я буду обѣдать?» «Но, сэръ, развѣ вы не знаете? вѣдь вы же велѣли мнѣ вчера отрѣзать кусокъ лопатки, чтобы его поджарить на сегодня!» — «Да, да, правда, ну ступай съ Богомъ». «Милордъ, — сказалъ тогда Морвель, обращаясь къ казначею, — вы слы-

шали? О моемъ обѣдѣ уже позаботились сегодня, возьмите же назадъ свою бумажку. Я понимаю, на что вы хотѣли намекнуть своимъ дружескимъ вниманіемъ, но я здѣсь служу для пользы моихъ избирателей. Пусть министерство ищетъ себѣ другихъ, нужныхъ для его цѣлей: я къ такимъ не принадлежу».

И своему благородному направленію Морвель остался вѣренъ до конца жизни. Онъ умеръ не запятаннымъ по отношенію къ нравственной чистотѣ своего характера: онъ вѣрно служилъ своимъ избирателямъ и былъ преданъ ихъ интересамъ. Не особенно стѣняясь въ средствахъ, онъ жилъ тѣмъ не менѣе умѣренно и просто. Въ іюлѣ 1678 г. онъ въ послѣдній разъ посѣтилъ свое отечество. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Лондонъ, онъ скончался внезапно и неожиданно для всѣхъ. Многіе держались того мнѣнія, что онъ былъ отравленъ, но это не доказано. Одно вѣрно и несомнѣнно: онъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ и борцомъ за правду! На его памятникѣ вырѣзаны прекрасныя слова: «Онъ былъ любимъ хорошими людьми, дурные его боялись, немногіе подражали ему и едва-ли найдется второй, ему подобный».

Подобной же честностью отличался Бенъ-Джонсонъ. Когда Карлъ I прислалъ заболѣвшему поэту ничтожное и запоздавшее денежное вознагражденіе, — Джонсонъ, прямой и откровенный, отослалъ его назадъ со словами: «Вѣроятно, король посылаетъ мнѣ это потому, что я живу въ переулкѣ: скажите, что душа его живетъ въ переулкѣ еще худшемъ».

Извѣстный писатель Гольдсмитъ также принадлежалъ къ числу неподкупныхъ, хотя и познакомился на своемъ вѣку съ самой крайней бѣдностью. Онъ пѣшкомъ странствовалъ по всей Европѣ, зарабатывая себѣ кусокъ черстватаго хлѣба игрой на флейтѣ, ночуя подъ открытымъ небомъ или гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Онъ пытался быть актеромъ, учителемъ и врачомъ и, практикуя по очереди

эти профессіи, чуть не умеръ съ голода. Тогда онъ обратился къ писательству. Но и тутъ ему не удалось вполнѣ вырваться изъ когтей бѣдности и онъ говоритъ о себѣ, что жилъ «на чердакѣ, занимаясь писательствомъ изъ-за куска хлѣба, при чемъ каждую минуту его могли потревожить кредиторы, требуя уплаты за нѣсколько бутылокъ молока». Однажды докторъ Джонсонъ получилъ отъ Гольдсмита извѣстіе, что онъ находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Докторъ поспѣшилъ къ нему и узналъ, что квартирная хозяйка засадила писателя подъ арестъ за неуплату за квартиру. Единственное, что ей осталось послѣ жилья, была пачка рукописныхъ листовъ. Джонсонъ принялся просматривать ее и увидѣлъ, что это была рукопись «Векфильдскаго священника». Удоставившись въ большихъ достоинствахъ романа, Джонсонъ употребилъ всѣ старанія, чтобы найти для него издателя, которому онъ и продалъ рукопись за шестьдесятъ фунтовъ *).

Несмотря однако на свою постоянную бѣдность, приведшую къ тому, что онъ даже умеръ обремененный долгами, Гольдсмитъ остался неподкупенъ. Онъ рѣшительно отказался служить сомнительному политическому дѣлу, хотя получалъ чрезвычайно выгодныя предложенія: около 50,000 фунтовъ отпускалось тогда ежегодно Робертомъ Вальполемъ на тайный подкупъ прессы; множество литераторовъ обязывались за деньги хвалить поступки правительства и хулить его противниковъ. Въ то время, когда

*) Гёте рассказываетъ, сколько наслажденія доставила ему эта книга. Уже на краю могилы, слишкомъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ повѣдалъ одному изъ своихъ друзей, какое рѣшающее вліяніе имѣло на него чтеніе «Векфильдскаго священника» въ критическій періодъ его умственного развитія и какъ оно воспитало его; и еще недавно, прибавилъ Гёте, онъ снова съ величайшимъ наслажденіемъ перечиталъ эту прекрасную книгу и живо вспомнилъ, чѣмъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ былъ обязанъ ея талантивому автору.

во главѣ министерства стоялъ лордъ Норсъ (1770—1782), авторъ «Политическихъ писемъ» (по псевдониму Юніусъ) неустанно писалъ противъ правительства. Тогда было рѣшено подкупить Гольдсмита, чтобы заставить его возражать противъ немилосердныхъ сарказмовъ Юніуса, и для переговоровъ явился къ автору «Векфильдскаго священника» докторъ Скотъ, капелланъ лорда Сандвича.

«Я нашелъ его,—разсказываетъ докторъ Скотъ о своей встрѣчѣ съ Гольдсмитомъ,—въ жалкой меблированной комнатѣ въ Тимплѣ и передалъ ему возложенное на меня порученіе; я ему объяснилъ, насколько велико вознагражденіе, назначенное ему за его труды, и что-же! Онъ былъ настолько глупъ, что отвѣтилъ мнѣ: «Я достаю столько, сколько мнѣ необходимо, чтобы прожить, и потому не нуждаюсь писать въ угоду какойбы то ни было политической партіи: мнѣ совершенно не нужно предлагаемое вами жалованье».

Такъ брезгливо отнесся бѣдный, но честный Гольдсмита къ предложенной ему громадной суммѣ и продолжалъ употреблять свой талантъ на сочиненіе прелестныхъ бездѣлокъ для юношества, въ родѣ «Башмаковъ сосѣдки», не считая нужнымъ становиться въ ряды подставныхъ поэтовъ недостойныхъ политическихъ дѣятелей.

Пультней, представитель оппозиціонной партіи въ Нижней палатѣ, приведя въ одной изъ своихъ рѣчей латинскую цитату, получилъ отъ Роберта Вальполя замѣчаніе, что она невѣрна. Оба держали пари на гинею, такъ какъ Пультней былъ увѣренъ, что правъ. Справились въ классикахъ, и Вальполь, проигравъ, бросилъ гинею на столъ. Пультней взялъ ее и призвалъ все собраніе въ свидѣтели того, что эта гинея была первой изъ общественныхъ суммъ, положенныхъ имъ въ свой карманъ. Такимъ образомъ выигранная и проигранная монета еще теперъ хранится въ Британскомъ музеѣ подъ названіемъ «гинеи Пультнея».

Питтъ, графъ Четгэмскій, получивъ должность войскового казначея, отказался принять хотя бы фартингъ сверхъ своего обычнаго вознагражденія, какое обыкновенно полагалось по закону занимавшимъ эту должность людямъ. Въ мирное время законъ допускалъ, чтобы казначей заключалъ займы, достигавшіе иногда нѣсколькихъ сотенъ тысячъ фунтовъ, и проценты издерживалъ на свои личные расходы. Четгэмъ отказался отъ этого преимущества, а также и отъ подношеній и другихъ денежныхъ субсидій, со стороны иностранныхъ принцевъ, состоящихъ на англійской службѣ, между тѣмъ это были весьма значительные доходы. И во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни онъ проявлялъ такую же честность и безкорыстіе.

Его второй сынъ, Вилліамъ Питтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, походилъ благородствомъ души на своего отца. Онъ также мало интересовался деньгами, какъ грязью, которую попиралъ ногами, онъ считалъ ихъ за ничто въ сравненіи съ общественными интересами и уваженіемъ народнымъ. Руки его всегда были чисты отъ какихъ-либо незаконныхъ доходовъ. Пока разгоралась борьба между нимъ и оппозиціей, представителемъ которой былъ Фоксъ, освободилась въ архивѣ должность, почетная и спокойная, нѣчто въ родѣ синекуры, принесившей около трехъ тысячъ ежегоднаго оклада. Всѣмъ было извѣстно, что Питтъ, въ качествѣ младшаго сына, мало что имѣлъ, и распространилось мнѣніе, что Питтъ назначить на эту должность самого себя, въ чемъ никто не видѣлъ ничего дурного, считая это весьма обыкновенной по тѣмъ временамъ вещью. Но Питтъ отдалъ эту должность полковнику Баррѣ, своему бѣдному слѣпому другу, и такимъ образомъ избавилъ государство отъ необходимости выплачивать ему пенсію, пожалованную ему прежнимъ министерствомъ.

Безкорыстіе Питта всегда стояло внѣ сомнѣнія: многіе бранили его и насмѣхались надъ нимъ, но злѣйшіе его

враги не могли обвинить его въ присвоеніи какихъ-либо ковенныхъ доходовъ, хотя черезъ его руки проходили миліоны и онъ имѣлъ полную возможность сдѣлать это. Въ то время какъ богатѣйшіе люди обращались къ нему съ просьбами о пожалованіи имъ какого-либо ордена или графскаго или княжескаго достоинства, самъ онъ равнодушно относился ко всѣмъ подобнымъ почестямъ. Онъ презиралъ деньги и все, что приобрѣтается при ихъ посредствѣ. Питтъ вполне отвѣчалъ тому идеальному образу, который такъ прекрасно нарисовалъ намъ Аристотель въ своей «Этикѣ», — образу человѣка, считавшаго себя достойнымъ великихъ дѣлъ и на самомъ дѣлѣ достойнаго ихъ. Ничто такъ не облагораживало его личности, какъ его благородная бѣдность.

Знаменитый французскій адвокатъ Шамильяръ вель процессъ, который проигралъ, несмотря на все свое блестящее краснорѣчіе потому, что къ дѣлу не было приложено одного важнаго документа. Приговоръ суда былъ уже утвержденъ парламентомъ и время для апелліаціи пропущено. Истецъ Шамильяра зашелъ къ нему и горько жаловался, что вмѣстѣ съ проиграннымъ процессомъ лишился всего своего состоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что этого не случилось-бы, если-бы Шамильяръ сослался на важный документъ, положивъ его въ основу защиты. Шамильяръ отвѣчалъ, что и въ глаза не видѣлъ подобнаго документа, но кліентъ его увѣрялъ, что вручилъ эту бумагу заблаговременно вмѣстѣ съ другими. Въ концѣ-концовъ Шамильяръ, вновь пересмотрѣвъ всѣ свои бумаги, нашелъ требуемый документъ. Прочтя его, онъ ясно понялъ, что могъ-бы выиграть процессъ, если-бы бумага была представлена на судъ. Адвокатъ принялся размышлять, какъ тутъ помочь бѣдѣ, и попросилъ истца придти къ нему на слѣдующій день. Тѣмъ временемъ онъ собралъ всѣ деньги, какія у него были, и вручилъ на утро своему кліенту сумму, которую тотъ потерялъ, благодаря процессу, хотя она равнялась большей части его собственнаго состоянія. Это не

удовлетворило его. Онъ отправился къ президенту суда и просилъ его не поручать ему больше никакихъ процессовъ, потому что послѣ этой большой ошибки онъ болѣе не вѣрилъ въ себя.

Сэръ Артуръ Веллеслей, позднѣ герцогъ Веллингтонъ, получилъ однажды (въ 1803 г.) послѣ побѣды, одержанной имъ въ Остъ-Индіи надъ маратами, предложеніе перваго министра гайдерабадскаго двора получить крупную сумму подъ условіемъ извѣстить его о тѣхъ преимуществахъ, которыя достанутся на долю его господина послѣ сраженія при Ассайѣ, гдѣ онъ привелъ англичанамъ вспомогательныя войска. Сэръ Артуръ спокойно посмотрѣлъ на индіяца и промолвилъ: «И такъ вы способны сохранить тайну?»—Конечно.—«И я также»,—отвѣтилъ Веллингтонъ и отклонилъ всѣ дальнѣйшія настоянія министра. Сэръ Артуръ высказалъ, что считалъ, какъ и всѣ англійскіе офицеры, позоромъ и оскорбленіемъ всѣ предложенія такого рода.

Родственникъ его, маркизъ Веллеслей, подобно ему, съ негодованіемъ отвергъ подношеніе въ 100 тысячъ фунтовъ, предложенное ему директоромъ Остъ-Индской компаніи, въ бытность его генераль-губернаторомъ Остъ-Индіи. Ничто не могло побудить его принять подарокъ и онъ высказалъ по этому поводу слѣдующее: «Я считаю лишнимъ говорить о независимости своего характера и достоинствѣ занимаемой мною должности, несовмѣстимымъ съ подобными выгодами. Я забочусь только о нашей арміи и былъ-бы чрезвычайно огорченъ, если-бы, благодаря мнѣ, наши храбрые солдаты не сподна получили слѣдуемое имъ».

Сэръ Джемсъ Утрамъ, одинъ изъ выдающихся героевъ англо-индійской войны, также отличался большимъ великодушіемъ и способностью къ извѣстному самопожертвованію. Въ бытность его младшимъ капитаномъ въ Индіи, ему было предложено принять начальство надъ войсками, выступавшими уже противъ могицанскихъ инсургентовъ; онъ отклонилъ эту честь въ пользу одного изъ своихъ друзей,

многимъ старше его по службѣ, и счелъ своимъ долгомъ указать, что его собственное назначеніе могло возбудить неудовольствіе въ средѣ его товарищей въ ту минуту, когда согласіе и единодушіе были безусловно необходимы. Но офицеръ, на котораго Утрамъ указывалъ, не хотѣлъ принять жертвы своего младшаго друга, да и главнокомандующій не могъ согласиться на это представленіе, и Утрамъ долженъ былъ склониться на всеобщія просьбы.

Во время дѣлежа между войсками синдскихъ призовыхъ денегъ, Утрамъ отклонилъ отъ себя назначавшуюся ему сумму въ 3000 фунтовъ. Онъ объявилъ, что не возьметъ изъ добычи ни одной рупіи, потому что она представляетъ результатъ политики, которой онъ никогда не сочувствовалъ. И всѣ предназначенныя ему деньги онъ пожертвовалъ на дѣла благотворительности; большая ихъ часть досталась остъ-индскимъ миссіонерскимъ школамъ Дуфа и подобнымъ-же школамъ-пріютамъ въ Кусаули.

Джемсъ Утрамъ никогда не заботился о собственныхъ выгодахъ; онъ не пренебрегалъ деньгами только въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ съ ихъ помощью оказать поддержку другимъ. Трудно было встрѣтить человѣка болѣе простого, лишеннаго всякаго самолюбія. Чѣмъ больше изучаешь его жизнь въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, тѣмъ яснѣе видно, насколько выше себя цѣнилъ онъ и уважалъ людей достойныхъ, насколько безкорыстно заботился объ общей пользѣ. Его состраданіе и милосердіе къ побѣжденнымъ имъ врагамъ не имѣли предѣловъ—качества, которыя можно было-бы сильно пожелать другимъ остъ-индскимъ дѣятелямъ, что спасло-бы англичанъ отъ многихъ и многихъ больныхъ мѣстъ въ колоніальной политикѣ,—онѣ-то и внушили Утраму такое отвращеніе ко всякой несправедливости.

Подобнымъ дѣятелямъ, мужественнымъ и честнымъ, обязаны мы тѣмъ, что Остъ-Индіа прочно укрѣпилась за англійской короной. Во время индійскаго возстанія выдвигается сразу цѣлый рядъ дѣятелей, до того почти совер-

шенно неизвѣстныхъ: назовемъ Гавелока, Нейла, Никольсона, Утрама, Клейда, Инглисса, Эдвардса, Лауренса. Одно имя Лауренса вызываетъ яркое представленіе объ англійской власти въ сѣверо-западныхъ колоніяхъ. Оба брата Лауренса были преданы долгу въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. И старшій Джонъ, извѣстный подъ именемъ «Желѣзнаго Джона», и младшій Генри сумѣли внушить къ себѣ любовь и уваженіе со стороны всѣхъ окружавшихъ ихъ. Шла молва, что Джонъ, благодаря своей благородной душѣ, одинъ стоитъ цѣлой арміи. «Они создали школу жизни, живую и понынь», сказалъ о нихъ сэръ Эдвардъ.

Во время индійскаго возстанія, сэръ Джонъ былъ старшимъ комиссаромъ въ Пенджабѣ, который былъ покоренъ англичанами однимъ изъ первыхъ. Онъ мудро и справедливо управлялъ новой провинціей и сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе со стороны туземцевъ: они считали его своимъ другомъ. Тутъ онъ и сдѣлалъ нѣчто, безпримѣрное въ исторіи: онъ отослалъ всѣ туземныя пенджабскія войска въ Дели на помощь англійской арміи, оставивъ себя самого безъ всякой охраны. Опытъ показалъ, что онъ былъ правъ. Чикскія и пенджабскія войска не измѣнили, Дели былъ взятъ и революція въ Индіи подавлена, все это въ сильной степени, благодаря личности сэра Джона Лауренса. Слова, которыя братъ его, сэръ Генри, пожелалъ высказать на его надгробномъ камнѣ—вполнѣ выражаютъ при всей своей скромности самую суть жизни его и характера: «Здѣсь покоится прахъ Джона Лауренса, который старался исполнять свой долгъ».

Не меньшимъ самопожертвованіемъ отмѣчены нѣкоторые представители науки. Послѣ того, какъ сэръ Гумфри Деви, цѣной долгихъ тяжелыхъ опытовъ, изобрѣлъ предохранительную лампу для углекоповъ, работающихъ въ шахтахъ, въ атмосферѣ, насыщенной легко воспламеняющимися газами,—онъ не взялъ даже патента, чтобы одному

воспользоваться выгодами своего изобрѣтенія, но пустилъ его въ продажу на общихъ основаніяхъ. Одинъ изъ его друзей поставилъ ему на видъ, что отказавшись отъ патента онъ тѣмъ самымъ лишилъ себя вѣрныхъ пяти или десяти тысячъ ежегоднаго дохода. «Я, другъ мой, и не помышлялъ о барышахъ: единственной цѣлью моихъ стремленій было принести пользу человѣчеству. Мнѣ достаточно того, что я имѣю, богатство, пожалуй, отвлекло бы меня отъ любимыхъ занятій, но не увеличило бы ни моей славы, ни моего счастья. Безъ сомнѣнія, оно дало бы мнѣ возможность запрягать по четверкѣ лошадей въ карету, но что мнѣ изъ того, что люди стануть болтать о моихъ выѣздахъ въ четверку?»

Такихъ же убѣжденій придерживался и его послѣдователь Фарадей, который жилъ исключительно для науки, обогативъ послѣднюю своими открытіями. Каждое новое открытіе, добытое имъ, благодаря силѣ его воображенія и остротѣ ума — служило ему ключомъ къ разгадкѣ цѣлаго ряда новыхъ тайнъ. Онъ былъ философомъ, но отнюдь не матеріалистомъ. Его проникательный, свѣтлый умъ былъ равно далекъ отъ научнаго догматизма и религіознаго изуверства. Онъ оставался чрезвычайно скромнымъ при всей своей учености, и работалъ съ наивностью ребенка, изумляясь тѣмъ открытіямъ, которыя вырабатывалъ его недюжинный умъ. «Что за удивительная вещь этотъ озонъ, этотъ кислородъ, составляющіе болѣе половины вѣса всего міра,—сказалъ онъ однажды.—Мы, повидимому, только еще начинаемъ знакомиться съ ихъ чудесами».

Фарадей былъ доволенъ своимъ далеко небольшимъ состояніемъ и работалъ не ради денегъ. Если бы онъ жаждалъ ихъ, — то могъ бы составить себѣ колоссальное состояніе. Онъ никогда не бралъ себѣ никакихъ патентовъ, чтобы обезпечить себѣ доходъ со своихъ удивительныхъ изобрѣтеній въ областяхъ электричества и химіи, но дѣлалъ ихъ доступными всякому. Жажда знанія одна вооду-

шевляла его и заставляла неустанно стремиться впередъ къ новымъ открытіямъ, которыя, какъ уже сказано, часто поражали его самого. «Эти факты до сихъ поръ еще остаются необъяснимыми, — говорилъ онъ, — они показываютъ намъ только, что мы при всемъ своемъ развитіи знаемъ еще очень мало въ той области, которая со-временемъ станетъ, можетъ быть, общественной». Эти слова напоминаютъ послѣднее изреченіе Исаака Ньютона.

Въ происходившемъ недавно собраніи королевскаго общества естествоиспытателей, профессоръ Тиндаль, присудивъ Фарадейевскую медаль извѣстному химику, доктору Гофману, въ знакъ того, насколько общество цѣнитъ его заслуги, — разсказалъ при этомъ въ своей поздравительной рѣчи о трогательномъ проявленіи доброты Фарадея. Юный эдинбургскій студентъ, Самуилъ Браунъ, занятый тогда изслѣдованіемъ о матеріи и атомахъ, изложилъ великому ученому свои идеи и опыты. Фарадей, несмотря на то, что былъ тогда заваленъ работой, не удовольствовался какимъ-либо бѣглымъ замѣчаніемъ по адресу неизвѣстнаго химика или ничего незначащей похвалой, но написалъ ему:

«Спѣшу дать вамъ совѣтъ провѣрить свои предположенія путемъ осмотрительныхъ опытовъ, что несомнѣнно принесетъ вамъ громадную пользу, все равно подтвердятъ ли они ваши гипотезы или уничтожатъ ихъ. Что касается этихъ вашихъ предположеній, не могу пока ничего сказать вамъ рѣшительнаго, развѣ только то, что считаю ихъ полезными, ибо они будятъ умъ и вдохновляютъ къ дальнѣйшимъ опытамъ. Самое поверхностное знакомство съ развитіемъ опытной науки докажетъ вамъ, насколько она является мощной разрушительницей всѣхъ заранѣе составленныхъ, исключительно умственныхъ теорій. Я долго и прилежно размышлялъ о теоріи притяженія, такъ же какъ о теоріи частицъ и атомовъ, но чѣмъ больше провѣряю ихъ на опытахъ, тѣмъ менѣе яснымъ кажется мнѣ мое первоначальное о нихъ представленіе».

Теперь перейдемъ совсѣмъ къ иной темѣ: наживѣ. Ска-
зочное богатство, приобрѣтенное Ротшильдами, возникло
первоначально благодаря честности предка ихъ Мейера-
Амшеля или Ансельма. Онъ родился во Франкфуртѣ-на-
Майнѣ въ 1743 г. и его родители были бѣдные еврей-
купцы. Трагическую исторію гоненій, пытокъ и мученій
можно было бы написать, присмотрѣвшись къ жизни
евреевъ, какую вели они въ Средніе вѣка, да ведутъ еще
теперь. Во Франкфуртѣ, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ
городахъ, евреямъ подѣ страхомъ смерти запрещено было
долѣе извѣстнаго часа оставаться на улицахъ города.
Еврейская улица во Франкфуртѣ затворялась воротами,
запиравшимися на ночь желѣзными замками. Наполеонъ
впервые снесъ ихъ пушками, за что евреи должны быть
вѣчно благодарны ему. Гоненія ихъ однако не прекрати-
лись съ этимъ.

Ансельмъ потерялъ своихъ родителей одиннадцатилѣт-
нимъ еще ребенкомъ и съ той поры долженъ былъ само-
стоятельно выбиваться на дорогу. Посторонніе евреи по-
заботились дать ему нѣкоторое образованіе, слѣдуя своему
обычаю всегда помогать другъ другу, и мальчику посча-
стливилось пристроиться писцомъ въ скромной конторѣ
одного изъ мелкихъ ганноверскихъ банкировъ. Въ 1772 г.
онъ вернулся во Франкфуртъ, гдѣ завелъ собственную
маленькую мѣняльную лавку. вмѣсто вывѣски надъ нею
висѣлъ красный щитъ: Rotchild. Въ то-же время онъ за-
нялся нумизматикой и чтобы посмотрѣть на рѣдкія и древ-
нія монеты, лавку его посѣщали многіе любители, въ
числѣ которыхъ находился ландграфъ Вильгельмъ, позднѣе
Гессенскій курфюрстъ.

Вильгельмъ Гессенскій, вынужденный во время вторже-
нія Наполеона покинуть свои владѣнія, и передалъ боль-
шую часть своихъ личныхъ капиталовъ, въ суммѣ трехъ
приблизительно милліоновъ, на сохраненіе Ротшильду,
своему придворному агенту. Ансельмъ принялся заботиться

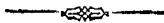
о томъ, чтобы не только сохранить, но и приумножить этотъ капиталъ. Въ тѣ времена деньги цѣнились высоко и при вѣрномъ обеспеченіи приносили отъ 12 до 20%. Позднѣе совершился походъ Наполеона на Россію и гибель большей части великой арміи на ея снѣжныхъ поляхъ; произошла вслѣдъ затѣмъ битва при Лейпцигѣ, послѣ которой Наполеонъ со всей своей арміей послѣдшилъ переправиться за Рейнъ. Германія вздохнула свободнѣе и курфюрстъ возвратился въ свои владѣнія. Нѣсколько дней спустя ко двору его явился старшій сынъ Ротшильда, котораго звали также, какъ и отца его, Ансельмомъ и передалъ Гессенскому владѣтелю три милліона флориновъ, хранившихся у его отца, уже умершаго. Курфюрстъ былъ внѣ себя отъ радости, возвращенныя деньги казалось упали ему съ неба. Онъ воскликнулъ: «Такая честность просто безпримѣрна!» На вѣнскомъ конгрессѣ, куда онъ скоро отправился, онъ только и могъ говорить о честности Ротшильдовъ. По его настояніямъ, Ротшильды получили дворянское достоинство, а въ 1822 году вся семья пожалована была баронскимъ титуломъ. Всѣ нѣмецкіе князья сдѣлались кліентами Ротшильдовъ и такимъ образомъ Ротшильды превратились въ богатѣйшихъ людей въ мірѣ.

Подобной-же неподкупной честностью отличался покойный лордъ Маколей, извѣстный историкъ. Окруженный людьми въ родѣ Уильбефорса, Торнтона и Захарія Маколея, онъ и не могъ впрочемъ не превратиться въ самаго горячаго патріота и честнѣйшаго дѣятеля. Еще въ то время, когда онъ юношей жилъ на скромныя средства, добываемыя имъ литературнымъ трудомъ,—всѣми уважаемый Сидней Смитъ, весьма скупой на похвалы, сказалъ про него: «Я считаю Маколея неподкупнымъ. Ни ленты, ни звѣзды, ни подвязки, ни деньги, ни титулы не въ силахъ соблазнить его. Въ его душѣ живетъ искренняя и чистая любовь къ своей родинѣ и цѣной цѣлаго міра онъ не поступилъ бы, чтобы измѣнить ея интересамъ».

Маколей такъ устроилъ свои дѣла, что они не причиняли ему ни хлопотъ, ни заботъ. Его экономическіе принципы отличались замѣчательною простотою: онъ смотрѣлъ на свой литературный заработокъ, какъ на капиталъ, и оплачивалъ имъ начисто всѣ свои потребности. Онъ говаривалъ, что считаетъ немедленную расплату своей нравственной обязанностью, потому что испыталъ на себѣ, какъ тяжела бываетъ въ подобныхъ случаяхъ всякая отсрочка. Такимъ образомъ, онъ съ раннихъ лѣтъ приучилъ себя правильно распредѣлять свои доходы, что является первой основой его безукоризненной честности и полной достоинства независимости въ жизни.

Между тѣмъ средства его были крайне ограничены. Онъ написалъ однажды лорду Лансдауну, предлагавшему ему мѣсто члена въ остъ-индскомъ совѣтѣ: «Чѣмъ старше становлюсь я, тѣмъ менѣе забочусь о богатствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе я чувствую, какъ важно было бы для меня имѣть какія-либо опредѣленные средства. Внѣ этого, общественному дѣятелю не такъ легко оставаться честнымъ человѣкомъ и невозможно прослыть таковымъ. У меня только два источника пріобрѣтенія денегъ: писательство или государственная служба. Мысль превратиться въ наемнаго раба какого-нибудь издателя и писать не въ силу обилія мыслей, но ради пустоты кармана, всячески возбуждать утомленное воображеніе, наполнять пустой болтовней страницы только ради того, чтобы писать—это мнѣ кажется ужаснымъ и отвратительнымъ. И между тѣмъ это одно мнѣ остается, если я покину свою адвокатуру, хотя вести процессы единственно ради жалованья кажется мнѣ почти еще невыносимѣй».

Въ концѣ-концовъ Маколей получилъ въ Калькуттѣ должность при судѣ и вернулся оттуда съ нѣкоторыми средствами, что дало ему возможность написать свою знаменитую «Исторію Англіи».

ГЛАВА V.

МУЖЕСТВО — УСТОЙЧИВОСТЬ.

Безънн поступить позорно — мужество; такимъ же мужествомъ является и умѣнье терпѣливо переносить недостатки по отношенію къ намъ поступающаго другихъ. *Бенг-Джонсонъ.*

Мужество состоитъ не въ томъ, чтобы смѣло преодолѣть опасность, но въ томъ, чтобы встрѣчать ее съ открытыми глазами. *Жанъ Поль.*

Мужество принадлежитъ къ числу тѣхъ качествъ, которыя во всѣ времена наиболѣе уважались людьми. Мужественный человѣкъ преодолеваетъ всѣ препятствія, онъ не знаетъ боязни и радостно встрѣчаетъ смерть, если этого требуетъ исполненіе его обязанности.

Слышали-ли мы хоть разъ въ жизни гдѣ-нибудь похвалу трусости и малодушія? Нѣтъ человѣка, который не осуждалъ и не презиралъ бы ихъ. Труса общая молва признаетъ низкимъ и ничтожнымъ. У него не хватаетъ силы отстаивать свои убѣжденія, онъ каждую минуту готовъ продаться въ рабство первому встрѣчному. «Половина храбрости и силы пропадаетъ въ человѣкѣ, какъ только онъ становится рабомъ»,—говоритъ Гомеръ.—«А другая половина исчезаетъ, когда этотъ рабъ возвращаетъ свою свободу»,—прибавляетъ докторъ Арнольдъ.

Иногда немало требуется мужества, если приходится имѣть дѣло съ трусомъ. Одинъ вздорный юноша вызвалъ однажды на споръ благороднаго Сиднея и, чтобы заставить

его драться на дуэли, зашелъ такъ далеко, что плюнулъ ему въ лицо.

«Молодой человѣкъ,—сказаль ему сэръ Филиппъ Сидней,—если бы я могъ такъ-же легко смыть со своей совѣсти вашу кровь, какъ это оскорбленіе со своего лица,—я тутъ-же убилъ бы васъ!» Этотъ поступокъ является образцомъ благороднаго мужества и можетъ служить каждому примѣромъ, потому что ничто такъ не тяжело, какъ умѣнье терпѣливо переносить обиды.

Вліяніе мужественнаго человѣка имѣеть поистинѣ магнитическую силу и увлекаеть за собою къ смѣлымъ подвигамъ другихъ, которые благородно сопровождаютъ своего вождя, даже если онъ ведетъ ихъ на смерть. Не всегда успѣхъ увѣнчиваетъ подобные подвиги, есть множество примѣровъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда счастье измѣняетъ человѣку, сила его вліянія и могущества сохраняетъ надъ людьми свое дѣйствіе.

Пусть носитель обманутыхъ надеждъ падаетъ въ брешь, проломленную въ непріятельскую крѣпость, — трупъ его послужить мостомъ, по которому по его слѣдамъ ворвутся внутрь побѣдившіе.

Мученикъ можетъ погибнуть на кострѣ, но истину, за которую онъ претерпѣлъ гоненія, окружаеть, въ силу его жертвы, еще болѣе яркое сіяніе; патріотъ, сложившій голову на плахѣ, ускоряеть тѣмъ самымъ торжество дѣла, ради котораго пожертвоваль жизнью. Воспоминаніе подобныхъ подвиговъ не умираеть вмѣстѣ съ героями, но продолжаетъ вѣчно жить въ памяти самаго отдаленнаго потомства. Когда они, полные восторженнаго порыва, спѣшатъ навстрѣчу смерти,—другіе терпѣливо и мужественно выступаютъ борцами за ихъ идеи и наконецъ завоевываютъ почву, въ которой непробуднымъ сномъ покоятся ихъ прѣдшественники. Торжество праваго дѣла не можетъ не быть несомнѣннымъ, хотя по-временамъ и заставляеть ждать себя; наступивъ-же, оно должно заставитьъ насъ вспомнить,

что мы обязаны едва-ли не больше тѣмъ, кто погибъ за это правое дѣло, чѣмъ остальнымъ, восторжествовавшимъ.

Все великое въ жизни обязано своимъ существованіемъ исключительно мужеству. Всѣ блага цивилизація, которыя мы теперь имѣемъ въ своемъ распоряженіи—личная безопасность, свобода личности и государственное благоустройство—приобрѣтены цѣлыми вѣками тяжелыхъ опытовъ. Многіе народы купили права на самостоятельное существованіе цѣною безконечныхъ кровавыхъ войнъ. Потребовалось четырехсотлѣтнее мученичество для утверженія христіанства и столѣтіе междоусобныхъ войнъ, чтобы провести реформацію.

Вѣчно неугасающій ореолъ мученичества создала ему непоколебимая и чистая преданность вѣрѣ. Хорошенько поразмысливъ объ этомъ, мы увидимъ, что обязаны всѣмъ мученикамъ, ради какой бы вѣры ни подвергались они гоненіямъ, вѣчной глубокой благодарностью, потому что всѣ они, вмѣстѣ съ мученичествомъ за вѣру, страдали и ради приобретенія свободы совѣсти. Католики и протестанты, христіане и язычники, православные и еретики равно имѣютъ свою часть славы въ этомъ высокомъ наслѣдіи прошлаго. «Ангелы мученичества и побѣды—братья,—говоритъ Мадзини,—оба осѣняютъ своими крыльями колыбель будущей жизни».

Изъ временъ перваго распространенія христіанства дошла до насъ трогательная исторія мученичества—легенда о святомъ Панкратіи. Онъ родился во Фригійской области Малой Азіи, которую апостоль Павелъ посѣтилъ во время устроенія имъ церкви въ Галатіи. Панкратій былъ воспитанъ въ языческой вѣрѣ и оставался язычникомъ до той поры, пока послѣ смерти отца не перешелъ жить подъ покровительство своего дяди Діонисія. Въ 301 году Діонисій переселился въ Римъ, желая дать возможность опекаемому имъ мальчику, наслѣднику большого состоянія, приблизиться къ императорскому двору. Благодаря воспитанію

и впливію римскаго епископа, престарѣлаго благочестиваго Марцелина, мальчикъ въслѣдствіи обратился въ христіанство. Дядя его скоро умеръ, и четырнадцатилѣтній Панкратій остался круглымъ сиротою и одинокимъ въ цѣломъ мірѣ со своимъ громаднымъ богатствомъ и новой вѣрой.

Это была эпоха гоненія, воздвигнутаго на христіанъ императоромъ Діоклетіаномъ. Когда ему донесли, что Панкратій принялъ христіанство,—императоръ, призвавъ его во дворець, приказалъ ему сейчасъ-же отказаться отъ гонимой вѣры, грозя ему немедленной казнью, если онъ не захочетъ принести жертвы Юпитеру. Мальчикъ безстрашно отвѣтилъ, что онъ готовъ умереть за свою вѣру, потому что Христосъ, Господь и Учитель посылаетъ мужество пострадать во имя Его даже самымъ юнымъ Его рабамъ. Императоръ ничего не отвѣтилъ на это, но далъ приказаніе вывести Панкратія за городъ и поразить мечомъ на Авреліанской дорогѣ. Приказъ императора былъ исполненъ, и Панкратій кровью запечатлѣлъ свое исповѣданіе. Тѣло отрока оставалось до утра безъ погребенія подъ открытымъ небомъ. На слѣдующій день онъ былъ тайно погребенъ знатной римлянкой, христіанкой, по имени Октавиллой, которая, обернувъ его въ тонкія ткани, отнесла въ ближайшую катакомбу, гдѣ осыпала его свѣжими цвѣтами и оросила слезами. Память юнаго мученика увѣковѣчена многими сооруженными во имя его храмами *).

До конца III в. и начала IV любимымъ зрѣлищемъ римлянъ считались цирковыя представленія, гдѣ христіанъ бросали на растерзаніе и съѣденіе дикимъ звѣрямъ; этими картинами римляне развлекались въ промежутокъ между боями гладіаторовъ. И не въ одномъ Римѣ, но и

*) Въ Англіи существуетъ семь церквей во имя Панкратія, такія же церкви существуютъ въ Италіи, Франціи и другихъ странахъ. Память Панкратія чествуется 12 мая. На церковной печати прихода св. Панкратія изображается общеновненью святой отрогъ, поспирающій языческіе предразсудки.

по всей имперіи бой дивихъ звѣрей и растерзаніе христіанъ считалось самымъ привлекательнымъ и моднымъ развлеченіемъ. Гдѣ римляне ни утверждали своего господства—тамъ вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ возникали и амфитеатры, служившіе ареной кровавыхъ зрѣлищъ. Единственный изъ такихъ амфитеатровъ, сохранившійся въ Англіи, находится въ графствѣ Кентскомъ въ Ричборо, но въ Трирѣ, сѣверной столицѣ Римской имперіи по ту сторону Альповъ сохранилось множество такихъ зданій, памятниковъ римскаго владычества, между прочимъ, великолѣпный амфитеатръ, высѣченный въ скалѣ, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько тысячъ зрителей. Императоръ Константинъ въ 306 г., побѣдивъ галльскихъ франковъ, для увеселенія своихъ воиновъ, отдалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ нѣсколько тысячъ безоружныхъ плѣнныхъ франковъ въ этомъ трирскомъ амфитеатрѣ. Послѣ того, какъ звѣри пресытились человѣческой кровью и отказались убивать все новыя и новыя жертвы, оставшихся живыхъ принуждали сражаться другъ противъ друга гладіаторскимъ боемъ. Однако вмѣсто того, чтобы сражаться, несчастные, обманувъ ожиданія своихъ кровожадныхъ мучителей, сами бросались на мечи противниковъ. Въ томъ же году и тѣмъ же варварскимъ способомъ принесены были въ жертву потѣхи грубой толпы нѣсколько тысячъ побѣжденныхъ бруктеровъ. Развалины этого амфитеатра, такъ-же какъ и сводчатая клѣтка, гдѣ помѣщались дикіе звѣри, сохранились донинѣ.

Во Франціи теперь еще уцѣлѣло много амфитеатровъ эпохи римскаго владычества, хотя часть ихъ обращена въ каменоломни. Самые большіе изъ такихъ амфитеатровъ: арльскій и нимскій; послѣдній въ особенности былъ громаденъ: мавры, защищая Нимъ отъ франковъ, выстроили на передней стѣнѣ этого амфитеатра цѣлыхъ четыре крѣпостцы.

Амфитеатръ въ Веронѣ почти совершенно сохранился и ежегодно ремонтируется. Громаднѣйшимъ же изъ всѣхъ

римскихъ амфитеатровъ, внѣ всякаго сомнѣнія, является Колизей, свободно вмѣщавшій въ себѣ до восьмидесяти семи тысячъ зрителей. По свидѣтельству одного христіанскаго преданія, онъ былъ выстроенъ по планамъ Гауденція, архитектора-христіанина и мученика, по приказанію императора Веспасіана, а строили его много тысячъ плѣнныхъ евреевъ, привезенныхъ Титомъ изъ Іерусалима въ Римъ. Во время открытія великолѣпнаго зданія императоромъ Титомъ, на аренѣ было уничтожено 5,000 дикихъ звѣрей; кости львовъ, тигровъ и другихъ дикихъ звѣрей еще недавно найдены были въ склепахъ, находящихся подъ сводами цирка.

Весь Римъ праздновалъ дни торжественныхъ представленій въ Колизеѣ. Мужчины, женщины и дѣти со всѣхъ сторонъ спѣшили на кровавыя зрѣлища. Здѣсь собирались сенаторы, государственные сановники, войска, патриціи, чернь и даже дѣвственныя жрица Весты, съ императоромъ во глазѣ собранія. Гладіаторы стройными рядами проходили передъ императоромъ съ привѣтствіемъ: «Слава цезарю. Привѣтствуемъ тебя, идя на смерть». Зрѣлище начиналось боемъ звѣрей между собою, за которымъ слѣдовали поединки гладіаторовъ; игры, смѣняя другъ друга, длились до вечера, и зрители буквально упивались и пьянѣли отъ потоковъ крови.

Игры эти держались до тѣхъ поръ, пока Римъ не принялъ христіанства. Уже Константинъ Великій, крестившись въ 313 г., издалъ эдиктъ, запрещающій ихъ, но окончательно устранены онѣ были при Гоноріи. Въ 400 приблизительно году одинъ старецъ-отшельникъ рѣшился положить имъ конецъ хотя бы цѣною собственной жизни. Что значила его жизнь въ сравненіи съ этимъ непередаваемо ужаснымъ массовымъ убійствомъ? Самбе имя этого подвижника осталось неизвѣстнымъ: иные называютъ его Телемахомъ, другіе Алимахомъ, — но дѣло не въ имени; достаточно его подвига, чтобы память о немъ жила въ

душѣ грядущихъ поколѣній. Онъ явился съ Востока, въ Римѣ никто почти не зналъ его, а также и онъ не зналъ никого изъ римлянъ. Живя въ уединеніи, онъ тѣмъ не менѣе услышалъ о готовившемся на аренѣ цирка торжественномъ боѣ гладіаторовъ. Весь Римъ стекался въ Колизей, туда же пошелъ и пустынный, исполненный самага непреклоннаго рѣшенія. Гладіаторы появились на аренѣ съ острыми мечами и копьями—знакъ, что бой будетъ смертельный. Лишь только борцы приблизились другъ къ другу, старый отшельникъ перепрыгнулъ черезъ барьеръ и бросился между сражающимися, заклиная ихъ не проливать болѣе невинной крови. Со всѣхъ сторонъ раздались крики толпы, сливаясь въ настоящій ревъ негодованія «Прочь, старый, назадъ!» — кричали ему. Но онъ не отступалъ и не колебался. Сражающіеся отбросили его въ сторону и вновь приготовились къ нападенію. И вновь бросился старецъ между мечами, запрещая гладіаторамъ совершать кровопролитіе. «Долой его!» — раздавался всеобщій крикъ. Префектъ подалъ знакъ, и гладіаторы, прозивъ старца мечами, ринулись въ бой по его трупу.

Но смерть отшельника не прошла безслѣдно. Народъ принялся размышлять о томъ, что совершилъ; онъ испугался своего поступка: онъ умертвилъ святого старца, который пожертвовалъ собственной жизнью, возставая противъ его кровожадныхъ инстинктовъ. Съ того дня, какъ мужественный старецъ умеръ на аренѣ Колизея, бои гладіаторовъ прекратились въ циркѣ—старецъ одержалъ побѣду; императоръ Гонорій окончательно прекратилъ гладіаторскія игры въ 402 году.

Былое величіе Рима исчезало вслѣдствіе царствовавшего въ немъ разврата, продажности, жестокости и полнаго паденія нравовъ. Безнравственность высшихъ сословій всегда пагубно вліяетъ на всѣ классы общества и расшатываетъ нравственныя основы. Низменныя страсти че-

ловѣческой природы быстро берутъ верхъ надъ благородными порывами. Греція и Римъ должны были пасть, потому что ихъ вожди и императоры, нравственно испорченные, послужили распространенію порока въ народѣ, дѣйствуя на массы своимъ развращающимъ примѣромъ.

Римъ, царь міра, не выдержалъ натиска варваровъ—выходцевъ изъ дѣйственныхъ лѣсовъ средней Европы, обрушившихся на Италію. Богатые утопали въ роскоши и наслажденіяхъ, которыя ослабили ихъ духъ и тѣло; бѣдные стали ничтожны и слабы въ силу своей зависимости и своего жалкаго существованія; и такъ, ни у кого не хватило мужества, чтобы отстоять свое отечество, и его паденіе не было особенной катастрофой для жизни міра.

Въ міръ снизошло христіанство, чтобы возродить и обновить его. Новая вѣра распространилась прежде всего между просвѣщенными бѣдняками, потому что религія является поэзіей земного существованія, утѣшительнымъ обѣщаніемъ лучшаго загробнаго міра, свѣтлой надеждой, помогающей несчастнымъ легче переносить свои страданія. Точно также женщины принадлежатъ къ первымъ и самымъ горячимъ поборницамъ евангельскихъ истинъ; это легко объяснимо: въ Римѣ, какъ почти всюду въ ту эпоху, женщины были не больше, какъ рабыни, и находились въ полномъ распоряженіи своихъ мужей, почти вполнѣ безправныя передъ закономъ. Христіанство пришло имъ на помощь со своей проповѣдью равенства, укрѣпляя за ними любовь и уваженіе ихъ мужей. «Женщина является источникомъ всѣхъ добродѣтелей, — говоритъ одинъ изъ старинныхъ рыцарей, — она обладаетъ благороднѣйшими качествами: она полна достоинства и возвышаетъ мужчину до себя».

Распущенность, безбожіе и безнравственность уступали мало-по-малу въ сердцѣ человѣка мѣсто все выраставшей силѣ и власти религіозныхъ истинъ: стремленіе ко злу было мало-по-малу ослаблено. Благодаря тому, что новая религія осватила день отдохновенія — воскресенье — тяжелый

трудъ низшихъ классовъ нашель себѣ облегченіе. Церковь въ дни торжественныхъ богослуженій собирала подъ своими сводами все христіанское народонаселеніе безъ различія сословій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь передъ лицомъ Бога не были всѣ они братьями? Какое прекрасное, возвышенное зрѣлище,—если-бъ такъ было вѣчно!

Къ несчастью, подобный утѣшительный порядокъ вещей не былъ продолжителенъ: очевидно, на землѣ нѣтъ мѣста раю. Духовенство скоро превратилось въ орудіе для угнетенія, взяло на себя защиту меньшинства противъ законныхъ правъ цѣлой общины и принялось стремиться къ неограниченному господству надъ умами своей паствы. Спустя нѣкоторое время, возникли несогласія въ толкованіи многихъ религіозныхъ догматовъ и, подобно тому, какъ когда-то язычники преслѣдовали христіанъ, теперь христіане преслѣдовали своихъ противниковъ. И вновь запылали костры, на которыхъ сжигали мучениковъ, вновь потребовалось непоколебимое мужество, упорное самопожертвованіе тѣхъ, кто стоялъ за правду, съ достоинствомъ страдая и умирая за нее.

Религіозныя гоненія начались въ Италіи и распространились по Испаніи, Франціи и Нидерландамъ, одна только Германія возстала противъ инквизиціи. «Сыны Господни,—сказалъ Лютеръ,—должны быть всегда и совершенно безстрашны, спокойны и полны достоинства, они должны умѣть не отступать ни передъ чѣмъ, но все преодолевать, презирать, уповая на милость Божію, всѣ земныя радости и страданія, почерпая въ Его милосердіи полное пренебреженіе къ смерти и пыткамъ. Господь ненавидитъ трусовъ, которыхъ смущаетъ малѣйшая опасность, и которые пугаются звука шелестящаго листа».

«Странно,—говоритъ профессоръ Вилліамъ Ньюменъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій,—какъ религія могла породить жестокость въ какой бы то ни было формѣ; въ этомъ есть удивительное необъяснимое противо-

рѣчіе!» А между тѣмъ инквизиція, возникшая послѣ того, какъ христіанство явилось на смѣну язычеству,—представляетъ цѣлую систему строго выработанной жестокости. Инквизиція въ качествѣ богоугоднаго учрежденія продержалась въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, но послѣ своего паденія она осталась на вѣки заклеянной печатью позора и отвращенія, хотя вся ея дѣятельность совершалась во имя религіи, любви и кротости.

Испанское духовенство съ помощью свѣтской власти растоптало гидру реформаціи исключительно физической силой. Въ одну только ночь болѣе восьми сотъ протестантовъ брошены были въ Севильскія тюрьмы; ихъ схватывали всюду и сжигали на кострахъ, пылавшихъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Испаніи. Не такъ давно тому назадъ въ Мадридѣ вырывали каналъ черезъ поле для осушенія почвы на мѣстѣ казней протестантовъ. Рабочіе обнаружили въ почвѣ глубокой слой черной съ блестящимъ отливомъ пыли, перемѣшанной съ обожженными костями и углемъ: то были останки несчастныхъ, погубленныхъ ужаснымъ религіознымъ фанатизмомъ.

Однако, что выиграла Испанія своей невѣроятной жестокостью? Богатства ея растаяли и теперь эта страна близка къ полнѣйшему банкротству. Народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, которому никто не приходитъ на помощь: только одинъ изъ каждаго восьми человекъ едва умѣетъ читать и писать. Народъ считаетъ духовныхъ лицъ своими злѣйшими врагами и большая часть его дошла до полнѣйшаго невѣрія. Самое духовенство живетъ въ крайней бѣдности. «Не странно-ли, — говоритъ докторъ Ли, — что Испанія гораздо болѣе процвѣтала, находясь подъ владычествомъ мавровъ, чѣмъ въ тѣ эпохи, когда она перешла въ руки христіанскихъ правителей». Мавританское правительство было либеральнѣе и терпимѣе и безусловно болѣе просвѣщенно. Уровень народнаго образованія стоялъ выше, и земля обрабатывалась лучше. Со времени

изгнанія мавровъ, Испанія неуклонно и постоянно шла назадъ».

Филиппъ II испанскій былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ ужаснѣйшихъ злодѣевъ, когда-либо занимавшихъ тронъ: его можно сравнить лишь съ Калигулою или Нерономъ. Въ своемъ эдиктѣ отъ 1568 года онъ приговорилъ къ смерти всѣхъ Нидерландскихъ протестантовъ. Къ счастью, средствъ не хватило привести полностью въ исполненіе это дьявольское предписаніе; однако, Альба, вѣрный министръ Филиппа, сдѣлалъ все, что могъ. Съ помощью собраннаго имъ «кроваваго совѣта», а также членовъ святѣйшей инквизиціи, ему удавалось иногда замучивать на пыткахъ до восьмисотъ человѣкъ въ недѣлю. Главнѣйшими преступленіями считались: протестантизмъ и богатство. За это послѣднее преступленіе, наравнѣ съ протестантами, грабили и казнили вѣрныхъ католиковъ. Человѣку, обладавшему извѣстнымъ имуществомъ, почти невозможно было доказать свое правотворіе. Послѣ шестилѣтняго правленія Нидерландами, Альба хвалился тѣмъ, что успѣлъ за это время удушить, потопить, обезглавить или сжечь 18,000 своихъ собратій по человѣчеству, не считая тѣхъ десятковъ тысячъ, которые погибли во время штатгальтерства Альбы въ осадахъ и битвахъ. Въ подобныхъ же колоссальныхъ размѣрахъ производилъ онъ и грабежи.

Не лучшее положеніе дѣлъ встрѣчаемъ мы и во Франціи. Ея «христіаннѣйшіе» короли жгли, грабили, обезглавливали или изгоняли всѣхъ, кто противился признанію власти папы. Такъ въ первой половинѣ XIII ст. были частью умерщвлены, частью самымъ ужаснымъ образомъ изгнаны за Пиренеи альбигойцы. Съ помощью Савойи, вальденцевъ сжигали и вѣшали на всемъ юго-востокѣ Франціи и сѣверо-западѣ Италіи до тѣхъ поръ, пока они не были вынуждены покинуть свою родину, ища пріюте въ Германіи и Швейцаріи. Реформаціонный призывъ воз

будиль во Франціи снова самыя изступленныя гоненія еретиковъ.

Безъ сомнѣнія, среди фанатиковъ-католиковъ встрѣчались и благородныя исключенія, попадались люди, горячо осуждавшіе гоненіе поборниковъ различныхъ сектъ. Канцлеръ Лопиталь убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ украшать себя единственно лишь добродѣтелями и богоугодной жизнью, поражая своихъ враговъ орудіемъ милосердія, молитвы и убѣжденія, а не мечомъ и дикой ненавистью. «Остазимъ,—говоритъ онъ,—эти дьявольскія порожденія: названія партій, сектъ, ересей; не будемъ говорить лютеране, гугеноты, паписты, замѣнивъ эти слова однимъ: христіане». За подобныя убѣжденія канцлеръ прослылъ атеистомъ.

Когда виконтъ Дорте, губернаторъ Байонны, получилъ приказъ Карла IX перебить всѣхъ мѣстныхъ протестантовъ—онъ смѣло отвѣтилъ, что сообщилъ предписаніе его величества гарнизону и жителямъ, но среди нихъ онъ нашелъ лишь много вѣрныхъ воиновъ и преданныхъ подданныхъ, палача же ни одного.

Вслѣдъ за этимъ наступила ужасная рѣзня въ Парижѣ: Варооломеевская ночь (24—25 августа 1572 г.), отголосокъ которой распространился по всей Франціи. Память объ этой ужасной кровавой расправѣ навѣки запечатлѣлась въ умахъ протестантовъ, какъ ужасный призракъ, скелеть на пиру. Варооломеевская ночь и попытка Филиппа II завоевать со своей непобѣдимой Армадой Англию—вотъ два выдающихся событія въ исторіи второй половины XVI вѣка.

Послѣ того, какъ Генрихъ IV прекратилъ безконечныя преслѣдованія протестантовъ изданіемъ «Нантскаго эдикта» (13 апрѣля 1598 г.), обезпечиваваго имъ свободу совѣсти и извѣстныя права, Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ госпожи де-Ментенонъ, отмѣнилъ это благодѣяніе своего предка въ 1685 году и тѣмъ подалъ поводъ къ новому взрыву религіозной ненависти. Его указъ заставилъ протестантовъ подъ страхомъ обращенія или смерти бѣжать

изъ Франціи. Протестанты-дворяне и другіе, купцы, крестьяне и ремесленники рѣшительно отказались лицемѣрно признавать ученіе, которому они не вѣрили. Аристократы и помѣщики покинули свои земли, отказались отъ чиновъ и бросили родину, вступивъ затѣмъ за границей въ военную службу къ иностраннымъ государямъ или приобрѣвъ на чужбинѣ какой-нибудь кусокъ земли. Дѣятельные купцы и ремесленники переселились въ Англію, Голландію или на сѣверъ Германіи, гдѣ могли поклоняться Господу согласно своимъ убѣжденіямъ и въ мирѣ пожинать плоды своихъ трудовъ. Бѣдные крестьяне скрылись въ Севеннахъ.

Не смерть страшила ихъ. Герцогъ Майѣнскій, столько разъ побѣждавшій гугенотовъ, весьма удачно охарактеризовалъ ихъ, сказавъ: «Привычка къ смерти переходитъ у гугенотовъ наслѣдственно отъ отца къ сыну!» Тысячами погибали они на колесѣ и плахѣ и въ когтяхъ невыразимыхъ пытокъ. Ничто не могло сломить ихъ, они приносили жизнь въ жертву своему долгу. Возвышенныя черты, которыми отмѣчена жизнь и дѣятельность великихъ вождей гугенотовъ, никогда болѣе не повторялись во Франціи. Достоинство, сила и величіе души и убѣжденность въ своей правотѣ породили этотъ благородный образецъ характера, самый прекрасный, какой когда-либо можетъ поименовать исторія Франціи. Исторія однако, надо замѣтить, не слишкомъ интересуется подобными явленіями, повѣствуя главнымъ образомъ о царствованіи королей и королевъ, вспоминая побѣды и пораженія, но забывая гонимыхъ.

Людовикъ XIV, со всей своей арміей, не могъ сокрушить непобѣдимаго—совѣсти. Его безсердечная политика на цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ установила во Франціи непрерывную Вареломеевскую ночь. Каковы-же отсюда результаты? Политика Людовика оказалась несостоятельной. Умирая, онъ оставилъ Францію разоренной и обремененной налогами, онъ разстроилъ торговлю и земледѣліе въ странѣ

и посылая въ ней зачатки ужасной анархіи, выросшей въ революцію 1789 года.

Вотъ какъ отзывается о гугенотахъ знаменитый Мишле въ своей исторіи Франціи: «Бѣгство гугенотовъ является высокимъ проявленіемъ правдивости и вѣрности. Оно выражаетъ собою и протестъ противъ лжи, и глубокое уваженіе къ убѣжденіямъ. Человѣческая природа можетъ гордиться тѣмъ, что столько мужчинъ и женщинъ не поколебались во имя правды пожертвовать всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, перейти отъ богатства къ нищетѣ и даже подвергнуть опасности какъ свою жизнь, такъ и жизнь своихъ близкихъ, покидая съ такими затрудненіями родину. Иные считаютъ этихъ людей не болѣе какъ упрямыми сектантами, что-же касается меня, то я вижу въ нихъ возвышенные характеры, которые всюду, гдѣ ни появлялись, доказали, что они-то и есть самый цвѣтъ французскаго народа. Въ основу стоическаго ученія, которое старались распространить свободомыслящіе, легла та самая идея, которая явилась главной побудительной причиной протестантской эмиграціи: *vitam, impendere vero*—отдать жизнь за правду, сумѣть во имя чести и истины пренебречь плѣномъ, тюрьмой и смертью.

Въ эпоху еще болѣе раннюю, костры гоненія запылали въ Шотландіи и Англіи. Смесфильдъ (кузнечное поле) въ Лондонѣ нерѣдко освѣщалось кострами, на которыхъ погибали еретики и вѣдьмы. Впрочемъ, не одни протестанты, но и католики насчитываютъ не мало мучениковъ въ своей средѣ. Такъ при Генрихѣ VIII сожженъ былъ на кострѣ монахъ-францисканецъ Форестъ за то, что не хотѣлъ признать верховной власти короля въ дѣлахъ церкви. Казнь огнемъ одинаково была излюблена и протестантами, и католиками. Въ царствованіе королевы Маріи Католической релігіозныя преслѣдованія и казни за ерѣичество вспыхнули съ новой ужасной силой, потому что она самымъ немилосерднымъ образомъ боролась съ протестантизмомъ. Джонъ

Роджерсъ, священникъ приходской церкви имени Гроба Господня, сожженъ былъ на кострѣ въ виду церковной башни; такой-же смертью умерли Джонъ Братфордъ, утѣшавшій на кострѣ своихъ товарищей по казни, Джонъ Фильпотъ, уинчестерскій архидіаконъ. Общезвѣстными являются имена сожженныхъ на кострахъ: епископа Латимера, Кренмера и Ридлея. Великіе духомъ люди той эпохи должны были совѣмъ иначе созданы, чѣмъ наши современники. Мы, содрогающіеся при обжогѣ пальца, удивляемся и даже не понимаемъ тѣхъ людей, которые во имя своей вѣры не только спокойно всходили на костеръ, но даже гордились своей смертью. «Неужели я отступлю передъ муками у этого позорнаго столба,—сказалъ Джонъ Фильпотъ,—въ то время какъ мой спаситель не поколебался принять за меня позорную смерть на крестѣ?»

Гоненія за свободу вѣры и совѣсти длились въ Англіи вплоть до царствованія Карла II и даже долѣе. Вилліамъ Пеннъ утверждаетъ, что со времени возстановленія королевской власти разорено было исключительно въ силу религиозныхъ преслѣдованій около 15 тысячъ семей и свыше 5,000 человекъ умерло въ заточеніи. Карлъ II, а вслѣдъ затѣмъ и Іаковъ II распространили эти преслѣдованія и на Шотландію, гдѣ уже въ періодъ отъ 1539—1546 г. кардиналъ Бптонъ воздвигалъ въ качествѣ судьи надъ еретиками безчисленные костры. Костры эти большей частью пылали передъ его замкомъ Сентъ-Эндрю, изъ окна котораго кардиналъ любилъ съ насмѣшкой наблюдать за корчами и муками несчастныхъ казнимыхъ. Въ эпоху Карла и Іакова протестанты преслѣдовали даже другъ друга за несогласіе во мнѣніяхъ. Прихлебатели Стюартовъ устраивали форменную охоту за пресвитеріанцами, затравливали ихъ, убивали и вѣшали и пытались муками въ тюрьмахъ вынудить у нихъ отреченіе отъ своихъ убѣжденій. Они добились того, что гонимые съ особеннымъ фанатизмомъ защищали свою вѣру. Ужасны были костры и пытки, но

подверженные имъ люди обладали большимъ мужествомъ и стойкостью.

«Есть у меня,—говоритъ Робертъ Коллейеръ изъ Нью-Йорка,—небольшая картина кисти Миле. На ней изображена женщина, привязанная къ столбу, утвержденномъ на морскомъ берегу. Приливъ приближается. Вдали подъ полными парусами несется корабль, не замѣчая несчастной женщины и близкой кончины, на которую она обречена. Уже волны разбиваются о ея ноги, и хищныя птицы кружатся надъ ея головою. Но она не обращаетъ вниманія ни на птицъ, ни на корабль, ни на морскія волны. Глаза ея обращены къ небу и ея ноги твердо попираютъ шаткую почву—ясно, что она, устремляя взоры къ небу, сознаетъ одно: эти скоропроходящія страданія въ настоящемъ ничтожны въ сравненіи съ вѣчнымъ небеснымъ блаженствомъ, къ которому она стремится. Подъ картиной начертаны слѣдующіе стихи, списанные съ надгробнаго памятника, воздвигнутаго въ честь этой женщины на старомъ шотландскомъ кладбищѣ:

«Она умерщвлена за то, что твердо вѣрила въ Христа, признавая Его верховнымъ главой Его церкви, за то, что не подчинялась власти прелатовъ и не хотѣла отречься отъ пресвитеріанства,—вотъ за какія преступленія она погибла во Христвѣ, принявъ мученическую кончину на столбѣ въ морѣ».

Когда я смотрю на эту картину,—продолжаетъ Робертъ Коллейеръ, мнѣ кажется, что въ лицѣ этой женщины я вижу воплощеніе безчисленнаго ряда многихъ страдалицъ, которыя, крѣпко привязанныя къ своей судьбѣ, ждуть и стоятъ на стражѣ, въ то время какъ приливъ—волны бѣдствій и горя поднимаются все выше и выше. Но мужество мученицъ растетъ вмѣстѣ съ ними и на гребнѣ послѣдней и самой высокой волны отстрадавшія вносятся въ тихую пристань вѣчнаго блаженства, гдѣ ихъ встрѣчаетъ привѣтъ:

— Вы поступили какъ должно!»

Сидней Смитъ также говоритъ:—«Въ продолженіе сколькихъ лѣтъ всѣ усилія направлены были на то, чтобы заставить шотландцевъ отказаться отъ своего вѣроисповѣданія. Пѣхота, артиллерія и конница и даже вооруженное духовенство высылались войною на пресвитеріанскихъ пасторовъ и ихъ паству. Много пролилось крови, но къ изумленію послѣдователей епископальной церкви имъ не удалось ни ввести въ Шотландіи свои обряды, ни помѣшать этимъ мечтателямъ отойти къ вѣчной жизни той дорогой, которую они считали правой. Наконецъ, напали на хорошую и единственно цѣлесообразную мѣру: шотландцамъ разрѣшили совершать богослуженіе согласно ихъ собственнымъ длительнымъ обрядамъ. Господь не послалъ ни на кого за это молній съ неба, страна не погибла, конецъ міру еще, какъ мы видимъ, не наступилъ; достопочтенные мужи, предсказавшіе всѣ эти страхи, позабыты, и Шотландія осталась съ тѣхъ поръ источникомъ живоносной силы для Великобританіи».

Терпимость — дитя новѣйшихъ эпохъ. Людей перестали сжигать на кострахъ, стремясь влить на нихъ инымъ путемъ — путемъ убѣжденій. Прошли времена мученичества, какъ и времена чудесъ. Вывелся обычай разстрѣливать, привязывать къ столбу, колесовать и сжигать во славу Божию; но вовсе не вывелись пытки: и люди зачастую принуждены выносить въ наше время всевозможныя нравственныя гоненія, презрѣніе, порицаніе, насмѣшки себѣ подобныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что и нынѣ мужество также, если не больше, необходимо для тѣхъ, которые готовы стоять за свою правду. Въ нашъ индифферентный вѣкъ даже труднѣе измѣнить высшимъ и чистѣйшимъ идеаламъ, чѣмъ въ эпохи мученичества. Одинъ извѣстный писатель такъ охарактеризовалъ это новое положеніе дѣлъ: «Фанатическія гоненія и жестокія казни укрѣпляютъ и возбуждаютъ нервы, но томительное гнетущее убѣжденіе, что вашими задушевными убѣжденіями никто не интересуется, что никого они не

задѣвають, что аѣтъ чловѣчества, которое поклонялось бы, и божества, которое съ состраданіемъ относилось бы къ людямъ, гораздо болѣе угнетающе вліяетъ на всякое высшее стремленіе, чѣмъ какая бы то ни было борьба съ деспотизмомъ или варварскими предрасудками».

Но на самомъ дѣлѣ, окончательно-ли люди отступились отъ всякихъ религіозныхъ гоненій? Въ наше время существуетъ свобода печати, и люди свободно выражаютъ свои мысли въ періодическихъ изданіяхъ. Что-же остается сказать о слѣдующемъ заявленіи, напечатанномъ не такъ давно въ одной изъ лондонскихъ газетъ: «По отношенію къ цѣлямъ отдѣльной чловѣческой и общественной жизни—убійство и грабежи являются вполнѣ незначительными преступленіями. а распространеніе заразы и вовсе ничтожно, сравнительно съ преступленіемъ Лютера и Кальвина, возстававшихъ противъ церкви». Такое заявленіе съ одобреніемъ было встрѣчено дѣятелями Вареоломеевской вочи и всѣми тѣми, кто убивалъ, сжигалъ и вѣшалъ только за то, что люди молились по своему и по своему вѣрили. Въ наше время оно промелькнетъ безслѣдно. Наши предшественники оставили намъ драгоцѣнное наслѣдство: свободное государство—наслѣдство, приобрѣтенное цѣною жизни нѣсколькихъ благороднѣйшихъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ личностей и велика будетъ наша вина, если мы какимъ-либо образомъ станемъ поощрять такое позорное воззваніе къ нетерпимости со стороны людей, несогласныхъ съ нами въ убѣжденіяхъ. Іезуиты были изгнаны, подобно гугенотамъ изъ Франціи и, какъ всѣ гонимые, они могутъ спокойно жить подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ; но они должны уважать эти законы и религіозную терпимость страны, которая ихъ приютила.

Вилліамъ Пеннъ, впоследствии основатель Пенсильваніи, считалъ величайшей ошибкой увѣренность въ томъ, что народъ или страна выиграютъ въ силѣ, если всѣ ея под-

данные будутъ держаться одинаковыхъ убѣжденій относительно религіозныхъ догматовъ и обрядовъ; онъ полагалъ, что различіе мнѣній и религіозныхъ сектъ напротивъ составляетъ силу правительства, если только всѣ эти религіи терпимы. Личность должна пользоваться поддержкой, потому что внѣ этой личности нѣтъ истинной свободы. Всюду личность должна внушать къ себѣ уваженіе и сочувствіе, какъ корень всего добраго. «Самый деспотизмъ,—говоритъ Джонъ Стюартъ-Милль,—не доходитъ до своихъ худшихъ проявленій, пока имъ не затрагивается личность. Все же, что уничтожаетъ личность—деспотизмъ, какое бы оно ни носило имя, все равно, проявляется-ли оно во имя Божіе или во имя человѣческихъ наущеній».

Іеремія Тейлоръ заключаетъ свою рѣчь о христіанской терпимости слѣдующей восточной легендой. Авраамъ сидѣлъ однажды у входа въ свою палатку, когда мимо проходилъ незнакомый ему старикъ, сгорбленный и опирающійся на палку. Авраамъ пригласилъ его зайти отдохнуть, поставилъ передъ нимъ кушанье и, видя, что онъ, приступая къ ѣдѣ, не благословляетъ трапезы, спросилъ его, отчего онъ не молится Богу.—Я поклоняюсь только огню и другого Бога не признаю,—отвѣтилъ тотъ. Авраамъ разгнѣвался и выгналъ старика изъ палатки. Тогда Господь позвалъ Авраама и спросилъ его, гдѣ незнакомецъ.— Я выгналъ его за то, что онъ не молится Тебѣ! Но Господь отвѣтилъ:—«Я терпѣлъ его вотъ уже сто лѣтъ, хотя онъ постоянно поносилъ Меня, а ты не могъ потерпѣть его одну ночь!» И Авраамъ вернулъ старика, и радушно принялъ его, угостивъ и почтивъ душеспасительной бесѣдой.

Даже величайшіе умы, работавшіе во имя прогресса одной лишь чистой науки, нерѣдко подвергались мученичеству и смерти. Въ былыя времена каждое новое открытіе въ области физики, астрономіи или естественныхъ наукъ сопряжено было съ опасностью подвергнуться обви-

ненію въ ереси какъ для самого ученаго, сдѣлавшаго это открытіе, такъ и для его послѣдователей. Такъ итальянскій философъ Джордано Бруно сожженъ былъ въ Римѣ за то, что возставалъ противъ ложнаго, но весьма распространеннаго философскаго ученія той эпохи. Послѣдователей великаго астронома Коперника всюду преслѣдовали какъ еретиковъ и отступниковъ и многихъ казнили. Послѣ того, какъ Липперлей изъ Миддльбурга изобрѣлъ въ Голландіи приборъ, обладавшій свойствомъ приближать отдаленные предметы, Галилей, воспользовавшись его идеей, построилъ усовершенствованный телескопъ, вооружившись которымъ поднялся на башню св. Марка въ Венеціи, чтобы заняться наблюденіемъ небесныхъ тѣлъ. Онъ направилъ новый приборъ на планеты и неподвижныя звѣзды, которыя наблюдалъ съ великимъ восторгомъ. Онъ открылъ спутниковъ Юпитера, ~~фазисы~~ Венеры, солнечныя пятна, кольцо Сатурна и т. п. важныя вещи, которыя онъ въ точности записывалъ, чтобъ всё эти свѣдѣнія сообщить своимъ ученикамъ. Смѣло можно сказать, что онъ сдѣлалъ больше открытій, чѣмъ когда-либо какой-либо изъ послѣдующихъ астрономовъ.

Къ несчастью, всё его открытія и выводы стояли въ полномъ противорѣчій со всѣми обиходными понятіями того времени. Инквизиція принялась за урегулированіе астрономическихъ знаній согласно собственнымъ воззрѣніямъ. Галилей былъ призванъ въ Римъ и подвергся суду инквизиціи за обнародованное имъ новое еретическое ученіе. Онъ былъ присужденъ отказаться отъ своихъ «ложныхъ мнѣній» и признать свое ученіе о движеніи земли вокругъ солнца еретическимъ. Сочиненія Кеплера, Коперника и Галилея инквизиція помѣстила въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Галилей, однако, собравшись съ духомъ, написалъ въ защиту своего ученія новое сочиненіе въ формѣ діалоговъ. Тогда отъ него потребовали новаго вторичнаго отреченія передъ инквизиціоннымъ судомъ: Гали-

лей, стоя на колѣняхъ передъ Евангеліемъ, долженъ былъ отречься отъ своего славнаго открытія. У него не хватило мужества долѣ защищать свои убѣжденія, но въ душѣ онъ остался имъ вѣренъ. Не надо забывать того, что свое отреченіе онъ подписалъ уже будучи семидесятилѣтнимъ старикомъ. Открытая имъ истина тѣмъ не менѣе не погибла и направила по вѣрнымъ слѣдамъ наблюденія послѣдующихъ астрономовъ.

Знаменитый французскій математикъ Блезъ Паскаль написалъ въ свое время по этому поводу слѣдующее: «Напрасно хлопотали іезуиты, чтобы папа издалъ противъ Галилея декретъ, осуждавшій его ученіе объ обращеніи земли. Этимъ они не доказали нисколько ея неподвижность, если у насъ нѣтъ провѣренныхъ достаточными опытами наблюдений, которыя доказываютъ, что земля на самомъ дѣлѣ не вращается, то сможетъ-ли все человѣчество устроить, чтобы она не вращалась, или чтобы вмѣстѣ съ нею не вращалось все человѣчество?» Часто истина долгое время остается гонимой и не можетъ проявиться наглядно, но рано или поздно, она безъ сомнѣнія вырвется наружу: и чѣмъ больше препятствій воздвигалось на ея дорогѣ и чѣмъ продолжительнѣй и упорнѣй была ея борьба съ ними — тѣмъ торжество ея выше и ярче.

Жизнь Кеплера, другого знаменитаго астронома, была не менѣе печальна, чѣмъ жизнь Галилея. Сынъ бѣдныхъ родителей онъ учился въ монастырской школѣ въ Маульбрумѣ и сдѣлался ученымъ, только благодаря счастливому случаю. Двадцати двухъ лѣтъ онъ получилъ катедру астрономіи въ Грацѣ, въ Штиріи, и посвятилъ себя наблюденію звѣздъ, придерживаясь ученія Коперника. Преслѣдуемый въ качествѣ протестанта, онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто и удалился въ Прагу, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ Тихо де-Браге въ качествѣ придворнаго астронома короля Рудольфа. Жалованье однако онъ получалъ такое ничтожное, что ему не хватало на содержаніе себя и семьи, и онъ

опять взялъ профессуру въ Линцѣ. Здѣсь онъ вступилъ въ борьбу и съ лютеранскимъ, и съ римско-католическимъ духовенствомъ и отлученъ отъ церкви за свои еретическія мнѣнія о пресуществленіи. Когда онъ по этому поводу намѣревался покинуть Линцъ, друзья его хотѣли уговорить его остаться, но онъ отвѣтилъ: «Какую я могу принести вамъ пользу тамъ, гдѣ духовенство и школьное начальство соединились, чтобы публично заклеить меня кличкой еретика за то, что я при всякомъ столкновеніи стараюсь стать на ту точку зрѣнія, которая кажется мнѣ наиболѣе согласной съ волей Всевышняго».

Съ теченіемъ времени Кеплеру предложили кафедру математики при болонскомъ университетѣ, но Кеплеръ въ памяти котораго живо было отреченіе Галилея, отказался, говоря: «Я легко могъ бы занять тамъ блестящее положеніе, но нѣмецъ родомъ, живя среди нѣмцевъ, я привыкъ вездѣ и всегда говорить правду и, если я не измѣню этой привычкѣ въ Болоньѣ, то она сослужитъ мнѣ опасную службу и можетъ привлечь ко мнѣ вниманіе, результатомъ котораго явится подозрѣніе и злорадство со стороны моихъ противниковъ».

Въ 1619 году Кеплеръ открылъ знаменитый законъ, который останется на вѣки памятнымъ въ исторіи науки, знаменуя ея значительный прогрессъ, Вотъ этотъ законъ: «квадраты временъ обращеній планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстоянія отъ солнца». На томъ основана вся новая теорія обращенія небесныхъ тѣлъ. Съ восторгомъ убѣдился онъ въ несомнѣнной истинѣ этого вывода, потративъ цѣлыхъ 17 лѣтъ надъ вычисленіями и ихъ провѣркой, чтобы придти къ нему.

«Жребій брошенъ, — сказалъ онъ по этому поводу, — я написалъ свою книгу; будутъ-ли читать ее современники мои или послѣдующія поколѣнія — меня это не касается. Пусть пройдетъ хоть сотня лѣтъ, пока она найдетъ себѣ читателя. Господь Богъ ждалъ вѣдь цѣлыя

шесть тысячъ лѣтъ, пока явится изслѣдователь Его творенія».

Слѣдующее сочиненіе, изданное Кеплеромъ, называлось «*Epitome astronomiæ sorernicanae*»—сокращеніе астрономіи Коперника и было осуждено въ Римѣ, пополнивъ собою число книгъ, запрещенныхъ Index'омъ (инквизиціонная цензура). Въ то же время Кеплера смущали и другія еще болѣе тяжкія заботы и печали. Онъ получилъ извѣстіе, что его мать, семидесятишестилѣтняя старушка, была обвинена въ колдовствѣ, заключена въ тюрьму и приговорена къ смерти на кострѣ. Кеплеръ немедленно бросился къ ней на помощь и къ счастью пріѣхалъ вовремя, чтобъ спасти бѣдную отъ дальнѣйшей пытки.

Но все новые и новые удары судьбы обрушивались на него. Въ Штиріи правительство издало указъ публично предать огню всѣ экземпляры его календаря за 1624 годъ. Его библиотека была, по приказанію іезуитовъ, опечатана, а самъ онъ долженъ былъ, вслѣдствіе возникшаго тогда народнаго возстанія, покинуть Линцъ и перебраться въ Саганъ въ Силезію подъ покровительство герцога Фридрихскаго Альберта Валленштейна. Тамъ онъ и умеръ въ 1630 г. отъ болѣзни мозга, развившейся у него вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ.

И Колумбъ является настоящимъ героемъ, не только великимъ мыслителемъ, но и великимъ человекомъ дѣла. Чтобы достать средствъ на открытіе Новаго Свѣта, онъ странствовалъ отъ властелина къ властелину, изъ страны въ страну. Сынъ бѣднаго генуэзскаго ткача, онъ долго безуспѣшно искалъ возможности осуществить свои мечты; долго напрасно убѣждалъ онъ королей и императоровъ положить начало и снарядить экспедицію въ невѣдомую землю, которую проникательный взглядъ его уже открылъ въ дальнихъ водахъ. Прежде всего онъ попробовалъ обратиться къ собственному генуэзскому правительству, но тутъ никто не пожелалъ помочь ему. Тогда онъ отправился въ Португа-

лію къ королю Хуану II, котораго и познакомилъ со своимъ планомъ, переданнымъ затѣмъ на усмотрѣніе португальскаго государственнаго совѣта. Королевскіе совѣтники отвергли планъ, какъ нѣчто чудовищно-фантастическое. Между тѣмъ король попытался похитить идеи Колумба и извлечь изъ нихъ пользу для себя: онъ втайнѣ снарядилъ флотъ и послалъ его по указанному Колумбомъ направленію, но, разбитый бурями, флотъ этотъ послѣ четырехдневнаго плаванія вернулся въ Лиссабонъ.

Послѣ вторичной неудачной попытки добиться помощи у генуэзской республики, Колумбъ отправился въ Испанію, гдѣ высадился въ Андалузскомъ городѣ — Палосѣ. Случайно попалъ онъ въ одинъ андалузскій монастырь францисканцевъ, постучался въ ворота и попросилъ хлѣба и воды. Настоятель привѣтливо принялъ незнакомца, долго разговаривалъ съ нимъ и узналъ отъ него исторію его жизни. Онъ ободрилъ его и далъ ему рекомендательное письмо къ королю, который былъ тогда съ дворомъ въ Кордовѣ. Король Фердинандъ милостиво принялъ его, но, прежде чѣмъ рѣшить что-либо окончательно, пожелалъ представить его проектъ на разсмотрѣніе совѣту изъ мудрѣйшихъ ученыхъ Саламанкскаго университета. Колумбу пришлось давать не только научныя объясненія, но еще и отвѣты на библейскія изреченія. Испанское духовенство объявило, что предположеніе объ антиподахъ противорѣчитъ библейскому ученію. Земля, по его мнѣнію, является громаднымъ, плоскимъ дискомъ, а если допустить предположеніе, что по ту сторону океана лежитъ еще другая неизвѣстная земля, то ясно, что весь родъ человѣчскій не могъ произойти отъ одного Адама. И Колумба прогнали, посмѣявшись надъ нимъ, какъ надъ сумасшедшимъ.

Но ничто не могло поколебать его увѣренности въ истинѣ его замысловъ: онъ написалъ по письму англійскому и французскому королю, излагая имъ свой проектъ,

но безуспѣшно. Наконецъ, въ 1492 г. арагонскій государственный канцлеръ представилъ его королевѣ Изабеллѣ испанской. Друзья, въ сопровожденіи которыхъ онъ явился, такъ краснорѣчиво защищали его планы, что королева согласилась помочь его предпріятію. Были снаряжены три небольшихъ корабля и 3 августа 1492 г. Колумбъ вышелъ въ море изъ Палосской гавани. Послѣ долгой борьбы съ людскимъ невѣжествомъ, ему пришлось начинать новую съ суевѣріемъ своего экипажа, и большихъ усилій стоило Колумбу держать въ повиновеніи всѣхъ этихъ людей! Невѣдомыя моря, страхъ передъ опасностями, передъ возможнымъ наступленіемъ голода, отчаяніе передъ видимою невозможностью достигнуть желанной страны не разъ доводили матросовъ до открытаго мятежа, который Колумбъ умѣлъ усмирять, не теряя энергіи и присутствія духа. Послѣ семидесятидневнаго плаванія, показалась наконецъ земля, и Колумбъ присталъ къ острову Санъ-Сальвадоръ, а потомъ къ островамъ Кубъ и Гаити, который онъ назвалъ Испаньолой и отдалъ во владѣніе испанской коронѣ. На Испаньолѣ Колумбъ построилъ крѣпость, оставилъ въ ней коменданта и нѣсколько человѣкъ гарнизона, а самъ носилъшій вернуться въ Испанію, чтобы представить отчетъ о своемъ открытіи.

Его встрѣтили съ неописаннымъ восторгомъ, слава его распространилась не только по Испаніи, но и по всему міру. Пребываніе его въ Испаніи было непродолжительно, онъ опять отправился въ Америку. 25 сентября 1493 г., на этотъ разъ во главѣ экспедиціи изъ 14 кораблей съ 1200 человѣкъ спутниковъ и экипажа, среди которыхъ находилось не мало представителей испанской аристократіи, которые пожелали сдѣлать это путешествіе съ Колумбомъ. На этотъ разъ открыты были острова Гваделупа и Ямайка и изслѣдованы Санъ-Доминго и Куба. Но нигдѣ не нашли спутники Колумба тѣхъ сказочныхъ залежей золота, на которыя они рассчитывали. Отсюда возникло недовольство,

партіи и заговоры, которые сплошь и рядомъ приводили къ кровопролитію. Колумба обвиняли въ томъ, что онъ пряталъ для себя открытое золото и хотѣлъ сдѣлаться властелиномъ новой страны, и эти интриги проникли въ Испанію.

Когда Колумбъ вторично явился въ Испанію въ 1496 г., его встрѣтили уже далеко не съ прежнимъ восторгомъ и королевская чета приняла его не безъ нѣкоторой холодности, чѣмъ онъ былъ обязанъ низкой зависти и проискампъ придворнымъ. Отклонивъ, однако, отъ себя всякія обвиненія и подозрѣнія, онъ добился снаряженія третьей экспедиціи, и въ 1498 г. шесть большихъ кораблей вновь мчали Колумба и его спутниковъ къ берегамъ Новаго Свѣта. На этотъ разъ Колумбъ открылъ Южную Америку и группу острововъ въ Караибскомъ морѣ. Тѣмъ временемъ, въ Санъ-Доминго вспыхнуло возстаніе туземцевъ, возмущенныхъ жестокимъ обращеніемъ съ ними испанцевъ; кромѣ того, испанскіе колонисты враждовали между собою и вели постоянную войну, такъ что Колумбъ, огорченный всѣми этими событіями, посылалъ къ испанскому королю письмо за письмомъ, прося прислать въ Санъ-Доминго судью и губернатора.

По совѣтамъ нѣкоторыхъ придворныхъ, враговъ Колумба, король послалъ въ Америку дона-Франциска Бобадилью, облеченнаго безграничнымъ полномочіемъ и получившаго названіе губернатора Новаго Свѣта. Этотъ человекъ явился не ради возстановленія порядка, но въ качествѣ судьи самого Колумба, и первое, что онъ сдѣлалъ по пріѣздѣ, — было заключеніе въ тюрьму Колумба и его двухъ братьевъ, которыхъ затѣмъ, заковавъ въ цѣпи, Алонзо де-Виллега и отвезъ по его приказанію въ Испанію. Дорогой Виллега, полный состраданія къ великому мореплавателю, предложилъ освободить его отъ оковъ. «Нѣтъ, — сказалъ Колумбъ, — я хочу сохранить ихъ на память о той наградѣ, которую получалъ за свои открытія». Сынъ Ко-

лумба Фернандо часто рассказывалъ въ послѣдствіи, что видѣлъ эти цѣпи на стѣнѣ въ кабинетѣ своего отца, который завѣщалъ послѣ его смерти положить ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

По возвращеніи корабля въ Испанію, король и королева, устыдясь повелѣнія Бобадильи, приказали немедленно возвратить свободу плѣннымъ. Колумбъ былъ глубоко потрясенъ всѣмъ случившимся и сказалъ своимъ друзьямъ: «Свѣтъ предоставилъ мнѣ въ одиночествѣ бороться съ тысячею препятствій, и до сихъ поръ я оставался побѣдителемъ. Но на этотъ разъ я не могъ защитить себя ни оружіемъ, ни мудростью,—такъ варварски и безчеловѣчно поступили они со мною».

Со всѣмъ тѣмъ его неутомимый и дальновидный геній звалъ его все дальше за предѣлы необозримаго океана. Онъ добился возможности снарядить четвертую экспедицію, которая должна была, по его мнѣнію, обогатить Испанію, до сихъ поръ такой черной неблагодарностью платившую ему за его благодѣянія. Въ эту экспедицію онъ открылъ островъ Гванайю, обогнулъ берега Гондураса, Никарагвы и Панамаы и причалилъ къ Вергуасу, гдѣ открылъ богатые золотые рудники. На берегахъ рѣки Белень онъ попытался основать колонію, но буря разбила его корабли, и онъ долженъ былъ уйти въ Санъ-Доминго, чтобы починить ихъ, хотя губернаторъ этого острова и относился къ нему враждебно. Онъ былъ уже далеко не молодъ, по дорогѣ онъ захворалъ, въ ту минуту, когда его экипажъ взбунтовался и грозилъ умертвить его. Усталый и разбитый, Колумбъ не находилъ въ себѣ силы сопротивляться разсвирѣпѣвшей толпѣ грубыхъ матросовъ и спокойно приготовился къ смерти, когда, къ счастью, показался на горизонтѣ берегъ, и корабль благополучно подошелъ къ Санъ-Доминго.

Вскорѣ онъ возвратился въ Испанію. Это было его послѣднее морское путешествіе. Ему въ то время уже ми-

новало семьдесятъ лѣтъ и онъ былъ очень радъ добраться наконецъ до Испаніи послѣ утомительныхъ и долгихъ странствованій, рассчитывая получить здѣсь хоть какое нибудь вознагражденіе, которое могло-бы обезпечить ему спокойную старость. Надежды эти не оправдались. Остатокъ своей жизни провелъ онъ въ крайней бѣдности, одинокій, усталый и измученный болѣзью, какъ нищій, котораго едва терпѣли въ странѣ. У него не было достаточно одежды, не было крова, куда приклонить голову, и онъ закладывалъ послѣднее, чтобы заплатить трактирщику за обѣдъ. Такъ онъ и скончался 20 мая 1506 г. въ Валладолидѣ, и его послѣдними словами были: «Господи, въ руки твои предаю духъ мой». Онъ скончался какъ мученикъ, и его смерть была побѣдой. Даже трупъ его долго не находилъ себѣ покоя: его перевозили изъ монастыря въ монастырь, пока наконецъ не перевезли на Кубу, гдѣ его останки и успокоились наконецъ подъ сводами кафедральнаго собора въ Гаваннѣ.

Во всѣ эпохи встрѣчалось немало людей, способныхъ на самопожертвованіе во имя какой-либо высокой цѣли. Первые мученики, первые изобрѣтатели, піонеры цивилизаціи, всѣ потрудившіеся ради истины, вѣры и отечества представляютъ тотъ передовой постъ челоѣчества, который, первый бросаясь на приступъ, живетъ, работаетъ и умираетъ безъ всякихъ расчетовъ на личное удовлетвореніе. Они удовлетворяются однимъ лишь сознаніемъ высоты своей задачи и, пользуясь ниспосланными имъ свыше нравственными силами, стараются возможно лучше исполнить ее. Энергичный геній руководится однимъ лишь сознаніемъ величія и благодѣтельности своихъ стремленій, и всѣ трудности, которыя воздвигаются на его пути, преодолеваются въ концѣ-концовъ его несокрушимымъ мужествомъ, которое и поддерживаетъ его. Пусть люди не признаютъ его заслугъ всю его жизнь, но послѣ смерти подвиги его не пройдутъ безслѣдно, и слава осѣнитъ его имя, которое

человѣчество будетъ почитать и уважать. «Когда Господь Богъ сподобилъ своихъ служителей умереть за святое Евангеліе, — сказали Бруссонъ, — они громко проповѣдывали и изъ глубины своихъ могилъ, громче и явственнѣй чѣмъ живые». «То, что съемъ добраго, — говоритъ Іеремія Тейлоръ, — въ краткія, отмѣренныя намъ скудно минуты нашей земной жизни, вырастаетъ въ вѣнцы и скиптры въ мірѣ блаженной вѣчности».

Трудности, печали и пренятствія не служатъ ли пробужденію въ человѣкѣ лучшихъ сторонъ его характера, энергіи и геніальности? Стойкость, твердость воли и стремленій, умѣнье бороться, а въ случаѣ нужды и смиряться, энергія и терпѣніе — вотъ самое насущное, что необходимо въ жизни каждому. Тихая, терпѣливая выносливость постоянныхъ ударовъ судьбы представляетъ иногда большую заслугу, чѣмъ самая славная побѣда. Она помогаетъ человѣку съ улыбкой переносить затрудненія, терпѣть, надѣяться, она поддерживаетъ человѣка въ тѣ минуты, когда онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не сломиться подъ тяжелымъ бременемъ. Способность терпѣливо переносить страданія — одно изъ благороднѣйшихъ качествъ человѣческой души, которое возвышаетъ человѣка до героя. Любимой поговоркой Мильтона было: «Кто умѣетъ страдать, тотъ умѣетъ и дѣйствовать».

Заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что въ настоящее время мужество не можетъ имѣть себѣ примѣненія и что оно требуется лишь въ тяжелые дни борьбы за вѣру и въ эпохи отчаянныхъ усилій сбросить съ себя иго деспотизма. Для того чтобы бороться съ обычнымъ духомъ нашего вѣка, потерявшимъ сознание высокаго назначенія человѣка и водрузившимъ на мѣсто долга жажду денегъ или наслажденій, необходимо, можетъ быть, не меньше героизма, чѣмъ сколько вызываетъ его борьба съ деспотизмомъ или требованіе сложить голову на плахѣ.

Даже на войнѣ терпѣніе является не менѣе значитель-

ной добродѣтелю, чѣмъ храбрость, а въ настоящее время, когда война ведется почти исключительно на научныхъ началахъ, — терпѣніе сдѣлалось еще болѣе цѣннымъ. Хорошо дисциплинированный солдатъ долженъ мужественно и неуклонно держаться на назначенномъ ему мѣстѣ. Онъ остается неподвижнымъ подъ градомъ пуль, приносящимъ за собою смерть, разрушеніе и стоны, пока слова команды не снимутъ его съ его поста. Еще болѣе мужественной стойкости требуется отъ него, когда его посылаютъ впередъ или на какое-либо другое опасное мѣсто, гдѣ вокругъ него падаютъ безъ счета убитые или раненые товарищи, или даже во время отступленія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не сознаться, что передъ отступленіемъ Ксенофоновыхъ десяти тысячъ блѣднѣютъ всѣ побѣды Александра Великаго и отступление Джона Мура въ Корунью вполне можетъ стать на ряду съ побѣдами Веллингтона.

Безчисленно количество героевъ, принявшихъ мученичество за свое отечество. Въ исторіи сохранился рассказъ объ одномъ эпизодѣ, случившемся во Франціи, и безъ сомнѣнія не въ ней одной. Любуясь роскошными плодоносными берегами Гаронны, Хлодвигъ воскликнулъ: «Стыдно, что эти прекрасныя земли принадлежатъ негодяямъ, исповѣдующимъ иную вѣру, чѣмъ наша. Впередъ! завладѣемъ этой страной!»

Когда Ксерксъ, задумавъ завоевать Грецію, пошелъ на нее съ безчисленнымъ войскомъ, Леонидъ съ трехсотеннымъ отрядомъ занялъ Фермопильское ущелье съ цѣлью защитить Грецію отъ набѣга персовъ. Произошло жестокое сраженіе, масса персовъ пали, а Леонидъ и его ничтожный по численности отрядъ были совершенно уничтожены, но они спасли Грецію.

Не меньшей храбростью, чѣмъ Леонидъ, отличался еврейскій герой Иуда Маккавей, прозванный «Молотомъ». Съ отрядомъ въ 800 человекъ онъ отразилъ однажды на-

паденіе цѣлаго сирійскаго войска въ 12 тысячъ приблизительно челоѡкъ. Когда близкіе совѣтовали ему отступить, Маккавей отвѣтилъ: «Боже избави, чтобы я бѣжалъ передъ врагомъ. Если наступилъ часъ нашъ—умремъ мужественно за нашихъ братьевъ и не запятнаемъ слабостью своей славы». Битва была долга и кровопролитна, Іуда и его воины бились до послѣдней капли крови и пали всѣ, но смерть ихъ не прошла безслѣдно: евреи набрались новаго мужества, напали на сирійцевъ и прогнали ихъ; храмъ былъ возсозданъ, и Іудея вновь превратилась въ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ востока.

Римляне также глубоко цѣнили мужество и самопожертвованіе въ дѣлѣ служенія отечеству и дали намъ немало примѣровъ подобнаго самоотверженія. Но перейдемъ къ временамъ болѣе близкимъ. Мы видимъ, что многія небольшія съ немногочисленнымъ населеніемъ земли сумѣли, несмотря на безконечныя трудности, отвоевать и охранить свою свободу. Не великостью страны, но нравственными качествами ея населенія измѣряется ея настоящее достоинство. Есть немало народовъ, которые вѣчно вздыхаютъ о свободѣ, но не хотятъ и пальцемъ пошевелинуть, чтобы добыть ее. Они предпочитаютъ ждать лѣнливо и злостично, пока другіе имъ ее завоюютъ. Въ подобномъ патриотизмѣ нѣтъ и тѣни достоинства. Истинный патриотизмъ совершенно иной; онъ опирается на правдивость, честность, великодушіе, самоотреченіе и настоящую любовь къ свободѣ.

Прекраснымъ примѣромъ тому можетъ служить маленькая Швейцарская республика, которая въ продолженіе ряда столѣтій жила подъ гнетомъ деспотизма. Но швейцарцы мужественны, стойки, честны и энергичны: они не хотѣли никакого господина надъ собою, они желали управлять собою сами. Они выбирали своихъ депутатовъ, какъ то происходило въ Аппенцелѣ, поднятиемъ руки на рыночной площади. Швейцарія провозгласила полную свободу

совѣсти и, подобно Англіи, стала давать убѣжище всѣмъ, которые были гонимы за свои убѣжденія или вѣру. Конечно не безъ жестокой борьбы завоевала Швейцарія свою независимость, и предводители этого славнаго народа нерѣдко приносили себя въ жертву на благо отечеству. Вспомнимъ хотя бы о вѣрномъ и храбромъ Арнольдѣ Винкельридѣ. Въ 1386 г. австрійцы ворвались въ Швейцарію и маленькій сравнительно народъ рѣшилъ сопротивляться имъ. При маленькомъ городкѣ Семпахѣ, близъ Люцерна, встрѣтились оба войска, но швейцарцевъ было гораздо меньше и они были вооружены болѣе короткими копьями, такъ что принуждены были отступить. Замѣтивъ это и видя, что швейцарцамъ не удастся прорвать густые ряды враговъ, Арнольдъ Винкельридъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ: «Я проложу вамъ дорогу къ славѣ. Позаботьтесь о моей женѣ и дѣтяхъ!» И онъ ринулся въ ряды враговъ, захватилъ сколько могъ непріятельскихъ копій и вонзил ихъ себѣ въ грудь. Соотечественники его бросились въ открытую имъ такимъ образомъ брешь и одержали блестящую побѣду, спасая свою свободу. День этой битвы, 9 іюля, празднуется и до сихъ поръ въ Швейцаріи, а Арнолду Винкельриду, купившему своимъ самопожертвованіемъ освобожденіе страны, воздвигнуть теперь близъ Семпаха прекрасный памятникъ.

Швейцарскія женщины выказали въ трудныя минуты не менѣ мужества, чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Во время опасности они не уступаютъ самымъ храбрымъ героямъ въ присутствіи духа, въ умѣннн переносить какъ физическія, такъ и нравственныя страданія, въ выносливости же и терпѣннн онѣ даже превосходятъ многихъ храбрыхъ.

Въ 1622 г., около трехсотъ лѣтъ спустя послѣ битвы при Семпахѣ, завязался въ Граубюнденѣ споръ между католиками и протестантами, при чемъ первыхъ поддерживали Испанія и Австрія, послѣднихъ Франція и Венеція.

Австрійская армія заняла Протгейскую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами, богатую плодородными пастбищами и извѣстную до сихъ поръ крупной породой своего рогатаго скота. Мужчины въ моментъ вступленія австрійцевъ, находились почти всѣ въ горахъ, гдѣ стерегли стада, а внизу оставались однѣ женщины. Лишь только услышали о приближеніи враговъ, онѣ вооружились рогатинами, вилами и копьями своихъ мужей и кинулись на встрѣчу къ австрійцамъ, отгѣснивъ ихъ до ущелья, которыми такъ богаты швейцарскія горы и въ которыхъ малочисленный, сравнительно, но хорошо вооруженный отрядъ можетъ легко отразить нападенія тысячаго войска. Такъ и случилось: часть женщинъ свергала съ высотъ камни на враждебные отряды, въ то время какъ другая сражалась внизу: австрійцы принуждены были отступить.

Мужчины не уступили въ храбрости и героизмѣ своимъ женамъ и матерямъ: вооруженные однимъ камнями и дубинами, они взяли у австрійцевъ приступомъ замокъ Кастель близъ Фидериса. Въ честь храброй обороны женщинъ среди жителей долины свято и неизмѣнно сохранился обычай, въ силу котораго женщины прежде мужчинъ подходить къ святому причастію.

Лѣтъ около пятисотъ тому назадъ, Англія потерпѣла жестокое пораженіе, которое обратилось однако въ послѣдствіи ей же на благо. Шотландія была бѣдной страной: горы, болота, поляны, поросшія верескомъ,—вотъ и всѣ ея тогдашнія богатства; народонаселеніе ея не достигало и четверти народонаселенія теперешняго Лондона *), оно было къ тому-же разбѣяно на громаднхъ пространствахъ. Страна тѣсно примыкала къ Англіи и не была ничѣмъ защищена отъ нападений, ни даже большимъ морскимъ

*) Въ эпоху присоединеніе (1707 г.) въ Шотландіи едва насчитывалось до милліона народонаселенія.

естественнымъ каналомъ, какъ Ирландія. Народъ къ тому-же былъ не объединенъ и разноплеменнаго состава: на сѣверѣ и западѣ селились преимущественно кельты, или горцы, на югѣ и востокѣ потомки норманновъ и англосаксовъ. Горные кланы постоянно враждовали между собою и не дѣйствовали единодушно съ жителями равнинъ во время ихъ войны за независимость, а Макдугальсы чуть было даже не убили Роберта Брюса въ то время, какъ онъ спасался бѣгствомъ черезъ Лорнъ.

Предшественникомъ Роберта Брюса является храбрый Валласъ. Шотландская низменность была уже завоевана англійскимъ королемъ Эдуардомъ I: всѣ крѣпости находились въ рукахъ англичанъ. Валласъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы воспламенить патриотизмомъ жителей западныхъ провинцій. Но, обладая исключительной храбростью, Валласъ лишенъ былъ талантовъ полководца и не умѣлъ собрать подъ свои знамена значительнаго числа людей, съ которыми могъ бы вступить въ правильное сраженіе. Одержавъ нѣсколько мелкихъ побѣдъ, онъ былъ разбитъ при Фалькиркѣ и долженъ былъ спастись въ горы. Неуспѣхъ, вообще, преслѣдовалъ его. Тѣмъ не менѣе его глубокая увѣренность въ будущность своей родины оказала больше поддержки національному самосознанію, чѣмъ даже побѣды его пріемника Роберта Брюса. Въ концѣ-концовъ Валласъ, вслѣдствіе измѣны, попалъ въ руки англичанъ, былъ отвезенъ въ Лондонъ и въ 1305 году, наканунѣ праздника св. Варооломея, его перетащили на санкахъ изъ Тоуэра въ Смиффилдъ, гдѣ сначала повѣсили, а потомъ четверговали еще живого. Такъ погибъ онъ мученикомъ за свободу, но жилъ и страдалъ не напрасно. Ему удалось забросить искру патриотизма и любви къ свободѣ въ сердца своихъ соотечественниковъ, которая вскорѣ разгорѣлась въ яркое пламя.

Робертъ Брюсъ былъ по происхожденію нормандецъ — полуангличанинъ и полушотландецъ, и имѣлъ по матери

права на шотландскій престоль. Послѣ многихъ смѣлыхъ и опасныхъ предпріятій, совершенныхъ съ изумительной энергіей и стойкостью, во имя пламенѣвшей въ немъ любви къ свободѣ, Брюсу удалось въ концѣ-концовъ сплотить достаточно одушевленную патриотизмомъ шотландскую армію, которая и сразилась съ англичанами при Беннокбёрнѣ въ 1314 г. Прежде чѣмъ началась битва, шотландская армія преклонила колѣна для молитвы. Король Эдуардъ II, увидѣвъ это издали, обратился къ одному изъ своихъ рыцарей и сказалъ: «Аржентинъ, мятежники сдаются и молятъ о милости». — «Да, государь, но не васъ!» — отвѣтилъ тотъ. Битва кончилась не только побѣдой шотландцевъ, но полнымъ пораженіемъ англичанъ.

Англійскіе посланники при папскомъ дворѣ убѣдили пана Юанна XXII предать Роберта Брюса отлученію и наложить церковное проклятiе на всю его страну. Это отлученіе было стойко принято собравшимся въ Абротѣ въ 1320 г. парламентомъ. Восемь графовъ и 20 дворянъ подписали грамоту папѣ — интереснѣйшій изъ историческихъ документовъ. Они требовали, чтобы папа побудилъ англійскаго короля уважать независимость Шотландіи и хлопотать о дѣлахъ собственной лишь страны. «Пока живъ хотя одинъ изъ насъ, говорится въ грамотѣ, мы будемъ до послѣдней возможности сопротивляться Англіи. Мы боремся не во имя славы, богатства или почетнаго положенія, но исключительно во имя свободы, отъ которой не откажется ни одинъ честный человѣкъ, пока онъ живъ».

Несмотря на то, что вслѣдъ за этимъ произошло немало кровопролитныхъ войнъ, несмотря на множество попытокъ со стороны сильнѣйшаго принудить болѣе слабого принять новые религіозные обряды—все усилія были безуспѣшны. Исторія Шотландіи представляетъ одинъ постоянный протестъ противъ деспотизма. Она поучаетъ насъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ въ жизни сила индивидуальности, а потомъ уже свобода совѣсти.

Лѣтъ сто спустя Англія потерпѣла и второе пораженіе, которое англичане считали тогда очень тяжелымъ, но которое, какъ оказалось впоследствии, также привело къ хорошимъ для нея результатамъ, какъ и Беннокбернское пораженіе. Это была несчастная осада Орлеана, принадлежащая, по выраженію доктора Арнольда, къ одному изъ поворотныхъ пунктовъ исторіи *).

Англійскія войска опустошали Францію, выиграли уже немало сраженій, вступили въ Парижъ и наконецъ осадили Орлеанъ. Печально было положеніе дѣлъ во Франціи: значительнѣйшіе вассалы и главнѣйшіе представители аристократіи оставили своего короля Карла VII; каждый старался основать свое собственное маленькое независимое государство. Города сдавались англичанамъ, почти не сопротивляясь, налоги собирались только съ помощью вооруженной силы и самому королю не хватало средствъ на содержаніе свое и двора, не говоря уже объ арміи. Народъ потерялъ всякую надежду на короля и дворянство и зывало къ Богу о чудѣ, которое явилось бы спасти Францію.

Не странно-ли? Незначительной случайности бываетъ

*) «Осада Орлеана,—говоритъ докторъ Арнольдъ, знаменитый англійскій теологъ,—представляетъ одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ всемірной исторіи. Если-бы во Франціи упрочилось англійское владычество—никто не можетъ поручиться, какія послѣдствія вытекли бы отсюда для Англіи. Быть можетъ она впоследствии превратилась бы въ одну изъ провинцій Франціи, не больше. Благосостояніе народовъ такъ мало зависитъ отъ военныхъ успѣховъ, что два величайшія перенесенныя Англіей пораженія: при Орлеанѣ и Беннокбернѣ, являются двумя счастливѣйшими для нея событиями. Замѣчательно также, что побѣда надъ ирландцами подъ Атури при Эдуардѣ II имѣла для насъ пагубное значеніе, а пораженіе, нанесенное шотландцами, явилось благотворнымъ. Если-бы Ирландія оставалась независимой, какъ Шотландія, то, подобно ей, вѣроятно, когда-нибудь присоединилась бы къ намъ. А если-бы мы тогда уже завоевали Шотландію—она несомнѣнно причиняла бы намъ столько же хлопотъ, сколько теперь Ирландія.

иногда довольно, чтобы измѣнить судьбу цѣлаго народа. На помощь Франціи явилась женщина, простая деревенская дѣвушка, которая сидѣла за шитьемъ или прялкой, или пасла стада родной деревни. Жанна д'Аркъ родилась въ Домреми, въ небольшой лотарингской деревнѣ. Это была простая, очень нравственная и богомольная дѣвушка, нервная и впечатлительная отъ природы, дошедшая подъ вліяніемъ патріотизма до крайней экзальтаціи,—грезившая на-яву и слышавшая голоса съ неба, которыя повелѣвали ей идти на помощь французскому королю: «Ты возвратишь ему королевство» — говорили они. Капитанъ Бодрикуръ, раньше всѣхъ узнавшій о ея желаніи идти на войну, счелъ ее помѣшанной. Своей серьезностью она однако тронула его, и, пораженный твердостью ея намѣренія, онъ послалъ ее подъ охраной вооруженнаго отряда къ королю въ Шинонъ, куда она и добралась благополучно по странѣ, занятой англійскими войсками.

Карль VII, находившійся тогда въ отчаянномъ положеніи, радъ былъ всякой помощи, откуда бы она ни явилась. Хотя епископы и прочее духовенство сочли молодую дѣвушку за колдунью, одержимую дьяволомъ, король тѣмъ не менѣе позволилъ ей съ бѣлымъ знаменемъ въ рукѣ стать во главѣ французскихъ отрядовъ и, пробудивъ въ нихъ новое мужество, вести ихъ къ побѣдамъ. Жанна въ 1492 г. выступила съ 10000-ымъ отрядомъ на помощь осажденному Орлеану: англичане, стоявшіе подъ нимъ, уже стали было упадать духомъ; они сидѣли тутъ въ продолженіе цѣлой зимы и уже замѣтно теряли силы. Кромѣ того, послѣ смерти графа Салюсбери многіе изъ его отрядовъ покинули лагерь, и союзники англичанъ, бургундцы, отозваны были своимъ герцогомъ. Оставалось подъ Орлеаномъ отъ 2—3000 англійскихъ солдатъ, да и тѣ были размѣщены въ двѣнадцать укрѣпленій, не сообщавшихся между собою. «При перечисленіи безконечнаго списка капитановъ, бросившихся въ Орлеанъ со своими отрядами,—

говорить Мишле, — спасеніе этого города въ сущности не представляетъ ничего сверхъестественнаго».

Жанна Д'Аркъ предводительствовала атакой, направленной противъ англичанъ, утвердившихся въ укрѣпленіяхъ. Они были вытѣснены оттуда, хотя во время штурма предводительница была ранена. Она не удовольствовалась тѣмъ, что заставила англичанъ снять осаду, она стремилась совершенно выгнать изъ страны англійскія и союзныя войска. Во главѣ французской арміи она преслѣдовала врага до Патэ, гдѣ англичане потерѣли вторичное пораженіе. Затѣмъ Жанна, согласно своему предсказанію, провела Карла VII въ Реймсъ, гдѣ и совершилось его коронованіе. «Характерной чертой Орлеанской Дѣвы,—говоритъ Мишле,—обуславливавшей ея таинственный успѣхъ, была не храбрость ея и не ея видѣнія, но здравый ея смыслъ. Проводивъ Карла VII въ Реймсъ и настоявъ на томъ, чтобы онъ скорѣе короновался—она этимъ самымъ предупредила англичанъ въ вопросѣ о его коронованіи».

Она исполнила все, что обѣщала и предсказывала, и выражала теперь желаніе вернуться въ родное село, чтобы вновь пасти тамъ свои стада и прясть свою пряжу. Но король не давалъ своего согласія на это. Онъ видѣлъ, какимъ успѣхомъ сопровождалось для него появленіе Жанны во главѣ его войскъ, онъ хотѣлъ, чтобы она оставалась и воодушевляла ихъ на новыя побѣды. Но начиная съ этого времени, прежняя глубокая увѣренность въ себя уже покинула ее, она чувствовала, что уже выполнила свою миссію и во всѣхъ ея поступкахъ сказывалась нерѣшительность, хотя она и принимала участіе въ сраженіяхъ.

Вновь соединившіеся англичане и бургундцы осадили Компьень, городъ, лежавшій на р. Уазѣ, населеніе котораго признало своимъ королемъ Карла VII. Дѣва съ войскомъ вошла въ городъ и въ самый день своего прибытія предприняла удачную вылазку, чуть было не захвативъ врага врасплохъ. Но во время разгорѣвшагося боя, она

была отгѣснена къ городскимъ воротамъ, гдѣ бургундцы окружили ее, взяли въ плѣнъ и передали англичанамъ, которые предали ее инквизиціонному суду въ Руанѣ. Епископъ города Бове, преданный англичанамъ, епископъ Лизье и другіе вели процессъ, обвиняя Жанну въ ереси и колдовствѣ. Карлъ VII, обязанный своимъ трономъ этой юной мечтательницѣ, не сдѣлалъ ни шагу въ пользу ея освобожденія. Когда дѣло передано было въ высшую инстанцію—церковный судъ въ Сорбоннѣ, послѣдній рѣшилъ, что «дѣвушка одержима дьяволомъ» и должна быть подвергнута обычной въ подобныхъ случаяхъ казни. Французы-бургундцы не возразили ни слова на ужасное рѣшеніе суда (Въ ту эпоху обыкновеннымъ результатомъ подобныхъ процессовъ являлся приговоръ къ сожженію колдуна или колдуньи живьемъ). Такимъ образомъ, Жанна Д'Аркъ была сожжена въ Руанѣ на площади, извѣстной теперь подъ именемъ «Place de la Pucelle», недалеко отъ Гаврской набережной, гдѣ теперь возвышается памятникъ въ честь Орлеанской Дѣвы.

«Въ исторіи насчитывается безконечный рядъ мучениковъ, — говоритъ Мишле, — болѣе или менѣе нравственно безупречныхъ, болѣе или менѣе прославившихся. Гордость, какъ и ненависть, и духъ противорѣчія также насчитываютъ своихъ мучениковъ, и нѣтъ того вѣка, въ которомъ не появлялись бы мученики-воины, умѣвшіе умирать съ достоинствомъ, когда не могли болѣе убивать. Впрочемъ, эти замѣчанія не относятся къ нашему предмету. Чистая Орлеанская Дѣва не принадлежитъ къ числу послѣднихъ; память ея отмѣчена особымъ отпечаткомъ доброты, чистоты, любви къ людямъ и великодушія. Она обладала кротостью древнихъ мучениковъ, съ той лишь разницей, что мученики первыхъ эпохъ христіанства оставались неприкосновенными отъ грѣха, потому что устранялись отъ мірской суеты и борьбы, тогда какъ Жанна сохранила свою душевную чистоту и кротость въ средѣ самой воин-

ственной и грубой, свое миролюбіе среди самыхъ кровопролитныхъ войнъ. Она шла на брань, вдохновенная кроткимъ духомъ Распятаго».

Французскій народъ не забылъ Жанны Д'Аркъ. Во Франціи ей воздвигли много памятниковъ, и изъ поколѣнія въ поколѣніе солдаты передаютъ другъ другу благоговѣйное уваженіе къ ея памяти. Когда какой-либо французскій полкъ проходитъ черезъ Домреми, солдаты останавливаются передъ домомъ, гдѣ она родилась и отдаютъ честь оружіемъ. Трогательный фактъ! онъ показываетъ, насколько жива еще память юной героини въ странѣ, которой она такъ преданно послужила въ свое время.

ГЛАВА VI.

ПОСТОЯНСТВО ДО КОНЦА—САВОНАРОЛЛА.

Взгляни на смерть нашего Господа! Душа, считавшая себя покинутой, снова ощущает присутствие Бога и, смиряясь, предаетъ себя въ руки Небеснаго Отца.

Кевль.

Лучше смерть, которая ждетъ человека по исполненіи его назначенія, чѣмъ долгая, но безцельная жизнь, исполненная суетныхъ наслажденій.

Георгъ Макдональдъ.

Если вы спрашиваете меня объ исходѣ этой борьбы вообще — я вамъ отвѣчу — побѣда! Если вы меня спросите о томъ-же въ частности — я отвѣчу: смерть.

Савонаролла.

Вернемся къ нѣкоторымъ великимъ мученикамъ Италіи: Арнольду изъ Брешии, Данте и Савонаролла. — Вскорѣ послѣ паденія Римской имперіи, низшія стороны человѣческой природы вновь получили преобладаніе въ жизни тогдашняго Рима. Церковь ничего не могла подѣлать съ этимъ и даже дала себя увлечь въ общій потокъ. Святой Бернардъ Клервоскій слѣдующими ѣдкими словами клеймитъ пороки Рима той эпохи: «Кому не бросаются въ глаза ихъ высокомеріе и тщеславіе? Народъ, воспитавшійся на мятежахъ, непокорный и неуступчивый, насмѣхающійся надъ какимъ бы то ни было послушаніемъ, пока у него хватаетъ силы обороняться. Изопрившіеся въ совершеніи всевозможныхъ злыхъ дѣлъ, они никогда не учились умѣнью дѣлать добро. Лесть и клевета, предательство и измѣна—вотъ главнѣйшія пружины ихъ политики».

Высшіе слои римскаго общества, исполненные легкомыслія и пустоты, предавались роскошной и празднои жизни, а низшіе коснѣли въ бѣдности, невѣжествѣ и порокахъ.

Духовенство было не лучше мірянъ. «Если хочешь, чтобы твой сынъ сталъ безбожникомъ, сдѣлай его священникомъ»—гласила общеизвѣстная въ то время поговорка. И такъ, могущественный нѣкогда и мужественный народъ стоялъ на пути къ гибели.

При такомъ положеніи дѣлъ въ XII столѣтіи выступаетъ на арену политической дѣятельности Арнольдъ Брешианскій, и его проповѣди проносятся по Итали, словно трубный призывъ. Онъ не занималъ высокаго положенія въ рядахъ служителей церкви, но принадлежалъ къ числу учениковъ знаменитаго Абеяра и обладалъ даромъ самаго пылкаго и увлекательнаго краснорѣчія. Онъ проповѣдывалъ чистоту нравовъ, христіанскую любовь, правду и свободу. Изъ всѣхъ его поученій самыми опасными являлись въ то время тѣ, въ которыхъ онъ призывалъ народъ къ свободѣ. Его стремленія водворить чистоту нравовъ въ средѣ духовенства уже приобрѣли ему немало враговъ, число ихъ росло какъ лавина послѣ того, какъ онъ вздумалъ проповѣдывать возстановленіе старинной республики. Папа Иннокентій III изгналъ его изъ Итали, и онъ бѣжалъ сначала во Францію къ Абеяру, а потомъ, осужденный еще разъ церковью вмѣстѣ со своимъ учителемъ, въ Швейцарію, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ въ Цюрихѣ, первымъ изъ Швейцарскихъ кантоновъ.

Послѣ смерти Иннокентія III, онъ вернулся въ Римъ, гдѣ народъ и дворянство защищали его отъ гоненій церкви, и въ продолженіе десяти лѣтъ краснорѣчіе его потрясало семихолмный городъ. Онъ увѣщевалъ римлянъ встать на защиту правъ, принадлежащихъ всякому человѣку и христіанину, возстановить судъ и законы временъ республики и ограничить власть папы, предоставивъ ему лишь управление духовными дѣлами своей паствы.

За время политической дѣятельности Арнольда на престолѣ св. Петра смѣнилось три папы, изъ которыхъ ни одинъ не отважился предпринять что-либо противъ смѣлаго проповѣдника. Энергичный Адрианъ IV, единственный англичанинъ, занимавшій когда-либо папскій престолъ, первый выказалъ Арнольду энергическое сопротивление и издалъ эдиктъ, отлучившій отъ церкви не только самого проповѣдника, но и весь Римъ, объявивъ, что снять свое проклятіе не прежде, чѣмъ Арнольдъ будетъ изгнанъ изъ Рима. Арнольдъ бѣжалъ, но былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Онъ погибъ на кострѣ въ присутствіи неблагодарной легкомысленной толпы, а прахъ его былъ развѣянъ по Тибру, чтобы помѣшать его сторонникамъ собрать священные останки человѣка, которому они поклонялись.

И Италия продолжала идти прежнимъ путемъ, легкомысленная, суетная и порочная. Города воевали другъ съ другомъ, Гвельфы и Гибеллины разрывали на части несчастную страну вѣчной партійной борьбою. Но въ XIII столѣтіи, въ самомъ разгарѣ этихъ смутъ, является Данте, и снова мощный голосъ призываетъ толпу къ свободѣ; голосъ благороднѣйшаго, лучшаго изъ людей, глубоко вѣрившаго въ торжество вѣчной правды. Любовь и справедливость, вдохновлявшія его душу, ясно показали ему противорѣчіе вошедшаго въ Италію въ обычай образа жизни съ высшими и чистѣйшими проявленіями человѣческой природы. Этотъ міръ безумствъ и излишествъ, казалось ему, колебался между небомъ и адомъ. Въ грубой борьбѣ и въ разгарѣ людскихъ страстей Данте провидѣлъ перстъ предвѣчнаго правосудія, душа его поднялась выше земныхъ порывовъ и въ чудныхъ пѣсняхъ онъ указалъ людямъ неисповѣдимые пути Господни въ жизни человѣчества.

Въ длинномъ ряду столѣтій униженія и страданій, пережитыхъ Италіей, его пылкія слова сіяли словно спасительный огонь маяка для всѣхъ лучшихъ людей его страны.

Онъ явился передъ ними какъ провозвѣстникъ національной свободы, готовый изъ любви къ ней на преслѣдованіе, пытки и смерти. Въ своемъ сочиненіи «De Monarchia» онъ, подобно Арнольду Брешианскому, защищалъ раздѣленіе духовной власти отъ свѣтской и называлъ узурпаціей свѣтскую власть папы. Это произведеніе было всенародно сожжено въ Болоньѣ однимъ изъ папскихъ легатовъ и по приказанію папы!

Данте былъ и есть любимѣйшій и популярнѣйшій изъ итальянскихъ поэтовъ. Въ 1302 г., въ качествѣ одного изъ членовъ партіи Гибелиновъ, онъ былъ во время торжества Гвельфовъ изгнанъ изъ Флоренціи, а домъ его разграбленъ. Заочно и самого поэта присудили къ казни на кострѣ. Въ эпоху своего изгнанія онъ написалъ свое гениальное произведеніе «Божественную комедію». Его сограждане любили и уважали его и старались всѣми силами содѣйствовать отмѣнѣ приговора и возвращенію его во Флоренцію.

Во Флоренціи существовалъ древній обычай прощать нѣсколькихъ преступниковъ въ день празднованія памяти любвеобильнаго, кроткаго апостола Іоанна. Данте извѣстили, что онъ можетъ получить прощеніе и вернуться на родину подъ условіемъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ и обратится съ просьбой о помилованіи въ Римъ. Данте воскликнулъ въ отвѣтъ на это: «Какъ! Развѣ это похоже на блистательную отмѣну несправедливаго рѣшенія, развѣ такимъ образомъ Данте Алигьери долженъ послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія быть призваннымъ на родину? Такъ-ли оплачиваютъ человѣку за его пламенный патріотизмъ! Это-ли награда за мои постоянные научные труды?.. Но все равно. Если я могу вернуться во Флоренцію только на такихъ условіяхъ, пусть лучше никогда нога моя не ступитъ на родную почву. Что-же такое?! Развѣ я не могу любоваться солнцемъ и звѣздами всюду, гдѣ бы ни жилъ, и мыслить о правдѣ и истинѣ внѣ родныхъ небесъ, вмѣсто

того чтобы съ позоромъ и безславіемъ вернуться въ среду флорентинскаго народа! До сихъ поръ я еще не нуждался въ кускѣ хлѣба! Нѣтъ, нѣтъ, я не вернусь!»

И Данте провелъ двадцать лѣтъ въ изгнаніи и въ 1321 г. умеръ въ Равеннѣ.

Еще столѣтіе миновало, и вновь явился въ Италіи новый глашатай свободы, человѣкъ непоколебимаго мужества и высокой честности, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій исторіи—это былъ Джироламо Савонаролла. Онъ родился въ Феррарѣ въ 1452 г. и происходилъ изъ дворянской, хотя и бѣдной, семьи. Джироламо долженъ былъ сдѣлаться медикомъ, но его природныя склонности влекли его на совсѣмъ иную арену дѣятельности. Уже съ ранней юности Джироламо предавался религіознымъ размышленіямъ и любимымъ его занятіемъ было изученіе Библии, а также твореній св. Фомы Аквинскаго. То, что совершалось вокругъ него, ужасало его. «Нѣтъ ни одного человѣка, никого не осталось, кто стремился бы къ добру!—восклидалъ онъ.—Мы должны учиться у дѣтей или женщинъ низшаго сословія, потому что лишь въ этой средѣ еще можетъ встрѣтиться остатокъ невинности. Добрые гонимы, и итальянскій народъ начинаетъ походить на египтянъ, угнетавшихъ рабствомъ Божій народъ».

Въ концѣ-концовъ Джироламо рѣшилъ покинуть суетный міръ и вполне посвятить себя религіи. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, онъ связалъ однажды вечеромъ въ узелокъ все немногое, что имѣлъ, и, тайно оставивъ родительскій домъ, отправился въ Болонью. Тамъ онъ явился въ доминиканскій монастырь и просилъ принять его въ орденъ въ качествѣ слуги, на что братья охотно дали свое согласіе.

Изъ монастыря онъ написалъ отцу, объясняя, какія причины заставили его оставить семью и родину. «Нужда, бѣдствія и безотрадное положеніе окружающихъ меня—вотъ что заставило меня удалиться въ монастырь, — гово-

рить онъ между прочимъ въ своемъ письмѣ;—злота и несправедливость людская, лесть и безсовѣстное низкопоклонство, грабежи, насилія, гордость, богохульство, царствующіе въ обществѣ... Я не могъ болѣе переносить нечестіе и порочность ослѣпленнаго итальянскаго народа, я не могъ выносить этого тѣмъ болѣе, что всюду встрѣчалъ презрѣніе къ добру и поклоненіе пороку. Это причиняло мнѣ постоянное страданіе. Я сталъ возсылать ко Христу горячія молитвы, прося Его освободить меня изъ этой бездны нечестія и разврата. И я твердо надѣялся, что Господь укажетъ мнѣ путь, по которому я долженъ слѣдовать... Вотъ все, что я могу сказать. Мнѣ остается только просить тебя, отецъ, успокоить и утѣшить мою мать. Прошу тебя и мать прислать мнѣ ваше благословеніе».

Церковь представляла въ ту эпоху картину полнѣйшаго разложенія, и поведеніе ея верховныхъ пастырей служило самымъ непозволительнымъ примѣромъ для всего христіанскаго міра. Ненасытная жадность папы Павла II, лживость и вѣроломство Сикста IV, отвратительныя злодѣяства Александра VI Борджіа (Подробности, рассказанныя въ «Дневникѣ» Бургарта, а также у Понвинія, Муратори, въ Фабровомъ продолженіи церковной исторіи Флѣри и у другихъ католическихъ и протестантскихъ писателей, кажутся въ настоящее время совсѣмъ невѣроятными,—*Englisch Cyclusoedia*) — возбуждали всеобщее негодованіе и ужасъ. Савонаролла въ своей монашеской кельѣ восклицалъ: «Куда дѣвались древніе учителя, древніе святые? Гдѣ любовь, знаніе и чистота прошлыхъ дней? О, Господи, если-бъ сломить эти широко раскинувшіяся крылья Люцифера, уносящія насъ въ бездну къ вѣчному проклятью и гибели».

Въ то-же время и свобода исчезла почти безслѣдно. Мелкіе князья, деспотически управлявшіе народомъ, не обладали ни мужествомъ, ни дѣятельностью, ни умомъ своихъ предковъ и стремились лишь къ неограниченному господству. Нерѣдко ихъ поведеніе зажигало мечь и не-

ненависть въ сердцахъ ихъ подданныхъ, жертвой которыхъ и пали нѣкоторые изъ такихъ герцоговъ: Галеаццо Марія Сфорца, убитый въ 1416 г. въ одной изъ миланскихъ церквей, герцогъ Николай д'Эсте, павшій въ Феррарѣ, герцогъ Джуліано Медичи, умерщвленный во Флорентинскомъ соборѣ во время совершенія евхаристіи.

Среди этой ужасающей деморализаціи тихо и благочестиво протекала до-поры-до-времени жизнь Савонароллы. Настоятель доминиканскаго монастыря быстро подмѣтилъ недюжинный умъ и благородство души юнаго послушника; вмѣсто физическаго труда онъ поручилъ ему вести учебныя занятія съ новичками, чему Савонаролла повиновался съ полной готовностью. Изъ учителя онъ скоро повысился въ проповѣдники и на тридцатомъ году былъ посланъ проповѣдывать въ Феррару, свою родину. Но по пословицѣ: никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ,—его проповѣди не обратили тамъ на себя особеннаго вниманія; онъ происходилъ изъ среды своихъ слушателей, — что новаго, думали они, можетъ онъ имъ сказать? Тогда онъ отправился дальше въ Брешию, Павію и Геную, гдѣ краснорѣчіе его и было оцѣнено по достоинству,

Послѣ своего почти семилѣтняго пребыванія въ Болонскомъ монастырѣ, Савонаролла, по призыву Лоренцо Медичи, до котораго дошла вѣсть о его краснорѣчьи, переселился въ 1402 году въ монастырь Санъ-Марко во Флоренціи. Путь къ новому его мѣстопробыванію пролегалъ по незнакомымъ ему еще красивымъ мѣстностямъ; онъ странствовалъ пѣшкомъ и имѣлъ довольно времени любоваться открывавшимися передъ нимъ красотами природы. Поднявшись на горы, онъ въ послѣдній разъ оглянулся на Болонью, которую ему не суждено было болѣе видѣть. По горнымъ тропинкамъ добрался онъ до вершины Ла-Фута, которая достигаетъ почти трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, затѣмъ по Сеивской долинѣ и Аппенинскому перевалу, отдѣляющему эту долину отъ долины

рѣки Арно, онъ началъ спускаться къ великолѣпной Флоренціи, которой выпало на долю быть ареной его пламеннаго краснорѣчія и мужественныхъ подвиговъ, а потомъ и мученической кончины.

Лоренцо Великолѣпный находился тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей власти и могущества. Съ помощью изгнанія, тюремъ и казней онъ освободился отъ всѣхъ своихъ враговъ и закрѣпостилъ за собой народъ блестящими празднествами, турнирами и всевозможными зрѣлищами. Чернь и аристократія равно любили его. Ему прощались всѣ его колоссальныя ошибки за то, что онъ разыгрывалъ изъ себя покровителя наукъ и искусствъ. Виллари утверждаетъ, «что въ эпоху Лоренцо Медичи артисты, писатели, ученые, политическіе дѣятели, народъ и аристократія были одинаково развращены умственно и не хотѣли повиноваться какому-либо внушенію нравственнаго чувства. Религія служила лишь орудіемъ господства, или маской, прикрывавшей низкое лицемеріе. Истинной вѣры не было нигдѣ и тѣни, какъ и истинной философіи, или нравственности. Даже истиннаго скептицизма не знали люди; холодное равнодушіе ко всякой серьезной мысли или благородному стремленію одно царствовало всюду».

Все это глубоко возмущало Савонаролу; въ первой же своей проповѣди онъ принялся громить испорченность нравовъ, онъ бичевалъ порокъ желѣзными бичами, онъ клеймилъ коварство, ложь и обманъ пламенными, библейскими словами. Слушатели его сначала были поражены, потомъ вознегодовали. Что значилъ этотъ монахъ, пришедшій изъ-за горъ лишь для того, чтобы поносить пороки Флоренціи? И народъ принялся издѣваться надъ нимъ. Что надо было въ городѣ красоты этому безобразному чело-вѣку? Онъ былъ далеко не красивъ собой: средняго роста съ широкимъ смуглымъ лицомъ съ рѣзкими чертами, боль-

*) Паскаль Виллари: «Джироламо Савонаролла и его время».

шимъ орлинымъ носомъ, большимъ ртомъ съ толстыми губами и четырехугольнымъ подбородкомъ. Лобъ его уже въ молодости былъ изборожденъ глубокими морщинами. Могъ-ли такой человекъ пользоваться успѣхомъ и вліяніемъ во Флоренціи?

Когда проповѣдывалъ какой-либо другой ученый монахъ, рѣчи котораго пріятно щекотали самолюбіе флорентинцевъ, народъ толпами стекался въ церковь. Эти проповѣдники знали народъ, умѣли льстить ему, осыпали похвалами Лоренцо Великолепнаго и ничего не порицали, даже утраты благочестія и свободы. Когда Савонаролла поддразнивали успѣхами его соперниковъ, онъ отвѣчалъ: «Когда возвѣщается Господнее слово, простота и правда всегда должны брать верхъ надъ изящной изысканностью рѣчи!» Онъ весь былъ проникнутъ сознаниемъ святости своего призванія и, смотря на свою миссію, какъ на долгъ всей своей жизни, прилагалъ всѣ усилія, чтобы возможно лучше выполнить ее.

Въ монастырѣ Санъ-Марка онъ опять принялся за обученіе послушниковъ и проповѣдывалъ лишь передъ небольшимъ числомъ избранныхъ и сочувственно относившихся къ нему слушателей, пока его вновь не упростили выступить съ публичной проповѣдью. 1-го августа 1490 г., впервые пламенные, полныя огненного краснорѣчія, слова его изумительнымъ, ошеломляющимъ образомъ захватили толпу слушателей. На слѣдующій годъ во время поста онъ проповѣдывалъ уже въ соборной флорентинской церкви, потому что остальные не могли вмѣстѣ въ себѣ всѣхъ желавшихъ слушать Савонаролла, а число ихъ росло съ каждымъ днемъ. Онъ зажигалъ толпу огнемъ своихъ рѣчей, полныхъ пламеннаго негодованія на пороки и развратъ народа, словно погруженнаго въ нравственную спячку, полныхъ убѣдительнаго призыва къ покаянію и къ восстановленію прежняго политическаго могущества Италіи.

Все это возбудило по отношенію къ Савонароллѣ не-

пріязнь Лоренцо Медичи; пять знатнѣйшихъ гражданъ Флоренціи увѣщевали, по его порученію, Савонаролла прекратить его проповѣди, представляя ему, какую опасность навлекать онъ ими не только на себя, но на весь монастырь, братія котораго приняла его въ свою среду. Савонаролла возразилъ: «Я хорошо знаю, что вы поступаете не по собственному побужденію, но по порученію Лоренцо. Скажите ему, пусть онъ готовится принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ, ибо Всевышній не щадитъ грѣшниковъ и не боится земныхъ царей».

Въ томъ же году онъ былъ избранъ братіей своего монастыря въ пріоры, но и въ новомъ санѣ сохранилъ всю свою прежнюю независимость и правдивость по отношенію къ герцогу. Онъ, по-прежнему, несмотря на богатые подарки монастырю, которыми осыпалъ братію Лоренцо, оставался строгимъ судьей его жизни. Онъ видѣлъ въ немъ не только врага, но и разрушителя свободы и считалъ его главнымъ камнемъ преткновенія на пути улучшенія народной нравственности и возвращенія къ христіанскому образу жизни. Горячо возставалъ новый пріоръ и противъ страсти къ картамъ и игорнымъ домамъ, несмотря на то, что правительство извлекало изъ этого большую для себя пользу, и пылко осуждалъ роскошь богатыхъ и всѣ ихъ затѣи, развращавшія народъ.

Особенно рѣзко подчеркивалъ Савонаролла необходимость развитія въ человѣкѣ свободной воли, направляемой на добрыя дѣла. «Наша воля вполне свободна по самой своей природѣ: она является какъ-бы одиждетвореніемъ свободы. Богъ, разумѣется, лучший помощникъ, но Онъ хочетъ, чтобы и Ему помогали. И такъ, будьте ревностны къ молитвѣ, но не зарывайте въ землю и тѣхъ качествъ, которыми каждый изъ васъ надѣленъ какъ человѣкъ. Мужайтесь, братья, а главное дружно идите къ цѣли!» Въ другой разъ онъ говорилъ: «Подъ правдивостью мы подразумеваемъ привычку, въ силу которой человѣкъ въ своихъ

дѣлахъ и поступкахъ, выказываетъ себя именно такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, не хуже и не лучше. Правдивость — нравственная обязанность каждаго, хотя и не подразумѣвается закономъ: это долгъ, который мы обязаны исполнять по отношенію другъ другу; а вмѣстѣ въ тѣмъ правдивость — является главнѣйшей и самой насущной основой справедливости».

Въ 1492 г. Лоренцо Великолѣпный удалился изъ Флоренціи въ свою виллу Кореджи, гдѣ и скончался. Онъ умиралъ въ апрѣлѣ, когда вся природа дышитъ несказанной прелестью, но чудная мѣстность со всей своей поразительной прелестью не могла облегчить болѣзни и страданій Лоренцо. Ни лѣкарства, ни растворенные въ водѣ драгоценные камни не помогали ему. Тогда его мысли обратились къ небу, и ему казалось, что Господь отвращаетъ отъ него Свое лицо, потому что даже св. Дары не принесли ему никакого облегченія. Тяжесть его грѣховъ, казалось ему, все росла и росла вмѣстѣ съ приближеніемъ смерти. Онъ потерялъ всякое довѣріе къ людямъ, потому что окружавшіе его слишкомъ торопились исполнять его малѣйшія желанія. Онъ не вѣрилъ въ искренность собственнаго духовника: «Никогда никто не посмѣлъ сказать мнѣ рѣшительнаго нѣтъ!»—воскликнулъ онъ среди своихъ мученій. Тогда онъ вспомнилъ о Савонаролѣ, который ни разу еще не сдался ни на лесть, ни на его угрозы и тотчасъ же послалъ за нимъ, желая ему исповѣдаться. Савонаролла немедленно явился на его зовъ.

Профессоръ Виллари въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ это послѣднее свиданіе Лоренцо и Савонароллы. Едва успѣлъ удалиться философъ-духовникъ Пико-делла-Мирандола, бесѣдовавшій съ Лоренцо, какъ въ комнату вошелъ Савонаролла и почтительно приблизился къ постели умирающаго. Лоренцо слабымъ голосомъ сказалъ монаху, что желаетъ покаяться ему и попросить у него отпущенія трехъ тяготящихъ его грѣховъ: разграбленіе Волатерры,

присвоеніе денегъ Монте-делле-Фанчіулле, которое стоило столькихъ человѣческихъ жизней, и кровопролитіе, послѣдовавшее вслѣдъ за заговоромъ Пацци, покушавшагося на его жизнь и погубившаго его брата Джуліана. Говоря объ этомъ, Лоренцо разволновался и сталъ молиться, а Савонаролла пытался успокоить его, повторяя все время: «Господь милостивъ, безконечно милостивъ».

Когда Лоренцо окончилъ свою исповѣдь, Савонаролла сказалъ ему: «Ты долженъ исполнить три вещи».—«Какія-же, святой отецъ?» Пріоръ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ поднялъ къ небу правую руку и произнесъ: «Прежде всего, сынъ мой, ты долженъ имѣть вѣру въ Бога, полную, живу ю вѣру въ его милосердіе».—«Я весь и вполнѣ исполненъ такой вѣры!»—«Во-вторыхъ, ты долженъ возратить все, что когда-либо несправедливо отнялъ у людей, или приказывать своимъ сыновьямъ сдѣлать это отъ твоего имени». Это требованіе, казалось, сильно поразило и огорчило герцога; тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ согласился на все и утвердительно кивнулъ головой въ отвѣтъ на слова монаха.

Съ боязнью устремилъ умирающій свой потухшій взглядъ на своего строгаго духовника, который теперь всталъ и выпрямился, восклицая громовымъ голосомъ:

«И въ концѣ-концовъ, сынъ мой, ты долженъ вернуть свободу гражданамъ Флоренціи!» Приэтомъ Савонаролла остановилъ на герцога свой пронзительный взоръ, какъ-бы желая прочесть въ его чертахъ отвѣтъ на послѣднее выраженное имъ требованіе. Но тутъ Лоренцо, ни говоря ни слова, пренебрежительно отвернулся отъ него. Монахъ такъ и оставилъ его, не давъ ему отпущенія грѣховъ. Лоренцо, мучимый угрызеніями совѣсти, вскорѣ послѣ этого скончался.

Ему наследовалъ его старшій сынъ, Петръ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ оказался хуже отца, потому что онъ нисколько ни заботился ни объ искусствахъ, ни о наукѣ,

а все свое время проводилъ въ легкомысленныхъ забавахъ, расточительный и беспечный. Савонаролла продолжалъ свои проповѣди и съ каждымъ днемъ вліяніе его возрастало, такъ же и слава его, какъ безстрашнаго реформатора. По прояскамъ Петра, онъ былъ на вѣкоторое время удаленъ изъ Флоренціи и проповѣдывалъ въ Пизѣ, Генуѣ и другихъ городахъ. По своемъ возвращеніи во Флоренцію онъ ввелъ въ монастырскій уставъ Санъ-Марка обѣтъ нищеты и требовалъ, чтобы монахи жили трудами своихъ рукъ. Особенно одобрялъ онъ изученіе св. писанія и старался возбудить въ братіи стремленіе поработать на пользу обращенія язычниковъ въ христіанство. Онъ и самъ желалъ посвятить себя миссіонерству, но народъ не отпустилъ его и онъ продолжалъ проповѣдывать въ соборѣ передъ народными массами, которыя, затаивъ дыханіе, слушали его. Онъ направлялъ свои негодующія рѣчи и противъ духовенства, пренебрегавшаго своимъ долгомъ: «Вы видите ихъ,—говорилъ онъ,—въ золотыхъ, усѣянныхъ драгоценными камнями митрахъ на головахъ, съ серебряными посохами и въ парчевомъ облаченіи, медленно отправляющими вечернія и утреннія службы подъ акомпаниментъ торжественныхъ звуковъ органовъ и пѣнія. Вы поражены и ослѣплены... Духовенство первобытныхъ временъ христіанства конечно не обладало ни столькими митрами, ни драгоценными сосудами; а если что у нихъ и было, они охотно дѣлились послѣднимъ съ неимущими и бѣдными. Теперь же духовенство отнимаетъ у бѣдныхъ послѣднее, чтобы завести себѣ драгоценныя украшенія. Въ древнемъ христіанствѣ въ церквахъ держали деревянные сосуды, за то сердца прелатовъ были золотыя, теперь церковь наполнена золотыми сосудами и деревянными прелатами».

Петръ Медичи, стремившійся къ присвоенію верховной власти во Флоренціи, заключилъ тѣмъ временемъ тѣсный союзъ съ папой и королемъ неаполитанскимъ, Альфонсомъ—и тутъ же измѣнилъ имъ, узнавъ, что въ Италію вступи-

ли французы. Людовикъ Моро захватилъ въ свои руки власть въ Миланѣ и призвалъ въ Италію Карла VIII французскаго, предложивъ ему попытаться завоевать Неаполь. Сильная французская армія перешла границу и направилась на югъ, грабя по дорогѣ города и села, все губя и разрушая на своемъ пути. Петръ, вмѣсто того, чтобы поддержать своего союзника Альфонса неаполитанскаго, отправился къ Карлу VIII и заключилъ съ нимъ миръ, уступивъ ему при этомъ важную крѣпость Сарцану и города: Пизу, Ливорно и Піетра-Санта.

Флорентинцы вознегодовали при видѣ низкихъ поступковъ своего правителя и закрыли передъ нимъ двери сената; самая жизнь его была въ опасности, и онъ тайкомъ покинулъ Флоренцію, которая готова была перейти къ открытому возстанію, и бѣжалъ въ Венецію.

Приверженцы Медичи требовали монархіи, народъ стоялъ за республику, и обѣ партіи были на ножахъ. Савонаролла являлся единственнымъ человѣкомъ, сохранившимъ свое влияние на народъ. Онъ пригласилъ обѣ партіи въ соборъ и пытался примирить ихъ. Пламенными словами заклиналъ онъ ихъ соединиться, возлюбить другъ друга, какъ подобаеть христіанамъ, примириться и за-одно идти къ общей цѣли. Ему удалось наконецъ подавить готовое вспыхнуть возстаніе.

Изъ именитѣйшихъ гражданъ Флоренціи избрано было посольство къ французскому королю. Въ этомъ посольствѣ находился и Савонаролла. Члены посольства отправились въ лагерь французскаго короля въ каретахъ и только одинъ Савонаролла пустился въ путешествіе, по своему обыкновению, пѣшкомъ. Послы говорили съ королемъ безъ всякаго успѣха и на обратномъ пути повстрѣчали Савонаролла, который такимъ образомъ одинъ отправился въ лагерь французскаго короля. Добившись свиданія съ Карломъ VIII, онъ сначала умолялъ его, а потомъ требовалъ, чтобы онъ пощадилъ Флоренцію, ея женщинъ, гражданъ и свободу,

но и онъ ничего не добился. Вскорѣ послѣ того французская армія вступила во Флоренцію, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей. Солдаты прежде всего разграбили дворецъ Медичи и вынесли изъ него драгоценнѣйшія произведенія искусствъ, въ чемъ и сами флорентинцы помогали имъ, похищая безъ всякаго стѣсненія все, что имъ казалось дорогимъ или цѣннымъ. Такъ въ одинъ день погублено и растащено было художественное богатство, съ любовью собиравшееся въ теченіе полстолѣтія.

Послѣ ухода французской арміи Флоренція осталась вовсе безъ правительства. Сторонники Медичи разсѣялись словно по волшебству и исчезли безслѣдно. Тогда Савонаролла взялъ на себя руководить народомъ и предложилъ собранному имъ по этому поводу городскому совѣту принять подобный венеціанскому образъ правленія, единственный устоявшій среди всеобщаго разрушенія и теперь окрѣпшій, успѣвшій пріобрѣсть важное значеніе и уваженіе къ себѣ. Послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было принять временно предложенныя Савонароллою формы правленія, существеннымъ отличіемъ которыхъ былъ верховный совѣтъ изъ 800 гражданъ и младшій совѣтъ изъ 80. Государство такимъ образомъ временно возстановилось.

Несмотря на то, что Савонаролла былъ душой новаго правительства, онъ продолжалъ проповѣдывать и требовалъ кромѣ реформы государственной еще переустройства церкви и перевоспитанія нравовъ. Онъ говорилъ: «Настоящая свобода, единственная заслуживающая этого названія, состоитъ въ твердой рѣшимости вести нравственную жизнь. Разъ мы подчинены деспотизму собственныхъ страстей—свободы уже не существуетъ. И такъ, чтобы вернуться къ предмету настоящей бесѣды, скажите мнѣ, флорентинскіе граждане, хотите ли вы быть свободными? Въ такомъ случаѣ вы должны прежде всего любить Бога, ближнихъ и заботиться о благосостояніи своего отечества. Когда такая

любовь и единодушiе въ достаточной мѣрѣ вдохновятъ васъ—вы приобретете истинную свободу

Среди введенныхъ республиканскимъ правленiемъ реформъ особенно важными въ практическомъ отношенiи были: уменьшенiе налоговъ, улучшенiе судопроизводства, уничтоженiе ростовщичества учрежденiемъ заемнаго банка Monte-de-Pieta, отпускавшаго бѣднымъ временныя ссуды на возможно менѣе тягостныхъ условiяхъ. Это благодѣтельное учрежденiе обязано своимъ возникновенiемъ исключительно Савонароллѣ. Также исключительно благодаря его настоянiямъ, республика вернула во Флоренцiю потомковъ изгнаннаго Данте, которые въ то время въ крайней бѣдности изнывали на чужбинѣ.

Мало-по-малу и внѣшнiй видъ Флоренцiи круто измѣнился. Отказавшись отъ роскошныхъ нарядовъ, женщины стали одѣваться скромно и просто; буйная, распущенная молодежь притихла и обратилась къ религiи. Купцы въ часы отдохновенiя были большею частью погружены въ изученiе Библии или въ чтенiе одного изъ сочиненiй Савонароллы. Церкви были переполнены молящимися, и бѣдняки получали щедрую милостыню. Всего поразительнѣе было то, что купцы и банкиры возвращали въ общественное казначейство деньги, приобретенные ими неправымъ путемъ, въ большихъ суммахъ, доходившихъ иногда до 1000 флориновъ. Всѣ эти перемѣны совершились благодаря влиянiю одного только чековѣка.

По окончанiи великаго поста 1493 г. Савонаролла почувствовалъ себя совершенно изнуреннымъ. Онъ не только проповѣдывалъ ежедневно передъ огромнымъ сборищемъ людей, но и усердно постился, отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ, во снѣ и отдыхѣ: постель его была самая жесткая, обстановка кельи самая бѣдная изъ всего монастыря. Если онъ былъ строгъ по отношенiю къ другимъ—то къ себѣ самому относился еще строже. Онъ ужасно худалъ, силы его таяли съ каждымъ днемъ и слабость его

еще возрастала вслѣдствіе тяжкаго внутренняго недуга. Ничто, однако, не могло сломить силы его духа и ревности его служенія человѣчеству. Едва успѣлъ онъ оставить политическую борьбу, какъ принялся за внутреннія реформы и началъ читать рядъ проповѣдей объ Іовѣ съ цѣлью пробудить въ своихъ слушателяхъ стремленіе къ добродѣтели, терпѣнію и благочестію. Казалось, внутреннее его возбужденіе росло вмѣстѣ съ увеличеніемъ физической слабости. Глаза его горѣли необычайнымъ огнемъ, онъ весь дрожалъ и рѣчь его лилась еще увлекательнѣй и пламеннѣй, чѣмъ бывало.

Извѣстный политическій философъ той эпохи, Бурмакки, рассказываетъ слѣдующее: «Савонаролла сказалъ однажды особенно пламенную проповѣдь противъ порчи нравовъ въ средѣ духовенства: эта проповѣдь была слово въ слово записана и переслана папѣ. Тотъ въ сильномъ гнѣвѣ призвалъ къ себѣ епископа, монаха доминиканскаго ордена (къ которому принадлежалъ и Савонаролла), извѣстнаго своей ученостью человѣка, и сказалъ ему: «Отвѣтъ на эту проповѣдь: я желаю, чтобы ты вступилъ въ полемику съ этимъ монахомъ». Епископъ отвѣтилъ: «Я готовъ, святой отецъ, но мнѣ нужны нѣкоторыя средства, чтобы я могъ съ успѣхомъ возражать ему».—«Какія средства?»—«Савонаролла говоритъ, что мы не должны брать себѣ возлюбленныхъ и поощрять симонію, и мы дѣйствительно повинны въ этихъ грѣхахъ. Онъ говоритъ правду».—«Что ему за дѣло до этого?» съ досадой спросилъ папа.—«Попробуйте затронуть его честолюбіе,—посоветовалъ епископъ,—дайте ему кардинальскій санъ, чтобы онъ прекратилъ свои несчастныя пророчества и взялъ назадъ все сказанное».

Въ томъ-же году Араббіаты, члены клуба заговорщиковъ въ пользу Медичи, грозили Савонароллѣ смертью, рассчитывая вмѣстѣ съ нимъ уничтожить республику. Тогда отрядъ вооруженныхъ людей вызвался каждый разъ провожать Савонаролла изъ собора въ монастырь и

обратно. Папа Александръ VI Борджіа, которому не по душѣ пришелся совѣтъ епископа, прислалъ изъ Рима указъ, въ которомъ Савонароллѣ повелѣвалось прекратить проповѣди, а самъ проповѣдникъ обвинялся въ распространѣніи лжеученій. Когда Савонаролла принужденъ былъ такимъ образомъ молчать и бездѣйствовать, Араббѣаты собирались разомъ разрушить все сдѣланное имъ съ цѣлью улучшенія нравовъ, рѣшивъ возобновить необузданный разгулъ и циничныя торжества карнавала. Съ горестью смотрѣлъ на это Савонаролла и, въ видѣ молчаливаго противодѣйствія недостойнымъ, послалъ по улицамъ Флоренціи процессію дѣтей, его послѣдователей, собиравшую деньги на бѣдныхъ, которыя поступали затѣмъ въ распоряженіе монаховъ монастыря св. Мартина.

Увидѣвъ, какъ велико было могущество и вліяніе Савонаролла, папа снялъ съ него запрещеніе проповѣдывать и даже предложилъ ему кардинальскій посохъ подъ условіемъ перемѣны на будущее время духа его проповѣдей. Савонаролла отклонилъ папскія милости и въ ближайшей своей проповѣди въ соборѣ сказалъ: «Миѣ не нужно ни кардинальской шляпы, ни епископской митры. Я ничего не хочу, кромѣ дара, ниспосланнаго Богомъ святымъ мученикамъ— смерти. Если-бъ я жаждалъ почестей, то не носилъ бы теперь эту потертую рясу. Я охотно готовъ сложить свою голову за то, что считаю своимъ долгомъ».

Тѣмъ временемъ для республики наступили трудныя времена. Во время осады Пизы, флорентинцы умирали съ голоду; за голодомъ явилась чума, производившая страшныя опустошенія. Голодъ и чума свирѣпствовали и въ монастырѣ Санъ-Марко, и Савонаролла, выславъ за городъ больныхъ и робкихъ, остался съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ на своемъ опасномъ посту. Во Флоренціи ежедневно умирало до ста человѣкъ. Савонаролла спокойно посѣщалъ зараженные дома, произнося надъ умирающими послѣднее напутствіе, утѣшая и ободряя ихъ.

Спустя мѣсяць чума стала ослабѣвать и вновь вспыхнули заговоры противъ республики.

Савонаролла въ это время большею частью оставался у себя въ монастырѣ, усердно занимаясь изданіемъ и просмотромъ корректуръ своего труда «Торжество Креста». Въ этомъ трактатѣ онъ доказываетъ, что христіанское ученіе все основано на разумѣ, любви и совѣсти. «Торжество Креста» должно было служить отвѣтомъ на папскій указъ и служило затѣмъ руководствомъ въ школахъ и въ союзѣ для распространенія вѣры, такъ какъ было изложено очень легко и доступно для пониманія. Несмотря на это, папа въ маѣ 1497 г. отлучилъ Савонароллу отъ церкви; отнынѣ никто не имѣлъ права входить съ нимъ въ какія-либо сношенія, какъ съ лицомъ, котораго подозрѣвали въ ереси и отступничествѣ. Отлученіе это было съ большою торжественностью мѣсяць спустя возвѣщено въ соборѣ въ присутствіи духовенства, монаховъ, окрестныхъ обитателей и высшихъ чиновниковъ. По прочтеніи папской грамоты свѣчи были погашены и весь соборъ погрузился во мракъ и безмолвіе.

Два дня спустя, во время богослуженія, совершавшагося монахами св. Марка, толпа людей, собравшаяся за монастыремъ, подняла шумъ и крикъ и стала бросать въ окна камни. Городскія власти равнодушно смотрѣли на это, и митежъ со-дня-на-день усиливался. Все пошло по прежнему: въ народѣ торжествовалъ былой развратъ; церкви пустѣли, а таверны кишѣли народомъ; казалось, всѣ мысли о свободѣ, патріотизмѣ и религіи были уже забыты. Таковыми оказались первые плоды отлученія Савонароллы папой. Многіе изъ лучшихъ людей пытались побудить папу снять это отлученіе, но всѣ просьбы были напрасны. Папа угрожалъ городу интердиктомъ и конфискаціею имущества флорентинскихъ купцовъ, находившихся въ Римѣ. Онъ требовалъ, чтобы флорентинскія власти отослали Савонароллу въ Римъ, но синьорія отвѣчала

что съ изгнаніемъ Савонароллы изъ Флоренці городу грозитъ величайшая опасность. Савонароллу даже уговорили вновь начать свои проповѣди въ соборѣ, несмотря на отлученіе. И 18 марта 1498 года онъ еще въ послѣдній разъ появился на кафедрѣ.

Это былъ тяжелый для него день, такъ какъ выяснилось, что общественное мнѣніе, до сихъ поръ благоприятное ему, сразу, какъ флюгеръ при переменѣ вѣтра, обратилось въ противоположную сторону. Въ продолженіе 8-ми лѣтъ Савонаролла былъ главнымъ общественнымъ дѣятелемъ во Флоренці; восемь лѣтъ побуждалъ онъ народъ къ покаянію, училъ его жить въ мирѣ, бороться за свою свободу, идти по правымъ путямъ и, съ Божіею помощію, проводить необходимыя реформы. Онъ былъ популярнѣйшимъ лицомъ во Флоренці и неожиданно быстро превратился въ самаго ненавистнаго. Словно пришелъ часъ отлива. Сторонники Савонароллы или отсутствовали, или скрывались, потому что вся Флоренція казалась теперь враждебно настроенной къ нему.

Закрытые враги его, францисканцы, требовали, чтобы онъ доказалъ правдивость своего ученія, принявъ испытаніе огнемъ (одинъ изъ самыхъ варварскихъ обычаевъ чредневѣковья). Савонаролла не согласился, понимая всю безплодность и бездоказательность предлагаемаго испытанія, хотя братъ его, Доменико, и другіе монахи готовы были идти въ огонь, исполненные вѣры въ своего учителя. Отказъ Савонароллы повелъ за собою весьма дурныя послѣдствія. Чернь осадила монастырь св. Марка и грозила зажечь его. Нѣкоторые изъ друзей пріора рѣшили было защищать его вооруженными силами, но Савонаролла остановилъ ихъ: «Пустите меня. Буря эта поднялась изъ-за меня и успокоится, когда я выдамъ себя врагу». Но монахи не допустили его сдѣлать этого.

Тогда синьорія выслала на площадь св. Марка вооруженный отрядъ для возстановленія спокойствія. Предводи-

тель отряда потребовалъ, чтобы всѣ находившіеся въ монастырѣ сложили оружіе, и, объявивъ Савонаролла изгнанникомъ, приказалъ ему оставить Флоренцію въ теченіе двѣнадцати часовъ. Но монахи съ оружіемъ въ рукахъ продолжали защищать монастырь; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ. Когда Савонаролла увидѣлъ эту рѣзню въ монастырѣ и внѣ его, онъ сталъ умолять братію прекратить это напрасное кровопролитіе и увелъ ихъ съ собой въ бібліотеку, находившуюся за главнымъ монастырскимъ зданіемъ. Подъ сводами этой обширной простой залы поставилъ онъ посрединѣ чашу со св. дарами, собралъ вокругъ себя братію монастыря и обратился къ ней съ послѣдней достопамятной своей рѣчью: «Дѣти мои, въ присутствіи Господа и передъ этой святой чашей, въ ту минуту, когда мои враги уже готовы ворваться въ монастырь, я еще разъ исповѣдую свое ученіе. То, что я говорилъ, внушено мнѣ самимъ Господомъ Богомъ и Онъ мнѣ порукой на небесахъ въ томъ, что я возвѣщаю вамъ истину. Я никогда не допускалъ мысли, чтобы цѣлый городъ обратился противъ меня въ такое короткое время—но да будетъ Его святая воля! Даю вамъ мое послѣднее завѣщаніе: вооружитесь вѣрой, терпѣніемъ и молитвой. Я оставляю васъ съ печалью и страхомъ въ сердцахъ. Я отдаюсь въ руки моихъ враговъ. Не знаю, отнимутъ-ли они отъ меня жизнь, но хорошо знаю, что послѣ моей смерти я буду имѣть возможность сдѣлать для васъ на небесахъ много болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать, живя на землѣ. Утѣшьте и приложите ко кресту, который указываетъ вамъ путь къ вѣчному блаженству».

На этомъ прервалась его рѣчь, потому что въ монастырь ворвались солдаты и Савонаролла былъ схваченъ. Ему связали руки и въ качествѣ арестанта повели его къ синьоріи, при чемъ по дорогѣ разсвирѣпѣвшій народъ едва не набросился на столь почитаемаго имъ прежде человѣка. Двое монаховъ настояли на томъ, чтобы имъ позволили

сопровождать Савонароллу, но по прибытіи въ синьорію, ихъ размѣстили по разнымъ каморкамъ. Савонароллѣ предназначили такъ-называемую Альбергеттинскую келью—небольшую комнатку въ одной изъ дворцовыхъ башенъ, въ которой когда-то отбывалъ заключеніе Козьма Медичи.

Савонароллу сейчасъ-же подвергли пыткѣ. Послѣ допросовъ, угрозъ и увѣщаній въ верхней залѣ Баргелло передъ членами городского совѣта, его привязали къ подъемной веревкѣ, разрывавшей мускулы, отчего всѣ члены пытаемого подергивались отъ нестерпимой боли. Если эта пытка длилась продолжительное время—она вела за собою бредъ и безпамятство, а затѣмъ смерть.

Савонаролла съ дѣтства отличался слабостью и хрупкостью сложенія, продолжительные-же посты, усиленные умственные занятія, въ которыхъ проводилъ онъ дни и ночи, непрерывное почти чтеніе проповѣдей и серьезная внутренняя болѣзнь—окончательно подорвали его силы. Жизнь еще теплилась въ немъ, только благодаря силѣ его духа и непреклонной волѣ. Событія послѣднихъ дней: оскорбленія, которыми его осыпали, опасности, сердечная боль, причиненная ему отступничествомъ отъ него столь преданнаго ему прежде народа—немало способствовали усиленію его нервного возбужденія. Въ такомъ состояніи онъ долженъ былъ выносить безчеловѣчную пытку. Его вздернули кверху и быстро опустили книзу, повторяя эти движенія и заставляя его въ это время отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Ему предлагали признать себя обманщикомъ, предлагая освободить въ такомъ случаѣ отъ пытки. Скоро онъ потерялъ сознаніе, отвѣты его стали неясными и наконецъ онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ такимъ голосомъ, который, казалось бы, долженъ былъ тронуть самое каменное сердце: «О, Господи, пошли мнѣ смерть, пошли мнѣ смерть!»

Пытку на время прекратили; окровавленнаго несчастнаго Савонароллу отнесли назадъ въ тюрьму, гдѣ онъ

провелъ ужасную, полную мученій, ночь. Къ полудню слѣдующаго дня, начался такъ-называемый судъ. Сильный духъ Савонароллы еще разъ восторжествовалъ надъ его слабымъ, измученнымъ тѣломъ, и всѣ отвѣты его были ясны, просты и полны достоинства. Когда одинъ флорентинскій адвокатъ, Чекконе, услышалъ выраженное однимъ изъ сановниковъ сожалѣнiе, что во время процесса не открыто ничего, могущаго послужить обвиненiемъ противъ Савонароллы,—онъ сказалъ: «Гдѣ нѣтъ вины—можно ее выдумать!» И судьи,—всѣ до одного враги Савонароллы,—предложили этому проходимцу четыреста флориновъ, если онъ приготовитъ подложный отчетъ допроса, гдѣ бы отвѣты Савонароллы были такъ измѣнены, что обусловливали бы собою осужденiе обвиняемаго.

Тѣмъ временемъ Савонароллу продолжали непрерывно пытаться—и въ печальные дни великаго поста и въ радостные—праздника Пасхи. Однажды Савонароллу, поднятаго кверху, четырнадцать разъ сбросили внизъ, приложили горячіе угли къ его подошвамъ, но душа его не поколебалась и его принуждены были снова отправить въ тюрьму, не добившись отъ него желаемаго сознанiя.

18 мая 1498 г. во Флоренцію прибыли папскіе комиссары, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ. По приказанiю кардинала Рамолино, Савонароллу еще разъ подвергли пыткамъ и продолжали ее до тѣхъ поръ, пока онъ не началъ бредить, при чемъ, подкупленный синьоріей адвокатъ искажалъ всѣ его отвѣты въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого требовали судьи. Однако и тутъ они не достигли цѣли; это видно изъ того, что подлинныя протоколы не были подписаны и обнародованы.

На засѣданiи комиссаровъ 22 мая, съ согласiя синьоріи, надъ тремя монахами произнесенъ былъ смертный приговоръ. Они были вполне приготовлены къ этому: Доменикъ принялъ извѣстiе о смерти такъ радостно, какъ будто это было приглашенiе на циркъ; Савонароллу объявленiе при-

говора застало молящимся на колѣняхъ. Къ вечеру ему предложили поужинать, но онъ не пожелалъ, сказать, что жаждетъ приготовить къ смерти душу постомъ и молитвой.

Вскорѣ въ его келью явился монахъ, по имени Джакопо Николини, одѣтый въ черную мантию, съ чернымъ кашпономъ, закрывавшимъ лицо. Онъ принадлежалъ къ братству Батуто, члены котораго приняты на себя обязанность оказывать разныя услуги осужденнымъ на смерть преступникамъ. Николини спросилъ Савонаролла, не можетъ-ли онъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ? «Да,—отвѣчала Савонаролла,—попросите, чтобы синьорія разрѣшила мнѣ короткое свиданіе съ моими товарищами по заключенію: я хотѣлъ бы передъ смертью сказать имъ нѣсколько словъ». Въ то время, какъ Николини пошелъ исполнять порученіе, бенедиктинскій монахъ явился исповѣдать заключенныхъ, исполнившихъ этотъ обрядъ, набожно преклонивъ колѣни.

Наконецъ три страдальца увидѣлись въ первый разъ послѣ сорокадневнаго заключенія и пытокъ. Оба монаха упали къ ногамъ Савонаролла и смиренно просили благословенія у своего пріора; другъ другу они обѣщали мужественно встрѣтить смерть.

Была уже поздняя ночь, когда Савонаролла вернулся въ свою келью, гдѣ онъ нашелъ добраго Николини. Въ знакъ своей къ нему благодарности и расположенія Савонаролла спалъ эту ночь, положивъ голову ему на колѣни. Свѣтлая улыбка озаряла во снѣ его черты. Онъ проснулся съ зарею и сталъ разговаривать съ Николини, рисуя передъ его умственнымъ взоромъ картину угрожавшихъ Флоренці бѣдствій.

Позднѣе три монаха снова встрѣтились, чтобы пріобщиться св. Тайнъ изъ рукъ Савонаролла и приняли съ радостью и признательностью св. Дары. Спокойно, съ высоко поднятой головой пошли они затѣмъ на площадь, гдѣ были воздвигнуты три трибуны для епископа вазонскаго,

папскихъ комиссаровъ и гонфалоньера. Эшафотъ находился у палаццо Веккю. Въ концѣ его стоялъ столбъ, къ которому прикрѣплены были три веревки и три цѣпи. Веревками рѣшено было задушить монаховъ, цѣпи же должны были поддерживать ихъ трупы, пока они не сгорятъ на огнѣ разложеннаго внизу костра.

Осужденные спустились по лѣстницѣ палаццо. Съ нихъ сняли верхнюю коричневую одежду и они остались въ однѣхъ рубашкахъ съ босыми ногами и связанными назадъ руками. Ихъ подвели сначала къ епископу вазонскому, который объявилъ ихъ лишенными сана и, взявъ Савонароллу за руку, воскликнулъ: «Отлучаю тебя отъ церкви, воинствующей и торжествующей». Но Савонаролла возразилъ: «Отъ воинствующей да, но не отъ торжествующей: съ этой вы не имѣете ничего общаго». Когда осужденныхъ подвели къ папскимъ комиссарамъ, тѣ объявили ихъ еретиками, гонфалоньеръ-же по обычаю предложилъ голосовать приговоръ суда: не было ни одного голоса въ пользу обвиняемыхъ.

Этимъ окончились приготовленія къ казни. Осужденные твердыми шагами приблизились къ эшафоту. Священникъ, по имени Неротти, спросилъ у Савонароллы: «Какъ душа твоя принимаетъ мученическую кончину?»—«Господь больше пострадалъ за меня!»—кратко отвѣтилъ пріоръ. Это были послѣднія произнесенныя имъ въ этомъ мѣрѣ слова. Первымъ казненъ былъ братъ Сильвестро, потомъ преданный Савонароллѣ братъ Доменико и въ концѣ-концовъ Савонаролла долженъ былъ занять пустое мѣсто между ними. Поднявшись на верхнюю ступень лѣстницы, онъ оглядѣлъ въ послѣдній разъ толпу, еще недавно ловившую въ соборѣ каждое его слово. Какая перемѣна! Теперь они съ крикомъ требовали его крови. Онъ закрылъ глаза и вложилъ голову въ петлю, палачъ далъ толчокъ, и черезъ секунду Савонаролла не стало. Тѣла казненныхъ цѣпями прикрѣпили къ столбу и сожгли; пепель былъ собранъ и

брошенъ съ Понте-Веккіо въ Арно. Казнь совершилась 23 мая 1499 года. Савонароллі не было еще полныхъ со-рока пяти лѣтъ.

Хотя Лютеръ считалъ его позднѣе мученикомъ за про-тестантизмъ, — причина его казни была иная *): его пре-слѣдовали прежде всего за его пламенную любовь къ свободѣ. Онъ не ставилъ себѣ цѣлью отступленіе отъ церкви, но проповѣдывалъ скрѣпленіе союза между свобо-дой и религіей, пытаясь выяснитъ истинное значеніе той и другой. Вотъ причина его мученичества: онъ отдалъ свою жизнь за своего Господа и отечество. Если-бы реформы, ꙗкоторыя онъ проповѣдывалъ, были проведены когда-нибудь въ жизнь, — христіанство достигло бы апогея своего развитія и Италія стала бы можетъ быть во главѣ новой цивилизаціи.

Флоренція принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ по историческимъ воспоминаніямъ городамъ не только Италіи, но и цѣлой Европы. Она была или родиной или мѣсто-пробываніемъ великихъ мыслителей, поэтовъ и артистовъ: Данте, Галилея, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэля, Макиавелли и многихъ другихъ всемірно славныхъ дѣятелей. Въ ней можно видѣть прекраснѣйшія произведе-нія скульптуры и лучшія творенія геніальнѣйшихъ худож-никовъ. Тамъ находятся обсерваторія Галилея, домъ, гдѣ родился Данте, мѣсто, гдѣ скончался Лоренцо Медичи, домъ и могила Микель Анджело.

Но къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ Флорен-ціи безспорно принадлежатъ: соборъ, въ которомъ такъ часто звучали пламенные рѣчи Савонароллы, монастырь Санъ-Марка, гдѣ онъ проводилъ свои дни въ бѣдности, лишеніяхъ, трудѣ и молитвѣ, и палаццо синьории, гдѣ онъ былъ преданъ въ руки тирановъ и вступилъ на стезю мученичества. Въ монастырѣ Санъ-Марка понынѣ еще

*) Напротивъ, Савонаролла принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ католиковъ: больше и чаще всего онъ обвинялъ духо-венство за ихъ недостаточно твердую вѣру въ пресуществленіе.

можно видѣть маленькую келью, въ которой жилъ замѣчательный человѣкъ, библію, которую онъ читалъ и дома и съ кафедръ, маленькую библію, всю испещренную на поляхъ различными замѣтками, до того мелко написанными, что нѣтъ никакой возможности прочесть ихъ безъ увеличительнаго стекла. Тамъ же показываютъ его портретъ, его рукописи и много другихъ любопытныхъ вещей, сберегаемыхъ на память о немъ.

Италія давно уже отказалась отъ изгнанія Данте изъ Флоренціи, воздвигнувъ въ честь его статуи и памятники во всѣхъ своихъ болѣе значительныхъ городахъ. Почему бы не отдать должнаго и Савонароллѣ, пламенному патріоту и мученику за свободу, и не воздвигнуть ему памятника въ назиданіе всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ? И мѣсто для него на лицо: это скверъ палаццо Веккіо, гдѣ онъ такъ мужественно принялъ смерть во имя свободы человѣческой личности и религіозныхъ убѣжденій.

ГЛАВА VII.

М О Р Я К Ъ.

Прелестное глубокое и свѣтлое море! Тебѣ обязаны мы своимъ счастьемъ. Твой немолчный ропотъ, то грозный, то кроткій, вызываетъ во мнѣ то слезы, то радость. Я оплакиваю милыхъ сердцу, погребенныхъ въ твоихъ волнахъ, радуюсь же о Тебѣ, кто побѣдилъ смерть Своей смертью.

Капитанъ Герг.

Море взлелѣяло самыхъ отважныхъ храбрецовъ, потому что опасности морекой жизни воспитываютъ въ человѣкѣ не только мужество, но и глубокое сознание долга. Моряку необходимо запастись терпѣніемъ, неутомимостью, энергіей и бодростью. На плечахъ его всегда лежитъ бремя заботъ и отвѣтственности и жизнь его нисколько не походитъ на жизнь людей на сушѣ, гдѣ они, покончивъ съ дневной работой, спокойно ложатся спать и безмятежно отдыхаютъ до утра.

Морякъ постоянно на-сторожѣ, и днемъ и ночью. Во время длинныхъ переѣздовъ капитанъ можетъ спокойно посидѣть въ своей каютѣ только въ отсутствіе вѣтра и волненія на морѣ. За то сколько потребуется отъ него предусмотрительности, живости и энергіи, лишь только покажутся первые признаки бури. Паруса должны быть убраны въ мгновеніе ока, иначе кораблю грозитъ опасность. Нерѣдко буря воеетъ въ ночное время, и волны бросаютъ корабль изъ стороны въ сторону. Матросъ съ опас-

ностью жизни влѣзаетъ наверхъ, чтобы убрать паруса: каждую минуту сильный порывъ вѣтра или неожиданный толчокъ корабля, подкинутого волною, можетъ сбросить его: никто не замѣтитъ въ сумракѣ его паденія и не услышитъ его крика за ревомъ бури, и корабль будетъ по прежнему продолжать свое плаваніе.

Когда впервые пустившійся въ море человѣкъ увидѣлъ себя въ своей непрочной ладѣ одинокимъ среди массы грозныхъ водъ, какъ порывисто должно было биться его сердце, какое странное ощущеніе должно было овладѣть имъ! Ничего вокругъ кромѣ неба надъ головой и воды подъ ногами, и только одна доска между нимъ и смертью! Какъ глубоко должно было охватить этого храбреца неизвѣданное еще ощущеніе отвѣтственности и мужества.

Ничто въ природѣ не производитъ на человѣка такого неизгладимаго впечатлѣнія, ничто такъ не воспитываетъ духъ и характеръ человѣка, какъ видъ необозримаго океана. Знаменитый американскій проповѣдникъ и писатель, докторъ Ченнингъ, родина котораго находится въ Нью-Портѣ, большую часть своего времени проводилъ на берегу моря и говорилъ въ послѣдствіи: «Ни одна страна изъ всѣхъ видѣнныхъ мною на земномъ шарѣ во время моего путешествія не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ это взморье, не способствовала столько моему развитію и выработкѣ моего міросозерцанія».

Многіе смотрятъ на море, какъ на громадную и бесплодную водную пустыню. Наблюдающему море съ какой-нибудь высоты оно кажется безграничнымъ. Куда ни упадетъ его взоръ—всюду видитъ онъ однѣ лишь волны. Въ тихую погоду волны медленно и плавно, словно ласкаясь, плещутъ о берегъ и играютъ у нашихъ ногъ, словно рѣзвые дѣти. Но вотъ тучи покрываютъ небосклонъ, все быстрѣе плещутъ волны, и море кипитъ и стонетъ и гнѣвно мечетъ вверхъ громады пѣнящихся волнъ, которыя свирѣпо бьютъ о берегъ и кажется жаждутъ разрушить все на своемъ

пути. Нѣтъ ничего измѣнчивѣ моря. Разбивъ сегодня въ дребезги корабль о какой-нибудь скалистый утесъ, завтра оно снова погружается въ мирную дремоту, окутанное мечтательной дымкой. Море тошитъ въ своихъ волнахъ и челобѣка, и самое время: оно принадлежитъ вѣчности.

Однако между моремъ и человѣческимъ прогрессомъ поддерживается испоконъ вѣка тѣсная связь. Финикійяне, первые мореплаватели, обязаны своей выдающейся культурой, своимъ даромъ изобрѣтенія, а также богатствомъ и процвѣтаніемъ своей страны, исключительно положенію при Средиземномъ морѣ своей страны, безпрестанно путешествуя и посѣщая лежавшія по берегамъ его страны, они вывозили съ собой не только деньги и товары, но и массу знаній, новыя мысли и новый опытъ. Также и Англія не могла бы сдѣлаться великой и свободной страной, торговля и промышленность которой далеко оставляетъ за собою торговлю и промышленность другихъ народовъ, а флотъ подчинилъ англійской коронѣ самыя отдаленныя страны,—если-бы она не была окружена моремъ.

Торговья сношенія приводятъ къ распространенію цивилизаціи, и сэръ Самуэль Бекеръ въ своей лекціи, прочитанной въ Ливерпулѣ, публично заявилъ, что, найдя возможность завязать коммерческія сношенія съ народомъ Африки, мы тѣмъ самымъ открыли бы себѣ лучшій и самый вѣрный путь въ дѣлѣ распространенія миссіонерства. Туземцы, которымъ никакъ нельзя отказать въ здоровомъ смыслѣ, охотно послѣдовали бы тому, что можетъ способствовать улучшенію ихъ положенія. Ничто-же не принесетъ дикарямъ большей пользы, какъ введеніе торговли, которая пробудитъ въ нихъ стремленіе добыть изъ собственной почвы все, что она можетъ дать, и мѣнять эти продукты на различные предметы комфорта, до сихъ поръ имъ неизвѣстные, но которые бысгро обратятся въ потребность, какъ только они познакомятся съ ними.

Честь открытія всѣхъ новыхъ странъ также досталась

на долю моряковъ, начиная съ Колумба и кончая капитаномъ Кукомъ. Хотя и существуетъ предположеніе, что сѣверный материкъ Америки впервые открытъ исландцами, но во всякомъ случаѣ они не оставили тамъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ и не они основали тамъ свои колоніи. Колумбъ и Америго Веспуччи первые возвѣстили міру о своихъ открытіяхъ. Послѣ Колумба отважно пустились въ путь португальцы и голландцы. Фернандо Магелланъ первый совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Когда Колумбъ открылъ Америку, Магелланъ былъ всего лишь двадцатилѣтнимъ юношей. Въ первое свое плаваніе онъ обозрѣвалъ берега Индіи и Африки, во второе — былъ въ Южной Америкѣ, обогнулъ берега Бразиліи и Гвинеи и входилъ въ Рио-Джанейрскую бухту. Отсюда онъ взялъ направленіе на югъ и открылъ проливъ, получившій въ честь его названіе Магелланова, изъ котораго вышелъ въ Тихій океанъ. Въ 1521 году онъ открылъ Филиппинскіе острова, на одномъ изъ которыхъ и погибъ въ битвѣ съ туземцами.

Голландцы тоже предприняли ради открытій немало путешествій. Голландскій капитанъ Вильгельмъ Барентцъ, во время своихъ трехъ, сопряженныхъ со всевозможными опасностями, плаваній въ водахъ, омывающихъ Сѣверный мысъ, ища дорогу въ Китай, открылъ Новую Землю, и Шпицбергенъ и др. острова. Позднѣе голландцы открыли Австралію (Новую Голландію, Ванъ-Дименову Землю и острова въ Малайскомъ морѣ (Курильскіе).

Цѣлой эпохой въ исторіи торговли слѣдуетъ считать открытіе Васко-де-Гамою воднаго пути въ Индію мимо мыса Доброй Надежды. Голландцы, братья Гутманъ, первые завели торговыя сношенія съ Индіей, положивъ основаніе всей монополіи остъ-индской компаніи, которая столько поспособствовала возрастанію морскихъ силъ маленькой республики и расширенію ея колоній и торговыхъ оборотовъ.

Англичане въ то время еще не были торговымъ наро-

домъ. Все ихъ производство ограничивалось отпусккомъ сырыхъ продуктовъ. Даже англійская шерсть обрабатывалась въ Бельгіи, куда ее отправляли сырьемъ. Въ Англии было и тогда уже немало моряковъ, но суда ихъ не дѣлали опредѣленныхъ рейсовъ, потому что Англія еще не завела правильныхъ торговыхъ сношеній. Тѣмъ не менѣ англійскіе моряки обладали замѣчательно воинственнымъ духомъ: когда они не вели внѣшнихъ войнъ, выходя въ море, они сражались другъ съ другомъ. Лежавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ порты Лоуэстофтъ и Ярмутъ часто находились въ открытой борьбѣ. Моряки, населявшіе ихъ, не брезговали, время-отъ-времени и разбойничьимъ промысломъ, и ничто такъ не веселило ихъ сердце, какъ удачное нападеніе на чужой корабль въ открытомъ морѣ.

Но первые геніальные и великіе моряки явились въ Англии лишь со временъ Елизаветы. Кому неизвѣстны такія имена, какъ Дракъ, Ралейгъ, Гаукинсъ и т. п. героевъ морскихъ подвиговъ. Они пускались въ опасный путь въ незнакомыя моря словно на половину слѣпые, въ жаднѣ открыть новыя земли, которыя ихъ потомки называли впоследствии своей родиной.

Это была эпоха, когда Испанія объявила войну Англии и между обоими государствами произошло много жаркихъ сраженій на морѣ и на сушѣ. Благодаря такой хорошей школѣ, изъ среды англійскихъ офицеровъ выдѣлилось много искусныхъ и прекрасно дисциплинированныхъ моряковъ, которые сослужили Англии хорошую службу, когда могущественнѣйшая изъ всѣхъ европейскихъ державъ, Испанія, обрушилась на нее со своей чудовищной «Непобѣдимой Армадой». Борьба между обѣими сторонами является одной изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія когда-либо велись за вѣру, родину, славу и свободу.

Однимъ изъ наиболѣ выдающихся героевъ въ спискѣ замѣчательныхъ личностей этой эпохи безспорно должно считать сэра Фрэнсиса Дрэка. Мистеръ Моллей относить

его къ числу самыхъ типичныхъ дѣятелей XVI столѣтія. Дрэкъ былъ морякомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; любовь къ морю у него врожденная, потому что и отецъ его былъ морякомъ. Въ качествѣ юнга онъ еще въ дѣтствѣ служилъ на небольшомъ суднѣ — люгерѣ, гдѣ онъ и научился морскому дѣлу. Шкиперъ былъ такъ доволенъ службой своего юнга, а затѣмъ матроса, что, умирая, оставилъ ему свое судно. Проведя нѣкоторое время въ плаваніи вдоль береговъ небольшихъ морей, Дрэкъ рѣшилъ во что бы то ни стало уйти въ плаваніе съ адмираломъ Гаукинсомъ, на что и потратилъ все свои сбереженія. Во время этого плаванія онъ попался въ плѣнъ испанцамъ, откуда бѣжалъ съ опасностью жизни. Послѣднія его сраженія съ испанцами сопровождались большимъ успѣхомъ.

По указу испанскаго короля на все англійскія суда, находившіяся въ испанскихъ водахъ, наложенъ былъ арестъ: Дрэкъ вышелъ въ море съ шестью вооруженными кораблями, взявъ суда: «Санъ-Доминго», «Карагенъ» и «Св. Августинъ». Филиппъ замышлялъ въ то время совершенно уничтожить еретическую Англію и формировалъ съ помощью морскихъ силъ Испаніи, Португаліи, Неаполя, Сициліи, Генуи и Венеціи — чудовищный по величинѣ флотъ, который двинулъ къ берегамъ Англіи. Римскій папа, Сикстъ V благословилъ это предпріятіе. Англія однако нимало не смутилась, весь народъ; какъ одинъ человекъ, поднялся на защиту родины; все партіи тѣсно сплотились, и даже протестанты и католики забыли на время свою вражду. Шекспиръ, который былъ еще живъ тогда, въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свое мнѣніе о хищномъ покушеніи на англійскую свободу:

«Пусть идутъ на насъ войной три части свѣта — мы отразимъ ихъ. Ничего не пожалѣемъ, лишь бы Англія осталась вѣрна себѣ».

Дрэкъ рѣшился сразу нанести рѣшительный ударъ испанцамъ. Онъ вышелъ изъ Плимута съ четырьмя кораб-

лями королевскаго флота и двадцатью четырьмя, снаряженными на средства англійскихъ купцовъ. Весной 1587 года англійскій флотъ обрушился на Кадицкую гавань и зажегъ и взялъ приступомъ готовые къ отходу въ Англию громадныя (по тому времени, вмѣстимостью 1,800 тоннъ и больше) испанскіе корабли. День и двѣ ночи Дрэкъ провель въ гавани, гдѣ горѣло полтораста кораблей, ярко освѣщая стѣны и форты крѣпости.

Возвращаясь въ Англию, Дрэкъ уничтожилъ по дорогѣ еще сто судовъ, взялъ въ плѣнъ экипажъ и захватилъ грузы. Счастливо добравшись домой, онъ сталъ предупреждать правительство о страшной силѣ и колоссальныхъ замыслахъ Испаніи. «Въ скоромъ времени,—говорилъ онъ,— въ Испаніи снимется съ якоря тысячь сорокъ хорошо вооруженныхъ человѣкъ. Англии слѣдуетъ какъ можно энергичнѣй готовиться къ отпору!»

Филиппъ сдѣлалъ все, чтобы его Армада оказалась «непобѣдимой» на дѣлѣ. Снаряженіе флота стоило ему лично 50,000 дукатовъ, да у папы занялъ онъ тысячу, кромѣ того два милліона дукатовъ онъ держалъ въ запасѣ. Армада состояла изъ 136 кораблей, гораздо большихъ чѣмъ всѣ, которые когда либо строились до той поры. Въ путь снаряжено было 30,000 испанскихъ моряковъ, двѣ тысячи галерныхъ рабовъ, которые гребли, въ случаѣ безвѣтрія, и двѣсти девяносто духовыхъ лицъ и членовъ инквизиціи. 30 тысячь вспомогательнаго войска стояло въ Нидерландахъ, готовясь по первому сигналу выйти на помощь Армадѣ. Папа Сикстъ V передъ отплытіемъ испанскаго флота обнародовалъ широковѣщательную буллу, въ которой объявлялъ Елизавету похитительницей престола и незаконнорожденной и торжественно отдавалъ ей престолъ Филиппу, жалуя ему титулъ защитника христіанской вѣры, и вручалъ ему Англию на ленныхъ правахъ по отношенію къ Риму.

Первые корабли увидѣли въ Лизардѣ 29 іюля 1588 года.

Ихъ уже ждали, и сторожевые сигналы тотчасъ же зажглись отъ Лизарда до Фальмута и далѣе. Извѣстіе о появленіи непріятеля застало Дрэка въ Плимутѣ за игрой въ кегли въ кругу товарищей, но уже къ вечеру 60 лучшихъ кораблей вышли изъ плимутской гавани на встрѣчу врагу. Оба флота встрѣтились черезъ два дня.

Командирами англійскаго флота назначены были Дрэкъ, Гаукинсъ и Фробисеръ, опытные моряки, храбрые, выносливые и искусные, привыкшіе встрѣчать опасности лицомъ къ лицу, что и выяснилось при первыхъ же столкновенияхъ. Они подошли къ непріятелю съ подвѣтренной стороны, такъ что въ случаѣ надобности, грома непріятеля пушечной пальбою, могли во время отходить отъ него на такое разстояніе, что непріятельскіе выстрѣлы не въ силахъ были вредить имъ. Легкія англійскія суда рѣзво скользили мимо тяжелыхъ вражьихъ галеоновъ, осыпая ихъ градомъ мѣткихъ выстрѣловъ. Испанцы хотѣли рѣшительнаго сраженія, но англичане, уклоняясь отъ этого, только неустанно преслѣдовали врага. Такое сраженіе на ходу шло все время вдоль плимутскаго берега, при чемъ изъ гавани пришло на помощь англійскому флоту подкрѣпленіе изъ гребныхъ судовъ. При свѣтѣ яркихъ сигнальныхъ огней на маякахъ, жаркія стычки не прекращались и ночью. Одинъ изъ кораблей испанскаго флота взорванъ былъ при столкновеніи со своимъ же фламандскимъ судномъ.

Народъ на берегу съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ обоихъ флотахъ, во время ихъ движенія вдоль береговъ Девона и Дорсета. Изъ каждаго порта, лежавшаго на ихъ пути, выходили гребныя суда съ провіантомъ или небольшіе, преимущественно купеческіе, корабли, примыкавшіе къ англійскому флоту, съ цѣлью принять участіе въ сраженіи.

При прибытіи Армады въ бухту, находившуюся между Портлендъ-Биллемъ и Сентъ-Альбанъ-Гидомъ, вѣтеръ вдругъ

измѣнился и, подувъ къ сѣверо-востоку, сталъ благопріятствовать движеніямъ испанцевъ, и Армада сдѣлала нападеніе на англичанъ. Однако рѣшительной битвы и тутъ не произошло.

Направляясь въ Кале, испанскій флотъ обогнулъ островъ Уайтъ. Англичане, получившіе съ берега подкрѣпленіе и провіантъ, медленно шли за нимъ, поджидая эскадру лорда Генри Сеймура, состоящую изъ 60 кораблей и находившуюся тогда между Дунгенессомъ и Фолькстономъ. Только соединившись съ нею, англійскій флотъ направился въ Кале, гдѣ Армада уже стояла на якорѣ въ ожиданіи прибытія изъ Нидерландовъ тридцатитысячнаго вспомогательнаго отряда. Величайшій испанскій полководецъ того времени, Александръ Фарнезе, долженъ былъ торжественно ввести испанскую армію въ столицу Англій. Но ожиданія испанцевъ были обмануты; союзные флоты голландскій и зelandскій заперли всѣ нидерландскіе порты, не пропуская ни одного человѣка.

Лордъ Гоуардъ, главный командиръ англійскаго флота, устроилъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было напасть на Армаду. Стояла глухая ночь и разыгрывалась гроза, когда шесть зажженныхъ брандеровъ неожиданно скользнули въ кучку судовъ Армады. Испанцевъ охватила паника, на судахъ раздались крики и вопли; вѣтеръ уносилъ корабли, такъ какъ англичанамъ удалось перерубить канаты. Начались столкновенія между большими судами, нѣкоторыя были зажжены. Самое великолѣпное изъ судовъ Армады «Саріана» было прибито къ берегу и попало въ руки французовъ. Съ восходомъ солнца, часть испанскаго флота, еще сохранившая возможность движенія, направилась, повидимому, къ нидерландскимъ портамъ. Англичане пустились за ней и атаквали испанскія суда при Гравелинѣ, принудивъ ихъ вернуться къ главнымъ своимъ силамъ. Англичане дрались въ продолженіе шести часовъ. Три испанскіе корабля были окончательно разру-

шены, а другіе, сильно разбитые, направились на песчанья голландскія мели. Когда шестнадцать лучшихъ испанскихъ кораблей уже погибло, всѣ англійскіе еще держались по-прежнему стойко, а изъ людей выбыло изъ строя не болѣе сотни.

Такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ, прибывая суда къ берегу, главнокомандующій Армадой, Медина Сидонія, отдалъ приказъ отступать. Испанскій флотъ пошелъ къ сѣверо-востоку въ открытое море. Часть англійскаго флота подъ командой лорда Гоуарда преслѣдовала ихъ во время поднявшейся бури до Фортскаго залива. Дальше идти не стоило. Враги сдѣлались игрушкой вѣтровъ, и поврежденные суда гибли одинъ за другимъ. Нѣкоторые разбились въ шкерахъ. Такъ какъ Ламаншъ былъ для нихъ запертъ, оставалось направляться въ Испанію мимо западныхъ береговъ Шотландіи и Ирландіи, гдѣ многія суда погибли у скалъ Шотландскихъ и Оркадскихъ острововъ и въ грозныхъ водахъ Стронзскаго и Петлендскаго заливовъ.

Берега Шотландіи и Ирландіи были усеяны обломками разбитыхъ судовъ, экипажъ ихъ большею частью также весь погибъ, уцѣлѣвшія суда Непобѣдимой Армады пришли въ Испанію въ самомъ ужасномъ видѣ.

И такъ, Англія вполне обязана морякамъ своимъ спасеніемъ.

Филиппъ II не затѣвалъ болѣе грандіозныхъ предпріятій— въ родѣ послышки Армады. Тѣмъ не менѣе онъ нуждался въ солидномъ флотѣ, ради сношеній со своимъ американскими колоніями и снабженія сторожевыми судами нагруженные золотомъ корабли при возвращеніи ихъ въ Испанію. Англія и Голландія, продолжая войну, часто затѣвали съ Испаніей морскія сраженія. Обѣ державы подстерегали испанскіе галеоны, стараясь отнять золото, съ помощью котораго Филиппъ велъ борьбу съ англійскою и голландскою независимостью.

Англійскіе моряки-герои совершали чудеса храбрости:

таковъ былъ, напимѣрь, подвигъ сэра Ричарда Гренвилля, вице-адмирала флота королевы Елизаветы. Онъ былъ посланъ къ Азорскимъ островамъ захватить англійскія суда, возвращавшіяся съ золотомъ изъ Лаплаты. Узнавъ объ этомъ, Филиппъ Испанскій снарядилъ сильный, состоявшій изъ 53-хъ кораблей, флотъ и отправилъ его на помощь своимъ судамъ. Оба флота встрѣтились; англійскихъ судовъ было шесть противъ 53-хъ испанскихъ. Пять англійскихъ кораблей подъ предводительствомъ лорда Гоурда должны были отступить передъ такими превосходными силами. Сэръ Ричардъ Гренвилль на старомъ кораблѣ «Revenge», на которомъ нѣкогда Френсисъ Дрѣкъ сражался въ Ламаншѣ противъ Армады, одинъ рѣшился противостать цѣлому испанскому флоту.

Съ нимъ было всего лишь сто человѣкъ, но, подобно ему самому, мужественныхъ и отважныхъ. Въ продолженіе двѣнадцати часовъ сряду испанцы осыпали выстрѣлами обреченный на гибель корабль, пятнадцать разъ они пытались взять его и столько-же разъ были отражены съ невѣроятной отвагой. Сэръ Ричардъ былъ раненъ два раза. Въ ту минуту, какъ его уносили съ палубы въ каюту, онъ получилъ новую рану въ голову, при чемъ убитъ былъ находившійся возлѣ него хирургъ. И все же онъ до послѣдней минуты совѣтовалъ лучше потопить судно, чѣмъ сдаться, но большинство экипажа было противъ такой крайней мѣры; «Revenge» спустили флагъ. Однако испанцы мало выиграли отъ этого захвата единственнаго англійскаго корабля, черезъ два дня онъ пошелъ ко дну, такъ какъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ отъ выстрѣловъ поврежденій, не могъ больше держаться на водѣ.

Смерть героя была также исполнена достоинства, какъ и вся его жизнь. «Я, Ричардъ Гренвилль,—сказалъ онъ,—умираю спокойно и бодро жду послѣдней минуты, оканчивая свое существованіе, какъ и подобаетъ честному солдату—въ борьбѣ за свою вѣру, отечество, честь и королеву.

Душа моя безъ страха готова покинуть тѣло, потому что я дѣйствовать живя согласно велѣнію долга».

Могущество той или другой страны обыкновенно неразрывно связано съ процвѣтаніемъ ея торговли, а упадокъ торговли ведетъ къ упадку и благосостоянію государства. Нѣкогда Венеціи принадлежало главенство среди великихъ коммерческихъ державъ. Памятниками ея было богатства и донинѣ служатъ великолѣпные ея дворцы по Большому каналу, хотя вообще городъ совсѣмъ обнищаль.

Послѣ Лепантской битвы, развитіе торговли стало болѣе прогрессировать на Западѣ. Главнымъ ея средоточіемъ сдѣлалась на югѣ Генуя, а на сѣверѣ—нѣмецкіе ганзейскіе города. Бельгія, хотя и небольшое сравнительно государство, была въ то время одной изъ самыхъ видныхъ производителейъ странъ въ Европѣ. Но въ царствованіе Филиппа II, благодаря тираниіи его намѣстника Альбы, бельгійской торговлѣ нанесенъ былъ такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла оправиться. Въ свою очередь и Испанія, такъ долго удерживавшая почти безграничную власть надъ «Новымъ Свѣтомъ», Германіей, Италіей и Нидерландами, сдѣлалась мишенью насмѣшекъ цѣлой Европы. Голландія, корабли которой то и дѣло обращали въ бѣгство испанскія суда, поднимала испанцевъ на смѣхъ. Голландія смѣнила Испанію въ ея торговомъ значеніи, тогда какъ торговля этой послѣдней мало-по-малу все болѣе и болѣе падала, пока эта страна не обнищала совершенно: въ этомъ состояніи пребываетъ она и по настоящее время.

Англія скоро сравнялась по своимъ торговымъ оборотамъ съ Голландіей и даже превзошла ее. Подобно Голландіи, Англія всегда была преимущественно морской державой. Оба народа, родственные по происхожденію, положили начало новой эпохѣ всемірной исторіи. Девизомъ обоихъ было: «Торговые корабли и колонизація». Во всѣхъ концахъ земного шара, въ невѣдомыхъ дѣвствен-

ныхъ земляхъ основывали они колоніи. Хотя, подобно Англии, Франція, Испанія и Голландія основали въ Сѣверной Америкѣ свои колоніи, остатки которыхъ сохранились понынѣ, тѣмъ не менѣе англійскія колоніи по своей многочисленности далеко оставляютъ за собою всѣ остальные. Англійскій языкъ господствуетъ всюду—въ Канадѣ, Сѣв. Америкѣ, Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды и въ Индіи. Пройдетъ еще сотня лѣтъ и этотъ языкъ распространится по всему земному шару и всюду завоюетъ главенство. Всего этого достигли мы, только благодаря нашему образцовому флоту и нашимъ талантливымъ и отважнымъ морякамъ.

Въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, Бонапартъ закрылъ для англійскихъ кораблей почти всѣ европейскіе порты, начиная отъ Неаполя въ Италіи, отъ Тулона во Франціи, отъ Кадыкса въ Испаніи, вдоль всего берега Голландіи, Даніи и Германіи и до Данцига въ Балтійскомъ морѣ. Наполеонъ слѣпо и страстно ненавидѣлъ англійскій флотъ, который гонялся за нимъ по всему Средиземному морю и наконецъ настигъ его при Абукирѣ, разбилъ его плоскодонныя суда при Болоньи и доставилъ, имѣя въ виду воспрепятствовать его завоевательнымъ стремленіямъ, сухопутныя войска въ Корунью и Бельгію и т. п.

Британскій флотъ насчитываетъ много замѣчательныхъ предводителей, но едва-ли не самымъ выдающимся изъ всѣхъ является Нельсонъ. То былъ рѣдкій человекъ, гений, обладавшій необыкновенной пронизательностью и неутомимой энергіей, считавшій своей обязанностью обезпечить безопасность Англии. Онъ былъ горячимъ патриотомъ. Благородная любовь къ отчизнѣ до конца пламенѣла въ его сердцѣ. Лучшей характеристикой его религіозныхъ воззрѣній являются слѣдующія слова Гомера: «Нѣтъ лучшаго предназначенія какъ борьба за отечество!» Жизнь его преисполнена романическихъ приключеній и самая его слабость, подобно его талантамъ, востыть на себѣ пе-

чать величія. Нельсонъ—одна изъ наиболѣе героическихъ личностей въ міровой исторіи. Его предсмертными словами были:

— Я исполнилъ свой долгъ, за что и благодарю Господа Бога.

Англійскіе моряки составляютъ совершенно особую касту, воспитанную на преданіяхъ цѣлаго ряда поколѣній, людей искони преданныхъ морю, всѣ поступки которыхъ обосновываются на врожденной склонности къ колонизаторской и торговой дѣятельности. Въ галлерей великихъ людей Плутарха не найдется ни одного, который походилъ бы на Дрека, или Гренвилля, или Нельсона; англійскій морякъ является исключительно созданіемъ англійской культуры. Лордъ Сандонъ въ своей рѣчи въ Ливерпулѣ такъ охарактеризовалъ англійскихъ моряковъ: «Что можетъ быть благороднѣе дѣятельности англійскаго героя-моряка?—сказалъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ морского училища, собиравшимся вступить на службу на купеческія суда.—Каковы-же характерныя черты англійскаго моряка? По моему мнѣнію, онъ долженъ быть прежде всего честенъ, правдивъ, мужественъ, снисходителенъ къ слабымъ и неизмѣненъ въ своемъ намѣреніи свято и честно служить своему долгу по отношенію къ Богу и отечеству. Блаженны тѣ, кто заботятся не столько о себѣ, сколько о своихъ ближнихъ и исполняютъ свой долгъ, полагаясь во всемъ остальномъ на волю Господа. Вотъ въ чемъ заключается мудрѣйшее правило, какое должно-быть нашимъ руководителемъ въ жизни, таковъ вѣрнѣйшій путь, слѣдующему благороднѣйшимъ англійскимъ дѣятелямъ послужили своей родинѣ».

Ученикамъ, желающимъ получить награду, выдаваемую королевой достойнѣйшимъ, вмѣняется въ обязанность:

«Добровольное повиновеніе начальству, самоуваженіе, независимость характера, покровительство слабымъ, ласковое обращеніе съ ними, умѣнье прощать обиды и прими-

рять враждующихъ, и прежде всего слѣпая преданность долгу и безусловная правдивость». На такихъ правилахъ, примѣненныхъ къ дѣлу, могъ бы воспитаться самый образцовый нравственный типъ характера, способный оказаться достойнымъ дѣятелемъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ.

Морякъ долженъ быть всей душой преданъ своему кораблю. Въ трудную минуту капитанъ судна покидаетъ его послѣднимъ. Въ моментъ крушенія или пожара первое, что составляетъ прямой долгъ капитана,—спасеніе дѣтей и женщинъ, затѣмъ онъ обязанъ принять мѣры для спасенія пассажировъ и экипажа и только тогда можетъ подумать о самомъ себѣ. Въ такихъ случаяхъ одно лишь сознание исполненнаго долга, внѣ всякихъ расчетовъ на похвалы и рукоплесканіе чужихъ, должно быть лучшей наградой честнаго моряка. Неизбѣжны въ жизни на морѣ опасности постоянно даютъ моряку возможность выказать благороднѣйшія свойства человеческой души. Когда на карту ставится вопросъ о спасеніи массы человеческихъ жизней, честь заставляетъ сдѣлать все возможное для этого спасенія. Вполнѣ сознавая грозящую опасность, мужественный человѣкъ бодро идетъ ей навстрѣчу и спокойно готовъ встрѣтить смерть лицомъ къ лицу.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ добросовѣтнаго исполненія долга командиромъ, до послѣдней минуты не покинувшимъ судна, является поступокъ капитана Ріу. Плававшая однажды въ океанѣ, ввѣренное ему судно «Guardian» неожиданно налетѣло въ туманѣ на дедяную гору и разбилось: крушеніе было близко. Днемъ и ночью команда выкачивала помпами воду; всѣ грузы—пушки, ядра и провизію—выбросили за бортъ; несмотря на всѣ мѣры, послѣ сорока часовъ труда, раздалось приказаніе подать шлюпки. Слуга капитана спросилъ, на какой онъ поѣдетъ самъ. «Ни на какой,—отвѣчалъ Ріу,—я остаюсь на кораблѣ, спасу его, если смогу, или погибну съ нимъ.

Отпуская шлюпку, гдѣ размѣстилась часть экипажа, Риу написалъ въ адмиралтейство о подробностяхъ несчастія, хваля усердіе матросовъ и офицеровъ, и въ заключеніе сказалъ:—«Прощаюсь со всѣми, потому что нельзя думать, чтобы я могъ остаться въ живыхъ!» Шлюпки ушли и Риу остался на кораблѣ съ остаткомъ экипажа. Лодки большей частью погибли, но корабль спасся. Благодаря распоряженіямъ опытнаго капитана и удивительной энергіи матросовъ, «Guardian» продержался на водѣ въ продолженіе 8-ми недѣль, пока не набрелъ на голландское китобойное судно, которое отвело его на буксиръ въ Столовую бухту.

Другой удивительный примѣръ глубокаго сознанія долга и справедливости представляетъ поступокъ капитана простого купеческаго судна, Наулеса, который, по словамъ Гладстона, заслуживаетъ болѣе, чѣмъ Наполеонъ, чести стоять на-ряду съ великими героями, потому что его жизнь—чистѣйшій образецъ самоотверженія и справедливости.

Отправившись изъ Лондона въ Гобартъ-Тоунъ съ кораблемъ «Northfleet», на которомъ онъ служилъ капитаномъ, онъ долженъ былъ стать на якорь на довольно большомъ разстояніи отъ Дунгенесса. Въ 11 часовъ ночи, когда все уже успокоилось и стало темно и только на кораблѣ Наулеса зажглись, для предостереженія проходящихъ мимо судовъ, сторожевые огни, — испанскій корабль «Murillo» неожиданно налетѣлъ на «Northfleet». Столкновение было ужасное, у судна Наулеса дно оказалось пробитымъ насквозь. Всѣ пассажиры (это были эмигранты) проснулись отъ страшнаго толчка и бросились въ ужасѣ на палубу. Испанское судно постыдно удалилось на всѣхъ парахъ отъ мѣста крушенія, не постаравшись хоть нѣсколько загладить свою вину и подать помощь погибавшимъ слишкомъ четверемстамъ человекъ.

Капитанъ Наулесъ пустилъ тотчасъ же въ дѣло насосы,

чтобы выкачивать воду и далъ обычные въ подобныхъ случаяхъ сигналы. Между пассажирами царствовалъ страшный переполохъ. Женщины плакали и стонали въ отчаяніи, увидѣвъ, что корабль идетъ ко дну. Капитанъ приказалъ, чтобы на спущенныя имъ лодки сѣли сначала женщины и дѣти. Однако толпа мужчинъ бросилась было безжалостно впередъ, думая только о своемъ спасеніи. Капитанъ Наулесъ съ револьверомъ въ рукѣ остановилъ ихъ, крикнувъ, что убьетъ всякаго, кто осмѣлится спуститься въ лодки. И дѣйствительно Наулесъ выстрѣлилъ въ одного изъ мужчинъ, кинувшагося къ лодкѣ, и ранилъ его въ ногу. Наконецъ женщины и дѣти были размѣщены въ лодкахъ и едва двѣ наполненныя народомъ шлюпки отчалили, какъ корабль быстро началъ опускаться въ шумящія волны и во мгновеніе ока скрылся подъ водою.

Между капитаномъ корабля и его экипажемъ существуетъ едва-ли не большая связь и соотношеніе, чѣмъ между начальствомъ и подчиненными сухопутныхъ войскъ. Живя на одномъ кораблѣ, они ближе знаютъ другъ друга, тѣснѣе связаны между собою и болѣе преданы другъ другу: потому то они и готовы всегда охотно жертвовать собою для спасенія другъ другу жизни. Приведемъ для примѣра не такъ давно происшедшій случай.

Когда британскій военный корабль шелъ въ февралѣ 1880 года изъ Александріи въ Абукирскую гавань, на палубѣ вдругъ раздался крикъ: «человѣкъ за бортомъ!» Сейчас-же были спущены спасательные буи и лодки, машинѣ дали задній ходъ; все это произошло необыкновенно быстро. Между тѣмъ замѣтили, что утопавшій схватился за лотъ, котораго не успѣли убрать, вслѣдствіе чего бѣдняка потащило подъ воду. Грузило онъ выпустилъ изъ рукъ, и его, какъ трупъ, отнесло мгновенно далеко за корму. Капитанъ парохода Фриментль, находившійся на палубѣ, тотчасъ сообразилъ, что каждая минута промедленія можетъ стоить утопающему жизни. Онъ бросился за бортъ какъ былъ,

совершенно одѣтый. Была пора когда онъ, напрягнувъ все свои силы, доплылъ до несчастнаго, который началъ уже погружаться; Фриментлю пришлось уже глубоко нырнуть, чтобы вынести его полумертваго на поверхность. Обремененный тѣломъ этого человѣка, капитанъ Фриментль, совершенно выбившись изъ силъ, уже едва поддерживалъ надъ водою голову потерявшаго сознание матроса. Тогда лейтенантъ Муръ и помощникъ кочегара Кувингемъ бросились за бортъ на помощь спасенному и спасителю; подошли и лодки, которыя взяли всѣхъ четверыхъ и благополучно высадили на палубу судна. Матроса отнесли въ лазаретъ и быстро привели въ чувство.

Не менѣе самоотверженно и мужественно поступили капитанъ корабля «Annabella Clags» Муръ и Джонъ Мэкинтошъ, спасшіе въ ноябрѣ 1870 г. экипажъ горѣвшей французской баржи «Mélanie».

Оба судна стояли рядомъ при впаденіи рѣки Адуръ въ море у Байонны. «Mélanie» была нагружена керосиномъ. Вслѣдствіе какой то несчастной случайности одна изъ бочекъ загорѣлась и скоро пламень охватилъ все судно. Воспламененный керосинъ потекъ въ море и вся «Mélanie» очутилась заключенной въ огненномъ пространствѣ. Часть находившихся на ней людей выбросились за бортъ, остальные остались, равно боясь воды и огня. На «Аннабеллѣ Клеркѣ» услышали взрывъ и увидѣли взвившійся кверху столбъ пламени. Двое сейчасъ же рѣшились ѣхать спасать экипажъ французскаго судна. Первый вскочилъ въ лодку капитанъ Муръ, за нимъ послѣдовалъ корабельный плотникъ Мэкинтошъ, и оба принялись энергично и безстрашно грести по огненному морю по направленію къ «Mélanie». Платье ихъ обгорѣло, ожоги покрыли ихъ руки, но они достигли судна и сняли экипажъ его сравнительно благополучно на свою «Аннабеллу». Такъ свершенъ былъ этотъ вполне безкорыстный, поистинѣ самоотверженный подвигъ, который стоилъ, къ несчастью, одному изъ героев тяжкимъ

увѣчьемъ. Руки корабельнаго плотника Мэкинтоша были настолько сильно обожжены, что онъ лишился возможности работой снискивать себѣ пропитаніе. Искалѣченный онъ былъ привезенъ на свою родину Андросанъ, гдѣ и живетъ до сей поры. Правда, вмѣстѣ съ капитаномъ Муромъ онъ награжденъ былъ за свой поступокъ тремя медалями, но человѣкъ, лишенный возможности заниматься своимъ ремесломъ, не можетъ прожить на медали: слѣдовало бы, по справедливости, обезпечить этого героя чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ.

Нѣчто подобное случилось однажды и въ Америкѣ, но тутъ человѣкъ, пожертвовавшій собою, умеръ во время совершенія своего геройскаго дѣла и такимъ образомъ былъ освобожденъ отъ необходимости жить впослѣдствіи на счетъ общественной благотворительности. Пароходъ, шедшій по озеру Эри, неожиданно загорѣлся на ходу. Рулевой Джонъ Мейнардъ, рѣшившійся во что бы то ни стало направить пароходъ къ берегу для спасенія жизни пассажировъ, стойко оставался на своемъ посту. Огонь, со страшной быстротой распространявшійся по пароходу, и настигъ наконецъ Мейнарда. На немъ обгорѣло все платье и самъ онъ получилъ жестокіе ожоги, несмотря на это онъ продолжалъ по-прежнему вертѣть своимъ колесомъ, пока пароходъ не подошелъ къ берегу. Всѣ пассажиры были спасены, погибъ одинъ лишь рулевой, умершій отъ полученныхъ имъ ожоговъ.

Имѣя на-лицо подобные факты, нельзя не согласиться, что дѣйствующія лица при какомъ-либо крушеніи или морскомъ пожарѣ способны одерживать побѣды, ничѣмъ не уступающія Ватерлооской. Какого глубокаго удивленія и уваженія заслуживаетъ поведеніе 54 пѣхотнаго полка на борту военнаго англійскаго судна «Sagar-Sands», плававшаго въ Атлантическомъ океанѣ. Когда на суднѣ раздался роковой крикъ «огонь!», всѣ мгновенно бросились къ своимъ мѣстамъ. Употребили всѣ усилія, чтобы потушить огонь, но все оказалось напраснымъ. Рѣшили для спасенія кора-

бля очистить товарный складъ въ трюмѣ. Но пока команда работала внизу, лѣвая кормовая часть корабля потерпѣла взрывъ отъ двухъ лопнувшихъ пороховыхъ бочекъ. Огонь перекинулся такимъ образомъ отъ главной такелажной части на корму. По счастью перегородки корабля еще оставались нетронутыми пламенемъ, что значительно облегчало работу матросовъ, заливавшихъ водою объятую пламенемъ часть судна, препятствуя тѣмъ дальнѣйшему распространенію огня. Тѣмъ временемъ приготовили плоты и спустили на воду спасательныя лодки; пока женщинъ и дѣтей размѣщали по лодкамъ, солдаты на палубѣ работали въ такомъ же примѣрномъ порядкѣ, какъ будто бы находились на смотру. Они занялись заливаніемъ пламени, которое все еще угрожало кораблю.

Съ удивительной стойкостью въ продолженіе двухъ сутокъ боролись они, не зная устали, противъ грозной стихіи, пока не покорили ее. Корабль въ концѣ-концовъ превратился въ жалкіе полуобгорѣвшіе обломки. Къ довершенію несчастья на морѣ разыгралась буря, волны грозили смыть храбрецовъ, которые съ изумительной энергіей оставались на своихъ мѣстахъ; они подвели канаты подъ дно корабля, чтобы не дать ему развалиться, заткнули парусами и полотномъ зіяющіе проломы въ кормѣ. Отчаянная неустанная борьба за жизнь продолжалась до тѣхъ поръ, пока море не стихло нѣсколько и не явилась возможность направить паруса по вѣтру. Послѣ 8-мидневнаго плаванія подъ начальствомъ капитана Кестля, полуразрушенный, на-половину обгорѣвшій корабль достигъ наконецъ острова св. Маврикія, не потерявъ ни одного человѣка.

Когда путешественники посѣщаютъ знаменитый Норвичскій соборъ и спрашиваютъ сторожа, что за ветхія и полуистлѣвшія знамена висятъ надъ алтаремъ, — тотъ съ патріотической гордостью заявляетъ: «Это знамена 54-го пѣхотнаго полка, снискавшаго себѣ славу во время пожара «Sarah-Sands». Военные подвиги того же полка на сушѣ

были не менѣе доблестны, но лучшую славу стяжалъ онъ себѣ на морѣ; и да будетъ такъ!»

Несмотря на неисчислимыя опасности, подстерегающія корабль на морѣ — все же скалистые берега и рифы представляютъ для моряка гораздо бѣльшую опасность. Если корабль надежно выстроенъ, въ мѣру нагруженъ и обладаетъ достаточнымъ числомъ людей, — онъ почти также безопасенъ въ открытомъ морѣ, какъ въ надежной гавани, и, только отплывя изъ порта или входя въ него, можетъ подвергнуться опасности. Чтобы указывать въ темныя бурныя ночи вѣрный путь кораблю, вся береговая линія Англій устлана маяками.

Моряки хорошо знакомы съ ихъ спокойными, привѣтливными огнями и умѣютъ различать ихъ по цвѣту и силѣ огня: эти лучи свѣта, указывающіе мореплавателю на мысъ или рифъ, отъ котораго слѣдуетъ ускользнуть, радуютъ его сердце и помогаютъ ему безпрепятственно достигнуть желаннаго берега.

Строеніе маяковъ связано съ величайшими опасностями, которыя только встрѣчаются на морѣ. Первые маяки, поставленные на южномъ берегу Англій, были деревянные, какъ, на примѣръ, маякъ на Смальсѣ и два первые маяка на Эддистонѣ. Смальсѣ — незначительная скала въ Бристольскомъ каналѣ, долгое время причинявшая массу крушеній судамъ, ходившимъ въ Авонъ или Севернъ. Предпріятіе — построить маякъ на этой неприступной скалѣ — отмѣчено безумной смѣлостью. Артель корнуэльскихъ рудокоповъ, предпринявъ постройку, остановилась на сушѣ въ Сольвѣ, миляхъ въ 20-ти отъ скалы. Подойдя къ Смальсу на катерѣ, они принялись прежде всего пробивать отверстія въ камнѣ, куда предполагалось вклепать желѣзныя сваи. Пока рабочіе сверлили скалу длинной остроконечной желѣзной палкой, поднялась буря, разбившая катеръ о камни. Всѣ, кто былъ на скалѣ, ухватились за не совсѣмъ еще укрѣпленную палку и началась отчаянная борьба между чело-

вѣческой отвагой и разъяреннымъ моремъ. Такъ они продержались всю ночь до зари и еще однѣ сутки, пока не унялась буря уже на третій день. Наконецъ они вздохнули свободно и снова принялись за работу: въ камни ввинтили кольца и желѣзныя полосы, за которыя можно было держаться во время вѣтра. Наконецъ на Смальсѣ поставили деревянный домикъ на сваяхъ, который простоялъ тутъ болѣе ста лѣтъ, освѣщая путь морякамъ, пока его не смѣнила крѣпкая каменная башня, приспособленная тутъ повидимому навѣки.

Еще мужественнѣй работали Уинстэнли, Рюдэйердъ и Смитонъ надъ постройкой Эддистонскаго маяка, выстроеннаго почти въ открытомъ морѣ, противъ Плимутскаго замка. Два первые маяка, поставленные тамъ-же, выстояли недолго: одинъ снесла буря, свирѣпствовавшая 26 ноября 1703 г., другой—сгорѣлъ: оба были деревянные. Смитонъ первый составилъ проектъ постройки маяка изъ камня, хотя въ обществѣ и было сильно распространено мнѣнiе, что на Эддистонѣ можетъ выстоять только деревянная постройка.

Смитонъ отплылъ въ море къ скаламъ, гдѣ должна была стоять предполагаемая имъ постройка, но была такая сильная буря, волны такъ яростно бились о скалу, что Смитонъ не могъ высадиться. Только дня три спустя, во время второй своей поѣздки высадился онъ на Эддистонъ, гдѣ нашель однѣ только полосы, оставленныя прежними строителями. Послѣ этого онъ еще три раза пытался взобраться на скалу, но каждый разъ прибой со страшной силой отбрасывалъ его назадъ. На шестой разъ ему удалось причалить къ скалѣ и сдѣлать съемку съ того мѣста, на которомъ предполагалось возвести маякъ. Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ подробности всѣхъ затрудненiй, которыя встрѣтились Смитону, тѣмъ болѣе, что мы уже достаточно говорили о нихъ *).

*) См. Smiles: «Lives of the Engineers».

съ нимъ рабочіе едва не потерпѣли крушенія, возвращаясь въ Плимуть. Судно ихъ шло по направленію къ Фоузэйю, когда разразилась буря: волны носили и бросали его изъ стороны въ сторону, какъ щепку. Утромъ они потеряли изъ вида берегъ, и корабль отнесло къ Бискайской бухтѣ. Но, проплутавъ въ морѣ болѣе четырехъ сутокъ, онъ обогнулъ Лендсъ-Эндъ и наконецъ бросилъ якорь въ плимутской бухтѣ.

Смитонъ все время неукоснительно наблюдалъ за успѣшной постройкой маяка; когда рабочіе отказывались продолжать свое дѣло въ особенно опасныхъ мѣстахъ, онъ самъ становился на ихъ мѣсто, на «почетное» какъ онъ выражался мѣсто. Вывихнувъ себѣ однажды на скалѣ большой палецъ, онъ тутъ-же, изо всей силы дернувъ его, самъ вправилъ кости на мѣсто, послѣ чего онъ спокойно, обратясь къ своимъ людямъ съ торжественной рѣчью, заложилъ самую основу зданія. Работу энергично довели до конца. Смитонъ былъ увѣренъ въ прочности своего зданія: онъ полагалъ, что существованіе маяка обезпечено навѣки, а вовсе не на какую-нибудь сотню лѣтъ. Но, къ несчастью, человѣческія надежды всегда обманчивы! Эддистонскій маякъ правда противостоялъ всевозможнымъ бурямъ въ продолженіе цѣлыхъ 120-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ уже обреченъ въ настоящее время снятію и на его мѣстѣ строится новый. Это не умаляетъ дѣла Смитона, напротивъ: всѣ послѣдующіе маяки въ океанѣ строились по образцу его работы.

Новый Эддистонскій маякъ заложенъ былъ 9 августа 1879 года и имя инженера—наслѣдовавшаго славу Смитона—Дугласъ. Онъ такъ-же прекрасно знаетъ свое дѣло, какъ и его предшественникъ, такъ-же энергиченъ и смѣлъ и такъ-же не разъ подвергался опасности во время постройки своего маяка. Однажды у Бишонъ-Рока его едва не утопилъ прибой. Подобно Смитону, онъ служитъ живымъ примѣромъ для своихъ рабочихъ.

Извѣстный инженеръ Джемсъ Уокеръ, представляя герцогу Уэллингтону старшаго Дугласа, отца строителя Эддингстонскаго маяка, тоже опытнаго и искуснаго инженера, сказалъ:—«Вотъ человѣкъ, давшій столько же сражений, сколько и ваша милость, но не погубившій ни одной жизни».—Желалъ бы я сказать то же самое о себѣ!—отвѣтилъ герцогъ.

И въ самомъ дѣлѣ, полководецъ, одерживающій побѣды въ кровопролитныхъ битвахъ, успѣшно совершающій походы, въ сущности находится въ большей безопасности, чѣмъ строитель маяковъ, который всегда долженъ быть первымъ на работѣ: онъ прежде всѣхъ высаживается на скалу, послѣдній покидаетъ ее. Примѣръ его вселяетъ мужество рабочимъ, которые должны приводить въ исполненіе его проекты и которые, подобно ему, мало-по-малу сживаются съ опасностями, всегда сопровождающими дѣятельность такого рода.

Къ числу самыхъ смѣлыхъ предпріятій новѣйшихъ временъ безспорно слѣдуетъ считать возведеніе Скэрриворскаго маяка, построеннаго назадъ тому 40 лѣтъ. Каменная Скэрриворская гряда, находящаяся противъ Тайрійскаго острова и западныхъ береговъ Шотландіи, расположена въ морѣ на дальнемъ разстояніи отъ берега. У этого риеа произошло немало ужасныхъ кораблекрушеній, послѣ которыхъ къ берегамъ приплывали однѣ лишь щепки отъ разбитыхъ кораблей. Въ концѣ-концовъ Сѣверное общество моряковъ рѣшило построить маякъ на Скэрриворскомъ риеѣ и мистеру Алэну Стевенсону поручено было сдѣлать предварительный осмотръ мѣстности, что онъ и выполнилъ къ концу 1835 года. Года черезъ три послѣ этого было приступлено къ работамъ: вывели уже пирамидальный фундаментъ для временнаго барака, когда буря смыла за одну ночь плоды долгихъ трудовъ. На слѣдующій годъ снова принялись за работу: вырублено было углубленіе въ 42 фута глубины, предназначавшееся

для фундамента. Къ 1840-му году построили баракъ, куда и переселились инженеръ и его рабочіе.

«Въ теченіе перваго мѣсяца намъ приходилось много терпѣть отъ заливавшей наши комнаты воды. Однажды мы на цѣлые полмѣсяца были совершенно отрѣзаны отъ берега; пароходы тоже не могли подойти къ намъ и за все это время мы видѣли, насколько охватывалъ глазъ, одну лишь бѣлую, цѣнистую и колыхающуюся целену, и слышали только ревъ волнъ и вѣтра, которые нерѣдко совершенно заглушали наши собственные голоса. Этотъ видъ, вмѣстѣ съ развалинами перваго барака, угрожающими передъ нами на разстояніи какихъ-нибудь двадцати ярдовъ, казалось нарочно было создано, чтобъ навѣвать на насъ самое безнадежное уныніе. Помню, я пережилъ однажды тяжкія минуты безсознательнаго страха, проснувшись ночью отъ ужаснаго рева разъяреннаго моря, волны котораго, неистово бросаясь о нашъ баракъ, оторвали мою койку отъ стѣны. Пронзительный крикъ отчаянія и ужаса раздался въ то-же время изъ верхняго этажа помѣщенія рабочихъ, большинство которыхъ, разбуженные шумомъ и качкой, въ страхѣ спрыгнули съ коекъ на полъ, увѣренные, что весь нашъ домъ снесетъ бурей въ море».

Наконецъ тяжелыя каменныя глыбы втащены были на скалу и установлены на опредѣленныхъ мѣстахъ. Послѣ шестилѣтней тяжелой и опасной работы маякъ былъ оконченъ и 1 февраля 1844 года впервые вспыхнули на немъ спасительные для плавающихъ у западныхъ береговъ Шотландіи огни.

Какъ ни спасительны, однако, маяки, мореплавателю нуждается и въ иного рода помощи, подплывая къ берегу во время бури. Свѣтлый огонь маяка указываетъ ему вѣрный путь, но онъ не можетъ ввести моряка въ гавань. По картѣ кораблекрушеній, наново издаваемой каждый годъ, ясно, что большая часть кораблекрушеній приходится на долю восточнаго берега, а именно на тотъ путь, кото-

рымъ слѣдуютъ изъ Нью-Кэстля въ Лондонъ нагруженныя углемъ барки. Слѣды крушеній ясенѣ всего видны вдоль сѣверо-восточнаго берега Англiи, въ особенности въ мѣстностяхъ, лежащихъ по сосѣдству съ устьемъ рѣки Тейнъ. Вотъ почему, вѣроятно, первая спасательная лодка изобрѣтена была уроженцемъ мѣстечка Сузъ-Шильдъс, расположеннаго въ тѣхъ краяхъ: Генри Гритгидъ первый изобрѣлъ лодку, которая управлялась сама собою и не шла ко дну. Близъ берега противъ Фернскихъ острововъ тоже сплошь да рядомъ происходили кораблекрушенія, вслѣдствіе чего всѣми уважаемый докторъ Шерпъ заказалъ мистеру Локину передѣлать въ непогружаемую рыбацкую лодку, которая въ тотъ же годъ спасла немало жизней.

Въ 1789 году при впаденіи Тейнъ въ море потерпѣло ужасное крушеніе нью-кестльское судно «Adventure». Пока судно, прибывшій къ берегу, около селенія Гердъ-Сендъ стояло у входа въ устье среди страшныхъ буруновъ, люди одинъ за другимъ падали въ воду съ его снастей, и съ берега, находившагося всего только въ двухъ стахъ ядрахъ отъ него, все это было видно, но ни одинъ изъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей не могъ придти на помощь погибавшимъ. Никакая обыкновенная лодка или баркасъ не могли-бы держаться невредимо среди kloкочущаго моря. Подъ впечатлѣніемъ этого несчастнаго случая составилъ комитетъ, назначившій премію за лучшую модель такой спасательной лодки, которая могла-бы держаться на водѣ во время самой разъяренной бури. Комитетъ одобрилъ два проекта: Уильяма Вудгева и Генри Гритгида, которому и была присуждена премія за удобный киль его лодки. Однако для большей легкости и упругости лодки при постройкѣ пошла въ дѣло пробка изъ модели Вудгева. Такимъ образомъ и Вудгевъ имѣлъ полное право объявить притязаніе на свою долю награды. На надгробномъ памятникѣ Вудгева, который сначала былъ живописцемъ, а потомъ служилъ клеркомъ въ церкви

св. Гильды, поставлена модель его спасательной лодки и вырѣзана надпись, изъ которой видно, что онъ былъ изобрѣтателемъ спасательной шлюпки, оказавъ тѣмъ безцѣнное благодѣяніе всему міру.

Спасательная шлюпка Гриттида съ пробкой по модели Вудгева спасла около двухсотъ человѣкъ во время крушенія одного корабля при впаденіи Тейна въ море. Затѣмъ въ Англіи стало изготовляться много такихъ шлюпокъ.

Общество для спасенія погибающихъ на морѣ изъ частнаго превратилось въ національное учрежденіе. Съ помощью употребленія прибора капитана Менби общество спасаетъ ежегодно жизнь нѣсколькимъ сотнямъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе: въ распоряженіи общества находятся болѣе трехсотъ лодокъ, на которыхъ до 25-ти тысячъ энергичнаго и храбраго экипажа. Въ продолженіе своего существованія общества спасло отъ крушенія болѣе 27-ми тысячъ человѣкъ. Какъ должны благодарить его жены и дѣти спасенныхъ!

Невозможно даже просто перечислить всѣ подвиги самоотверженія и храбрости, совершенные этими моряками. Среди судовъ національнаго общества есть одно «Van-Sook», подаренное обществу покойнымъ художникомъ Кукомъ. Съ 1865 г. оно находится въ Дилѣ и успѣло спасти около 200 погибавшихъ и помогло во время крушенія семи судамъ. Въ ту минуту, когда старикъ художникъ находился при смерти, экипажъ его судна совершилъ одинъ изъ своихъ самыхъ славныхъ подвиговъ. Въ воскресенье 28 декабря 1879 года съ Сузь-Сендскаго пловучаго малка на Гудвинской мели въ семи миляхъ отъ Дилы прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій, что въ морѣ гибнетъ корабль; съ юго-запада налетѣлъ жестокой вѣтеръ и даже въ сравнительно безопасномъ мѣстѣ — Даунсъ, корабли спустили по два якоря. Колоколь призывалъ людей на спасательную лодку, и они отважно ринулись на призывъ въ числѣ 14-ти человѣкъ со шкиперомъ Робертомъ Уильд-

сомъ во главѣ. Однимъ толчкомъ столкнули они шлюпку въ разгнѣванное море. Громкія, восторженные рукоплесканія проводили ихъ въ опасный путь.

На Гудвиновскихъ пескахъ бились корабли о мели. Люди съ одного изъ нихъ, размѣстившись по шлюпкамъ, ушли въ Маргетъ, предоставляя кораблю разбиваться въ щепки.

Вторая шкуна, насколько можно предположить, датская, очевидно пошла ко дну вмѣстѣ съ людьми и грузомъ.

Третье, нѣмецкое судно, «Леда», шло изъ Нью-Йорка въ Бременъ, нагруженное керосиномъ. Спасательная лодка, приблизившись къ Гудвинской мели, открыла, что корабль запертъ бурунами въ самой опасной части мели, что его гротъ-мачта и бизань-мачта сорваны и экипажъ его судорожно тѣснился на навѣтренной его сторонѣ, обдаваемый со всѣхъ сторонъ сплошными массами воды. «Van Cook» направилось въ навѣтренную сторону отъ погибавшаго судна и, становясь на якорь, повернулось къ нему черезъ фордевиндъ, принявъ самое опасное положеніе. Если-бъ якорный канатъ лопнулъ, весь экипажъ спасательной лодки при первомъ толчкѣ ея о бортъ корабля попадалъ бы въ море. Но рѣшивъ, что долгъ повелѣваетъ принять всѣ находящіеся въ распоряженіи человѣка мѣры спасенія несчастныхъ, экипажъ «Van Cook»'а, съ присутимъ англосаксонской расѣ хладнокровіемъ, приложилъ всѣ свои усилія, чтобы подойти къ кораблю на такое разстояніе, съ котораго можно было бросить погибавшимъ спасательные канаты. Несмотря на то, что похожія на гору волны, качая и бросая судно изъ стороны въ сторону, съ шумомъ разбивались вокругъ, подъ нимъ и надъ нимъ, такъ что по временамъ вода заливала лодку выше скамеекъ, на которыхъ сидѣли гребцы, шкиперъ съ приближеніемъ каждой новой волны бодро кричалъ: «Берегись, ребята!» Матросы хватались за скамьи и, высоко поднимая ихъ надъ головою отбивались ими отъ наступающихъ волнъ. Одна изъ нихъ

ударил лодку о корабль: ударъ былъ настолько силенъ, что лодка пробила брешь въ передней части корабля, и для общей безопасности спасательная шлюпка на нѣкоторое время удалилась отъ корабля.

Въ концѣ-концовъ спасательная шлюпка все-же настолько приблизилась къ кораблю, что экипажу ея удалось перекинуть за бортъ «Леды» спасательные концы, по которымъ всѣ находившіеся на германскомъ суднѣ по-одиночкѣ или по двое перебрались на лодку.

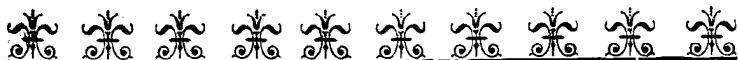
Когда послѣдній изъ нихъ благополучно перебрался на шлюпку, доблестный шкиперъ командовалъ: «Снимайся съ якоря, рѣжь канатъ», и спасательная лодка отплыла къ берегу съ 34-мя спасенными. Одинъ изъ нихъ уже два раза обязанъ былъ своимъ спасеніемъ храброму экипажу Ванъ-Кука и все время подбодрялъ своихъ товарищей разсказами объ этомъ. И такъ лодка съ тяжелымъ грузомъ промокшихъ до нитки, но признательныхъ нѣмцевъ благополучно достигла берега, гдѣ ее восторженно встрѣтила собравшаяся, несмотря на непогоду, большая толпа народа. Эдуардъ Кукъ дожидъ еще до счастья услышать о блестящемъ успѣхѣ своего судна. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, но его благодѣтельное предпріятіе живо и можетъ служить примѣромъ для другихъ.

У англійскихъ береговъ ежегодно сотни разъ совершаются подобныя доблестныя дѣла командами различныхъ спасательныхъ лодокъ. Однажды спасательная лодка въ Фразербургѣ отправилась въ ужасную непогоду подавать помощь экипажу шкуны «Августа», разбившейся о скалу съ наветренной стороны порта. Экипажъ спасли, но судно погибло, кромѣ того всѣ усилія гребцовъ оказались тщетными, чтобы вести лодку противъ вѣтра въ устье гавани. Спущенный въ воду якорь не зацѣпился за дно. Шлюпка ударилась о скалу, и волны хлынули черезъ нее. Тогда шкиперъ рѣшилъ перерубить канаты, рассчитывая, что волны сами прибьютъ къ скалѣ подвижное и легкое судно

и люди получаютъ возможность спастись. Такимъ образомъ спасательная шлюпка, хотя и порядочно разбитая, высадила на скалу весь экипажъ шкуны.

Припомнимъ въ заключеніе еще одинъ трогательный примѣръ самопожертвованія. Однажды въ Большомъ Ярмутѣ въ одинъ изъ бурныхъ мартовскихъ воскресныхъ вечеровъ, когда набожное населеніе возвращалось отъ все-нощной, на Гробисендской мели раздался роковой пушечный выстрѣлъ. Корабль налетѣлъ на мель, и вода уже заливала его. Пока экипажъ спасательной лодки ожидалъ удобной минуты, чтобы пуститься въ море, на берегъ прибѣжалъ молодой морякъ и быстро занялъ на шлюпкѣ мѣсто своего старшаго брата, промолвивъ: «Нѣтъ, Джекъ, довольно. Ты уже три раза ходилъ за меня, потому что я женился. Пора и честь знать. Сегодня очередь за мной». Едва лодка вышла въ море, какъ прибой опрокинулъ ее. Трое изъ находившихся на ней утонули, въ томъ числѣ и только что женившійся молодой матросъ. Тотчасъ-же спустили другую лодку, но уже было поздно. Корабль совершенно разбился и экипажъ его смыло въ море.

ГЛАВА VIII.

СОЛДАТЪ.

Ибо и я подвластный человекъ, но, имея у себя въ подчиненіи воиновъ, говорю одному: «погоди»—и идетъ, и другому: «спринди»—и приходитъ; я слуга моему: «сдѣлай то»—и дѣлаетъ.

Евангеліе отъ Матвея гл. VIII, 9.

Когда проливается человеческая кровь, то пусть кто свернется во имя Бога, родины, человечества, семьи и друзей: въ остальныхъ случаяхъ это должно считаться тщеславіемъ или преступленіемъ.

Буржа.

Я явился сюда, чтобы исполнить свой долгъ, и считаю величайшимъ для себя удовлетвореніемъ служить своей родинѣ.

Веллингтонъ.

Жизнь солдата, болѣе чѣмъ чья-либо иная, является добросовѣстнымъ исполненіемъ его долга. Онъ воспитывается въ постоянномъ повиновеніи дисциплинѣ и долженъ быть каждую минуту готовъ явиться на призывѣ. Опасности не должны смущать его. Онъ обязанъ безпрекословно исполнять приказанія высшихъ, хотя бы его посылали на вѣрную смерть подъ выстрѣлами враговъ.

Мужество, присутствіе духа, послушаніе и чувство долга — вотъ качества, характеризующія всякаго честнаго человѣка, а солдата въ особенности. Безграничное повиновеніе начальству и вѣра въ него—вотъ что должно стоять на первомъ планѣ для хорошо дисциплинированного солдата. Удивительно, что можетъ сдѣлать солдатская дисциплина изъ самаго грубаго и неразвитаго человѣка. Люди, которые при другихъ условіяхъ погрузились

бы въ лѣнливое бездѣйствіе или позорный разгуль, воспитанные въ строгихъ рамкахъ военной службы, будящей всю ихъ энергію и дающей ей правильное направленіе, — превращаются въ самыхъ полезныхъ и честныхъ общественныхъ дѣятелей.

Побѣждаетъ-ли, или проигрываетъ войско битву — солдатъ долженъ одинаково неуклонно оставаться на своемъ посту. Онъ долженъ быть вѣчно на-сторожѣ: минута рассѣянности со стороны часового можетъ стоить гибели всей арміи, которую онъ охраняетъ отъ неожиданнаго нападенія. Онъ не долженъ думать о себѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о безопасности и благополучіи его отечества. Вотъ почему энергія, точность и расторопность вмѣняются въ обязанность солдату. «Будьте готовы!» таковъ былъ главный принципъ лорда Лауренса. Мужество и храбрость войскъ Генриха IV французскаго всегда въ достаточной мѣрѣ замѣняли ему самыя многочисленныя арміи. Съ 5-тью тысячами солдатъ онъ успѣшно боролся съ герцогомъ Майнскимъ, у котораго была 25-тысячная армія, и выигралъ битву при Аркѣ, въ 1589 г., несмотря на численное неравенство военныхъ силъ. Эту побѣду можно въ значительной мѣрѣ объяснить разницей въ характерахъ этихъ двухъ предводителей. Герцогъ Майеннь отличался апатіей и безпечностью, тогда какъ Генрихъ славился своей неутомимой энергіей. Шла молва, что на сонъ и отдыхъ у него уходило меньше времени, чѣмъ герцогу требовалось проводить за столомъ; постельнаго бѣлья онъ, вообще, изнашивалъ гораздо меньше, чѣмъ сапогъ, которыхъ у него выходило множество. Кто-то съ большой похвалой отзывался однажды въ присутствіи Генриха о храбрости и искусствѣ Майення. «Онъ великій полководецъ, не спорю, только я всегда бываю часовъ на пять впереди его!» И въ самомъ дѣлѣ, Генрихъ вставалъ обыкновенно въ 4 часа, а Майеннь едва лишь въ десять.

Исключительной любовью своихъ солдатъ пользовался

маршалъ Тюрень, которому Франція и обязана большей частью своихъ побѣдоносныхъ дѣлъ въ XVII столѣтіи. Онъ раздѣлялъ со своими солдатами всѣ труды и опасности, за что они и относились къ нему съ самымъ глубокимъ довѣріемъ. Въ 1672 году онъ отправился во главѣ своей арміи въ Германію противъ курфюрста Бранденбургскаго. Стояла зима и переходы по снѣжнымъ ухабамъ и тропамъ отличались страшнымъ неудобствомъ, до-нельзя утомляя солдатъ.

Однажды, когда полки должны были пробираться по топкой болотной равнинѣ, нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ принялись было роптать, но болѣе опытные остановили ихъ: «Положитесь на Тюреня, — сказали они, — онъ больше озабоченъ этимъ, чѣмъ мы сами, и въ эту минуту навѣрное придумываетъ средства облегчить намъ путь. Онъ бодрствуетъ, когда мы спимъ, и неустанно заботится о насъ: это отецъ нашъ и не повелъ бы насъ такой скверной дорогой, если-бы не ради какой-нибудь особенно важной цѣли, которой мы можемъ-быть еще и не понимаемъ». Эти слова случайно услышалъ самъ маршалъ и нерѣдко говорилъ впоследствии, что ничто въ жизни не доставляло ему такого удовольствія, какъ этотъ разговоръ между солдатами. Тюрень всегда отличался необыкновенной проницательностью въ военномъ дѣлѣ и хорошо умѣлъ опредѣлять степень искусства и талантливости того неприятельскаго полководца, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Во время французскихъ войнъ фронды, поставленный во главѣ королевскихъ войскъ, онъ имѣлъ противъ себя Кондэ. Во время одного дѣла, когда по арміи разнесся слухъ, что Кондэ отсутствуетъ, Тюрень по способу веденія атаки понялъ, что это невѣрно. «Кондэ здѣсь, — воскликнулъ онъ, — узнаю его мастерскую руку, направляющую войска!»

Скромность — добродѣтель, которой рѣдко отличаются великіе полководцы и военные гени: тѣмъ отраднѣе встрѣчаться съ ней въ этой средѣ. Такъ послѣ франко-прусской

войны одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ описалъ графа Мальтге цѣлой массой одъ, въ которыхъ утверждалъ, что Ганнибаль, Александръ Македонскій, Наполеонъ и Мальборо ничтожны и жалки въ сравненіи съ знаменитымъ доблестнымъ главою прусскаго военнаго штаба. Молтке на восторженное посланіе поэта отвѣтилъ скромнымъ письмомъ, въ которомъ старался отклонить обращенныя къ нему похвалы. «Истинно великіе люди лучше всего узнаются въ несчастіи,—сказалъ онъ.—Безъ сомнѣнія мы имѣли успѣхъ, все равно, судьба-ли это, случай, счастье, или Божественный промыселъ, — нельзя приписывать его однимъ лишь людскимъ стараніямъ». Великія побѣды увѣчиваютъ обыкновенно стеченіе такихъ обстоятельствъ, какія мы не можемъ ни создать, ни подчинить себѣ. Очень хорошій, но очень несчастный человѣкъ, папа Адрианъ, приказалъ написать на своемъ могильномъ камнѣ: «Различны итоги дѣятельности даже самыхъ лучшихъ людей въ зависимости отъ времени, въ которое они живутъ! Не разъ наиболѣе талантливые вслѣдствіе непреодолимой власти случайности терпѣли пораженія тамъ, гдѣ другой, менѣе одаренный, находилъ дорогу къ успѣху и славѣ».

Прежде всего солдату необходимо запастись мужествомъ, достаточнымъ для самопожертвованія. Осенью 1760 года Людовикъ XV выслалъ войска противъ Германіи. 25-тысячный отрядъ, направленный маркизомъ де-Кастри по дорогѣ къ Рейнбергу, занялъ надежную позицію при Клостеркампѣ. Въ ночь на 15 октября молодой офицеръ шеваляе д'Асси производилъ рекогносцировку, во время которой, удалившись отъ своего отряда, углубился въ лѣсъ, гдѣ его неожиданно окружилъ довольно многочисленный непріятельскій отрядъ. Штыки враговъ коснулись его груди и одинъ изъ непріятельскихъ солдатъ шепнулъ ему: «Малѣйшій шумъ и ты умрешь!» Шеваляе д'Асси сейчасъ же сообразилъ, что непріатели подвигались съ цѣлю сдѣлать нападеніе на французскій лагерь; вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ хорошо понялъ и свое положеніе и, не колеблясь, закричалъ: «Овернье сюда! врагъ здѣсь». Этотъ возгласъ рѣшилъ его судьбу: онъ умеръ пронзенный неприятельскими штыками, но спасъ армію, — нападеніе не удалось и неприятель отступилъ.

Замѣчено, что во всѣхъ странахъ въ періодъ жестокихъ войнъ особенно процвѣтали мирныя искусства и на литературномъ поприщѣ ярко блистали гениальные писатели. Не всѣ согласны съ этимъ, но въ Греціи, на примѣръ, Сократъ, Эсхиль, Софокль и Ксенофонтъ храбро сражались за отечество, прежде чѣмъ прославить его своими гениальными твореніями. То-же самое явленіе можно замѣтить въ Римѣ: въ эпоху пышнаго расцвѣта его славы и могущества Цезарь, одинъ изъ величайшихъ военныхъ римскихъ геніевъ, является въ то же время и однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей.

Много замѣчательныхъ людей, поэтовъ, писателей и научныхъ дѣятелей были въ молодости солдатами, храбро сражаясь на морѣ и сушѣ. Весьма вѣроятно, что повиновеніе, дисциплина и военная выправка — главнѣйшій элементъ солдатской жизни, — въ сильной мѣрѣ служатъ образованію характера и развитію силы генія.

Данте въ битвѣ при Кампальдино храбро сражался въ передовыхъ рядахъ гвельфской конницы, что и было въ послѣдствіи одной изъ причинъ его изгнанія изъ Флоренціи. Петръ Пустынникъ, предводитель перваго крестоваго похода, тоже служилъ въ юности солдатомъ въ рядахъ арміи графа Булонскаго во время войны послѣдняго съ Фландрією. Послѣ смерти своей жены онъ удалился въ монастырь, а затѣмъ повелъ отшельнической образъ жизни. Вернувшись изъ своего паломничества къ святымъ мѣстамъ, онъ распространялъ по Европѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи паломниковъ и тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ они подвергаются. Пламенной своей проповѣдью онъ вдохновилъ болѣе ста тысячъ людей: это и были первые крестоносцы.

Почти всѣ они погибли въ первомъ походѣ, тѣмъ не менѣе за нимъ послѣдовали многіе другіе.

Изъ числа англійскихъ поэтовъ, бывшихъ на военной службѣ, назовемъ Чоусера, который участвовалъ въ походѣ Эдуарда III противъ Франціи въ 1379 году. Бенъ Джонсонъ служилъ солдатомъ въ Нидерландахъ, гдѣ служилъ также Филиппъ Сидней, обезсмертившій себя великодушнымъ предсмертнымъ поступкомъ *). Альджернонъ Сидней командовалъ коннымъ отрядомъ во время ирландскаго мятежа. Ричардъ Стиль, извѣстный въ свое время комическій писатель, началъ свою службу въ качествѣ солдата лейбъ-гвардіи и вскорѣ былъ произведенъ за свои заслуги въ прапорщики. Онъ очень отличился при осадѣ Намюра и Ванлоо.

Кольриджъ тоже былъ нѣкоторое время рядовымъ драгунскаго полка, но капитанъ его полка усердно содѣйствовалъ его увольненію отъ службы, давъ ему возможность вернуться къ своимъ студенческимъ занятіямъ. Кольриджъ сравнивалъ иногда свою жизнь съ жизнью Стиля: оба они носили въ продолженіе недолгаго времени солдатскій мундиръ и ставили слово «рядовой» рядомъ со своимъ именемъ, «но была между нами и разница, — говорилъ онъ: — я былъ такой неловкій ѣздохъ, что вѣрно моя лошадь считала меня увальнемъ и невѣждой». Членъ королевской академіи художествъ, знаменитый пейзажистъ, Ли служилъ офицеромъ въ 56-омъ пѣхотномъ полку, а Мурчисонъ былъ драгунскимъ капитаномъ, прежде чѣмъ прославился въ качествѣ одного изъ гениальнѣйшихъ геологовъ.

*) Серъ Филиппъ Сидней смертельно раненый лежалъ на Зутфенскомъ полѣ битвы. Изнемогая отъ жажды, вслѣдствіи потери крови, онъ попросилъ пить. Въ ту минуту, когда онъ уже подносилъ ко рту поданную ему бутылку, онъ увидѣлъ раненаго солдата, который, когда его пронесли на носилкахъ мимо Сиднея, съ жадностью посмотрѣлъ на напитокъ. Филиппъ Сидней отнялъ флагу ото рта и, подавая ее раненому, сказалъ: — «Цей: ты больше моего нуждаешься въ этомъ».

Въ эпоху особенно яркаго расцвѣта испанской литературы, всѣ великіе поэты и писатели этой страны отличались въ то же время храбрыми подвигами на военномъ поприщѣ и не одинъ изъ нихъ прославился, какъ смѣлый искатель приключеній, снискавъ себѣ почести и славу.

Лопе де-Вега принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціи Непобѣдимой Армады и, вернувшись въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ на родину, принялся за сочиненіе своихъ драмъ и комедій, а позднѣе превратился въ одного изъ фамильяровъ, а затѣмъ и священниковъ инквизиціи. Великій Сервантесъ не разъ въ качествѣ солдата принималъ участіе въ разныхъ сраженіяхъ на сушѣ и на морѣ, Онъ отличился въ битвѣ при Лепанто, гдѣ получилъ три серьезныя раны, лишившія его возможности продолжать военную службу. Но «копье никогда не притупляетъ пера» — говаривалъ онъ и доказалъ это самымъ блестящимъ образомъ, создавъ своего безсмертнаго донъ-Кихота.

Кальдеронъ, великій испанскій драматургъ, по окончаніи Саламанкскаго университета, служилъ солдатомъ въ Миланѣ и Нидерландахъ. Возвратясь на родину, онъ сдѣлался сначала драматическимъ писателемъ, а впослѣдствіи священникомъ.

Есть нѣкоторое сходство между судьбою Сервантеса — гордостью Испаніи, и Камоэнса — величайшаго таланта Португаліи: оба были военные и писатели. Сервантесъ потерялъ въ сраженіяхъ лѣвую руку, а Камоэнсъ — правый глазъ. Оба стяжали себѣ славу лишь много лѣтъ спустя, послѣ своей смерти. Мадридъ, Эскивиасъ, Севилья и Люцень давно уже спорятъ о чести называться родиной Сервантеса. Это не помѣшало ему въ свое время умереть въ страшной нищетѣ, и мѣсто, гдѣ находилась его могила, давно забыто и заброшено и нѣтъ возможности воздаты теперь должныя почести, хотя бы его праху.

Когда португальцы праздновали трехсотлѣтній юбилей Камоэнса, одного изъ величайшихъ міровыхъ гениевъ, — весь

Лиссабонъ разукрасился флагами и пестрыми коврами, и улицы его покрылись торжественными процессіями. А между тѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ этотъ самый Камоэнсъ умиралъ отъ голода, не зная чѣмъ укрыть свое измученное тѣло. Исторія его жизни полна странныхъ случайностей и удивительныхъ приключеній. Онъ родился въ Лиссабонѣ, и окончивъ университетъ, поступилъ въ армію, гдѣ выказалъ себя съ самой хорошей стороны. Въ одномъ изъ сраженій онъ потерялъ глазъ. Едва успѣвъ вернуться въ Лиссабонъ, онъ снова отправился въ Индію и за время медленнаго скучнаго плаванія написалъ свою безсмертную «Лузіаду», воспѣвающую въ 10 пѣсняхъ подвиги Васко де-Гама и главнѣйшіе моменты португальской исторіи. Изъ Индіи онъ ѣздилъ въ Макао и Китай. На обратномъ пути его корабль потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Миконгъ: онъ бросился въ воду и плылъ, гребя одной рукой, а въ другой держа надъ головой рукопись своей поэмы. Все его имущество погибло. Черезъ два года послѣ своего возвращенія на родину его «Лузіада» была напечатана и встрѣтила восторженный приемъ въ публикѣ. Король Себастьянъ пожаловалъ поэту въ награду незначительную пенсію въ размѣрѣ пяти англійскихъ фунтовъ стерлинговъ. Но здоровье Камоэнса въ конецъ разстроилось: скудная его пенсія выдавалась ему очень неаккуратно, вѣрнѣе, совсѣмъ не выдавалась; видно было, что при дворѣ забыли и думать о немъ. Великій поэтъ поддерживалъ милостыней свое жалкое существованіе. Вѣрный его слуга и единственный другъ тайно выходилъ по ночамъ на улицу и собиралъ Христа ради на кусокъ хлѣба. Въ 1850 году Камоэнсъ умеръ въ больницѣ, откуда тѣло его перенесли въ церковь святой Анны, въ которой и предали землѣ.

Монахъ Іосифъ Іудисъ написалъ на обложкѣ своего экземпляра «Лузіады» «Грустно и стыдно за человѣка мысли о томъ, какъ плохо былъ вознагражденъ такой великій гений. Я присутствовалъ при его кончинѣ: онъ умеръ, не

оставивъ ни копѣйки: не на что было даже купить ему савана; между тѣмъ какъ храбро сражался онъ въ Индіи! Онъ проплылъ за всю свою жизнь слишкомъ 16 тысячъ географическихъ миль. Судьба его да послужитъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто бесполезно теряетъ силы за научными занятіями, подобно пауку, который прядетъ свою паутину, лишь для того чтобы ловить мухъ».

Игнатій Лойола, жизнь котораго имѣла такое великое вліяніе на исторію человѣчества, что дѣятельность всѣхъ вышеупомянутыхъ писателей, взятыхъ вмѣстѣ, блѣднѣетъ передъ нею, также служилъ въ рядахъ испанскаго войска и даже былъ весьма жизнерадостнымъ военнымъ. При осадѣ Пампелуны, онъ былъ опасно раненъ въ ногу и, надолго прикованный къ постели, прочелъ за время своей болѣзни исторію жизни Христа и святыхъ, и душа его совершенно переродилась подъ вліяніемъ этого чтенія. Выздоровѣвъ, онъ посвятилъ себя, по старому рыцарскому обычаю, на служеніе св. Дѣвы въ Монферратскомъ монастырѣ, раздавъ предварительно бѣднымъ все свое имущество. Впослѣдствіи онъ явился основателемъ іезуитскаго ордена, того воинствующаго монашества, которое, несмотря на всѣ свои недостатки, строго блюдетъ обѣтъ отреченія отъ роскоши, праздности и лѣни.

Къ числу замѣчательныхъ французскихъ солдатъ принадлежитъ знаменитый философъ Рене Декартъ. Онъ родился въ Туреннѣ въ 1596 г. и получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи въ Ля-Флешъ, гдѣ и подружился съ ученымъ монахомъ Марсеной, подъ вліяніемъ котораго посвятилъ себя занятіямъ философіей и математикой. 21-го года онъ, въ качествѣ дворянина, вступилъ въ военную службу съ намѣреніемъ хорошенько изучить человѣческую жизнь. Сначала онъ служилъ добровольцемъ во французской арміи въ Голландіи, а затѣмъ перешелъ въ ряды войскъ герцога баварскаго. Въ 1620 году онъ принималъ участіе въ битвѣ при Прагѣ у Бѣлой горы, гдѣ онъ осо-

бенно отличился; все время однако онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій философіей и математикой. Во время остановки полка его въ Бредъ, Декартъ увидѣлъ однажды на улицѣ толпу людей, читавшихъ какое-то объявленіе. Такъ какъ Декартъ не понималъ по-фламандски, то принялся разспрашивать сосѣдей о ея содержаніи; ему рассказали, что это было предложеніе рѣшить трудную математическую задачу. Господинъ, говорившій съ нимъ, оказался директоромъ коллегіи въ Дортъ и былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что молодой солдатъ очень интересуется математикой. Декартъ пообѣщаль ему прислать на слѣдующій день рѣшеніе задачи, что и исполнилъ.

Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду Декартъ задался смѣлой мыслью произвести полнѣйшій переворотъ въ тогдашней философской системѣ и, подавъ въ отставку, отправился путешествовать по Голландіи, Франціи, Италіи и Швейцаріи. По возвращеніи онъ окончательно рѣшилъ посвятить себя философскимъ и математическимъ изслѣдованіямъ и по возможности обновить всю современную ему философскую систему. Онъ продалъ часть своего наслѣдственнаго имѣнія во Франціи и переехалъ въ Голландію, гдѣ съ большою осторожностью обнародовалъ свои мнѣнія, хорошо зная, что церковь склонна считать ересью всякое новшество въ области знаній. Многія изъ своихъ сочиненій онъ выпускалъ даже безъ своей подписи, а важнѣйшіе его труды обнародованы были только послѣ его смерти, заставшей его въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ по настоятельному приглашенію шведской королевы Христіны провелъ послѣдніе годы жизни.

И кромѣ Декарта, многіе другіе французскіе военные прославились впослѣдствіи также на поприщѣ научной дѣятельности. Извѣстный математикъ, Мапертюнъ, былъ драгунскимъ капитаномъ, оптикъ Малюсъ состоялъ при арміи въ качествѣ военнаго инженера, химикъ Ніепсъ, производившій изслѣдованія надъ химическимъ дѣйствіемъ свѣта, что

привело въ послѣдствіи къ изобрѣтенію фотографіи—былъ драгунскимъ лейтенантомъ и т. п.; въ арміи служилъ натуралистъ Ламаркъ, воздвигшій себѣ безсмертный памятникъ своей исторіей безпозвоночныхъ животныхъ.

Война сопровождается очень часто всевозможными жестокостями. Среди необузданнаго разгула, наступающаго обыкновенно послѣ побѣдоносныхъ завоеваній, цѣлые города не разъ безжалостно предавались огню и мечу; жизнь мирныхъ жителей безразсудно приносилась въ жертву, пустыли цѣлыя страны. Въ средніе вѣка, когда войны отличались еще большей жестокостью, чѣмъ теперь, возникло рыцарство, подъ вліяніемъ котораго ужасы войны нѣсколько смягчились. Дѣти знатныхъ родовъ съ самаго нѣжнаго возраста подготавливались къ своему будущему призванію, приучались къ послушанію и рыцарскому обращенію. Пажи умѣли уже хорошо управлять конемъ и владѣть копьемъ и, состоя при благородныхъ дамахъ, приобрѣтали подъ ихъ вліяніемъ умѣнье скромно вести себя, изящество манеръ и разговоровъ. Торжественный обрядъ посвященія въ рыцари, котораго удостоивался пажъ изъ знатной семьи, достигнувшій совершеннолѣтія, былъ тѣсно связанъ съ религіей. Подготавливаясь къ принесенію своихъ рыцарскихъ обѣтовъ, юноша соблюдалъ строгій постъ, проводилъ ночь за молитвой въ храмѣ, исповѣдывался и приобщался св. Тайнъ, послѣ чего вновь посвящаемый давалъ клятву защищать угнетенныхъ и слабыхъ, уважать женщинъ и оставаться вѣрнымъ до конца Богу и своему господину.

Самымъ блестящимъ представителемъ рыцарскихъ доблестей считался въ средніе вѣка Баярдъ, имя котораго въ исторіи навсегда увѣковѣчена эпитетомъ—рыцаря «безъ страха и упрека». Онъ явился на свѣтъ въ 1476 году въ старинномъ родовомъ замкѣ Баярдовъ, близъ Гренобля, воспитанъ былъ своимъ дядей Гренобльскимъ епископомъ и съ самаго юнаго возраста получилъ воспитаніе въ ры-

царскомъ духѣ. Главнѣйшіе подвиги Баярда относятся къ эпохѣ французскихъ походовъ въ Италію: при Миланѣ, при Падуѣ и Брешии. При осадѣ Брешии Баярдъ, находившійся во главѣ передового отряда, былъ тяжело раненъ въ бедро.

«Городъ взять,—сказалъ онъ,—но я не войду въ него: я раненъ смертельно». Получивъ, вмѣстѣ съ вѣстями о взятіи передовыхъ укрѣпленій, извѣстіе о смертельной ранѣ Баярда, герцогъ Немуръ воскликнулъ въ глубокой скорби: «Впередъ, друзья, отомстимъ за смерть лучшаго рыцаря, какой когда-либо жилъ на свѣтѣ!» Брешия была взята послѣ того, какъ Немуръ выслалъ оттуда венеціанцевъ.

Въ то время, какъ французскіе солдаты грабили городъ, Баярдъ перенесенъ былъ на деревянныхъ носилкахъ въ ближайшій домъ, владѣлецъ котораго бѣжалъ, оставивъ на милость завоевателей свою жену и двухъ дочерей-красавицъ. Хозяйка дома сама отворила дверь и не безъ боязни встрѣтила Баярда. Несмотря на свое тяжелое состояніе, рыцарь, собравшись съ послѣдними силами, приказалъ прекратить грабежъ, а хозяйкамъ далъ слово вернуть все, чего онѣ лишились.

Баярда положили въ лучшей комнатѣ дома. Владѣлица его бросилась на колѣни передъ рыцаремъ и сказала: «Благородный господинъ, охотно отдаю въ ваше распоряженіе и свой домъ, и все, что въ немъ находится. Умоляю васъ объ одной только милости: пощадите мою честь и жизнь, а также честь и жизнь моихъ двухъ дочерей». Баярдъ, который съ трудомъ могъ говорить, промолвилъ: «Не знаю, оправлюсь-ли я когда-нибудь, но пока я живъ, будьте увѣрены, что ни вы, ни ваши дочери не подвергнутся никакому оскорбленію: я беру васъ подъ свою рыцарскую защиту. Но, ради Бога, подайте мнѣ скорѣе помощь и призовите врача».

Благородная дама сама отправилась въ сопровожденіи солдата за врачомъ, который, прибывъ, осмотрѣлъ рану и

объявилъ, что она къ счастью не смертельна. Герцогъ де-Немуръ прислалъ въ свою очередь къ больному собственнаго лейбъ-медика, такъ что, благодаря превосходному уходу и лѣченію, Баярдъ сталъ быстро выздоравливать. Однажды рыцарь спросилъ хозяйку дома, получаетъ-ли она какія-нибудь извѣстія о своемъ мужѣ? «Я не знаю даже—живъ онъ, или умеръ,—отвѣчала она со слезами,—предполагаю, что онъ скрывается въ какомъ-нибудь ближнемъ монастырѣ». Баярдъ приказалъ навести справки и, когда мѣсто убѣжища хозяина дома было открыто, послалъ двухъ солдатъ и управляющаго домомъ къ бѣглецу, поручивъ имъ передать несчастному, что онъ можетъ безъ всякихъ опасеній вернуться домой.

Когда врачи увѣрили рыцаря, что рана его совершенно закрылась и онъ можетъ теперь съ помощью слуги самъ залѣчить прописанной ему мазью наружный шрамъ, Баярдъ, съ обычной своей щедростью одаривъ ихъ, рѣшилъ, не медля ни минуты, вернуться на свой постъ. Хозяева дома рѣшили вознаградить Баярда за оказанное имъ со стороны рыцаря великодушное покровительство и, собравъ всѣ, какія только могли, деньги, рѣшили поднести ихъ ему въ желѣзной шкатулкѣ замѣчательно изящной работы.

«Благородный господинъ, — сказала хозяйка дома Баярду, — всю жизнь я не перестану благодарить Господа за то, что во время всеобщаго грабежа и разрушенія Онъ привелъ въ мой домъ великодушнаго рыцаря, защитившаго насъ! Мужъ и дѣти будутъ вѣчно считать себя обязанными вамъ, какъ своему ангелу-хранителю, благодаря которому всѣ мы сохранили въ неприкосновенности честь свою и жизнь. Мы ваши плѣнники, домъ и все, что въ немъ находится принадлежитъ вамъ по праву, но вы выказали по отношенію къ намъ столько великодушія, что я молю васъ и теперъ сжалиться надъ нами и удовольствоваться тѣмъ ничтожнымъ даромъ, который имѣю честь поднести вамъ».

Она открыла шкатулку и показала рыцарю ея содержаніе. «Сколько у васъ денегъ?»—спросилъ Баярдъ. «Здѣсь 2,500 дукатовъ, но если вы находите, что этого недостаточно—скажите, сколько вы желаете получить, и я употреблю всё усилія, чтобы вполнѣ удовлетворить васъ». Баярдъ возразилъ: «Если бы вы принесли мнѣ не 2,500, а цѣлыхъ 100 тысячъ дукатовъ, то и они въ моихъ глазахъ не могли бы сравниться цѣнностью съ той добротой и лаской, какую я встрѣтилъ здѣсь за время своей болѣзни, и съ милымъ обществомъ, какое я здѣсь нашелъ въ средѣ вашей семьи».

Дама бросилась передъ нимъ на колѣни и со слезами стала умолять его принять ея скромный даръ. «Я сочту себя несчастнѣйшей женщиной въ мірѣ, если вы отвергнете его»,—сказала она. «Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ Баярдъ,—я принимаю вашъ подарокъ; но прошу васъ послать мнѣ вашихъ дочерей, съ которыми я желалъ бы проститься». Когда явились молодыя дѣвушки и принялись горячо и сердечно благодарить его за покровительство, тронутый до слезъ рыцарь выразилъ имъ въ свою очередь всю свою признательность за ихъ заботливое отношеніе къ нему и пріятные часы, которые провелъ въ ихъ обществѣ во время томительнаго бездѣйствія, прикованный къ постели своей тяжелой болѣзью.

«Охотно оставилъ бы я вамъ на память какую-нибудь бездѣлушку, прелестныя мои сидѣлки, — сказалъ онъ,—къ несчастію, солдаты не имѣютъ обыкновенія носить драгоценности въ своихъ походныхъ ранцахъ. Но вотъ только-что ваша мать принудила меня взять эти 2,500 дукатовъ: прошу васъ, возьмите себѣ каждая по тысячѣ, а остальные 500 раздѣлимъ между самыми бѣдными изъ вашихъ монастырей, наиболѣе пострадавшими отъ грабежа нашихъ солдатъ».

Преисполненная невыразимой благодарностью вся семья проводила рыцаря, наградивъ его самыми лучшими поже-

ланиями, а самъ онъ унесъ въ душѣ отрадное сознаніе исполненнаго имъ долга, вмѣннаго въ обязанность каждому рыцарю-христіанину.

Въ то же почти время папа Юлій предложилъ Баярду принять главное начальство надъ римскими войсками. Баярдъ отвѣтилъ: «У меня есть одинъ лишь повелитель въ небѣ: Царь царей, одинъ властитель на землѣ: король Францискъ I, и никогда не буду служить инымъ господамъ».

Баярдъ продолжалъ свои подвиги. Въ 1524 году, во время одной изъ атакъ на испанцевъ, поставленный, — какъ говорилъ потомъ Францискъ, — адмираломъ Бонниветомъ, можетъ быть изъ зависти, на опасную позицію Баярдъ былъ смертельно раненъ въ поясницу мушкетнымъ выстрѣломъ. «О, Боже, я убитъ!» — воскликнулъ онъ, и набожно приложился къ кресту на рукояти своего меча.

Товарищи хотѣли вынести его съ поля битвы, но онъ не позволилъ имъ этого, сказавъ: «Не хочу въ своей послѣдней часъ обернуться спиной къ неприятелю, чего не дѣлалъ при жизни. Положите меня подъ дерево такъ, чтобы я встрѣтилъ его лицомъ къ лицу. Не печальтесь обо мнѣ. Господь меня призываетъ: да будетъ Его воля; Онъ довольно продлилъ мнѣ жизни, осыпая меня милостями, которыхъ я даже не заслужилъ... Теперь оставьте меня: промедливъ еще здѣсь, вы можете попасться въ плѣнъ врагу, что меня крайне опечалитъ. Я умираю, и вы не въ силахъ помѣшать этому».

Явились испанцы во главѣ съ маркизомъ Пескара, который сказалъ умирающему: «Охотно отдалъ бы я половину своей жизни, чтобы взять васъ въ плѣнъ здоровымъ и невредимымъ. Съ тѣхъ поръ какъ я ношу оружіе, я не встрѣчалъ еще подобнаго вамъ рыцаря». Маркизь оказалъ рыцарю всѣ возможные почести, которыя Баярдъ принялъ со скромнымъ достоинствомъ. Но когда къ нему приблизился коннетабль, Бурбонъ, измѣнившій своему королю и отечеству и передавшійся испанцамъ, и сочув-

ственно сказалъ ему: «О, Баярдъ, какъ мнѣ жаль васъ!» рыцарь съ усиленіемъ поднялся и рѣзко отвѣтилъ: «Благодарю, но я не жалѣю себя, потому что умираю честно на службѣ своей отчизнѣ и своему королю. Вы больше достойны сожалѣнія, такъ какъ, нарушивъ свое слово, сражаетесь противъ своего короля и своей страны». Съ этими словами онъ скончался.

Только послѣ смерти этого «послѣдняго рыцаря» Францискъ научился понимать его настоящую цѣну, потому что никто изъ остальныхъ окружавшихъ короля полководцевъ не могъ замѣнить ему усопшаго. «Мы потеряли,— сожалѣлъ нѣсколько поздно король, — великаго человѣка, одно имя котораго наводило страхъ на врага и заставляло его трепетать передъ войсками, у которыхъ былъ такой предводитель». Послѣ битвы при Павіи, проигравъ которую Францискъ воскликнулъ: «Все потеряно, кромѣ чести!» король еще живѣ почувствовалъ свою потерю. «Будь при мнѣ рыцарь Баярдъ, одно его присутствіе имѣло бы больше значенія, чѣмъ распоряженія сотни другихъ командировъ. О, рыцарь Баярдъ, какъ глубоко я чувствую всю горечь твоего отсутствія. Меня здѣсь не было бы, если бы ты былъ живъ!» Напрасныя сожалѣнія, ибо рыцарь былъ мертвъ, а король въ плѣну.

Никто не заслужилъ большаго права на эпитетъ «рыцаря безъ страха и упрека»: мужественный великодушный Баярдъ всегда былъ неизмѣнно безстрашенъ, честенъ и правдивъ. Храбрость его росла вмѣстѣ съ затрудненіями и препятствіями, которыя ему приходилось преодолевать. Онъ презиралъ богатство, которымъ нельзя было воспользоваться для добрыхъ дѣлъ. Самъ же онъ никогда не отказывалъ нуждающемуся ни въ нравственной, ни въ матеріальной поддержкѣ; добрыя свои дѣла онъ дѣлалъ втайнѣ и въ высшей степени деликатно и умно. Шла молва, что онъ снабдилъ приданымъ слишкомъ сто дѣвушекъ-сиротъ, всякая вдова могла явиться къ нему за помощью. Съ особен-

ной сердечностью относился онъ къ своимъ солдатамъ, одному дарилъ свое платье, за другого платилъ долги; щедро расплачивался за постой и за всю провизию, которую забиралъ въ побѣжденныхъ городахъ. Всѣ эти качества снискали ему славу, передъ которой благоговѣютъ всѣ послѣдующія поколѣнія.

Война, которую люди ведутъ во имя спасенія своей родины, всегда считалась достойной уваженія, тогда какъ наступательная слыветъ войной несправедливой, хотя всѣ, ведущіе такія войны, оправдываются тѣмъ, что онѣ служатъ будто-бы распространенію цивилизаци. Между тѣмъ главной ихъ побудительной причиной являются хищническіе инстинкты, и никогда онѣ не могутъ вызвать къ себѣ такого сочувствія, какое вызываетъ безкорыстная любовь къ отечеству, побуждающая человѣка безстрашно и самоотверженно защищать свою страну. Кто не благоговѣлъ передъ патріотами въ родѣ Арнольда Винкельрида и его подвигомъ при Семпахѣ или передъ Вильгельмомъ Теллемъ, Брюсомъ и Гоферомъ при Инспрукѣ. Дѣла ихъ и примѣры имѣли огромное вліяніе на облагороженіе характера ихъ соотечественниковъ. Они явились выразителями идеальнаго исполненія долга.

Настоящій патріотизмъ нисколько не исключаетъ проявленій всеобъемлющей любви ко всему человѣчеству вообще. Для человѣка, постигшаго сладость семейныхъ узъ, пламенѣющаго любовью къ родинѣ, доступнѣй всѣ жаркія стремленія, чѣмъ узкому эгоисту, погрязшему въ апатію ко всему окружающему. Всѣ мы должны бы воспитать въ себѣ сознаніе, что каждый изъ насъ является лишь звеномъ въ цѣпи міровой жизни: какъ бы ни была пламенна любовь къ отчизнѣ—міръ зоветъ насъ и открываетъ широкое доприще для всякой полезной дѣятельности.

Благодарнѣйшее сліяніе лучшихъ и высшихъ проявленій человѣческаго духа: патріотизма, благородства и беззавѣтной храбрости, представляетъ личность Вашингтона,

вождя и освободителя своей отчизны. Это былъ одинъ изъ самыхъ великихъ людей своего времени не только въ силу своего генія, но и благодаря своей справедливости и другимъ высокимъ душевнымъ качествамъ.

Вашингтонъ былъ знатнаго происхожденія: предки его когда-то поселились въ графствѣ Дѣргемъ, откуда эмигрировали въ Америку и около 1657 г. избрали своимъ мѣстожителемъ Виргинію.

Герцогъ Вашингтонъ, родившійся въ 1730 году, уже въ юности отличался большимъ умомъ и способностями, а также неподкупной честностью, вслѣдствіе чего ему скоро начали поручать самыя отвѣтственныя дѣла. Девятнадцати лѣтъ, онъ, въ чинѣ маіора, находился уже на посту товарища губернатора Виргиніи. Проникнутый строгимъ сознаниемъ долга, исполнительный и энергичный, онъ вполне оправдывалъ всеобщее довѣріе. 23-хъ лѣтъ онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ собранныхъ въ Виргиніи войскъ, которыя должны были вмѣстѣ съ англійскими отрядами защищать западную территорію отъ французовъ.

Когда въ 1774 году колоніи возстали противъ своей метрополи, Англии, Вашингтонъ сначала избранъ былъ на постъ командира виргинскихъ отрядовъ, но уже въ 1775 г. онъ получилъ званіе генералиссимуса соединенной сѣвероамериканской арміи, которое принялъ подъ условіемъ, что будетъ служить безвозмездно.

Жизнь Вашингтона была столько разъ описана во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, что намъ нѣтъ здѣсь необходимости пересказывать ее шагъ за шагомъ; ограничимся указаніемъ на его мужество и благородство, на готовность самопожертвованія и чистоту намѣреній, съ какими онъ предпринялъ дѣло освобожденія своей страны, которой и даровалъ въ концѣ-концовъ полнѣйшую независимость. Онъ не терялъ самообладанія въ часы побѣдъ и не падалъ духомъ въ часы пораженій.

Посылая въ декабрѣ 1783 года официальную бумагу губернаторамъ разныхъ штатовъ, онъ окончилъ ее словами: «Постоянно молю Бога, да приметъ Онъ подъ свою святую защиту васъ и ввѣренныя вамъ штаты; да внушитъ Онъ сердцамъ гражданъ стремленіе къ добровольному подчиненію властямъ и братскому отношенію другъ къ другу, а въ особенности къ военнымъ, мужественно сражавшимся за ихъ свободу; да направитъ насъ милосердый Отецъ на путь добра и чести, да вдохновитъ наши сердца духомъ милосердія и справедливости, духомъ смиренія и мира, главнѣйшими качествами божественнаго основанія нашей святой вѣры, недостижимаго идеала, въ котораго однако мы не можемъ найти образца и въ которомъ заключается для насъ источникъ счастья и блага». Какъ прекрасны въ своей простотѣ эти слова Вашингтона.

Говоря о различныхъ выдающихся солдатахъ, нельзя пройти молчаніемъ жизнь герцога Веллингтона, этого англійскаго Баярда, чьимъ первымъ и послѣднимъ житейскимъ принципомъ было слово «долгъ». Въ частной, какъ и въ общественной жизни онъ былъ олицетвореніемъ правды. Главнѣйшимъ его побужденіемъ было служеніе на пользу родины и никогда корыстолюбивые или честолюбивые замыслы не волновали его благородной души.

Съ самаго начала своей службы въ офицерскихъ чинахъ «желѣзный герцогъ», какъ его называли впоследствии, выказалъ себя самымъ совершеннымъ служакой; онъ сумѣлъ превосходно дисциплинировать свой батальонъ, снискавъ въ то-же время довѣріе и уваженіе солдатъ, благодаря своей справедливости и ласковому съ ними обращенію. Онъ въ совершенствѣ умѣлъ повелѣвать, но въ такой же мѣрѣ умѣлъ онъ и повиноваться. По возвращеніи изъ Индіи, гдѣ онъ командовалъ цѣлыми арміями и былъ начальникомъ провинцій, равныхъ по объему многимъ европейскимъ государствамъ, онъ былъ назначенъ командиромъ пѣхотной бригады въ Суссексѣ. Когда его друзья

трунили надъ подобной переменѣй въ его положеніи, онъ отвѣчалъ: «Я ѣлъ хлѣбъ короля: повиноваться его приказаніямъ—мой долгъ».

Нечего и говорить, что онъ отличался исключительной храбростью. Въ затруднительныхъ случаяхъ онъ умѣлъ смѣло смотрѣть въ глаза опасности. Въ сраженіи при Ассайѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади, у Дурро, когда его окружилъ отрядъ французской конницы, онъ прорубилъ себѣ путь мечомъ. При Саламанкѣ онъ былъ контужень въ ребро и пуля прострѣлила ему шляпу. «Я былъ при немъ вечеромъ послѣ битвы подъ Саламанкою и видѣлъ какъ вдохновенно было его лицо, освѣщенное счастьемъ побѣды. Взглядъ его былъ быстръ и проницателенъ, но голосъ звучалъ спокойно и даже нѣжно».

Герцогъ отличался необычайнымъ терпѣніемъ. Въ 1810 году, когда онъ былъ окружень вмѣстѣ со всей арміею войсками маршала Массены при Торресъ-Ведрасѣ, его собственные офицеры возмутились противъ него и безпрестанно требовали отъ него отпуска, стремясь вернуться въ Англію. «Семь генераловъ вернулись по домамъ,—писалъ онъ одному изъ друзей,—за исключеніемъ меня самого и генерала Кэмпбелля здѣсь не осталось ни одного генерала, который умѣлъ-бы обходиться съ солдатами. Велѣдствіе отсутствія многихъ изъ этихъ господъ, мнѣ приходится зачастую исполнять должность генерала-отъ-кавалеріи и въ то же время командовать авангардомъ, т.-е. принять на себя начальство двумя или тремя колоннами сразу».

Въ Англіи пресса обвиняла Веллингтона въ томъ, что онъ медлитъ и не хочетъ дать сраженія. Лордъ-мэръ и лондонская дума обратились къ королю съ просьбой назначить слѣдствіе надъ герцогомъ, роптала палата общинъ, министерство колебалось, а Веллингтонъ все еще спокойно стоялъ въ Торресъ-Ведрасѣ. «Надѣюсь, что народное мнѣніе въ Англіи,—говорилъ онъ относительно обвиненій печати,—не позволитъ сбить себя съ толку газетными статьями».

Вотъ почему я и не обращаю на нихъ никакого вниманія и не хочу возражать что-либо на тѣ безчисленныя клеветы, которыя газеты распространяютъ обо мнѣ и моемъ образѣ дѣйствій».

Наконецъ войска герцога побили французовъ и принудили ихъ отступить, а Веллингтонъ пустился преслѣдовать ихъ. По дорогѣ французы уничтожили значительную часть своей артиллеріи и боевыхъ запасовъ, что было сдѣлано съ цѣлью облегчить отступление. Они грабили и жгли села и убивали мирныхъ жителей безъ всякой вины съ ихъ стороны за одно нерасположеніе къ французскимъ завоевателямъ. Веллингтонъ достигъ армію Массены при Фуентесъ д'Оноро, гдѣ нанесъ ей жестокое пораженіе. Затѣмъ послѣ цѣлаго ряда побѣдъ онъ вступилъ въ Мадридъ. Интересно, что тогда какъ при испанскомъ бригадномъ командирѣ Мирандѣ находилось около сорока трехъ адъютантовъ, Веллингтонъ во время своего торжественнаго вѣзда въ Мадридъ имѣлъ при себѣ всего лишь одного, лорда Фитцрой Соммерсетъ.

Веллингтонъ всегда въ высшей степени челоѡколюбиво относился къ жителямъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ: испанцамъ приходилось больше опасаться собственныхъ солдатъ, чѣмъ англійскихъ. Первые безъ церемоніи тащили у своихъ соотечественниковъ, что могли, послѣднимъ же это было строжайше запрещено, хотя они и терпѣли большую нужду въ деньгахъ и средствахъ передвиженія. Во время преслѣдованія Массены нѣсколько англійскихъ солдатъ взяли немного дровъ изъ лѣса графа Кастелло Мелькора. Веллингтонъ съ рѣдкимъ великодушіемъ заплатилъ за нихъ изъ собственныхъ средствъ.

Несмотря на великодушное обращеніе Веллингтона съ мирными жителями, испанскіе солдаты, въ особенности послѣ сраженія при Талаверѣ, стали относиться къ англичанамъ въ высшей степени непріязненно и, не стѣняясь, высказывали имъ это. Войдя во Францію, испанскія войска

немедленно занялись грабежами и убійствами. Узнавъ объ этомъ Веллингтонъ тотчасъ-же приказалъ отправить ихъ назадъ въ Испанію и безъ ихъ помощи далъ битву при Ортезѣ. «Я не могу поощрять низостей въ родѣ грабежей и разбоя,—сказалъ онъ донъ-Фрейру,—а если вы хотите разрѣшить разбойничать своимъ солдатамъ—дайте имъ другого главнокомандующаго».

Англійское правительство, несмотря на блестящія побѣды Веллингтона, постоянно стѣняло его образъ дѣйствій; особенно неприятно было ему то обстоятельство, что онъ былъ лишенъ возможности награждать людей, отличившихся на полѣ битвы. Тогда какъ французскіе маршалы имѣли власть поощрять своихъ солдатъ и офицеровъ повышеніемъ чина, Веллингтонъ былъ лишенъ этого полномочія, и всѣ повышенія зависѣли отъ штаба, находившагося въ Англии и раздававшего чины и ордена людямъ и не видавшимъ арены войны, въ ущербъ храбрецамъ, отличившимся на Пиринейскомъ полуостровѣ. Такъ подполковникъ Флетчеръ, работавшій надъ траншеями и окопами по линіи укрѣпленій Торресъ-Ведраса и другими земляными укрѣпленіями, получилъ патентъ на чинъ лейтенанта лишь по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ своихъ трудовъ, когда уже былъ убитъ осколкомъ гранаты, разорвавшейся въ Сень-Себастьянскихъ траншеяхъ. Тоже случилось и съ извѣстнымъ храбрецомъ Уатерсомъ, хотя Веллингтонъ въ каждомъ изъ своихъ рапортовъ въ Лондонъ постоянно выставлялъ на видъ въ высшей степени важныя заслуги обоихъ.

Солдаты благоговѣли передъ безпристрастіемъ, правдивостью, справедливостью и безкорыстіемъ герцога. Хотя онъ не могъ, конечно, совершенно не обращать вниманія на проступки солдатъ и нарушеніе ими дисциплины, тѣмъ не менѣе онъ всегда старался по мѣрѣ возможности смятчить для виновнаго заслуженное имъ наказаніе. Когда кто-нибудь изъ офицеровъ обвинялся въ нарушеніи военнаго

устава въ виду непріятеля, герцогъ старался, не доводя дѣло до военнаго суда, способствовать по мѣрѣ силъ, чтобы просьба объ увольненіи, поданная виновнымъ, была принята: «Пусть выходитъ въ чистую отставку, — говорилъ онъ, — это лучше, чѣмъ отдавать его на публичный позоръ».

Съ подчиненными своими Веллингтонъ обращался въ высшей степени вѣжливо. Онъ въ совершенствѣ обладалъ тѣмъ изящнымъ спокойствіемъ и мягкостью манеръ, какія являются отличительной чертой благородства происхожденія или благородства характера. Самыя приказанія онъ никогда не отдавалъ рѣзко или свысока, скорѣе прося или убѣждая, чѣмъ приказывая. Офицерамъ его также вмѣнялось въ обязанность воздерживаться отъ рѣзкости въ разговорахъ съ подчиненными. «Нѣтъ никакой необходимости употреблять подобныя выраженія, — говаривалъ онъ, — они только оскорбляютъ человѣка, но не убѣждаютъ».

Даже въ военное время онъ, по возможности, старался беречь своихъ солдатъ. Непиръ рассказываетъ, какъ горько плакалъ Веллингтонъ, когда послѣ осады Бадахоса получилъ списокъ павшихъ въ эту ужасную ночь людей, число которыхъ доходило до двухъ слишкомъ тысячъ. Когда докторъ Юмъ вошелъ утромъ 18 іюня къ герцогу съ докладомъ о количествѣ убитыхъ и раненыхъ въ битвѣ при Ватерлоо, онъ нашелъ Веллингтона въ постели; герцогъ спалъ полуодѣтый, весь еще покрытый порохомъ и пылью вчерашняго сраженія. Проснувшись, герцогъ приподнялся, готовясь выслушать чтеніе длиннаго списка. Поднявъ случайно во время чтенія голову, Юмъ, взглянувъ на Веллингтона, увидѣлъ, что онъ сидитъ, судорожно сжимая руки, и крупныя слезы катятся по его загорѣлымъ щекамъ, смывая пыль и грязь вчерашней ночи. «Наши потери, — писалъ онъ того-же числа своему другу, маршалу Бересфорду, — настолько угнетаютъ меня, что я не могу радоваться завоеванному нами успѣху. Да избавить меня впредь Господь отъ необходимости давать подобныя сра-

женія: сердце мое надрывается при мысли о томъ, сколькихъ старыхъ друзей и товарищей потерялъ я въ этотъ несчастный день». И только объѣзжая верхомъ поле битвы, онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Я не знаю ничего ужаснѣе побѣды — за исключеніемъ пораженія»; очевидно чувство война взяло въ душѣ его верхъ надъ общечеловѣческимъ чувствомъ христіанской жалости.

Гуманность Веллингтона высказывалась не только по отношенію къ его соотечественникамъ: онъ не разъ защищалъ мирныхъ жителей Испаніи отъ грабежа и буйства ихъ собственныхъ солдатъ, онъ защищалъ даже своихъ враговъ; послѣ битвы при Талаверѣ, англичане вступили въ драку съ испанскими войсками, которыя задумали было бить плѣнныхъ французовъ и издѣваться надъ ними. И Шатобрианъ написалъ по этому поводу: «Мы не въ силахъ отказать герцогу Веллингтону въ своемъ глубокомъ уваженіи къ нему и тронуты до глубины души, при видѣ того, какъ этотъ достойнѣйшій великій человѣкъ, преслѣдуя французовъ во время ихъ отступленія изъ Португаліи, общается по двѣ гинеи за cadaго французскаго плѣннаго, котораго привезутъ къ нему живымъ».

Военная жизнь Веллингтона изобилуетъ проявленіемъ такихъ высокихъ чувствъ: найдя въ числѣ раненыхъ въ Индіи сына одного туземнаго князя, онъ взялъ его къ себѣ, вырастилъ и воспиталъ ребенка; онъ заботился объ излѣченіи генерала Франсески, котораго испанцы бросили умирающимъ въ зачумленной тюрьмѣ; онъ ревностно защищалъ отъ жестокостей солдатъ тѣхъ непріятельскихъ плѣнныхъ, которые попали въ его руки послѣ очищенія Опорто и т. п. Со всѣми своими врагами онъ поступалъ въ высшей степени честно; когда ему предлагали покончить съ индійскимъ княземъ Дундіею Вогъ ударомъ кинжала и тѣмъ положить конецъ войнѣ, онъ съ негодованіемъ отвергъ этотъ недостойный проектъ. Когда въ Испаніи вспыхнулъ мятежъ въ войскахъ маршала Сульта и герцога про-

силы поддержать его—онъ отвѣтилъ энергичнымъ отказомъ. Онъ считалъ недостойнымъ себя и своего дѣла достигнуть съ помощью военнаго бунта той цѣли, которая должна была быть достигнута посредствомъ мужества и военнаго искусства.

Когда Веллингтонъ при Ватерлоо наблюдалъ расположеніе французской арміи, къ нему подъѣхалъ артиллерійскій офицеръ и, указывая на то мѣсто, гдѣ стоялъ Наполеонъ со своимъ штабомъ, сказалъ: «Выстрѣлы моихъ орудій могутъ настичь ихъ и убить нѣкоторыхъ».—Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ герцогъ,—у главнокомандующихъ арміями въ день великой битвы много другихъ работъ: не время и не мѣсто стрѣлять другъ въ друга. Подобный же случай произошелъ и при осмотрѣ маршаломъ Массеной англійскихъ укрѣпленій у Торресъ-Ведраса.

Послѣ паденія имперіи, Веллингтонъ съ негодованіемъ отказался отъ предложенія убійствомъ избавиться отъ Наполеона. «Подобный поступокъ покроетъ насъ позоромъ въ глазахъ потомства,—сказалъ онъ,—насъ обвинятъ въ томъ, что мы недостойны были быть побѣдителями Наполеона». Недурень отвѣтъ, послѣдовавшій со стороны Наполеона на эту благородную заботу о сохраненіи его жизни. Великій императоръ оставилъ въ завѣщаніи 10 тысячъ франковъ тому, кто покусился бы на жизнь Веллингтона.

Въ качествѣ человѣка, который всегда свято держалъ свое слово, Веллингтонъ требовалъ, чтобы и его подчиненные слѣдовали въ этомъ отношеніи его примѣру. Въ 1809 году, онъ писалъ французскому генералу Келлерману: «Если англійскіе офицеры дадутъ слово не дѣлать попытки къ бѣгству, то вы смѣло можете положиться на нихъ. Смѣю васъ увѣрить, что я тотчасъ-же задержу и отошлю обратно перваго, кто измѣнитъ своему слову».

Веллингтонъ заботился о репутаціи своихъ офицеровъ столько-же, сколько о своей собственной и даже больше; въ случаѣ какой-либо неудачи, какъ, на примѣръ, при Бур-

госѣ, онъ принималъ всю вину на себя. Онъ всѣми силами старался отстоять Грема, Гиля и Крауфорда противъ тѣхъ обвиненій, которыми осыпали ихъ въ Англіи. Онъ обладалъ въ достаточной мѣрѣ твердостью и величіемъ духа, чтобы равнодушно относиться ко всякой клеветѣ и несправедливости. Главнѣйшей чертой характера Веллингтона была неизмѣнная вѣрность долгу, которая направляла его дѣла и мысли въ всевозможныхъ случаяхъ жизни. Сколько единства простоты и силы сообщаетъ характеру такое главенствующее, ясно сознанное и систематически проводимое въ жизнь убѣжденіе. Англійская газета «Times» въ некрологѣ, который былъ напечатанъ послѣ того, какъ Веллингтонъ 83-лѣтнимъ старцемъ тихо скончался 14 сентября 1852 года—такъ отзывалась о немъ:

«Возведенный благодарностью всей Европы и ея монарховъ на высшія степени положенія и могущества, онъ оставался во всемъ своемъ величіи только подданнымъ своего государя. Ни одинъ законъ не былъ нарушенъ по его желанію, никакимъ правомъ не пожертвовалъ онъ своему возвышенію. Никто, ни одинъ соотечественникъ, тѣмъ менѣе кто-либо изъ враговъ не можетъ обвинить его въ несправедливости, потому что все его существованіе было подчинено исполненію дѣлъ высшей справедливости и законности». Бриальмонъ, написавшій біографію Веллингтона, кончаетъ ее словами: «Онъ былъ однимъ изъ мудрѣйшихъ и преданнѣйшихъ людей въ числѣ служившихъ когда-либо англійскому престолу и достойно и храбро поддерживалъ его въ качествѣ вѣрноподданнаго».

Приведемъ характерный примѣръ того, какимъ образомъ слагаются мало-по-малу сильныя духомъ и организмомъ народности. Когда Наполеонъ уничтожилъ Пруссію, превративъ ея правительство въ нѣчто совершенно безличное, а государство въ данника Франціи,—идеей освобожденія своей страны вдохновился фонъ-Штейнъ, рѣшившій организовать это освобожденіе съ помощью раскрѣпощенія

народа. Однимъ мѣтнимъ выраженіемъ онъ опредѣлилъ всю суть своего замысла: «Что государство теряетъ во внѣшнемъ величій, то можетъ восполнить внутренней силой». Сила же государства покоится не на одномъ какомъ-либо классѣ, а на цѣломъ народѣ. «Чтобы поднять благосостояніе народа,—говоритъ онъ,—необходимо обезпечить его свободой и собственностью и всѣхъ безъ исключенія поставить подъ покровительство закона. Освободимъ крестьянина, потому что только свободный трудъ способенъ въ достаточной мѣрѣ поддержать народъ. Дадимъ крестьянину въ пользованіе ту землю, которую онъ обрабатываетъ, потому что только независимый владѣлецъ готовъ до послѣдней капли крови поддержать свой домъ и свою семью. Избавимъ городскихъ жителей отъ монополіи и опеки бюрократіи, потому что только свобода въ мастерской и на рынкѣ давала гражданамъ старыхъ нѣмецкихъ городовъ ту смѣлость духа, которая отличала ихъ. Пусть земледѣльческое дворянство проникнется убѣжденіемъ, что законное положеніе аристократіи можетъ упрочиться только съ помощью безкорыстной службы земству и коронѣ и что освобожденіе отъ податей и другія ничѣмъ не оправдываемыя привилегіи только подрываютъ его значеніе. Бюрократія, вмѣсто того чтобъ безразсудно отдаваться ветхой книжной мудрости во имя хорошихъ складовъ и наградъ, должна жить одной жизнью съ народомъ, стараться понять его и приспособиться къ живымъ запросамъ настоящаго».

На этихъ соображеніяхъ построена была вся система реформы Штейна. Крѣпостное право было уничтожено, при чемъ дворяне получили извѣстное вознагражденіе за понесенные ими убытки. Всѣ сословныя различія по отношенію къ закону были уничтожены, вся безъ исключенія прусская молодежь должна была проходить суровую школу военной службы. Не всѣ проекты Штейна были приведены въ исполненіе—такъ, напримѣръ, народное пред-

ставительство, которое онъ намѣревался ввести, было отложено на неопредѣленное время, но крѣпостничество окончательно пало и этимъ было вполнѣ обезпечено будущее благосостояніе Пруссіи. Штейнъ скончался въ 1831 году, оставивъ по себѣ вѣчную память въ народѣ, по праву считающимъ его однимъ изъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей, когда-либо существовавшихъ въ Пруссіи, энергичнымъ и стойкимъ, готовымъ всею жертвовать для блага своей страны: именно въ силу всѣхъ этихъ причинъ навлекъ онъ на себя ненависть Наполеона, лишившаго его правъ и имущества.

Нынѣшнее поколѣніе является свидѣтелемъ возрожденія къ жизни еще одной народности и страны. 40 лѣтъ тому назадъ судьба Италіи казалась весьма еще шаткой; даже наиболѣе восторженнымъ ея поклонникамъ казалось, что вся былая способность къ самоуправленію, составлявшая нѣкогда гордость итальянскихъ республикъ, окончательно исчезла, словно народъ окончательно потерялъ все свои политическіе таланты. Въ эпоху паденія Наполеона, Италія была раздроблена на нѣсколько ничтожныхъ княжествъ, владители которыхъ управляли своимъ народомъ съ помощью желѣзнаго бича. Лишь въ 1848 году Карлъ Альбертъ, король Сардиніи, смѣло выступилъ съ защитой конституціональныхъ формъ правленія и сдѣлалъ попытку освободить верхнюю Италію отъ австрійскаго владычества, чтобы образовать изъ нея соединенное государство.

Въ тотъ памятный годъ революціонная война охватила всю Европу. Баррикады заграждали улицы Парижа и Луи Филиппъ бѣжалъ въ Англію, а вслѣдъ за этимъ во Франціи провозгласили республику. Въ Берлинѣ происходили на улицахъ стычки между военными и чернью, и городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи; возстаніе въ Галиціи вспыхнуло съ такой страшной силой, что было потушено только послѣ цѣлаго ряда варварскихъ убійствъ съ той и съ другой стороны; неаполитанскій король бомбар-

дироваль Мессину, Прага возстала противъ австрійцевъ, папа бѣжалъ въ Гаэту и въ Римѣ была провозглашена республика; въ Миланѣ австрійцы также были изгнаны, Венеція послѣдовала его примѣру и избрала себѣ временное правительство, во главѣ съ Даниломъ Маниномъ.

Миланцы обратились за помощью къ Карлу Альберту, который охотно отозвался на ихъ призывъ, но австрійцы, благодаря превосходству своихъ силъ, разбили его при Наварѣ (1849 г.) и оттѣснили къ Турину. Тогда король отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Когда молодой король принималъ предложенную ему отцомъ корону, онъ воскликнулъ, указавъ остриемъ своего меча на австрійскій лагерь: «Клянусь Богомъ, мы создадимъ объединенную Италию!» Тогда эти слова показались многимъ пустымъ хвастовствомъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они оказались пророчествомъ, которое и сбылось. Фельдмаршалъ Радецкій предложилъ Виктору-Эммануилу отмѣнить конституцію, провозглашенную его отцомъ, и слѣдовать консервативной австрійской политикѣ. Молодой король съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, при чемъ объявилъ, что готовъ лучше отказаться отъ тысячи престоловъ, чѣмъ согласиться на подобныя вещи. «Савойскій домъ знакомъ съ путемъ изгнанія, но не позора»,—сказалъ онъ. Радецкій не могъ не преклониться передъ благородствомъ юнаго короля. «Это храбрый государь: намъ не легко будетъ справляться съ нимъ»,—воскликнулъ онъ.

Королю посчастливилось найти себѣ дѣятельныхъ и даровитыхъ союзниковъ, ревностно поддержавшихъ его въ дѣлѣ объединенія Италиі; самымъ выдающимся изъ нихъ былъ графъ Кавуръ. Чтобы вступить въ союзъ съ западными государствами, король Сардиніи послалъ во время войны съ Россіей въ Крымъ пятнадцатитысячный отрядъ, что казалось было съ его стороны чрезвычайно смѣлымъ поступкомъ. Когда до Кавура дошло извѣстіе, что сардинская пѣхота утопаетъ въ грязи севастопольскихъ тран-

шей, онъ воскликнулъ: «Нужды нѣтъ! изъ этой грязи можетъ подняться объединенная Италія». Онъ былъ правъ. Участіе Сардиніи въ севастопольской войнѣ обезпечило ей прочное положеніе въ средѣ европейскихъ державъ и извѣстную долю въ дѣлежѣ земель на Парижскомъ конгрессѣ. Австрія съ негодованіемъ замѣчала, какъ Сардинія постепенно растетъ и усиливается, и требовала подъ угрозой войны ея разоруженія. Тогда Викторъ-Эммануилъ издалъ слѣдующій манифестъ: «Австрія сосредоточиваетъ войска на нашей границѣ и грозитъ вторженіемъ въ предѣлы нашего отечества, все это только потому, что не деспотизмъ управляетъ у насъ страной, но взаимное сочувствіе между народомъ и правителемъ, потому что стоны и вопли всей Италіи находятъ у насъ сочувственный отзывъ. Австрія осмѣливается требовать, чтобы мы сложили оружіе и отдали себя такимъ образомъ ей въ руки. На оскорбительное требованіе это мы посылаемъ достойный отвѣтъ: я говорю: «къ оружію, друзья!»

Наполеонъ III со времени севастопольской войны становится вѣрнымъ союзникомъ Виктора-Эммануила, и война съ Австріей начинается. Австрійцы тотчасъ же потерпѣли рядъ пораженій при Монтебелло, Палестрѣ, Маджентѣ, Малиніано и Сольферино, и война окончилась Виллафранкскимъ договоромъ, по которому Ломбардія, герцогство Тосканское, Парма, Модена и Болонья были соединены въ одно королевство сѣверной Италіи.

Тогда рѣшено было продолжать дѣло объединенія. Гарибальди, получившій на веденіе войны солидныя суммы отъ Кавура, вторгся въ Сицилію; походъ его былъ необыкновенно удаченъ: послѣ ряда успѣшныхъ сраженій онъ провозгласилъ Виктора-Эммануила владителемъ острова; вскорѣ Гарибальди вѣхалъ въ качествѣ побѣдителя въ Неаполь. Венеція и Римъ примкнули къ національному союзу.

Такимъ образомъ объединенная Италія стала играть

выдающуюся роль въ концертѣ великихъ европейскихъ державъ и подаетъ надежды навсегда упрочить свое положеніе. Мы смотримъ на этотъ фактъ, какъ на одну изъ величайшихъ побѣдъ XIX вѣка. Передъ нами примѣръ народа, приготовлявшагося въ теченіе многихъ вѣковъ борьбы и перемѣнъ завоевать наконецъ свое право на существованіе и потребовать себѣ отдѣльное мѣсто въ міровой жизни въ качествѣ объединеннаго народа.

Перечисляя факты изъ жизни доблестныхъ солдатъ и патриотовъ — мы не должны однако-же забывать ужасовъ войны. Европа должна содержать постоянныя войска. Наука въ послѣднее время занята была изобрѣтеніемъ и изготовленіемъ ужасныхъ орудій войны: стальныхъ, особливо устройства пушекъ, ружей Минье, Мартина-Генри, торпедъ и другихъ военныхъ снарядовъ. Народы недоуверчиво сторожатъ другъ друга и готовы изъ-за всякой мелочи затѣять войну, изъ-за мести, или зависти, или, наконецъ, новыхъ завоеваній.

Послѣдней войной была русско-турецкая на Востокѣ и результатомъ ея были многія пораженія турокъ, при чемъ они были оттѣснены до Константинополя. Окинемъ взглядомъ поле битвы послѣ того, какъ первый восторгъ побѣды нѣсколько улегся. Въ маѣ 1879 года мистеръ Розъ сопровождалъ генерала Скобелева при осмотрѣ Шипкинскаго прохода. «Близъ Шипки,—говоритъ мистеръ Розъ,—генераль Скобелевъ принялся въ сопровожденіи своего штаба осматривать подробности его позиціи. Едва успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ намъ встрѣтился деревянный крестъ въ тѣни четырехъ развѣсистыхъ буковъ. Генераль тотчасъ обнажилъ голову, мы послѣдовали его примѣру, и нѣсколько минутъ прошло въ глубокомъ молчаніи. «Это могила героя,—сказалъ наконецъ генераль,—и крестъ на ней воздвигнуть по моему приказанію, чтобы отмѣтить мѣсто его послѣдняго успокоенія. Это былъ еще полуробеночъ, мальчикъ лѣтъ 15—17, изъ хорошей русской

фамиліи. Во время послѣдней войны, побуждаемый жаждой подвига и справедливостью дѣла, за которое сражалась Россія, онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, и я принялъ его въ свои войска въ качествѣ добровольца. Это было подъ Плевной. Онъ храбро сражался во время приступа и при взятіи крѣпости у Османа Паша. При Шейновѣ во главѣ роты 32-го пѣхотнаго полка, нападавшей на центральный редутъ, увлеченный энтузіазмомъ храбрый мальчикъ, пренебрегая опасностью, оставилъ далеко за собою своихъ солдатъ и, ускользнувъ отъ града пуль, былъ заколотъ штыками при входѣ въ редутъ. Таковъ былъ конецъ короткой жизни этого героя».

«Переправившись черезъ потокъ,—продолжаетъ М. Розъ,—мы вошли въ центральный редутъ на маленькомъ полуостровѣ. Что за зрѣлище! Вокругъ входа въ редутъ разбросаны были сломанныя жестяныя коробки, осколки ядеръ, клочки мундировъ, какъ будто битва происходила всего нѣсколько дней тому назадъ, а не цѣлыхъ полтора года. Но то, что я увидѣлъ внутри редута, поразило меня непередаваемымъ ужасомъ. Здѣсь были наскоро зарыты нѣсколько сотъ человѣкъ, но непогоды размыли рыхлую землю, волки и собаки dokonчили дѣло стихій, и вся земля внутри редута была усѣяна массой человѣческихъ костей; позвонки, кости рукъ и ногъ страннымъ образомъ перемѣшивались съ поблѣвшими подъ солнцемъ черепами. Какъ оскалились эти бездыханныя уста: казалось, они смѣялись надъ нами, презирали насъ, а между тѣмъ такъ еще недавно они были похожи на наши. Я испыталъ все ужасы поѣздки по полю битвы вскорѣ послѣ кроваваго дѣла, когда земля была густо покрыта цѣлымъ слоемъ: конемъ и всадникомъ, другомъ и врагомъ, лежавшими другъ на другѣ,—но и это зрѣлище не сопровождалось такимъ ужасомъ и отвращеніемъ, какой охватилъ меня при видѣ этого редута съ костями шестнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ прекращенія войны, съ ея тревогами и печалами. Генералъ Скобелевъ

глядя на эту грудку костей, промолвилъ: «И это называется слагою». — Да, — отвѣтилъ я, — впрочемъ, вы знаете поговорку: больше славы осушить одну слезу, чѣмъ пролить потоки крови. «Вы правы, — отвѣчалъ онъ, — и все-же я солдатъ душой и тѣломъ!»

ГЛАВА IX.

ГЕРОИЗМЪ ДОБРЫХЪ ДѢЛЪ.

Женская рука—твердая опора.

Французская поговорка.

Кто не умѣетъ страдать—тотъ не побѣдитъ.

Итальянская поговорка.

Никто изъ насъ не живетъ для себя и не умираетъ для себя.

Посланіе ап. Павла къ римлянамъ. XIV, 7.

Ты выйдешь побѣдителемъ съ помощью терпѣнія.

Шотландская поговорка.

Въ древности слово добродѣтель и доблесть обозначали одно и то-же понятіе. Слово *virtus* означало у римлянъ добродѣтель, силу, энергію, воинственное мужество—словомъ всѣ качества, облагораживающія и украшающія человѣка, сливались въ одномъ этомъ наименованіи.

Героическое мужество, ареной проявленія котораго является поле битвы—не единственное и не самое высокое. Есть лучшее, благороднѣйшее внутреннее мужество, которое проявляется въ честности, самоотреченіи, самопожертвованіи, въ смѣломъ стремленіи дѣлать то, что мы считаемъ справедливымъ, несмотря на всѣ людскіе толки и клеветы. Среди грохота пушекъ, дыма, выстрѣловъ ружей и стука штыковъ невѣдомая сила влечетъ человѣка противъ воли къ подвигу и натиску; мужество его подогрѣвается окружающею обстановкой и онъ, забывая все въ

минуту порыва, готовъ безъ колебанія жертвовать своей жизнью для блага родины. Честь и слава храбрымъ!

Но и женщина, на долю которой выпадаетъ почти исключительное умѣнье терпѣть и прощать, способна не менѣе мужчины на подвиги мужества и выносливости. Она умѣетъ выносить безъ жалобъ не только физическія страданія, но и самыя горькія заботы, самыя острыя печали умѣетъ она скрывать подъ нѣжной и кроткой улыбкой. Жена, ухаживая за больнымъ мужемъ, или мать за сыномъ, или невѣста за любимымъ человекомъ, не знаетъ утомленія; исполненная одной лишь трогательной любовью и безконечнымъ терпѣніемъ, она умѣетъ быть всегда веселой и бодрой, поддерживая мужество больного, хотя бы ея сердце и обливалось кровью при одной мысли о возможности потерять дорогого человека. Этого нравственнаго мужества часто недостаетъ мужчинамъ, который охотнѣе влагаетъ свою силу въ дѣла, чѣмъ въ чувства. Въ мірѣ найдется немало храбрецовъ, которые ведутъ непрерывную, упорную борьбу за существованіе, стремясь добыть себѣ какое-либо, болѣе или менѣе обезпеченное, положеніе; и вѣчно побѣждаемые нуждой, вновь и вновь отброшены назадъ, вѣчно находятся въ самомъ отчаянномъ положеніи и все-таки упорно идутъ на приступъ.

Подобнаго героя не окружаютъ никакіе примѣры храбрости и отваги, подобно тому, какъ это бываетъ съ солдатомъ, воодушевляемымъ обстановкой битвы. Его житейское поприще является лишь ареной страданія и самопожертвованія, но никакъ не ареной борьбы и побѣды. Знамена не развѣваются надъ его головою, его не увѣнчиваетъ слава, никакіе кресты и звѣзды не украшаютъ его груди, и если онъ падетъ на пути исполненія суроваго долга — гробъ его не украсятъ никакіе лавры, прахъ его безъ всякой пышности переносится на мѣсто послѣдняго успокоенія, и только безмолвныя слезы льются надъ его могилой.

Человѣкъ живетъ на свѣтѣ вовсе не исключительно для погони за славой и успѣхомъ, но для гораздо высшихъ и болѣе благородныхъ стремленій, какихъ не можетъ удовлетворить его земное существованіе. «Богъ отпустилъ человѣку короткій срокъ земного существованія,—говоритъ Іеремія Тэйлоръ.—Тѣмъ не менѣ этой земной юдолюю обуславливается вѣчное блаженство будущей его жизни. Мы никогда не должны забывать, что передъ нами безчисленное множество враговъ, которыхъ мы должны побѣдить, что на своемъ пути мы встрѣтимъ много опасностей, которыя должны быть устранены, много затрудненій, которыя мы должны преодолѣть, много, въ особенности много возможности сдѣлать добрыя дѣла, которыя и должны быть совершены».

Самопожертвованіе—главная основа христіанской жизни. Благороднѣйшія личности—мужчины и женщины, никогда не были эгоистами; они посвящали ближнимъ всю свою жизнь, не заботясь ни о личной выгоды, ни о славѣ. Лучшей наградой было для нихъ сознаніе исполненнаго долга. «Поступай съ другими такъ, какъ бы ты хотѣлъ, чтобы люди поступали съ тобою»,—вотъ заповѣдь, полная самой глубокой житейской мудрости. А между тѣмъ какъ трудно привести ее въ исполненіе.

Въ жизни ничего не проходитъ безслѣдно: ни одинъ изъ нашихъ житейскихъ опытовъ не бываетъ бесполезнымъ: каждый насъ научитъ чему-либо, хотя часто мы и не хотимъ или не можемъ этого понять. Несчастье является лучшимъ пробнымъ камнемъ человѣческаго совершенства. Извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ поэтовъ сказалъ: «Кто не орошалъ слезами своего хлѣба и не проводилъ въ слезахъ безсонныхъ ночей—тотъ не знаетъ васъ, небесныя силы!» Если въ минуты испытанія мы устоимъ и не измѣнимъ своему долгу,—наша собственная твердость просвѣтляетъ нашу душу и наполняетъ ее довольствомъ, облегчающимъ намъ дальнѣйшіе наши шаги на пути долга и помо-

гающимъ преодолевать слѣдующія за первыми препятствія.

Возможность дѣлать добро легко представляется каждому, кто хоть нѣсколько проникнуть стремленіемъ его дѣлать. Настоящее искреннее желаніе быть полезнымъ своему ближнему всегда находитъ дорогу къ сердцу человѣка. Всѣ препятствія уступаютъ терпѣнію и неизмѣнной твердости духа. Сколько мужчинъ и женщинъ безмолвно подвизаются на поприщѣ христіанской любви, не заботясь о людскихъ похвалахъ: посѣщаютъ бѣдныхъ, ухаживаютъ за больными, нерѣдко рискуютъ собственной жизнью, подвергая себя постоянной опасности заразиться. Сколько найдется людей, которые такимъ образомъ встрѣтили смерть, во время безкорыстнаго служенія человѣчеству. Жертва, принесенная ими—священна, а смерть должна считаться едва-ли не болѣе достойной славы, чѣмъ геройская смерть въ разгарѣ битвы.

Эпименидъ, критскій поэтъ, считавшійся особеннымъ любимцемъ боговъ, призванъ былъ въ 596 году въ Аѣины, чтобы умолить боговъ о прекращеніи чумы. Чума дѣйствительно прекратилась послѣ принесенныхъ имъ жертвъ и молитвъ. Аѣиняне хотѣли осыпать его наградами, но онъ ничего не взялъ для себя, принявъ только добровольныя приношенія спасенныхъ въ пользу бѣдныхъ жителей Гносса, его обычнаго мѣстопробыванія.

Въ древности, какъ и въ Средніе вѣка, когда медицинское искусство стояло еще на самой низкой ступени развитія—чума была страшно опустошительной болѣзнью и появленіе ея вызывало ужасъ и отчаяніе. Всякій могъ покидать городъ, гдѣ она свирѣпствовала, люди избѣгали другъ друга, а зараженныхъ нерѣдко оставляли умирать безъ всякой помощи. Но и тогда встрѣчались уже благородныя, возвышенныя сердца, готовые пожертвовать собою для прекращенія заразы. Около 300 лѣтъ тому назадъ чума разразилась въ Миланѣ. Архіепископъ кардиналъ

Карло Борромео находился въ то время въ Лоди; при первой вѣсти о чумѣ, онъ пожелалъ вернуться въ Миланъ. Духовенство принялось уговаривать его подождать, пока эпидемія ослабнетъ. «Епископъ, который обязанъ полагать душу свою за своихъ духовныхъ дѣтей, не долженъ покидать ихъ въ минуту опасности»,— отвѣчалъ онъ. Чума свирѣпствовала въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, и все время кардиналъ не переставалъ посѣщать больныхъ въ госпиталяхъ и на дому, ухаживать за ними, давать имъ лѣкарство и пріобщать безнадежныхъ. Примѣру его послѣдовало и подчиненное ему духовенство съ такимъ-же самоотверженіемъ. И не раньше чѣмъ умеръ послѣдній неизлѣчимый больной и вылѣчился послѣдній изъ подававшихъ надежды на выздоровленіе—добрый пастырь вернулся къ своимъ обычнымъ обязанностямъ.

Кардиналъ Борромео оставилъ по себѣ хорошую память еще и въ другомъ отношеніи: одинъ изъ первыхъ основалъ онъ воскресныя школы для бѣдныхъ дѣтей. «Суббота создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы». Руководствуясь этимъ принципомъ, кардиналъ собиралъ къ себѣ въ миланскій соборъ по воскресеньямъ дѣтей итальянской улицы и училъ ихъ читать и писать. Священники помогали ему, и своеобразная школа скоро пріобрѣла себѣ громкую извѣстность и продолжаетъ существовать понынѣ. Авторъ этой книги самъ видѣлъ, какъ дѣти миланской бѣдности собирались съ грифельными досками и книжками въ миланскій соборъ на урокъ воскресной школы.

Всѣ свои доходы кардиналъ Борромео отдавалъ на учрежденіе школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій и прилагалъ всѣ старанія, чтобъ хотя нѣсколько послужить дѣлу исправленія нравовъ. Онъ началъ съ того сословія, къ которому самъ принадлежалъ, и старался ввести всевозможныя благотворныя реформы въ среду духовенства и монашества въ особенности; своими просвѣтельными и реформаторскими стремленіями онъ возбудилъ

противъ себя особенную ненависть монаховъ ордена Умилитатовъ, которые были живымъ соблазномъ для другихъ, вслѣдствіе своей распущенности: они обвиняли кардинала въ свою очередь въ соблазнѣ, называя его осквернителемъ субботы и духовнаго сана за то, что онъ училъ дѣтей грамотѣ въ праздничные дни, его школу считали вреднымъ новшествомъ. Въ концѣ-концовъ Умилитаты, желая совершенно устранить неудобную для нихъ личность, наняли убійцу, который долженъ былъ поразить кардинала въ самой церкви у алтаря во время богослуженія. При первыхъ звукахъ псалма «Да не тревожится сердце ваше», убійца послалъ въ кардинала мѣткій выстрѣлъ изъ ружья. Пуля ударила въ спину, но отскочила отъ шелковой расшитой одежды кардинала и покатила по полу. Мужественный и безстрашный кардиналъ продолжалъ тѣмъ временемъ свою безмолвную молитву среди внезапно наступившаго всеобщаго смятенія.

Но вернемся къ чумѣ со всеми ея страшными послѣдствіями. Нерѣдко эпидемія, словно ужасный вихрь, пронеслась по всей Европѣ, не минуя и Англии, гдѣ въ былые времена народъ питался гораздо хуже, чѣмъ теперь, и не имѣлъ никакого понятія о спасительной чистотѣ и гигиенѣ. Пренебреженіе этой послѣдней приводило къ самымъ плачевнымъ результатамъ въ особенности въ Лондонѣ, гдѣ улицы были узки и до послѣдней степени заражены и грязны и лишены притока свободнаго воздуха, а вода издавна отличалась своими дурными качествами. Въ послѣдній разъ чума появилась въ Лондонѣ въ 1665 году и унесла болѣе 1,000 жертвъ въ то время, какъ народонаселеніе Лондона не достигало по количеству и шестой доли теперешняго. Изъ Лондона эпидемія распространилась до Юрка и всюду произвела ужасное опустошеніе. Многіе покидали все и бѣжали отъ нея, но было немало и благородныхъ личностей, самоотверженно послужившихъ ближнимъ въ эту годину несчастья. Самымъ выдающимся изъ

такихъ людей является, вѣдъ всякаго сомнѣнія, іоркскій епископъ Мортонъ: благодаря его стараніямъ для бѣдныхъ больныхъ выстроена была чумная больница, гдѣ несчастныхъ окружали самымъ заботливымъ уходомъ. Чрезвычайно трудно было найти достаточное количество людей на этотъ опасный постъ, но такъ какъ епископъ постоянно присутствовалъ въ больницѣ самъ, нашлись и еще великодушные люди, вызвавшіеся помочь ему. Епископъ заботился обо всемъ: самъ ѣздилъ верхомъ на свою ферму за городъ, откуда, въ случаѣ нужды, доставлялъ въ больницу цѣлыя мѣшки разной провизіи. Для того чтобы не занести заразы на ферму, гдѣ было много служащихъ, онъ не только самъ сѣдлалъ и рассѣдывалъ свою лошадь, но приказалъ пробить отдѣльную дверь, черезъ которую входилъ и уходилъ, чтобы не подвергать опасности жившихъ на фермѣ близкимъ соприкосновеніемъ съ ними. Такимъ образомъ чума ограничилась Іоркомъ и не распространилась по его окрестностямъ.

Въ Лондонѣ Сейденгемъ и большая часть врачей бѣжали при первомъ приближеніи чумы, остались лишь немногіе самоотверженные люди, въ числѣ которыхъ почетное мѣсто принадлежить доктору Годжесу, не прекращавшему свои визиты къ больнымъ за все время эпидеміи и приложившему всѣ старанія, чтобы облегчить ихъ мученія. Дѣятельность эта, сопряженная съ постоянной опасностью, не принесла ему лично никакой выгоды. Напротивъ онъ пожертвовалъ на борьбу съ чумой все свое имущество и здоровье, и денежныя его дѣла пришли вслѣдствіе этого въ такое разстройство, что онъ пошелъ за долги въ лондонскую тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1688 г. Онъ оставилъ лучшее описаніе послѣдней чумы въ Лондонѣ: оно было написано по латыни и лишь впоследствии переведено на англійскій языкъ.

Вслѣдствіе того, что зараза быстро распространялась не столько отъ личнаго прикосновенія съ больными, сколько

отъ употребленія зачумленныхъ вещей — чума занесена была въ такія отдаленныя мѣстности, гдѣ никогда не былъ ни одинъ изъ лондонскихъ жителей: это такъ-называемая «похоронная чума». Такъ въ одной изъ отдаленныхъ деревень Дербишейра мѣстный поргной получилъ изъ Лондона ящикъ съ носильнымъ платьемъ. Раскрывая и просушивая вещи, онъ вдругъ заболѣлъ и три дня спустя умеръ отъ чумы, а зараза стала быстро распространяться. Жители деревни, всего около трехсотъ пятидесяти человекъ, намѣревались было уйти, но приходскій священникъ Уильямъ Момпессонъ удержалъ ихъ, объяснивъ народу, что, разойдясь изъ зачумленной мѣстности по здоровымъ, они могутъ разнести эпидемію по всему краю. Священникъ со своей стороны остался вмѣстѣ со своей паствой, отославъ къ роднымъ только своихъ дѣтей; болѣзненная жена его, несмотря на его просьбы удалиться отъ опасности, осталась вмѣстѣ съ нимъ. Момпессонъ рѣшилъ совершенно изолировать зачумленную деревню отъ окрестныхъ мѣстечекъ и графъ Девоншейрскій помогъ ему въ этомъ, снабдивъ деревню всевозможными необходимыми вещами, лѣкарствами и съѣстными припасами. Желая избѣжать опаснаго скучиванія народа въ церкви, Момпессонъ совершалъ богослуженіе подъ открытымъ небомъ, на холмѣ, вершина котораго служила ему каедрой.

Чума опустошала мѣстечко въ теченіе семи мѣсяцевъ, все меньше и меньше насчитывалось прихожанъ въ часы богослуженій. Священникъ и его жена постоянно находились при больныхъ, ухаживали за ними, лѣчили и кормили ихъ; въ концѣ-концовъ жена священника заразилась и умерла. Надъ ея могилой священникъ произнесъ, какъ и надъ многими еще свѣжими могилами своихъ умершихъ отъ чумы прихожанъ: «Блаженны почившіе въ Господѣ, ибо Духъ говоритъ: они почіють отъ трудовъ своихъ». Момпессонъ охотно послѣдовалъ-бы за ними въ могилу, но продолжалъ жить: «Цвѣтущее наше мѣстечко, — говоритъ

онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—поистинѣ превратилось въ Голгоѳу, городъ мертвыхъ... Чума посѣтила въ нашемъ приходѣ семьдесятъ шесть семействъ, умерло слишкомъ двѣсти девяносто человѣкъ». По прекращеніи эпидеміи самоотверженному пастору предложили мѣсто декана въ соборѣ въ Линкольнѣ, но онъ не пожелалъ оставить свой приходъ и могилу своей любимой жены. Онъ умеръ въ 1708 году.

Замѣчательно, что когда, цѣлыхъ полвѣка спустя, крестьяне, разрывая землю въ мѣстечкѣ, гдѣ господствовала чума, нашли въ ней какія-то лохмотья, очевидно зачумленные, то заразились отъ нихъ тифозной горячкой: эпидемія распространилась по всему мѣстечку и похитила около 70-ти человѣкъ. И такъ тифъ является, судя по всему, преемникомъ чумы и каждый годъ свирѣпствуетъ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ, гдѣ находится въ благопріятныхъ для своего развитія условіяхъ.

Авторъ этой книги сохранилъ живѣйшія воспоминанія о томъ, какія опустошенія тридцать лѣтъ тому назадъ произвела тифозная горячка въ Лидсѣ, гдѣ она возникла сначала въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, а затѣмъ охватила весь городъ. Двѣ больницы, одна для тифозныхъ, другая для выздоравливающихъ, такъ переполнены были народомъ, что въ концѣ-концовъ рѣшили превратить въ больницу большой деревянный сарай, а самыхъ тяжелыхъ помѣстить на одномъ изъ пустовавшихъ заводовъ. Докторъ Гукъ, викарій Лидса и его преподобіе м. Гиль, впоследствии колумбійскій епископъ, ежедневно посѣщали эти импровизированныя больницы, оказывая лежавшимъ въ нихъ бѣднякамъ посильную помощь. Особой ревностью при уходѣ за больными отличались католическіе священники, которые съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ ухаживали за больными бѣдняками, не страшась посѣщать самыя опасныя и грязныя жилища, гдѣ уже самый воздухъ, весь пропитанный миазмами, представлялъ смертельный ядъ. Многие изъ нихъ дѣйствительно заразились и умерли; однимъ изъ

первыхъ былъ старшій священникъ, Генри Уальмслей, на слѣдующій день скончался его помощникъ, вслѣдъ за ними умерло еще пятеро, но мѣста ихъ заняли другіе, жертвуя своей жизнью, чтобы придти на помощь несчастнымъ. Память самоотверженныхъ человѣколюбцевъ почтена была скромнымъ памятникомъ, на которомъ вырѣзали надпись: «Павшимъ жертвою тифозной эпидеміи при исполненіи своихъ священныхъ обязанностей въ 1847 году».

Во время эпидеміи умерло и нѣсколько врачей, которыми въ силу своей профессіи приходится сталкиваться съ разнообразными болѣзнями, отличающимися нерѣдко самымъ остро-заразнымъ характеромъ. Эти люди постоянно идутъ на встрѣчу смерти, несмотря ни на какую опасность; они должны быть готовы каждую минуту днемъ и ночью отозваться на всякій призывъ, самоотверженно подавая помощь страждущимъ, не зная утомленія, не обращая вниманія на собственное здоровье, пока, наконецъ, физическія и нравственныя силы не измѣняютъ имъ самимъ. Такого рода герои скромно и молчаливо совершаютъ свой жизненный путь, и слава рѣдко осѣняетъ ихъ имена, а между тѣмъ это, можетъ быть, болѣе великіе герои, чѣмъ самые извѣстные міру полководцы и военачальники.

Врачи и на полѣ битвы, окруженные самыми ужасными картинами, такъ-же добросовѣстно исполняютъ свой долгъ, какъ и въ жилищахъ бѣдняковъ: они безъ страха работаютъ подъ выстрѣлами враговъ, выносятъ изъ сраженія раненыхъ, чтобы сдѣлать имъ перевязку и окружить ихъ заботливымъ уходомъ. Истиннымъ героемъ выказалъ себя въ подобныхъ обстоятельствахъ французскій докторъ Ларре: во время отступленія наполеоновской арміи изъ - подъ Москвы не разъ онъ дѣлалъ операціи подъ дождемъ непріятельскихъ выстрѣловъ, прикрывъ раненаго солдатскимъ плащомъ, чтобы защитить его отъ густыхъ хлопьевъ падающаго снѣга. Съ такимъ же рвеніемъ маленькій докторъ служилъ войскамъ и среди раскаленныхъ

египетскихъ песковъ. Послѣ одной изъ боевыхъ схватокъ французовъ съ англичанами среди раненыхъ оказался генералъ Силли, которому пуля раздробила колѣно. Ларрѣ увидѣлъ, что ногу необходимо отнять, о чемъ тутъ-же и сообщилъ генералу. Силли согласился на операцію и она была окончена въ три минуты подъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Вдругъ послышалось наступленіе английской кавалеріи. «Я едва успѣлъ взвалить генерала себѣ на плечи,—разсказываетъ Ларрѣ,—и отнести его въ ряды нашей арміи, которая уже отступала. Къ счастью, я замѣтилъ цѣлый рядъ рвовъ, засаженныхъ низкимъ кустарникомъ, подъ защитой которыхъ я могъ двинуться впередъ въ то время, какъ кавалерія направилась по болѣе гладкой окольной дорогѣ. Такъ я добрался до арріергарда нашей арміи, а затѣмъ достигъ вмѣстѣ со своимъ генераломъ Александріи, гдѣ и вылѣчилъ его окончательно».

Замѣчательнымъ героизмомъ отмѣченъ еще слѣдующій поступокъ: въ началѣ сраженія при Ваграмѣ (5 іюля 1809 г.) доктору Сальсдорфу, саксонскому уроженцу и лейбъ-медіку принца Христіана, бомбой оторвало ногу. Лежа, окровавленный, на полѣ битвы, онъ увидѣлъ, что шагахъ въ пятнадцать отъ него свалился съ лошади полковой адъютантъ, Кербургъ, при чемъ изо рта его кровь хлынула цѣлой струей. Сальсдорфъ увидѣлъ, что только немедленная помощь можетъ спасти его. Онъ собралъ всѣ свои силы, добрался ползкомъ до офицера и сдѣлалъ ему кровопусканіе, послѣ чего самъ упалъ безъ чувствъ возлѣ Кербурга. Послѣдній не могъ даже высказать своей признательности своему благодѣтелю; онъ позаботился о томъ, чтобы раненаго доктора перевезли въ Вѣну, гдѣ ему и отняли ногу. Къ сожалѣнію, Сальсдорфъ прожилъ послѣ операціи всего лишь четыре дня и умеръ отъ истощенія силъ.

При передвиженіи какой-либо арміи обозъ для раненыхъ слѣдуетъ обыкновенно за арріергардомъ. Раненыхъ

подбираютъ и относятъ въ обозныя кареты на перевязочный пунктъ. Если же армія вынуждена къ отступленію—врачи и раненые попадаютъ въ плѣнъ; или вынуждены бѣжать. Во время Крымской войны послѣ битвы при Альмѣ (21 сентября 1854 г.) русскіе, потерпѣвъ поражение, отступили, при чемъ французскія и англійскія войска преслѣдовали ихъ по пятамъ и захватили нѣсколько сотъ раненыхъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ и перенесли на восточную часть поля, уложивъ длинными рядами въ тѣнистомъ мѣстѣ, около рѣки. Къ счастью при англійской арміи находился врачъ, отличавшійся необыкновенной энергіей и глубоко проникнутый сознаниемъ чувства чести; звали его докторъ Сампсонъ, это былъ врачъ 44 пѣхотнаго полка. Ему удалось разыскать въ разоренномъ мѣстечкѣ достаточно провіанта и людей, готовыхъ помочь ему. Онъ прежде всего накормилъ раненыхъ, голодавшихъ уже болѣе сутокъ, и затѣмъ началъ свидѣтельствовать и перевязывать ихъ раны.

Тѣмъ временемъ солдаты окончили переноску англійскихъ раненыхъ на суда, стоявшія у Евпаторіи, и докторъ Сампсонъ со своимъ слугой въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей оставались одни при русскихъ раненыхъ, днемъ подъ жаркими лучами южнаго солнца, ночью—замерзая подъ покровомъ холоднаго, звѣзднаго неба. Наконецъ раненые были отправлены подъ защитой бѣлаго парламентерскаго флага въ одинъ изъ русскихъ портовыхъ городовъ. Когда капитанъ парохода «Альбіонъ», м. Лючингтонъ, прибылъ съ берега на мѣсто происшествія и засталъ своихъ земляковъ за исполненіемъ своего суроваго долга, онъ не могъ не преклониться передъ ихъ великимъ мужествомъ и принялъ горячее участіе въ судьбѣ спасенныхъ ими.

Съ такой же твердостью духа оставался на своемъ посту и докторъ одного изъ бенаресскихъ госпиталей м. Кей, не обращая вниманія на опасность, которая ему угро-

жала при приближеніи непріятеля, намѣревавшагося предать огню и мечу все, что ему попадалось на пути. Бунтующіе снапай вырѣзали въ Каунпурѣ все населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей, при чемъ многіе подвергнуты были страшнымъ пыткамъ, съ цѣлью заставить ихъ отречься отъ христіанской религіи. Такъ погибли всѣ до одного челоуѣка, и мужественный м. Кей оставался до конца на своемъ посту.

Необыкновенное самоотверженіе выказали однажды два унтеръ-офицера 70-го пѣхотнаго полка во время холеры, свирѣпствовавшей въ Мультапѣ. День и ночь ухаживали они за своими больными и умирающими товарищами и все время были въ госпиталѣ правой рукой врачей, столь же ревностно исполнявшихъ свою обязанность. Въ концѣ-концовъ капраль Дербишейръ, одинъ изъ двухъ самоотверженныхъ людей, сильно захворалъ самъ, но по счастью скоро выздоровѣлъ и снова занялъ свой постъ добровольнаго брата милосердія. Когда главнокомандующій, по окончаніи холерной эпидеміи, посѣтилъ Мультапѣ, онъ публично изъяснилъ свою глубокую благодарность Дербишейру и Гопперу.

Подобное мужество, готовое на всѣ жертвы ради спасенія окружающихъ, высказывается нерѣдко и въ иныя опасныя минуты, подъ огнемъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Во время осады Кадикса французами (1812 г.) ядра и бомбы уложили на мѣстѣ много мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, настигнувъ ихъ на улицахъ, въ окнахъ домовъ и даже въ дальнихъ углахъ комнатъ. Для того, чтобы по возможности предупреждать жителей объ опасности, каждую бомбу, пущенную изъ непріятельскаго лагера въ городъ, монахи сопровождали ударомъ большого колокола. Однажды звонъ этого башеннаго колокола раздался съ особенной медлительной силой: это тяжкая бомба ударила въ самый колоколь и разбила его на тысячу кусковъ; монахъ, звонившій на колокольнѣ, спокойно пере-

шелъ тогда къ другому колоколу, хотя кровь хлынула у него изъ многихъ ранъ на головѣ и лицѣ, причиненныхъ ему осколками бомбы.

Во время той же осады еще болѣе замѣчательный подвигъ храбрости совершенъ былъ простой женщиной. Среди укрѣпленій находился небольшой передовой фортъ Матагорда, не защищенный даже рвомъ. Здѣсь стояло около ста сорока англичанъ, которымъ было вмѣнено въ обязанность мѣшать французскимъ осаднымъ работамъ; вблизи форта крейсировало также нѣсколько испанскихъ и англійскихъ военныхъ кораблей. Но невидимая до сихъ поръ батарея принялась осыпать ядрами эти суда, такъ что они принуждены были удалиться подъ защиту кадикской гавани. Вслѣдъ за этимъ 48 пушекъ принялись въ продолженіе 30-ти часовъ обстрѣливать маленькій фортъ, такъ что слабый брустверь скоро палъ, открывъ непріятельскимъ выстрѣламъ валъ и безстрашныхъ его защитниковъ.

Въ казематѣ ухаживала въ это время за однимъ изъ раненыхъ жена сержанта Ретсонъ. Большой томился жаждой и просилъ пить. Ретсонъ позвала маленькаго барабанщика и попросила его сходить къ колодезю за водою. Мальчикъ не рѣшался, такъ какъ непріятельскіе выстрѣлы градомъ сыпались на колодець. Тогда она, вырвавъ у него изъ рукъ ведро, отправилась туда сама. Подъ перекрестнымъ огнемъ выстрѣловъ добралась она до колодца и зачерпнула воды, при этомъ ядро выбило у ней изъ рукъ веревку; она схватила конецъ и вернулась къ больному съ полнымъ ведромъ воды.

Страшная канонада по несчастному форту не прекращалась; въ продолженіе часа шесть разъ сбитъ былъ флагштокъ, на которомъ развѣвался испанскій флагъ. Наконецъ саръ Томасъ Грегамъ, находя невозможнымъ продолжать защиту форта, послалъ нѣсколько судовъ, чтобы вывезти изъ него оставшихся въ живыхъ; фортъ взорвали

подъ наблюдениемъ маіора Лезевра, обогрившаго своей кровью его развалины. Остальные вмѣстѣ съ Ретсонъ вернулись въ Кадиаксъ, и разсказъ о героизмѣ жены сержанта сталъ переходить изъ устъ въ уста.

Трудно повѣрить, что избалованная жизнью и воспитаніемъ женщина изъ хорошей семьи можетъ принять на себя обязанность ухаживать за больными и ранеными, не отступая передъ ужасами войны; между тѣмъ женщина исполняла это не разъ со всевозможнымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ. Тогда какъ въ прежнее время сидѣлки избирались изъ самаго простаго сословія, со времени Крымской войны миссъ Нейтингель, которая, одушевленная самой безграничной преданностью, посвятила себя дѣлу ухода за ранеными, завоевавъ себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ мірской исторіи — доказала, что уходъ за больными вовсе не такое простое дѣло, что лица, посвятившія себя ему, должны кромѣ умѣнья обладать большимъ пониманіемъ дѣла, безпредѣльной добротой, самоотверженіемъ и любовью. Миссъ Нейтингель писала: «Безчисленное множество разъ высказывалось уже печатно и письменно, что всякая женщина способна быть самой лучшей сидѣлкой. Я же полагаю, напротивъ, что самыя основы и условія хорошаго ухода до сихъ поръ непоняты тѣми, кто это утверждаетъ».

Какимъ-же образомъ сама она пришла къ рѣшенію посвятить себя этому трудному дѣлу? Одно лишь чувство любви къ ближнему и сознаніе своей обязанности вдохновляло ее и ничто иное. Она была молода и хорошаго происхожденія, обладала хорошими средствами и была общей любимицей въ кружкѣ своихъ друзей и гордостью своихъ близкихъ, короче—пользовалась всѣми благами жизни. Но она предпочла имъ иной тернистый путь. Еще ребенкомъ она пламенѣла самой самоотверженной любовью къ человѣчеству, учила въ бесплатныхъ школахъ и наѣщала бѣдныхъ больныхъ, ухаживая за ними въ ихъ

жалкихъ жилищахъ. Пока другіе наслаждались свѣтской жизнью *), или проводили лѣто въ восхитительнѣйшихъ и живописнѣйшихъ въ мірѣ мѣстностяхъ Швейцаріи и Шотландіи, или отправлялись на морской берегъ, вдыхать прохладный и живительный воздухъ, она прилежно училась систематическому уходу за ранеными въ одномъ знаменитомъ нѣмецкомъ учрежденіи для подготовки діаконовъ. Обученіе уходу за больными она начала съ самой черной работы съ мочалкой, щеткой и пыльной тряпкой и лишь нѣкоторое время спустя допущена была къ уходу за больными, при которыхъ она въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ и проводила дѣльные дни и ночи, приобрета такимъ образомъ достаточный запасъ опыта и свѣдѣній по своему дѣлу.

Возвратясь въ Англію, миссъ Нейтингель стала искать случая приложить къ дѣлу приобретенныя ею знанія и обратилась въ больницу, посвященную призрѣнію бѣдныхъ учительницъ и воспитательницъ, которой грозило закрытіе вслѣдствіе недостатка готовыхъ заняться дѣломъ ухода за

*) Епископъ Манчестерскій прочелъ однажды во время одной изъ своихъ проповѣдей письмо молодой лэди, въ слѣдующихъ словахъ изобразившей ему свое времяпрепровожденіе: «Утромъ мы завтракаемъ въ десять часовъ, употребляя для этого съ часъ времени, такъ какъ пробѣгаемъ за завтракомъ газеты (отдѣлы свѣтскихъ новостей) или читаемъ полученныя письма. Затѣмъ расходимся по своимъ комнатамъ, гдѣ отвѣчаемъ на полученныя письма, послѣ чего мнѣ приходится очищать въ зимнемъ саду растенія отъ увядшихъ цвѣтовъ и листьевъ и давать корму канарейкамъ и попугаамъ. Покочивъ съ этимъ, я иду переодѣваться ко второму завтраку, назначенному въ два часа. Въ три часа я отправляюсь съ матерью дѣлать визиты и возвращаюсь домой какъ разъ къ чаю, часамъ къ пяти, когда къ намъ заходятъ поболтать наши друзья. Послѣ чаю опять надо переодѣваться и ѣхать на прогулку по парку, откуда возвращаемся только къ обѣду. Послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ или на вечеръ, и, возвратясь, я чувствую себя до того утомленной, что не знаю какъ добраться до постели. Гдѣ тутъ найти время, чтобы дѣлать добрыя дѣла?»

больными лицъ. Съ удивительнымъ рвеніемъ миссъ Нейтингель приступила къ своей новой должности въ мрачныхъ стѣнахъ госпиталя въ Гарлей-Стритѣ, гдѣ отдала больнымъ своимъ сестрамъ во Христвѣ все свое время, труды и средства. Самое ея здоровье сильно пошатнулось отъ страшнаго напряженія силъ, вслѣдствіе чего она была вынуждена прожить нѣкоторое время на своей родинѣ, Гемпшейрѣ, чтобы подкрѣпиться, при чемъ она не осталась праздною и тутъ, основавъ санаторію и воспитательный домъ для бѣдныхъ дѣтей.

Вскорѣ дошелъ до нея новый призывъ о помощи. Разразилась Крымская война, въ военныхъ лазаретахъ не хватало умѣлыхъ и самоотверженныхъ сидѣлокъ, раненые солдаты въ босфорскихъ госпиталяхъ лежали почти совершенно безъ ухода. Побуждаемая великодушіемъ миссъ Нейтингель не спала ночей, придумывая способъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, лучше помочь несчастнымъ; на одномъ изъ пароходовъ, отправлявшихся въ Скутари, выѣхала она на мѣсто военныхъ дѣйствій, не обращая вниманія ни на какіе труды, опасности и неудобства подобнаго путешествія. Съ достоинствомъ и увѣренностью принялась она за новые подвиги; она жила среди всевозможныхъ ужасовъ и страданій, старалась всѣми силами усовершенствовать больничное дѣло и строго слѣдила за всѣмъ, что совершалось вокругъ нея.

Солдаты въ отвѣтъ на всѣ ея попеченія чуть не молились на нее; раненые благоговѣйно благословляли ее каждый разъ, когда она ночью, въ часы бессонницы и страданій, склонялась то надъ однимъ, то надъ другимъ изголовьемъ. Не всѣ знали ея имя и она слыла въ ихъ средѣ подъ именемъ «женщины съ лампой». Въ ея присутствіи они воздерживались отъ всякихъ рѣзкостей и грубостей въ разговорѣ, которыя могли-бы оскорбить ея слухъ, и мужественно переносили операцію. Она съ своей стороны всей душой привязалась къ своимъ больнымъ; она не только

заботилась о ихъ благосостояніи, но и вела переписку съ ихъ родными и близкими въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, берегла ихъ деньги и посылала сбереженія солдатъ ихъ семьямъ на родину.

«Самое непритязательное мужество, — говорила она, — изумительная выносливость, здравый умъ и умѣнье страдать молчаливо нигдѣ не проявляются съ такой силой, какъ въ солдатской средѣ. Въ человѣкѣ, жертвующемъ всѣмъ въ жизни служенію родинѣ, королевѣ или знамени, словомъ тому, что не собственно, не касается его личнаго благосостоянія, — безусловно сильнѣй проявляется нѣчто, похожее на духъ христіанскій, чѣмъ во всевозможныхъ аскетическихъ подвигахъ». Отсюда ясно, что человѣку есть чему поучиться даже у простого, темнаго солдата.

За миссъ Нейтингель въ Крымъ послѣдовала миссъ Стенлей, ставшая во главѣ отряда сестеръ милосердія, состоявшаго изъ пятидесяти женщинъ разныхъ сословій. Онѣ провели четыре мѣсяца въ морскомъ госпиталѣ въ Терапіи (Турціи) и во вновь учрежденномъ военномъ лазаретѣ въ Кулалі. Послѣ того, какъ въ госпиталь поступили раненые при Инкерманѣ солдаты, — она писала своимъ друзьямъ: «Мнѣ кажется, не можетъ быть въ мірѣ болѣе раздирающаго душу зрѣлища, какъ видъ сильныхъ, красивыхъ людей, истощенныхъ и измученныхъ или покрытыхъ ужасными ранами. Вчера мы цѣлый день сидѣли за шпьемъ матрасовъ, омываніемъ и перевязкой ранъ, облегчая чѣмъ могли страданія этихъ людей, оставшихся въ теченіе пяти дней почти безъ всякой помощи на палубѣ корабля. На рукахъ моихъ умерло въ эту ночь отъ истощенія цѣлыхъ одиннадцать человѣкъ, и я не была въ силахъ спасти ихъ».

По возвращеніи своемъ въ Англію, миссъ Стенлей посвятила себя уходу за солдатскими женами и вдовами. Она купила въ Вестминстерѣ домъ съ садомъ, гдѣ учредила громадную прачешную; заключивъ съ правитель-

ствомъ контрактъ на поставку солдатской обмундировки, она доставила тѣмъ массу работы неимущимъ женщинамъ; всюду приходила она на помощь страждущимъ, исполняя дѣло, котораго хватило бы на десять тысячъ человѣкъ и съ которымъ она справлялась одна только благодаря своей неутомимой энергiи, не ожидая отъ своихъ трудовъ ни награды, ни даже простого одобренiя общественнаго мнѣнiя.

Благородныя примѣры всегда приносятъ прекрасныя плоды. Многiя дамы изъ общества пошли по стопамъ этихъ двухъ героинь. Говоря о подобныхъ женщинахъ, нельзя пройти молчанiемъ дѣятельность миссъ Флоренсъ Ли, которая не только сама ухаживала за ранеными, но научила и другихъ разумному уходу за больными. Стремленiе къ такого рода дѣятельности пробудилось въ ней благодаря совершенно исключительному случаю: потерѣ любимаго ею брата, умершаго въ морскомъ госпиталѣ въ Шанхаѣ. При мысли о томъ, какъ онъ лежалъ больной на рукахъ постороннихъ людей, пробудила въ сердцѣ миссъ Ли горячее желанiе отплатить другимъ за то, что было сдѣлано для ея брата.

Она была еще полуробенкомъ, когда подобныя мысли стали приходиться ей въ голову; она посоветывалась по этому поводу съ другомъ ея семьи, покойнымъ Винчестерскимъ епископомъ. Онъ отвѣтилъ, что ей слишкомъ еще рано посвящать себя столь тяжелой мисси и слѣдуетъ подождать до тѣхъ поръ, пока горе ея утихнетъ, а умъ и воля созрѣютъ и окрѣпнутъ. Но ея рѣшенiе было уже принято и она жила лишь надеждой на осуществленiе ея плановъ. Она обратилась за указанiями къ миссъ Нейтингель, своему идеалу и предмету благоговѣйнаго уваженiя, которая и помогла ей своими совѣтами. Свое поприще больницы сидѣлки миссъ Ли начала въ больницѣ Сентъ-Томаса, а затѣмъ перешла въ госпиталь королевской коллегii, а позднѣе пополнила свои знанiя въ дѣлѣ ухода за

больными за границей, въ больничныхъ заведеніяхъ Даніи, Голландіи, Франціи и Германіи; въ Кайзервертѣ она прошла обычный курсъ практическаго ухода за больными и получила дипломъ на званіе старшей діаконойссы. Во Франціи, благодаря любезности главнаго попечителя всѣхъ французскихъ гражданскихъ больницъ, миссъ Ли разрѣшено было работать подъ присмотромъ католическихъ сестеръ милосердія во всѣхъ главныхъ парижскихъ госпиталяхъ.

Сестры относились къ ней съ большою добротой и снисходительностью, какъ къ сестрѣ и другу, несмотря на то, что она была имъ чужая и по вѣрѣ, и по свѣтскому образу жизни. Она имѣла полную возможность поучиться у нихъ не только уходу за больными, но и бодрости духа въ тяжелыя минуты жизни, надеждѣ и довѣрію къ Промыслу Божію въ самомъ, казалось бы, отчаянномъ и безвыходномъ положеніи.

Едва успѣла она возвратиться въ Англію, какъ между Франціей и Германіей разразилась война и въ газетахъ сейчасъ-же появились описанія первыхъ кровопролитныхъ сраженій. Нѣмецкая побѣдоносная армія шла впередъ, не заботясь о судьбѣ раненыхъ, которые цѣлыми тысячами лежали подъ открытымъ небомъ безъ помощи и ухода. Жалость и скорбь охватили чуткую душу миссъ Ли, и она немедленно отправилась на арену военныхъ дѣйствій: въ Кельнѣ она впервые увидѣла на желѣзнодорожной платформѣ раненыхъ солдатъ, лежавшихъ длинными рядами. Черезъ Кобленць и Трирь проѣхала она въ Метць къ мѣсту своего назначенія, потерявъ во время переѣзда въ толпѣ и давѣ весь свой багажъ.

Маршалъ Базенъ съ большей частью французскаго войска отсиживался въ крѣпости, осажденный пруссаками и баварцами подъ командой принца Фридриха. Миссъ Ли должна была служить въ госпиталѣ Марангъ, въ тылу осаждающей арміи, своеобразномъ госпиталѣ, наскоро

устроенномъ въ амбарѣ старой фермы, лишенномъ самыхъ примитивныхъ удобствъ. Сестра милосердія такъ-же какъ и ея пациенты спала на мѣшкѣ, набитомъ соломой; лѣкарствъ и съѣстныхъ припасовъ всегда недоставало. Въ госпиталь поступали преимущественно тифозные больные, такъ какъ сырая мѣстность благопріятствовала распространенію этой эпидеміи. Всѣ двадцать двѣ кровати, находившіяся въ госпиталѣ, были постоянно заняты.

Не легко было служить въ подобномъ госпиталѣ: тифозныхъ больныхъ, приносимыхъ на попеченіе миссъ Ли, прежде всего необходимо было очищать отъ грязи, которой на нихъ выросло столько, что, прежде чѣмъ смыть—ее приходилось зачастую соскабливать съ нихъ. Вымывъ и уложивъ ихъ въ постели, имъ омывали почернѣвшія губы, смачивали по ночамъ головы, чтобы облегчить воспаленіе, перемѣняли тюфяки во избѣжаніе пролежней,— все это происходило при самой неудобной обстановкѣ.

Иногда бредъ больныхъ достигалъ ужаснаго напряженія, и слабая миссъ Ли едва справлялась съ ними. Оставшись однажды ночью одна съ больными, она услышала сильный шумъ надъ головой. Она сейчасъ-же поднялась наверхъ и застала тамъ солдата въ бреду, который хотѣлъ сломать двери, собираясь уйти къ своей «милрой матушкѣ». Миссъ Ли позвала на помощь другого больного; имъ удалось убѣдить бредившаго бѣднягу, что онъ непременно будетъ дома завтра утромъ, и уложить его въ постель. Бредъ другого оказался еще опаснѣе: онъ уже принялся искать ножъ подъ подушкой у своего сосѣда. Къ счастью миссъ Ли удалось овладѣть ножомъ и спрятать его отъ больныхъ. Но она страшно перепугалась, и когда явился утромъ врачъ на свой обычный обходъ, она просила его не оставлять ее больше ночью одну съ больными.

Нѣсколько недѣль оставалась она въ этомъ госпиталѣ; часть бывшихъ на ея попеченіи больныхъ умерла, нѣкоторые, поправившись нѣсколько, отосланы были домой, а

другіе, окончательно выздоровѣвшіе, вернулись къ своимъ обязанностямъ. 29 октября 1840 года Бааенъ сдался; войска его въ качествѣ плѣнныхъ были отправлены въ Германію, и принцъ Фридрихъ шель на Парижъ. Окончивъ свою добровольно принятую миссію въ Метцѣ, миссъ Ли отправилась въ Гамбургъ, гдѣ поступила въ лазаретъ для раненыхъ солдатъ, находившійся въ вѣдѣніи прусской наслѣдной принцессы.

Нѣтъ необходимости шагъ за шагомъ слѣдить за дальнѣйшей исторіей ея жизни; возвратясь изъ Германіи, она пустилась въ путешествіе: посѣтила Соединенные Штаты и Канаду, гдѣ и осматрѣла больницы и госпитали во многихъ городахъ. Теперь миссъ Ли занимаетъ мѣсто начальницы Вестминстерской общины сестеръ милосердія и по прежнему неутомимо трудится на благотворительномъ поприщѣ.

Безчисленное число діакониссъ и добровольныхъ сестеръ милосердія посвятили себя съ полнымъ самоотверженіемъ такой-же челоѣколюбивой дѣятельности въ послѣднюю нѣмецкую войну; еще больше число женщинъ всѣхъ возрастовъ и сословій, которыя не въ военное только время, но и среди обычнаго теченія повседневной жизни посвящаютъ себя челоѣколюбивой дѣятельности: усердно посѣщаютъ онѣ нищенскіе притоны и углы, гдѣ ютится нищета нашихъ большихъ городовъ, навѣщаютъ бѣдныхъ и больныхъ, обреченныхъ на полную беспомощность, если бы не теплое участіе этихъ скромныхъ женщинъ. Какіе страданія и ужасы приходится имъ встрѣчать! Но ни умъ, ни сердце, ни руки этихъ самоотверженныхъ труженицъ не грязнятся отъ этого близкаго соприкосновенія съ нищетою и неопрятностью, отъ исполненія услугъ самаго непріятнаго свойства. Стоитъ вспомнить хотя бы о неустанной и самоотверженной дѣятельности миссъ Гиль въ остъ-индскихъ тюрьмахъ, миссисъ Викарсъ въ домѣ падшихъ женщинъ, миссъ Робинзонъ среди солдатъ въ Портсмутѣ.

Также богата примѣрами героическаго самоотреченія и жизнь простыхъ бѣдныхъ людей, подвиги которыхъ большей частью остаются въ полной неизвѣстности. Мало того, среди бѣдныхъ людей встрѣчается даже больше христіанской любви къ ближнему, чѣмъ среди людей богатыхъ. Они умѣютъ лучше понимать печали своихъ собратьевъ.

Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ и недавно умершая Мэри Карпентеръ, въ лицѣ которой Англія лишилась одной изъ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ сестеръ милосердія, всю свою жизнь посвятившей на служеніе всѣмъ покинутымъ бѣднякамъ, которыхъ стремилась возродить къ лучшей жизни. Она основала первое исправительное заведеніе для дѣтей-преступниковъ въ Бристолѣ, послужившее образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ учрежденій такого рода. Влекомая своимъ челоуѣколюбіемъ, она проникала въ такіе глухіе притоны разврата и нищеты, куда не безопасно было проникать и полицейскимъ, но никакая нищета и никакой порокъ не могли испугать ее и вселить въ нее отвращеніе. Изъ этихъ убогихъ и грязныхъ помѣщеній она набирала дѣтей-оборванцевъ въ свои школы. Цѣлымъ рядомъ статей и лекцій старалась она пробудить въ обществѣ вниманіе къ интересовавшему ее вопросу. Она, наконецъ, побѣдила, потому что правительство сдѣлало на ея настойчивыя убѣжденія и основало по ея проекту исправительныя и ремесленныя учрежденія; и тѣ и другія оказали, какъ это выяснилось впоследствии, самое благотворное вліяніе въ дѣлѣ улучшенія участи людей низшихъ классовъ. Тысячи людей, которые считались совершенно погибшими, вернулись благодаря имъ къ трудовой жизни и превратились въ полезныхъ членовъ общества, и всѣ эти люди благословляютъ имя Мэри Карпентеръ. Даже самая старость не помѣшала ей продолжать свою дѣятельность на пользу ближняго. Шестидесяти лѣтъ отъ роду она еще разъ предприняла поѣздку въ Индію, съ цѣлью и тамъ положить начало своей педагоги-

ческой системы; она была въ Индіи всего на всего четыре раза, послѣднее же ея путешествіе относится къ 1876 г., когда ей было уже около семидесяти лѣтъ. Она дожила до счастья увидѣть плоды своихъ неустанныхъ трудовъ: цѣлое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, которые безъ ея помощи остались бы можетъ быть навсегда погрязшими въ преступленіи и пороки.

Покойная м-съ Гизгольмъ избрала себѣ совершенно новое поприще дѣятельности, подавая руку помощи молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, эмигрировавшимъ изъ страны, и слѣдя за ними до тѣхъ поръ, пока онѣ не пристраивались куда-либо на надежныя должности. Однажды, присутствуя на парадномъ обѣдѣ, устроенномъ въ ея честь наканунѣ ея отъѣзда изъ Сутгэмптона вмѣстѣ съ охраняемыми ею многочисленными эмигрантками, она рассказала, что побудило ее избрать подобный родъ дѣятельности: «Я уже ребенкомъ научилась той истинѣ, что жизнь — обязанность, добросовѣстное исполненіе которой пріобрѣтаетъ человѣку вѣчное блаженство; сидя на колѣняхъ у матери, я внимательно вслушивалась и въ разговоры, касавшіеся эмиграціи, которые она вела обыкновенно со своими друзьями, людьми весьма замѣчательными. И у меня любимымъ моимъ занятіемъ еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ было играть въ кораблики изъ орѣховой скорлупы, въ которыхъ я перевозила черезъ моря и океаны членовъ различныхъ семей, чтобы въ дальнихъ странахъ вновь соединить ихъ. Мысли о миссіонерствѣ и эмиграціи росли вмѣстѣ со мною, и я твердо рѣшила уже тогда придти на помощь несчастнымъ. Энергіей и рѣшимостью своего характера я также обязана своей матери: она неустанно учила меня быть дѣятельной, умѣть съ твердостью переносить физическія лишенія и не позволять дѣтской робости брать верхъ надо мною».

Молоденькой дѣвушкой она полюбила служившаго въ индійской арміи офицера. Прежде чѣмъ выдти за него за-

мужъ, она объявила ему однако, что дала себѣ слово посвятить себя челоѣколюбивой дѣятельности на пользу своихъ ближнихъ даже и гдѣ-нибудь внѣ родной стороны. За это признаніе женихъ еще больше полюбилъ свою невѣсту и согласился помогать ей во всѣхъ ея начинаніяхъ, что и исполнилъ свято въ послѣдствіи, сдѣлавшись ея мужемъ.

Въ Индіи м-съ Гизгольмъ основала институтъ для дочерей европейскихъ солдатъ, существующій и понынѣ подъ названіемъ ремесленной школы, гдѣ и пребыла нѣсколько лѣтъ подрядъ въ качествѣ старшей учительницы. Въ 1838 году она посѣтила вмѣстѣ съ мужемъ Австралію.

«Здѣсь,—говоритъ она,—я встрѣтила множество женщинъ, безпріютныхъ и безпомощныхъ, при чемъ число ихъ все увеличивалось вновь прибывавшими на корабляхъ и, такъ какъ почти никто изъ нихъ не находилъ себѣ работы, онѣ принимались вести безнравственный образъ жизни. Тогда я поставила себѣ цѣлью спасти этихъ несчастныхъ отъ окончательной гибели и пристроить ихъ на надежныя мѣста въ хорошихъ семьяхъ. Множество препятствій встрѣтила я при исполненіи этого плана, но я твердо шла къ своей цѣли. Прежде всего необходимо было приобрести довѣріе дѣвушекъ и убѣдить ихъ въ моемъ къ нимъ участіи. Въ виду этого я добилась у губернатора разрѣшенія жить вмѣстѣ съ эмигрантками въ тѣсной каморкѣ въ баракѣ, наполненномъ крысами. Крысъ я потравила, а сама осталась на своемъ посту. Наконецъ, мнѣ удалось основать общество для доставленія покровительствуемымъ мною дѣвушкамъ мѣсть въ Бушѣ и размѣстить въ надежныя руки довольно большое число эмигрантокъ. Такъ какъ общество скоро распалось, я рѣшила сама отвозить дѣвушекъ въ Бушъ цѣлыми партіями, отъ ста до ста пятидесяти челоѣкъ каждая и занималась этимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Часто приходилось мнѣ давать эмигранткамъ взаимы на ихъ путешествія довольно большія суммы денегъ, но

такъ какъ всё онѣ замѣчательно честно выплачивали мнѣ свои долги, то я не потеряла въ общемъ и девяти фунтовъ. Съ Божьей помощью я помѣстила до своего отъѣзда на разныя должности болѣе тысячи дѣвушекъ, спасши такимъ образомъ весьма многихъ отъ развратной жизни, полной стыда и отчаянія. Надѣюсь, что мои дѣти будутъ продолжать теперь въ той или иной формѣ дѣло моей жизни, такъ какъ я приложила всё старанія, чтобы воспитать ихъ въ строгомъ повиновеніи долгу, учила ихъ полагаться во всемъ на самихъ себя, никогда не прибѣгая ни къ покровительству властей, ни къ просьбѣ денежныхъ субсидій у правительства».

Такъ какъ эта глава посвящена главнымъ образомъ описанію геройскихъ поступковъ женщины, то приведемъ еще нѣсколько яркихъ примѣровъ беззавѣтнаго мужества и полного самоотреченія.

Пароходъ Жоржеттъ потерпѣлъ сильное крушеніе близъ береговъ западной Австраліи. Находившіяся на пароходѣ женщины и дѣти перемѣщены были въ лодку, которая и направилась къ берегу. Но тутъ сильная волна неожиданно опрокинула шлюпку, и всё сидѣвшіе попадали въ воду и, въ отчаяніи цѣпляясь за края шлюпки, бессильно барахтались среди волнъ. Въ эту минуту на вершинѣ крутой скалы показалась молодая женщина верхомъ на лошади. Это была миссъ Грессъ, Вернонь-Боссель. Въ мгновеніе ока она сообразила все, что случилось, и рѣшила во что бы то ни стало спасти погибавшихъ. Она дала шпоры своей лошади, спустилась внизъ по крутому склону и заставила свою лошадь войти въ море и проплыть до того мѣста, гдѣ боролись съ волнами утопавшіе. Ей удалось благополучно снять на берегъ женщинъ и дѣтей; когда она замѣтила, что въ водѣ, напрягая послѣднія силы въ борьбѣ съ прибоемъ, оставался еще одинъ мужчина, она вновь бросилась въ воду и спасла несчастнаго. Но сила прибоя была такъ велика, что прошло четыре часа, прежде чѣмъ

сняты были на берегъ всѣ утопавшіе, хотя крушеніе произошло почти у самаго берега. Наконецъ, самоотверженная молодая женщина, которая едва держалась на ногахъ отъ усталости, могла вернуться домой, за двѣнадцать миль отъ мѣста происшествія, чтобы обсушиться и прислать дальнѣйшую помощь спасеннымъ. Сестра ея продолжала начатое ею дѣло, принеся на берегъ платье и пищу для промокшихъ до нитки путешественниковъ; на другой день всѣ они получили пріютъ въ домѣ Вернонъ-Боссель, гдѣ и оставались пока оправились настолько, что могли снова пуститься въ путь. Къ сожалѣнію, ухаживая за спасенными на берегу во время бури, сестра героини простудилась и спустя нѣкоторое время умерла въ горячкѣ.

Столько-же самоотверженія и отваги выказала другая молодая дѣвушка, предпринявшая спасеніе нѣсколькихъ рыбаковъ близъ Шотландскихъ острововъ, когда никто не рѣшался на подобный подвигъ. Однажды во время страшной бури вся рыбацья флотилія острова Унста, гдѣ рыбацкій промыселъ является единственнымъ источникомъ заработка всего мѣстечка, — оказалась въ морѣ. Въ минуту опасности всѣ онѣ благополучно вернулись въ пристань за исключеніемъ одной, которая опрокинулась въ борьбѣ съ яростью волнъ, такъ что сидѣшія въ ней попали въ воду и принялись отчаянно бороться съ прибоемъ. Молодая стройная дѣвушка Эленъ Петри принялась тогда убѣждать присутствовавшихъ попытаться спасти погибавшихъ; ей отвѣчали, что это невозможно и всякая попытка пуститься въ море въ такую бурю грозитъ неминуемой смертью.

Тогда Эленъ рѣшила отважно пойти на встрѣчу этой смерти и вошла въ маленькую шлюпку; за ней послѣдовала ея невѣстка и старикъ отецъ, не владѣвшій одной рукою, но другой твердо направившій руль къ мѣсту бѣдствія. Двое изъ рыбаковъ уже скрылись подъ водою, но остальные еще цѣплялись за киль своего опрокинутого

судна. Когда наконецъ, съ помощью невѣроятныхъ усплій, лодка Элленъ подошла къ погибавшимъ, бѣшеная волна сорвала съ опрокинутой лодки одного изъ рыбаковъ и отбросила его на нѣсколько шаговъ. Онъ по всей вѣроятности утонулъ-бы, если-бы Элленъ не схватила его за волосы и не втащила-бы его въ свою лодку. Второго рыбака тоже приняли на лодку, и Элленъ благополучно вернулась на берегъ. Вскорѣ отецъ Элленъ скончался и она зарабатывала себѣ скудный кусокъ хлѣба, служа въ качествѣ горничной въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ и только смерть ея напомнила тѣмъ, которые знали о ея геройскомъ поступкѣ, отважное спасеніе рыбаковъ.

Въ заключеніе нельзя не вспомнить здѣсь о Гресь Дерлингъ, героинѣ Лонгстонскаго маяка. Пустынные Фернскіе острова, расположенные противъ сѣверо-восточнаго берега Нортумберланда, представляютъ группу голыхъ базальтовыхъ скалъ, омываемыхъ со всѣхъ сторонъ вѣчно бушующимъ моремъ. Въ бурное время къ нимъ невозможно подойти часто въ продолженіе цѣлыхъ недѣль; на нихъ никто не можетъ жить за исключеніемъ морскихъ чаекъ и дикихъ гусей, оглашающихъ окрестности своими унылыми криками. Только на одной изъ самыхъ отдаленныхъ изъ этихъ скалъ—Лонгстонской—поставленъ маякъ для судовъ, совершающихъ рейсы между Англіею и Шотландіею. Въ 1838 году смотритель маяка былъ старикъ, жившій тамъ со своей женой и дочерью.

Стояла темная и бурная сентябрьская ночь, когда пароходъ «Форфаршайръ» шелъ изъ Геля въ Дунди. Пароходъ былъ въ довольно плохомъ состояніи: котлы внушали такое опасеніе, что въ дорогѣ сочли нужнымъ убавить пары; кое-какъ добрались до Сентъ-Абсъ-Гида, откуда страшная буря погнала пароходъ назадъ; утромъ, носимый вѣтромъ, онъ со страшной силой налетѣлъ на скалу Гаукерсъ и раскололся на двое. Девять человѣкъ экипажа сѣли въ шлюпку и направились по единственной открытой

имъ дорогѣ въ море. Встрѣчное судно приняло ихъ и доставило въ Шильдсѣ. Остальные же матросы вмѣстѣ съ пассажирами были снесены въ море и утонули, кромѣ девяти, находившихся на передней части корабля, выброшенной на скалу; они метались и звали на помощь.

Гресь Дерлингъ услышала съ маяка ихъ призывы; уже близился разсвѣтъ и Гресь держала послѣднюю смѣну; ея внимательные, дальнозоркіе глаза, несмотря на густой туманъ, разсмотрѣли несчастныхъ, цѣплявшихся за брашпиль на носовой части корабля. Она умолила отца выйти въ море, чтобы подать помощь погибающимъ. Старый Дерлингъ объявилъ было, что это было-бы глупо идти на вѣрную смерть, но все-таки спустил лодку и оба пустились въ море, несмотря на угрожавшую имъ опасность. Но Господь поддержалъ этихъ самоотверженныхъ людей и лодка направилась къ мѣсту кораблекрушенія, при чемъ Гресь напрягала всѣ свои силы, работая веслами и старательно обходя буруны, чтобы лодка не разбилась о нихъ. Всѣ девять погибающихъ были спасены и три дня оставались на маякѣ, гдѣ женщины ухаживали за ними, стараясь поддержать ихъ утомленныя силы. Когда буря улеглась, спасенныхъ переправили на материкъ.

Вся Англія восторгалась героизмомъ молодой дѣвушки; художники являлись на маякъ, чтобы написать ея портретъ, поэтъ Водсвортъ посвятилъ ей стихотвореніе. Театръ Адельфи предлагалъ ей 20 фунтовъ стерлинговъ за одинъ вечеръ, если она согласится показаться на сценѣ въ лодкѣ среди декорацій, изображающихъ кораблекрушеніе. Но она не согласилась оставить свою скалу, маякъ и стариковъ-родителей. Лучшей обстановки не нашлось для этой героини въ цѣломъ мірѣ. Всѣ, кто ее видѣлъ, съ большимъ уваженіемъ отзывались о ея неподдѣльной простотѣ, полнымъ спокойнаго достоинства обхожденіи, добротѣ и великодушій.

Года три спустя послѣ своего подвига она простуди-

лась и угасла въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ чахотки, спокойная и бодрая съ полной вѣрой въ Промыселъ Божій. Незадолго до ея смерти посѣтила ее другая великодушная женщина, желавшая сказать ей послѣднее прости на порогѣ вѣчной жизни. Это была герцогиня Нортумберлендская, женщина большого ума, исполненная въ то-же время глубокой сердечной доброты и самоотверженія. Гресь уже умерла, и о ней рѣдко вспоминаютъ теперь, но подвигъ ея записанъ «въ небесныхъ скрижаляхъ, гдѣ послужитъ предметомъ прославленія ангеловъ, воспѣвающихъ великодушіе и самоотверженныя добродѣтели, свидѣтелямъ которыхъ явилась забывчивая земля».

На нортумберлендскомъ берегу, почти напротивъ Фернскихъ острововъ на высокой пирамидальной скалѣ стоитъ замокъ Бамборо. Въ былыя времена и въ эпоху англійскихъ междоусобныхъ войнъ онъ служилъ крѣпостью, въ послѣднее же время онъ обратился, благодаря трудамъ лорда Крю, епископа Дургемскаго и архидиакона Шерпа, въ пріютъ для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Кораблекрушенія происходятъ тутъ очень часто и въ замкѣ лорда Крю, этого благодѣтеля человѣчества, приготовлено все необходимое для немедленной подачи помощи погибающимъ. Каждую бурную ночь извѣстное число патрулей ходитъ на Бамборо и, замѣтивъ судно, подвергающееся опасности, быстро спускаютъ спасательную шлюпку. Въ туманные дни на Бамборо звонятъ въ колокола, чтобы моряки знали о близости берега. При первомъ сигналь съ какого-либо корабля, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на башнѣ въ замкѣ поднимаютъ обыкновенно флагъ, давая знать несчастнымъ, что ихъ несчастье замѣчено. Изъ замка даются также особыя сигналы для рыбаковъ Святыхъ острововъ, которымъ иногда бываетъ легче подойти къ потерпѣвшему кораблю.

Такъ, подобно могущественному ангелу-хранителю; царить надъ моремъ этотъ благородный замокъ — духъ

вѣчно бодрствующій и великодушный, явля блестящій примѣръ того, что можетъ совершить на землѣ добрый человекъ, даже когда его кости уже тлѣютъ въ могилѣ. Всякій, кто видитъ издали высокія башни этого благотѣтельнаго зданія, щедро оказывающаго помощь всѣмъ несчастнымъ на сушѣ и на морѣ — благословляетъ память лорда Крю, какъ тысячи людей уже благословляли ее среди ужасовъ мрачныхъ, бурныхъ ночей.

ГЛАВА X.

СОЧУВСТВІЕ.

Таинственная сила сочувствія! Она похожа на серебряную цѣпь, которая связываетъ сердце съ сердцемъ и душу съ душою.

Вальтер-Скоттъ.

Человѣкъ относится съ любовью къ своимъ со-братьямъ; самый бѣднѣйшій изъ нищихъ чувствуетъ себя счастливымъ, если ему хоть разъ удалось оказать благодѣаніе тѣмъ, которые въ немъ нуждались—человѣколюбивое сердце бьется въ груди каждаго изъ насъ!

Вордсвортъ.

Сочувствіе является одной изъ величайшихъ таинственныхъ силъ, управляющихъ человѣческой жизнью. Оно смягчаетъ злое начало въ человѣческой душѣ и поддерживаетъ ея добрыя стремленія, обезоруживаетъ всякое сопротивленіе, умиротворяетъ самыя суровыя сердца и развиваетъ всѣ благороднѣйшіе порывы человѣчества. Сочувствіе—одна изъ главнѣйшихъ основъ христіанства и заповѣдь Спасителя «возлюбите другъ друга» сама по себѣ является цѣлымъ откровеніемъ.

Древнее христіанское преданіе рассказываетъ, что святой Евангелистъ Іоаннъ, дожившій тогда уже до глубокой старости и настолько слабый, что не могъ ходить, принесенный однажды своими друзьями на рукахъ въ собраніе вѣрующихъ — сказалъ присутствующимъ: «дѣти, любите другъ друга». — Не имѣешь-ли что еще сказать намъ?—спросили его. «Говорю вамъ еще и еще: любите другъ друга, и все остальное приложится вамъ».

Слова апостола Павла сохраняютъ и понынѣ свой вѣчный и всеобщій смыслъ. Сочувствіе основывается на христіанской любви и представляетъ лишь измѣненное выраженіе душевной привязанности людей другъ къ другу. Исполненные сочувствія мы какъ-бы проникаемся душевнымъ состояніемъ другого, стараемся помочь ему, утѣшить и развлечь его, печалимся вмѣстѣ съ нимъ и радуемся его радостью. Безъ сочувствія не можетъ быть ни истинной любви, ни истинной дружбы; оно живетъ и приноситъ двойное добро, влияя благотворно и на того, кто сочувствуетъ, и на того, кто нуждается въ сочувствіи.

По словамъ извѣстнаго англійскаго духовнаго писателя Фаррара, «своимъ искреннимъ сочувствіемъ мы часто приносимъ ближнимъ большую пользу, чѣмъ всей своей дѣятельностью и готовностью безъ низкой зависти признать чужія заслуги оказываемъ человѣчеству болѣе значительную услугу, чѣмъ какую могли-бы оказать всѣмъ напряженіемъ своихъ личныхъ честолюбивыхъ поступковъ. Человѣкъ теряетъ все: почетное положеніе, влияніе, богатство и даже здоровье, и все-же онъ можетъ считать себя счастливымъ, если научился безмолвно смиряться передъ Господнимъ промысломъ—одно лишь въ жизни незамѣнимо человѣческое сочувствіе, и жизнь безъ него превращается въ тяжелое бремя».

Нельзя конечно отрицать, что далеко не всѣ добрыя дѣла принимаются съ должной признательностью, но это не должно останавливать человѣка, преданнаго дѣламъ добра, потому что даже наиболѣе низко упавшій человѣкъ безусловно имѣетъ всѣ права на оказываемую другъ другу людьми взаимную помощь. Не слѣдуетъ забывать справедливыхъ словъ Іереміи Бенгама, что счастье злого человѣка является для совокупности всего счастья человѣчества, какъ цѣлаго—частицей столь-же необходимой, какъ и счастье добраго и благороднѣйшаго изъ людей. Кромѣ

того, никто не может сдѣлать ни добра, ни зла, которое не обратилось-бы на него самого.

Сочувствіе дѣйствуетъ гораздо убѣдительнѣе всякаго насилія и принужденія: доброе, привѣтливое слово часто имѣло неизгладимое вліяніе надъ людьми, къ которымъ до того напрасно примѣнены были всѣ принудительныя мѣры. Сочувствіе пробуждаетъ въ душѣ любовь и послушаніе, суровость-же приводитъ лишь къ ненависти и сопротивленію. Недаромъ санскритская пословица гласитъ: «власть не представляетъ и половины той силы, какой располагаетъ кротость».

Понимаемое въ болѣе широкомъ смыслѣ сочувствіе подразумѣваетъ всѣ формы общественной благотворительности; оно стремится придти на помощь несчастнымъ и страдающимъ, улучшить положеніе низшихъ классовъ, оказать возможное содѣйствіе въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи между людьми всѣхъ странъ и сословій и соединить дружескими узами всѣхъ враждующихъ и разединенныхъ. Эти благородныя побужденія являются обязанностью каждаго изъ насъ, въ особенности же тѣхъ, кого судьба щедро надѣлила преимуществами богатства, знанія или высокаго общественнаго положенія. Посвящающему хоть часть своего времени и своихъ силъ на увеличеніе общаго благосостоянія не требуется для этого ни особенныхъ денежныхъ средствъ, ни особенныхъ умственныхъ способностей. Мы склонны слишкомъ цѣнить силу богатства, забывая, что всѣ соціальныя основы вытекаютъ изъ идеи братства. «Поступайте съ другими такъ, какъ вы хотите, чтобъ другіе поступали съ вами» — а исходя изъ подобнаго міровоззрѣнія, нельзя отрицать, что и бѣдный часто можетъ помочь богатому, слабый сильному, невѣжда знающему, и наоборотъ. Все обусловливается высшими степенями силы, потому что не ученики создаютъ своихъ учителей, не людьми бесполезными и безпомощными создаются тѣ, которые призваны поддерживать ихъ.

Человѣкъ можетъ сдѣлать изъ своей жизни какое угодно употребленіе и придать ей столько значительности и цѣнности, насколько чувствуетъ себя въ силахъ это сдѣлать, такъ какъ вполне обладаетъ способностью управлять всѣми своими духовными силами.

Талантъ и умъ безусловно доставляютъ человѣку множество высокаго наслажденій, но истинное счастье мы находимъ лишь въ любви и симпатіи. Люди, какъ и наши собственныя дѣти, становятся намъ тѣмъ дороже и ближе, чѣмъ больше заботъ и страданій вынесли мы изъ-за нихъ.

Докторъ Кельвингтонъ писалъ своему другу, м-съ Флетчеръ, когда ей было всего 17 лѣтъ, — слѣдующее: «Я не знаю никого, кто пользовался бы такой всеобщей нѣжной и искренней любовью, съ какой всѣ относятся къ вамъ, — убѣжденъ, что вы приобрѣли ее благодаря вашей собственной способности любить».

Глубокаго сожалѣнія достойны тѣ люди, которые въ продолженіе цѣлой жизни эгоистично стремились лишь къ достиженію собственнаго благополучія и, даже совершая доброе дѣло, думаютъ лишь о собственномъ душевномъ спокойствіи, или о томъ, какъ бы только избѣгнуть укоръ совѣсти. Многіе, искренно убѣжденные въ утонченности своихъ чувствъ, любятъ нѣжно только самихъ себя, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ. Они чрезвычайно вѣжливы и обходительны въ обществѣ, но посмотрѣли-бы вы, съ какой холодностью, суровостью и пренебреженіемъ обходятся они съ членами собственной семьи! Какое грустное впечатлѣніе производитъ на слушателя эпизодъ съ ребенкомъ, которому толковали о томъ, что на небѣ онъ увидится со всѣми близкими. «А папа будетъ тамъ?» — спросилъ онъ. — Конечно. — «Въ такомъ случаѣ я не хочу идти туда», — отвѣтило дитя.

Въ жизни чрезвычайно распространено проявленіе ложнаго сочувствія, горячо высказываемаго на словахъ, но не приносящаго никому практической пользы. Такъ извѣстный

англійскій писатель Стернъ, «отецъ сентиментальнаго направления въ литературѣ», рассыпался въ сожалѣніяхъ по издохшемъ ослѣ въ то время, какъ его собственная жена умирала съ голоду. Много богато одаренныхъ людей умѣютъ прекрасно говорить о страданіяхъ человѣчества, не желая и пальцемъ шевельнуть, чтобы помочь угнетенному.

Извѣстный писатель, Александръ Ноксъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ произведеній: «Чувство скорѣй всего возбуждается сочувствіемъ. Сердце дѣйствуетъ на сердце; представленіе о живомъ человѣкѣ существенно необходимо для всякаго душевнаго движенія». Дѣлать добро во имя добра — вотъ что составляетъ истинное человѣческое достоинство.

Возрожденіе человѣчества совершается не столько благодаря отвлеченному познанію правды, сколько подъ вліяніемъ вдохновенія свыше, которое высказывается въ добромъ отношеніи, въ сочувствіи человѣка человѣку и вселяетъ въ насъ убѣжденіе о томъ, что всѣ люди—братья. Тотъ, кто стремится жить одной жизнью со своимъ ближнимъ, оказывая всякому нуждающемуся поддержку по мѣрѣ своихъ силъ въ нравственномъ, общественномъ и религіозномъ отношеніи, дѣйствуетъ согласно съ Высшей волей и очищаетъ тѣмъ свое собственное сердце отъ всякаго эгоизма, высокомерія и честолюбія. Принципъ состраданія и взаимнаго сочувствія и поддержки, проявляющійся на самой полезной для человѣчества аренѣ дѣятельности—облегченіи челоѣческихъ невзгодъ и бѣдствій—проведенъ въ жизнь исключительно христіанствомъ и имѣетъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ какое-либо важнѣйшее научное открытіе.

Лучшіе и благороднѣйшіе люди исполнены обыкновенно и самаго горячаго сочувствія къ своимъ ближнимъ и выражаютъ его самымъ энергичнымъ образомъ въ словѣ и дѣйствіи. Превосходнымъ примѣромъ подобныхъ людей

можетъ служить епископъ Фенелонъ, авторъ «Телемака». Проповѣди его отличались необыкновенной простотой и сердечностью; вдохновенныя человѣколюбіемъ онѣ находили прямой путь къ сердцу ближнихъ. Съ рѣдкимъ тактомъ Фенелонъ умѣлъ обходиться съ людьми всякаго званія; встрѣчая на прогулкѣ кого-либо изъ своихъ прихожанъ-крестьянъ, онъ садился съ ними на траву, долго бесѣдовалъ и давалъ полезныя совѣты. Часто онъ заходилъ къ нимъ въ хижины и охотно раздѣлялъ съ ними ихъ скромную трапезу. Во время войны за испанское наслѣдство домъ его былъ постоянно наполненъ больными и ранеными, которые были окружены наилучшимъ уходомъ. Вѣсть о добротѣ и благодѣяніяхъ Фенелона разнеслась не только среди его прихожанъ, но самыя враги, наводнившіе страну, съ глубокимъ уваженіемъ относились къ великодушному епископу. Въ его глазахъ казалось не существовало разницы религій, національностей и общественныхъ положеній и въ его покояхъ равно находили пріютъ всѣ несчастныя, отторгнутыя войной отъ родины и близкихъ.

Не разъ высказано было мнѣніе, что сочувствіе являлось также главнѣйшей чертою характера Нормана Меклеода: онъ интересовался даже самыми незначительными людьми; самый простой человѣкъ къ качеству члена общечеловѣческой семьи занималъ его и вызывалъ его сочувственнае къ себѣ отношеніе. Одинъ кузнецъ такъ отзывался о немъ: «Навѣщая меня, онъ разговаривалъ со мною такъ, какъ-будто самъ былъ простымъ кузнецомъ».

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей судьи въ Глазго, Меклеодъ сказалъ: «Человѣкъ сосредоточиваетъ на себѣ всю вообще дѣятельность и мышленіе человѣчества. Все, что живетъ въ немъ и отъ него исходитъ, имѣетъ громадное значеніе въ міровой жизни. Намъ нужны живые люди: не однѣ ихъ книги или деньги, но они сами. Что значатъ тѣ и другія для нищихъ и отверженныхъ, угнетенныхъ и падшихъ, если они не могутъ прочесть въ взо-

ракъ сочувствующаго имъ человѣка ту любовь и участие которыя говорятъ имъ о внутреннемъ мирѣ и облегченіи, обрѣтенномъ наконецъ измученнымъ сердцемъ. Съ какой безконечной благодарностью принимаютъ они всякое стараніе сблизиться съ ними со стороны добрыхъ людей, которые добровольно идутъ изъ полной комфорта обстановки въ пріютъ нищеты и горя, чтобы одобрить страдающихъ ласковымъ словомъ».

Въ другой разъ онъ сказалъ: «Я убѣжденъ, что народъ нашъ необходимо воспитывать въ понятіяхъ о необходимости исполненія каждымъ своего личнаго долга, состоящаго въ постоянномъ трудѣ, трезвости, добротѣ, разумности и цѣломудріи; воспитаніе должно научить человѣка исполненію долга—въ качествѣ отца его дѣтей, члена общества, государства; отсюда ясно, что воспитаніе народа должно быть все проникнуто христіанскимъ началомъ и основано на немъ».

Все высказанное Норманомъ Меклесдомъ вполне приѣмлемо къ Лондону, самому богатому и въ то-же время самому бѣдному городу въ мірѣ; мало кому извѣстно, что представляетъ восточный конецъ Лондона, подавленный нуждой, преступленіемъ и порокомъ. Многіе охотно жертвовали деньги съ цѣлью возвысить по возможности умственный и нравственный обликъ народа, но рѣдкіе посвящали этой задачѣ свой трудъ и свое время. Блестящимъ исключеніемъ является Эдуардъ Денисонъ, вполне отдавшійся дѣлу нравственнаго оздоровленія восточнаго Лондона. Прежде всего онъ учредилъ здѣсь копѣечныя сберегательныя кассы, убѣжденный, что отвлечетъ этимъ народъ отъ пагубной привычки тащить въ кабакъ весь свой заработокъ, заложивъ въ немъ стремленіе заботиться о будущемъ своемъ и своей семьи. Впослѣдствіи онъ основалъ тамъ-же школы, читальни, выстроилъ желѣзную церковь. Его усилія принесли свои плоды, но конечно одинъ не могъ сдѣлать много для цѣлой массы несчастныхъ.

«Какъ это странно и ужасно, — говоритъ онъ, — что въ богатѣйшей странѣ міра громадный процентъ населенія обреченъ на постоянную голодовку и вымираніе. Причина вѣроятно та, что мы приняли изумительное развитіе благосостоянія за послѣднія двадцать лѣтъ, не привнявъ во вниманіе соединенныхъ съ нимъ усилій и жертвъ, которыхъ и не выполнили».

Къ несчастью, Норманъ Меклеодъ скончался, прежде чѣмъ успѣли появиться всходы того, что онъ посѣялъ — онъ указалъ лишь путь тому, кто пожелалъ бы слѣдовать за нимъ.

Жозефъ де-Метръ, извѣстный французскій философъ, воскликнулъ однажды въ концѣ своей многотрудной жизни: «Не знаю, какова жизнь негодяя, я имъ никогда не былъ, но жизнь честнаго человѣка невыносима. Не много найдется среди насъ такихъ, путь которыхъ на этой глупой землѣ отмѣченъ истинно полезными и добрыми дѣлами. Я преклонюсь передъ тѣмъ, о комъ можно сказать: «reg-transivit benefaciendo», кому удалось научить, утѣшить и возвысить своихъ ближнихъ: все это безмолвные герои благотворительности, безвѣстные и безкорыстные. Но какъ живутъ остальные? Многіе-ли изъ тысячи могутъ безъ ужаса спросить себя: «Что сдѣлано мною въ жизни? Какую память я по себѣ оставляю?»

Зло нашего времени коренится въ отсутствіи симпатій, въ обособленности различныхъ классовъ общества; богатые и бѣдные сторонятся другъ друга; первые не желаютъ сочувствовать и направлять, вторые уважать и подчиняться.

Старый прекрасный принципъ, состоящій въ томъ, что неравенство состояній должно уравниваться проявленіемъ милосердія и любви родившихся въ лучшей долѣ по отношенію къ ихъ бѣднымъ собратьямъ замѣненъ привычкой выше всего ставить свой личный интересъ, въ силу котораго все, что стоитъ у насъ на пути, должно быть снесено и уничтожено.

Исчезло сочувствіе между работодателями и служащими. Въ большихъ фабричныхъ центрахъ хозяева и работники живутъ совершенно обособленной жизнью, нисколько не понимая другъ друга. Желая повышенія заработной платы, рабочіе устраиваютъ стачки; стремясь понизить заработную плату, хозяева въ свою очередь уменьшаютъ число рабочихъ: положеніе сразу обостряется; часто во время переговоровъ волненіе и взаимное неудовольствіе только возрастаютъ, и рабочіе рѣшаются заставить хозяина согласиться на ихъ требованія съ помощью принудительныхъ мѣръ: поджога, вооруженнаго бунта и т. п. Дѣло оканчивается вмѣшательствомъ солдатъ или полиціи, но сколько вреда приноситъ оно съ собою уму и сердцу обоихъ враждующихъ становъ!

Подобнымъ-же образомъ обстоитъ дѣло и съ домашней прислугой: и тутъ исчезла всякая потребность сохранить между хозяевами и служащими какое-либо пріязненное отношеніе, между тѣмъ домашняя жизнь не можетъ быть основана единственно на принципѣ купли и продажи; прежде прислуга считалась членомъ семьи, и сами наемные слуги смотрѣли на себя съ этой точки зрѣнія и хозяева вполне могли въ затруднительныхъ случаяхъ полагаться на ихъ добросовѣстность. Теперь-же все это измѣнилось: между нанимателемъ и нанимаемымъ не существуетъ ни малѣйшаго сочувствія, они словно живутъ въ разныхъ странахъ и говорятъ на разныхъ языкахъ.

Тѣмъ отраднѣе слышать изрѣдка о томъ или другомъ случаѣ самоотверженной службы прислуги стараго закала. Такъ у одного стараго небогатаго джентльмена служила въ продолженіе многихъ лѣтъ женщина по имени Анна Майкей, не получая отъ своего господина ни жалованья, ни подарковъ. Тѣмъ не менѣ послѣ его смерти она отказалась отъ всякаго вспомошествованія изъ благотворительнаго общества, объясняя это тѣмъ, что она еще въ силахъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Подобная привязанность

служанки къ своему господину, исчезнувъ вмѣстѣ съ прошлымъ поколѣніемъ—будетъ для поколѣній новыхъ неизвѣстнымъ и чуждымъ чувствомъ.

Недостатокъ сочувствія является въ наше время все болѣе и болѣе распространеннымъ и замѣтнымъ элементомъ нашей общественной жизни. Мы не знаемъ другъ друга и не заботимся другъ о другѣ; каждый, не обращая вниманія на окружающихъ, рвется къ своей личной цѣли: богатству или извѣстности. Никому не приходится въ голову поддержать тѣхъ, которые обременены болѣе тяжелой ношей, чѣмъ наша: всякое чувство братства исчезло, и масса людей равнодушно пагаетъ по трупамъ, попирая права ближняго на жизнь и собственность.

Человѣкъ эгоистичный и праздный мало или вовсе не заботится объ остальныхъ людяхъ: «Что мнѣ за дѣло до нихъ,—думаетъ онъ,—чего ради я долженъ помогать имъ? Они сами ничего не сдѣлали для меня. Въ мірѣ вѣчно будетъ царить нужда: необходимо терпѣливо переносить то, чего нельзя измѣнить. Что-же я могу сдѣлать?» И этотъ припѣвъ: что я могу сдѣлать—повторяется слишкомъ часто. Лѣннинецъ является дѣятельнымъ животнымъ въ сравненіи съ этими безучастными людьми.

Со всѣмъ тѣмъ человѣкъ, не желающій обращать никакого вниманія на нужды и потребности своего ближняго и приходитъ на помощь нуждающемуся нравственными или матеріальными средствами, часто много проигрываетъ этимъ въ жизни по отношенію къ самому себѣ. Онъ не заботится объ улучшеніи питанія и воздуха, отравленнаго всевозможными миазмами въ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, и тифъ, горячка и другія заразительныя болѣзни, которыя развиваются въ нихъ, проникаютъ въ его комфортабельный домъ и уносятъ его близкихъ. Ему нѣтъ дѣла до нищеты, невѣжества и порока, которые гнѣздятся въ этихъ вонючихъ пріютахъ разврата, но ночной воръ крадывается въ его уютный уголокъ. Онъ не заботится о

политикѣ, но когда война разразится, онъ будетъ платить налоги и отдасть въ военную службу своихъ сыновей; однимъ словомъ—человѣкъ, избравшій себѣ принципомъ жизни поговорку: «какое мнѣ дѣло», рано или поздно силою обстоятельствъ придетъ къ убѣжденію, что его безучастное отношеніе ко всему вовсе не представляетъ особенныхъ выгодъ.

Человѣкъ безучастный оказался виновникомъ общеизвѣстной катастрофы: «Благодаря недостающему гвоздю лошадь потеряла подкову, потеря подковы привела за собою потерю лошади, потеря лошади была виной гибели человѣка».—Маленькія причины часто влекутъ за собою тяжелья послѣдствія.

Политико-экономы считаютъ, что отношенія между хозяевами и прислугой имѣютъ въ основѣ чисто-денежный принципъ: извѣстное количество работы за извѣстное жалованье; быть можетъ они правы съ своей точки зрѣнія, но философъ-моралистъ, государственный дѣятель и человѣкъ вообще должны были бы смотрѣть на эти отношенія, какъ на общественный союзъ, который налагаетъ на обѣ стороны извѣстныя обязанности и требуетъ взаимнаго сочувствія и привязанности.

«Да,—сказалъ однажды Сидней Смитъ объ одномъ весьма извѣстномъ парламентскомъ ораторѣ,—онъ утилитаристъ по убѣжденію! Онъ такъ жестокъ, что вы могли бы проѣхать по немъ въ тяжело нагруженномъ экипажѣ и это не произвело бы на него никакого впечатлѣнія; а если-бы пробуравить въ немъ отверстія — то я увѣренъ, что изъ нихъ посыпалась-бы опилка. Подобные люди смотрятъ на себѣ подобныхъ, какъ на бездушные механизмы: они, повидимому, не имѣютъ никакого понятія о душевныхъ потребностяхъ и сердечныхъ порывахъ».

Куда скрылась изъ міра былая честность, вѣрность и доброта душевная? Все повидимому исчезло безслѣдно и свелось лишь къ чисто денежнымъ вопросамъ. Взаимное

уваженіе и довѣріе точно также разошлось, какъ дымъ: «Человѣка, не уважающаго другихъ, никто въ свою очередь не уважаетъ»,—сказалъ Гербертъ. Тому, кто хотѣлъ-бы запасть житейскою мудростью и руководящимъ добрымъ началомъ, слѣдуетъ вернуться къ прежнимъ временамъ.

Мы нуждаемся не столько въ научномъ образованіи, сколько въ воспитаніи нравственномъ, въ пріобрѣтеніи привычки къ размышленію, внимательному отношенію къ жизни и умѣнію добыть себѣ счастье, потому что никогда богатство не можетъ дать ничего, кромѣ удовольствій низшаго порядка. Бёрнсъ говоритъ: «Не титулы ичины, никакія сокровища лондонскаго банка не въ силахъ доставить намъ душевный миръ и спокойствіе; точно также ни знанія, ни ученость, ни сила разума не дадутъ намъ истиннаго счастья. Если счастье не находитъ себѣ пріюта въ нашемъ собственномъ сердцѣ—мы можемъ быть умны, богаты и славны, только никакъ не счастливы!»

Богатые люди нерѣдко бываютъ такъ-же несчастны, какъ и бѣдные. Богатый въ своей погонѣ за деньгами часто теряетъ мало-по-малу охоту бороться съ затрудненіями другого рода. Нажившіе себѣ богатство дѣловые люди сплошь да рядомъ не знаютъ, что съ нимъ дѣлать? Всѣ свои способности и стремленія онъ убилъ лишь на жажду пріобрѣтенія: кругъ его удовольствій очень ограниченъ, потому что его умъ и сердце не развиты: онъ не находитъ удовольствія ни въ книгахъ, ни въ прогрессахъ науки и искусства, ни въ помощи бѣдному и страдающему человечеству. А между тѣмъ у него въ рукахъ волшебный источникъ—деньги: онъ можетъ утишить муки нищеты, обрадовать отчаявшееся сердце вдовы или сироты, накормить голоднаго, напоить жаждущаго. Но нѣтъ, онъ весь преданъ накопленнымъ деньгамъ и ему жаль разстаться съ ними, чтобы придти на помощь угнетенному судьбой.

Чѣмъ скромнѣе и пренее нашъ образъ жизни, чѣмъ

меньше мы стремимся къ наживѣ, тѣмъ мы счастливѣе, потому что отсутствіе эгоизма имѣетъ способность искоренять наши пороки, заглушать себялюбивыя желанія, укрѣплять наши душевныя силы и развивать высшія духовныя стремленія человѣческой природы. «Чѣмъ меньше у человѣка потребностей, тѣмъ онъ ближе къ Богу»,—сказалъ Сократъ. Когда слуга Микель Анджело смертельно заболѣлъ, пожилой уже скульпторъ, не обращая вниманія на свои собственныя болѣзни, день и ночь ухаживалъ за нимъ. «Любезнѣйшій другъ,—писалъ онъ своему пріятелю Васари,—мнѣ тяжело писать, но не хочу оставить тебя безъ отвѣта: Урбино, какъ тебѣ извѣстно, умеръ. Смерть его была для меня въ одно и то-же время и облегченіемъ и тяжкимъ испытаніемъ: облегченіемъ потому, что Урбино, при жизни окружавшій меня своими не/станными заботами, подалъ мнѣ своей смертью примѣръ, какъ надо умирать безъ сожалѣнія и даже съ радостью. Онъ прожилъ со мною цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ и ни разу не измѣнилъ себѣ: былъ добръ, кротокъ, уменъ и преданъ мнѣ—и вотъ въ то время, когда я надѣялся найти въ немъ опору своей старости, онъ меня покидаетъ, оставивъ мнѣ лишь надежду свидѣться съ нимъ въ лучшей жизни».

Приобрѣвшій себѣ всеобщее уваженіе картезіанскій монахъ Діонисій такъ наставлялъ супружескія пары: «Поступайте со своими слугами такъ, какъ вы желали-бы, чтобы съ вами обращались другіе, если-бы вы служили у нихъ. Выказывать по отношенію къ своимъ слугамъ терпѣніе, дружелюбное чувство, кротость и справедливость вмѣняется въ обязанность каждаго хозяина и хозяйки; не слѣдуетъ обходиться съ прислугой надменно и сурово; проступки слугъ должны быть прощаемы со всей христіанской снисходительностью, или же въ крайнемъ случаѣ хозяинъ долженъ ограничиться дружескимъ выговоромъ и принять всѣ мѣры къ исправленію провинившагося слуги, не забывая ни на минуту, сколько проступковъ ежечасно

совершаемъ мы, слуги Всевышняго, и съ какимъ милосердіемъ терпѣть все это нашъ Господь и Отецъ».

Мы трудимся и боремся не за себя лишь однихъ, но должны заботиться, чтобы нашъ трудъ не оставался безъ пользы и для другихъ. Семейныя узы и привязанности, любовь къ ближнимъ и друзьямъ, гражданскія обязанности и т. п. основаны на болѣе благородныхъ принципахъ и доставляютъ человѣку болѣе нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ всевозможные эгоистичные денежныя расчеты. «Никто изъ людей, преданныхъ наживѣ, или свѣтскимъ удовольствіямъ, или погонѣ за славой, не можетъ въ то-же время быть настоящимъ другомъ человѣчества»,—говоритъ Эпиктетъ. «Быть другомъ человѣка,—сказалъ между тѣмъ св. Антоній,—значитъ дѣйствительно жить». Любовь къ ближнему—это всеобъемлющее доброе начало. Такая любовь, просвѣтленная человѣческимъ разумомъ, является единственной спасительницей угнетеннаго человѣчества. Любовь къ совершенству неразлучно связана съ глубокимъ отвращеніемъ ко всему, что недостойно и грязно. Фруасаръ выразился о Гастонѣ де-Фуа, какъ о «человѣкѣ настолько прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ, что нѣтъ достойныхъ похвалъ, которыя могли-бы выразить все величіе его души; онъ горячо любилъ все, достойное любви и пламенно ненавидѣлъ все, заслуживающее ненависти». «Добродѣтель,—сказалъ также блаженный Августинъ,—представляетъ не что иное, какъ любовь, направленную къ добру; она любитъ достойное и ненавидитъ отвратительное».

«Что такое воздержанность,—говоритъ другой духовный писатель,—какъ не духовная любовь, которую не можетъ совратить съ пути никакое физическое удовлетвореніе? Что такое благоразуміе, какъ не любовь, которую не можетъ соблазнить никакое заблужденіе? Что такое мужество, какъ не любовь, терпѣливо переносящая всѣ испытанія? Что такое справедливость, какъ не любовь, которая словно

по волшебству сглаживаетъ всякое неравенство въ жизни міра?» Стоики тоже признавали глубокое вліяніе любви на судьбы міра. «Пока отсутствовала среди людей братская любовь,—говоритъ Сократъ,—много ужаснаго происходило въ мірѣ въ силу необходимости; когда-же возродился этотъ Богъ—счастье сдѣлалось, наконецъ, доступнымъ для человѣка».

Доброта и сочувствіе являются свѣтомъ и тепломъ жизни и съ благодарностью отплавчиваются тѣми, на кого обращены, съ такой готовностью, какой никогда нельзя купить ни за какія деньги. Сочувствіе является добрымъ гениемъ домашняго очага, оно служитъ прочной связью между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, господами и слугами и только въ семье, среди которой оно царитъ, можетъ достигнуть истиннаго счастья.

Сэръ Артуръ Гельпсъ, извѣстный англійскій мыслитель и писатель говоритъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ: «Когда ты видишь человѣка, съ каждымъ днемъ богатѣющаго или достигающаго все большей извѣстности или высокаго положенія—ты готовъ причислить его къ людямъ, которымъ покровительствуетъ удача. Но если его частная жизнь идетъ беспорядочно и нестройно, если въ его домашней обстановкѣ нѣтъ комфорта и порядка или связей, основанныхъ на глубокой привязанности всѣхъ членовъ семьи между собой, если его слуги вспоминаютъ свое пребываніе въ его домѣ не иначе, какъ съ горечью, то и позволю себѣ замѣтить что это человѣкъ несчастный, и весь его жизненный успѣхъ сводится къ нулю. Какія бы онъ ни одержалъ побѣды, одной важной крѣпости онъ во всякомъ случаѣ не въ силахъ былъ взять. Можетъ быть разумъ его, подобно солнцу, рассылалъ въ различныя направленія свои яркіе лучи, тѣмъ не менѣе одного всегда недо-ставало въ нихъ: источника любви, теплаго гнѣзда, которое свивается въ самой глубинѣ человѣческаго сердца».

Описывая образъ жизни венеціанскихъ патриціевъ,

Кардано, известный ученый XVI вѣка, съ особенной любовью останавливается на ихъ ласковомъ и въ высшей степени гуманномъ обращеніи съ прислугой.

Ясно, насколько сочувствіе и любовь необходимы въ семьѣ. «Первичной формой общественныхъ отношеній является бракъ, затѣмъ семья и наконецъ государство»,—говоритъ Цицеронъ. Отецъ, находящійся во главѣ семьи—монархъ и правитель, но власть должна основываться на любви и сочувствіи. Всякаго рода прогрессъ имѣеть свое начало въ семьѣ: изъ этого источника, чистаго или уже помутившагося, проистекають принципы, двигающіе жизнью общества. Жанъ Поль Рихтеръ говоритъ: «Благороднѣйшею и самой чарующей способностью, какой только природа могла надѣлать женщину для счастья всего ея потомства—это ея способность любить горячо и беззавѣтно, а часто безъ взаимности. Ребенка осыпають ласками, поцѣлуями, заботами, окружають его любовью и уходомъ—на все это онъ отвѣчаетъ въ началѣ жизни капризами и криками; требуя больше всѣхъ, онъ оплачиваетъ меньше всѣхъ. Тѣмъ не менѣе мать не перестаетъ любить своего ребенка, и любовь ея словно растетъ вмѣстѣ съ его неблагодарностью и беспомощностью. Чѣмъ слабѣе ребенокъ, тѣмъ горячѣй любовь къ нему матери, тогда какъ отецъ обыкновенно больше привязывается къ тому изъ дѣтей, который сплнѣе и здоровѣе».

На мужѣ лежитъ обязанность управлять домою, на женѣ и матери—заботиться о его внутреннемъ благосостояніи. Но если отецъ не умѣетъ управлять семьей съ помощью доброты и самообладанія, а мать не научилась создать изъ нея пріютъ комфорта и спокойствія—супружество такихъ людей грозитъ обратиться въ постоянную войну. Одна женщина, съ которой мужъ собирався разводиться, сказала ему: «Верни мнѣ въ такомъ случаѣ то, что я тебѣ принесла».—Ты, разумѣется, получишь назадъ все свое состояніе,—сказалъ онъ ей. «Я говорю не о немъ,

—возразила леди,—возврати мнѣ красоту и молодость, дѣвство моей души, надежды и веселость, истинное мое богатство!»

Если супруги стремятся добыть себѣ истинное счастье въ своемъ союзѣ, оба должны быть правдивы, скромны, полны сочувствія ко всему окружающему и любви къ своимъ дѣтямъ. Мужъ долженъ найти въ женѣ вѣрнаго друга своей души, а жена въ мужѣ—крѣпкую поддержку. Въ семейной жизни можетъ встрѣтиться людямъ много испытаній, но всѣ они преодолеваются самообладаніемъ и терпѣніемъ. «Терпѣніе характеризуетъ истинно мужественнаго человѣка и служитъ лучшимъ украшеніемъ женщины,—говоритъ Тертуліанъ,—его любятъ въ ребенкѣ, одобряютъ въ юношѣ, и во всякомъ возрастѣ оно имѣетъ свою цѣну».

Донъ Антоніо Геварра, разговоривая съ однимъ валенсійскимъ дворяниномъ объ обязанностяхъ супруга, сказалъ ему, что если онъ собирается доказать что-либо разсерженному человѣку, то ему не достанетъ на это силы Сампсона и мудрости Соломона. Вотъ почему слѣдуетъ быть выносливымъ и терпѣливымъ въ жизни; одна унція хорошаго расположенія духа стоитъ цѣлой тонны меланхоліи.

Лучшимъ приготовленіемъ и къ внѣшней, и къ внутренней жизни и дѣятельности женщины является тщательное развитіе въ ней женственности. Невозможно подыскать вполне точнаго опредѣленія этого слова: съ одной стороны оно подразумѣваетъ нѣкоторую слабость, необходимость въ какой-либо нравственной поддержкѣ, потребность вѣрять, любить и подчиняться, а съ другой стороны извѣстную душевную силу, которая даетъ женщинѣ способность охранять, ободрять и поддерживать. Преданная жена съ сочувствіемъ относится къ занятіямъ мужа: она ободряетъ его, утѣшаетъ и помогаетъ ему по мѣрѣ силъ. Она радуется его успѣхамъ и всѣми силами старается смягчить его горе. Великій физикъ Фарадей на семьде-

сять второмъ году жизни писалъ своей женѣ, съ которой счастливо прожилъ много лѣтъ: «Я горю желаніемъ видѣть тебя, дорогая, поговорить съ тобою и припомнить вмѣстѣ все то добро, которое ты мнѣ сдѣлала. Голова моя и сердце такъ полны, но мои воспоминанія такъ много теряютъ безъ тебя, даже когда я сижу въ кругу своихъ друзей. Тебѣ придется вновь принять на себя прежнюю обязанность: быть опорой моею слабѣющей памяти, согрѣть меня счастьемъ и забвеньемъ всего тяжелаго».

Прекраснымъ образцомъ сочувствующаго и безкорыстно преданнаго сердца можетъ служить извѣстный поэтъ и писатель Чарльзъ Ламбъ. Страшное событіе имѣло рѣшающее вліяніе на всю его жизнь: сестра поэта, Мэри Ламбъ, нанесла однажды своей матери въ припадкѣ бѣшенства смертельный ударъ въ сердце кухоннымъ ножомъ. Ей было тогда лѣтъ двадцать. Съ этой минуты Чарльзъ рѣшился посвятить себя всего своей несчастной дорогой сестрѣ и добровольно сдѣлался ея неразлучнымъ спутникомъ, отказавшись отъ всякой мысли о любви и женитьбѣ и приложивъ всѣ старанія, чтобы вырвать изъ своего сердца единственный дорогой ему когда-то образъ.

По выходѣ изъ дома умалишенныхъ Мэри Ламбъ принялась за литературную дѣятельность. Газлитъ отзывается о ней, какъ о самой благоразумной и высокообразованной дѣвушкѣ, какую онъ когда либо зналъ, хотя припадки бѣшенства и возвращались къ ней въ теченіе всей ея жизни. Когда она чувствовала наступленіе припадка, Чарльзъ заботливъ отводилъ ее въ психіатрическую больницу. Когда временное безуміе проходило, Мэри возвращалась къ брату, который съ восторгомъ привѣтствовалъ ее и съ заботливой нѣжностью обходился съ нею. Эта трогательная дружба брата и сестры сохранилась неизмѣнной въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ и омрачалась только болѣзнью Мэри. Такимъ образомъ Чарльзъ благородно и мужественно исполнилъ свой долгъ.

Сочувствіе къ ближнему часто проявляется въ горячемъ стремленіи спасти жизнь тѣхъ, которые находятся въ опасности. Мы уже привели не мало примѣровъ такого рода сочувствія. Припомнимъ здѣсь еще одинъ. Однажды леди Уатсонъ собирала на берегу моря раковины для своей коллекціи. Поднявъ голову, она увидѣла вдали на рифѣ человѣка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою. Она рѣшила спасти его. Приливъ быстро надвигался, и волны яростно катились къ берегу; казалось, спасти несчастнаго было невозможно. Тѣмъ не менѣе, леди Уатсонъ предложила щедрую награду тому изъ лодочниковъ, который согласится подойти къ скалѣ. Сначала лодочники колебались, затѣмъ одинъ изъ нихъ отчалилъ и благополучно добрался до скалы и спасъ незнакомца, который, повидимому, уже изнемогалъ, усиливаясь удержаться на скалѣ. Его доставили на берегъ. Каково было изумленіе леди Уатсонъ, когда въ спасенномъ по ея настоятельнымъ просьбамъ незнакомцѣ она узнала собственнаго мужа!

Часто одно сказанное во-время слово неизгладимо-глубоко западаетъ въ душу человѣка: приходскій священникъ Ольней, другъ Купера, принадлежалъ къ числу людей, бесѣда которыхъ оказывала самое благотворное вліяніе на всѣхъ, кто имѣлъ случай пользоваться ею.

«Одно воспоминаніе о милой женщинѣ спасло меня отъ безчисленныхъ искушеній, — писалъ одинъ путешественникъ, пробывшій нѣкоторое время среди полудикаго народа, гдѣ вель самый необузданный образъ жизни.—Никто изъ моихъ родныхъ не зналъ ее: она умерла до моего переселенія на чужбину. Но любовь къ ней осталась жить въ моемъ сердцѣ; не разъ приходилось мнѣ въ жизни сталкиваться съ такими препятствіями, преодолѣть которыя я былъ бы не въ силахъ, если бы не память о ней. Ни на минуту не приходило мнѣ въ голову, что я лишился ея любви, а потому, не желая быть недостойнымъ ея, я никогда не рѣшался ходить въ такія мѣста, куда

не могъ-бы повести ее съ собою, если бы она была жива. И когда мнѣ бывало скучно безъ товарищей, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ ихъ веселой компаніи, я вспоминалъ о ней и находилъ поддержку въ мысли, что это дѣлается ради нея».

Слѣдующій примѣръ, приведенный однажды Робертомъ Коллейеромъ въ одной изъ его проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ бытность его пасторомъ въ Нью-Йоркѣ, доказываетъ намъ, наоборотъ, насколько можетъ очерствѣть сердце человѣка, незнакомаго и съ тѣнью сочувствія. Родина мистера Коллейера — Кейглей, но большую часть своей молодости онъ провелъ въ Илклеѣ, гдѣ учился кузнечному ремеслу у кузнеца Джека Бирча. Затѣмъ онъ промѣнялъ молотъ на должность проповѣдника у методистовъ. Переселившись въ Америку, онъ продолжалъ произносить свои необыкновенно живыя и поэтичныя проповѣди, отличавшіяся глубокой опытностью и знаніемъ человѣческаго сердца.

«Помню я,—говорилъ онъ,—какъ однажды, лѣтъ около тридцати тому назадъ, во время одного изъ нашихъ братскихъ собраній въ церкви методистовъ въ Англіи, одинъ изъ членовъ общины рассказалъ, какъ онъ лишился сначала своей жены, а потомъ и всѣхъ своихъ дѣтей, умершихъ одинъ за другимъ отъ лихорадки, и какъ онъ во время всѣхъ этихъ испытаній сумѣлъ сохранить ясность души, чувствуя себя какъ бы закованнымъ въ ризу божественной благодати, и спокойствіе это не покидало его и въ ту минуту, когда онъ говорилъ съ нами. Тогда старый, всѣми уважаемый проповѣдникъ обратился къ нему и сказалъ: «Братъ, иди теперь въ свое жилище, пади на колѣни передъ Господомъ и не вставай до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь въ себѣ новаго лучшаго человѣка. Изъ твоего разсказа видна только черствость твоего сердца, а вовсе не осѣнявшая тебя Божія благодать. Никогда религія не лишаетъ человѣка его способности глубоко чувство-

вать, напротивъ, она способствуетъ развитію чело­вѣчности и чувства, и если бы въ тебѣ дѣйствительно билось чело­вѣческое сердце, то понесенныя тобою потери нанесли бы ему неизлѣчимую рану. Такъ чувствовалъ бы я и такъ какъ я не имѣю смѣлости считать себя болѣе безгрѣш­нымъ, чѣмъ другіе, то и нахожу нужнымъ предупредить тебя: не смущай впередъ подобными рассказами нашихъ собраній, въ основу которыхъ положено столько братской любви».

Глубокое впечатлѣніе производитъ также другая поучи­тельная исторія изъ «Собранія проповѣдей» Коллейера, свидѣтельствующая наоборотъ о высокомъ развитіи благо­роднаго чувства. Однажды въ морозный зимній день въ Единбургѣ два джентльмена стояли у дверей какого-то отеля, когда къ нимъ подошелъ маленькій босоногій маль­чикъ, еле прикрытый грязными лохмотьями и принялся просить ихъ купить у него спичекъ: «Вѣдь онѣ стоятъ всего одинъ пенни коробочка»,—убѣждалъ крошка.—Пре­красно, только намъ ихъ не надо.—«Я отдамъ вамъ двѣ коробочки за одинъ пенни!»—Тогда, чтобы отвязаться отъ него,—рассказываетъ одинъ изъ двухъ джентльменовъ, на­печатаншій рассказъ объ этомъ случаѣ въ одной изъ англійскихъ ежедневныхъ газетъ,—я рѣшилъ купить у него коробочку, но увидѣлъ, что у меня нѣтъ мелкихъ денегъ. «Я куплю у тебя завтра»,—сказалъ я ему въ утѣшеніе. О, нѣтъ, сэръ, купите сегодня; я сбѣгаю, размѣню вамъ деньгѣ. Купите, я, право, такъ голоденъ.—Я далъ ему шиллингъ, и онъ побѣждалъ мѣнять его. Я долго ждалъ ребенка, но онъ не возвращался. Я рѣшилъ, что мои деньги пропали и махнулъ на нихъ рукой, хотя мнѣ и грустно было думать, что мальчикъ такъ обманулъ меня: въ его лицѣ было что-то располагающее и внушавшее довѣріе къ себѣ.

«Поздно вечеромъ слуга доложилъ мнѣ, что меня хо­четъ видѣть какой-то маленький мальчикъ. Когда ребенка

вошелъ въ комнату, я сразу замѣтилъ удивительное сходство его съ мальчуганомъ, унесшимъ мой шиллингъ: оказалось, что это былъ его младшій братъ, еще болѣе оборванный, жалкій и блѣдный. «Вы джентльменъ, купившій у Санди спички?»—спросилъ онъ, пошаривъ предварительно въ своихъ лохмотьяхъ. «Да». «Получите четыре пенса сдачи; Санди не могъ самъ придти сюда, онъ лежитъ; на него наѣхала телѣга и сбила его съ ногъ; онъ потерялъ свою фуражку, спички и одиннадцать пенсовъ съ вашего шиллинга; обѣ ноги его сломаны, и докторъ объявилъ, что онъ умретъ. Вотъ почему онъ не можетъ отдать вамъ всѣхъ вашихъ денегъ, онъ прислалъ все, что у него осталось». И мальчикъ, положивъ на столъ четыре пенса, зарыдалъ. Я покормилъ мальчика и мы отправились вмѣстѣ навѣщать Санди.

По дорогѣ я узналъ, что мальчики сироты и живутъ со злой и пьяной мачихой. Я засталъ Санди расprostертымъ на кучѣ стружекъ и тряпокъ; онъ тотчасъ же узналъ меня и сказалъ: «Я размѣнялъ вашъ шиллингъ, сэръ, и торопился назадъ, когда на меня наѣхала телѣга; у меня сломаны обѣ ноги. А, бѣдняжка Вилли! Я навѣрно умру, кто будетъ заботиться о тебѣ, Вилли? Что станется съ тобой безъ меня?» Я взялъ за руку маленькаго страдальца и сказалъ ему, что не оставлю Вилли. Онъ доверчиво посмотрѣлъ на меня, словно хотѣлъ поблагодарить, но уже не могъ произнести ни слова. Голубые глазки помутились, онъ лежалъ неподвижно, жизнь отлетѣла отъ него.

Сочувствіе является лучшимъ украшеніемъ человѣчества. Вездѣ, гдѣ поселяются бѣдствія, обиды, невѣжество и нищета, сочувствіе протягиваетъ руку помощи и старается утѣшить и смягчить горе; слухъ его ловитъ каждый стонъ, а взглядъ видитъ каждую слезу и оно не успокоится, пока не осушитъ ея. Какъ много великихъ дѣлъ осуществилось съ помощью сочувствія! Вспомнимъ объ

уничтоженіи работва въ Англїи, Франціи и Америкѣ, о распроограненіи образованія въ народныхъ массахъ, о распространеніи воскресныхъ школъ, о благородной дѣятельности общества трезвости, о той помощи, которую оказали мужчины и женщины высшихъ сословій униженнымъ и падшимъ. Все это осуществилось лишь въ силу сочувствія.

Кромѣ этихъ благихъ начинаній широкое поле дѣятельности открыто для каждаго, кто желалъ бы облегчить своимъ сочувствіемъ долю бѣдняка. Любящій Бога любитъ также всѣхъ своихъ ближнихъ безъ различія, богатыхъ и бѣдныхъ, и старается выказать имъ свое состраданіе на дѣлѣ. «Человѣкъ справедливый, — говоритъ Массильонъ, — не можетъ обращать вниманія на вадорные людскіе толки и самъ управляетъ всѣми событіями жизни. Все подчинено ему, самъ же онъ подчиненъ одному Богу».

«Что бы ни говорили объ ошибкахъ и заблужденіяхъ христіанскаго рвенія, — пишетъ докторъ Мартино, — среди многихъ доктринъ, казавшихся людямъ болѣе рациональными, нѣтъ ни одного ученія, принесшаго человечеству хоть половину той пользы, которая открылась ему въ христіанствѣ. Если-бы не было церкви — гдѣ возникли бы школы? Если бы не миссіонеры, терпѣвшіе столько поражений и неудачъ, смѣло идя къ своей цѣли, гдѣ находились бы въ настоящее время передовые пункты цивилизаціи, столько послужившіе уничтоженію первобытнаго варварства? Конечно, служители Христа не разъ стремились проводить въ жизнь не совсѣмъ можетъ быть рациональныя идеи, но какое же ученіе, скажите мнѣ, развивало болѣе мудрыя понятія? Они, можетъ быть, излишне много говорили о презрѣнїи къ земной жизни, но они-же и старались всѣми силами, по возможности, облегчить ее. Религія совершаетъ, пожалуйшнее преобразование, проникая въ бѣдную семью: уменьшаются печали и недуги, исчезаетъ убожество обстановки, прекращаются ссоры и тяжелыя

минуты переживаются болѣе бодро, тупое отчаяніе замѣняется покорностью волѣ Божіей и надеждой на лучшее будущее».

«Даже бѣднѣйшій изъ бѣдняковъ, — говоритъ Вордсвортъ, — стремится оказать своему ближнему хоть какое-либо благодѣяніе». Жалкій сапожникъ первый основалъ школу для оборванцевъ въ Портсмутѣ. Докторъ Гутри сказалъ объ этомъ человѣкѣ: «Джонъ Паундсъ достоинъ самаго высокаго памятника, какіе когда-либо воздвигались въ Англіи: это одинъ изъ тѣхъ людей, которыми по праву гордится человѣчество». Англійскія воскресныя школы возникли по почину простого типографщика въ Глостерѣ, а нью-кестльскій башмачникъ положилъ начало миссіонерства въ Индію.

Бѣдняки лучше знакомы съ нуждами и печалами такихъ же бѣдняковъ, чѣмъ богатые. Жизнь человѣка богатаго слишкомъ разнится отъ жизни бѣдняка, слишкомъ многое препятствуетъ ихъ сближенію. Бѣдные люди вращаются обыкновенно въ кругу такихъ же бѣдняковъ, какъ они сами, они не могутъ не имѣть дѣла съ людьми грубыми и необразованными. На дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ смотрятъ только какъ на лишніе рты, въ силу чего имъ раньше времени приходится сталкиваться съ суровой дѣйствительностью. Для людей высшихъ классовъ бѣдняки представляются какъ-бы жителями невѣдомыхъ странъ.

Вотъ почему только бѣдные люди умѣютъ съ настоящимъ и глубокимъ сочувствіемъ относиться къ такимъ-же бѣднякамъ, какъ они сами; они понимаютъ насколько нуждаются въ такомъ участіи страдающіе братья. Что-бы ни говорили о милосердіи и щедрости богачей, никогда ни то, ни другое не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оказываютъ другъ другу поддержку бѣдняки. Въ тяжелья минуты болѣзней, горя и неудачъ бѣдняки оказываютъ своимъ ближнимъ такую дѣятельную помощь, о какой и не снилось людямъ, поставленнымъ въ болѣе благо-

пріятныя условія. Неустанно трудясь за самое скудное вознагражденіе, они никогда не отказываются помочь товарищу въ случаѣ нужды или какого-либо несчастья: въ этой средѣ никогда не ощущается недостатка въ дружеской рукѣ, которая поправитъ подушку бѣдняку и окажетъ ему массу другихъ маленькихъ благодѣтельныхъ услугъ, столь дорогихъ для больного и помогающихъ ему терпѣливо переносить его страданія. Въ этомъ отношеніи простыя женщины незамѣнимы и готовы на всякое самоотверженіе; онѣ спокойно идутъ на всевозможныя опасности, до добровольнаго принесенія въ жертву собственной жизни, безропотно переносятъ нужды и лишения, выказываютъ безграничное добродушіе и терпѣніе, и все это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ свѣтскіе люди и не подозрѣваютъ; а если-бы узнали, то можетъ быть не повѣрили-бы подобному самоотреченію.

За послѣднее время громкую извѣстность снискала себѣ дѣятельность Роберта Рекса, а потому мы ограничимся лишь краткимъ очеркомъ его начинаній. Воскресныя школы возникли задолго до его смерти. Выше мы упоминали о воскресной школѣ кардинала Барромео, которая насчитываетъ четыреста лѣтъ своего существованія. Въ Англіи воскресныя школы учреждены были много позднѣе. Нѣкто Вильямъ Кингъ, чесальщикъ на шерстяной фабрикѣ въ Дорселеѣ, основавшій тамъ-же воскресную школу (не имѣвшую, однако, успѣха, вслѣдствіе равнодушнаго къ ней отношенія общества), первый подаль Роберту Рексу мысль о воскресныхъ школахъ.

Бродя однажды по одному изъ наиболѣе заброшенныхъ и грязныхъ кварталовъ Глостера, Кингъ и Рексъ увидѣли тутъ нѣсколько группъ оборванныхъ и неумытыхъ дѣтей, игравшихъ среди улицы. «Жалко смотрѣть на этихъ бѣдняжекъ, оскверняющихъ шумомъ и крикомъ воскресный день!» — воскликнулъ Кингъ. «Что правда—то правда, но какъ этому помочь?» — возразилъ Рексъ. «Откройте воскре-

сную школу, мистеръ, какъ это сдѣлалъ я въ Дорслей: къ сожалѣнію я слишкомъ занятъ, да и старъ къ тому же, мнѣ пора на отдыхъ».

Вскорѣ послѣ этого разговора Рексъ посѣтилъ глостерскую тюрьму, гдѣ познакомился съ молодымъ преступникомъ, приговореннымъ къ смерти за кражу со взломомъ. Разговорившись съ нимъ, Рексъ узналъ, что этотъ чловѣкъ не получилъ ровно никакого образованія, имя Бога употреблялъ лишь въ качествѣ клятвы и не имѣлъ никакого понятія о существованіи загробной жизни. Свиданіе съ этимъ несчастнымъ произвело глубокое впечатлѣніе на Рекса. Онъ зналъ, что масса дѣтей, жившихъ въ окрестности города, не получали никакого образованія. Неудивительно, что многіе попадали на путь преступленій.

Рексъ основалъ тогда воскресную школу: ему удалось приобрести расположеніе маленькихъ бродяжекъ, какъ онъ ласкательно называлъ ихъ, и обучить ихъ грамотѣ и катехизису, а также внушить имъ понятіе о порядкѣ. Въ 1783 году Рексъ устроилъ цѣлыхъ четыре школы, платя по шиллингу за каждое воскресенье занимавшимся въ нихъ учителямъ. Каждое воскресенье послѣ полудня въ эти школы заходилъ приходскій священникъ и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Школы Рекса обладали однимъ самымъ драгоценнымъ свойствомъ: искренней любовью къ дѣтямъ со стороны учащихся.

Спустя почти тридцать лѣтъ послѣ основанія Рексомъ первыхъ воскресныхъ школъ, его посѣтилъ молодой квакеръ, Джозефъ Ланкастеръ, съ помощью энергіи котораго основано было общество, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ «Британскаго и иностраннаго школьнаго общества», поставившаго себѣ цѣлью предоставлять ежедневное обученіе дѣтямъ бѣдняковъ. Опираясь на руку своего посѣтителя, явившагося къ нему за совѣтами, Рексъ, которому было въ то время уже 72 года, повелъ его въ глухую улицу, гдѣ была основана первая воскресная школа. «По-

дожди, минутку», — сказала старикъ и, обнаживъ голову, произнесъ безмолвную молитву и затѣмъ, обернувшись къ Ланкастеру, сказала ему со слезами на глазахъ: «Съ этого мѣста я смотрѣлъ когда-то на заброшенныхъ дѣтей, осквернявшихъ воскресенье своими шалостями. Когда я задавалъ себѣ вопросъ, нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь бѣдѣ, — внутренний голосъ сказалъ мнѣ: «попытайся». И Богъ помогъ мнѣ совершить. Я никогда не могу пройти здѣсь, гдѣ слово «попытайся» такъ властно зажгло мою душу, не произнеся благодарности Создателю, вложившему мнѣ въ сердце благостную мысль».

Такъ какъ Ланкастеръ зналъ, что Рексъ въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщалъ мѣстныя тюрьмы и слѣдовательно имѣлъ полную возможность освѣдомляться, не попалъ-ли на преступный путь который-нибудь изъ трехъ тысячъ дѣтей, надъ воспитаніемъ которыхъ онъ такъ много потрудился, — квакеръ спросилъ объ этомъ стараго джентельмена. Рексъ подумалъ немножко и затѣмъ съ радостной улыбкой отвѣтилъ: «Нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался преступникомъ!»

Мэри-Анна Клофъ, работница на фабрикѣ въ Глазго занимала въ обществѣ еще болѣе скромное положеніе, чѣмъ Робертъ Рексъ. Она была работницей на шерстяной фабрикѣ, тогда какъ онъ былъ журналистомъ. Тѣмъ не менѣе она сумѣла потрудиться въ пользу исцѣленія нравственныхъ язвъ общества. Ее побудило къ этому не образованіе, но простое женское сочувствіе. Окончивъ вечеромъ свою работу, она принималась за свою благотворительную дѣятельность. Она знакома была съ жизнью массы бѣдныхъ мальчиковъ — рабочихъ на литейныхъ заводахъ, о которыхъ, повидимому, никто не заботился, которыхъ никто не удерживалъ отъ порока. Почувствовавъ состраданіе къ нимъ, бѣдная работница сказала въ душѣ: «Попытаюсь обратить на путь истины и научить ихъ вѣрѣ въ Бога».

Задавшись этой благородной цѣлью, она немедленно приступила къ ея выполненію. Она выхлопотала себѣ разрѣшеніе занять комнату въ нижнемъ этажѣ той фабрики, на которой она работала. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ іюнь 1862 года, она собрала вокругъ себя множество заводскихъ мальчиковъ въ лохмотьяхъ и неумытыхъ: вскорѣ она отыскивала ихъ все больше и больше, приводила ихъ къ себѣ съ заднихъ дворовъ, гдѣ они проводили обыкновенно праздники, куря табакъ или предаваясь грубому и шумному веселью, учила ихъ читать, писать, приучала къ порядку, дисциплинѣ и опрятности и внушала имъ понятія о правдѣ и Богѣ.

Заботы Мэри-Анны о заброшенныхъ дѣтяхъ не ограничивались одними воскресеньями. Едва окончивъ свой дневной трудъ, она отправлялась навѣщать своихъ мальчиковъ въ ихъ семьяхъ, если только возможно назвать семью ту средою, которая ютилась въ сырыхъ и грязныхъ подвалахъ. Она хорошо знала печальную исторію каждаго изъ нихъ, ихъ лишенія и горькую участь; съ помощью своей сердечной доброты, самоотверженія и такта она приобрѣла надъ ними самое благотворное вліяніе, которое привело вскорѣ къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Мальчики—ея ученики скоро настолько выдѣлились изъ среды другихъ мальчиковъ, ихъ бывшихъ товарищей, своимъ прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ, что на нихъ указывали, какъ на образцы, достойные подражанія. Мэри-Аннины мальчики всегда стояли на лучшемъ счету.

«Грустно думать,—сказалъ докторъ Гутри,—что многіе, обладающіе въ десять разъ большими деньгами, большимъ запасомъ времени, большимъ образованіемъ, а слѣдовательно и большимъ вліяніемъ, не пожелали сдѣлать и десятой доли добра, совершеннаго одной бѣдной и темной работницей. Если-бы кто-нибудь изъ насъ имѣлъ право привести въ свое оправданіе извѣстныя слова: «Развѣ я сторожъ брату моему?»—то болѣе чѣмъ кто-либо имѣла

возможность произнести ихъ та, которая съ трудомъ прокармливала самоё себя, начиная свой день съ перваго фабричнаго звонка и трудясь въ продолженіе многихъ часовъ, когда большая половина свѣтскихъ людей еще наслаждалась сладкимъ сномъ. Между тѣмъ сколько позднихъ вечернихъ часовъ отдавала она подвигамъ высокой христіанской любви, направляя на путь истины павшаго и собственными руками залѣчивая нравственныя раны чело-вѣчества».

Въ продолженіе трехъ лѣтъ трудилась Мэри-Анна Клофъ на пользу ближняго, пока болѣзнь не заставила ее передать другимъ излюбленную ею дѣятельность. Но сѣмя, брошенное ею, пустило корни и принесло богатую жатву. Въ 1865 году основано было Глазговское религиозное общество заводскихъ мальчиковъ. За шесть лѣтъ въ спискахъ его членовъ поименовано было свыше 14 тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ, при которыхъ состояли надзирателями и учителями тысяча пятьсотъ чело-вѣкъ. Около трехсотъ джентльменовъ выразили желаніе читать молодымъ людямъ религиозныя лекціи въ разныхъ частяхъ города. Основнымъ принципомъ общества принято было распространеніе трезвости. Были учреждены копѣчные банки и сберегательныя кассы. Имѣя въ виду учрежденіе разумныхъ развлеченій, общество составило нѣсколько религиозныхъ хоровъ и по субботамъ устраивало музыкальные вечера. Словомъ, приняты всѣ мѣры, съ помощью которыхъ можно вызвать рабочее юношество изъ его порочной и невѣжественной обстановки.

Лѣтомъ мальчики и дѣвочки обыкновенно отправляются куда-нибудь за городъ на каникулы. Большею частью они проводятъ это время въ Инверари, въ паркѣ герцога Аргайльскаго, почетнаго предсѣдателя Глазговскаго общества. Польза, принесенная обществомъ, громадна: остается пожелать, чтобы оно нашло себѣ возможно больше подражанія во всѣхъ многочисленныхъ центрахъ. А между тѣмъ

подобныя общества возникли въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ городахъ Шотландіи. Другіе-же, густо населенные города сѣверной Англии, не спѣшатъ устраивать у себя подобныя Глазговскому обществу учрежденія, хотя нѣтъ надобности высказывать, какія благодѣянія могли-бы оказать они въ этихъ мѣстностяхъ.

ГЛАВА XI.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

Если хочешь быть другомъ Господа —вѣрь, надѣйся и служи своимъ ближнимъ.

Михаэль Скоттъ.

Кроткое милосердіе—истинная отличительная печать благородства.

Шекспиръ.

Какъ много стонувъ, не находящихъ себѣ отъѣта, вырывается изъ груди умирающихъ. Какъ много воплей вдовъ и сиротъ не доходить до нашего слуха. Какъ много слезъ, какъ много лицъ, омраченныхъ тяжкимъ горемъ, мы не видимъ. Жестокой деспотизмъ похищаетъ себѣ поддержку, рука хищника укрѣпляется и тысячи людей, которые никогда не сдѣлали намъ ничего дурного, страдаютъ отъ злого рабства.

Джонъ Вульманъ, кескерь.

Люди неохотно отказываются обыкновенно отъ убѣжденія въ необходимости физической силы, примѣненной для руководства, исправленія и воспитанія ближняго. Въ самомъ дѣлѣ сила представляетъ нѣчто осязаемое и безъ особыхъ размышленій направляетъ, куда хочетъ, то, что ей подвластно. Это самая краткая логика варваровъ, среди которыхъ первенство принадлежитъ тому, чья рука стрѣляетъ болѣе мѣтко и сильно.

Даже цивилизованные народы не могутъ еще освободиться отъ своей вѣры во всемогущество силы. Давно-ли люди самыхъ честныхъ принциповъ прибѣгали къ дуэли, какъ къ вѣрнѣйшему способу покончить со всѣми недоразумѣніями? И правительства точно также прибѣгаютъ обык-

новенно къ оружію, какъ къ самому вѣрному средству, наиболѣе рѣшительному въ различныхъ спорахъ по поводу территоріальныхъ вопросовъ или международныхъ конвенцій. Убѣжденіе въ неотразимости силы до такой степени вкоренилось въ насъ полученнымъ нами образованіемъ, исторія такъ тѣсно связываетъ понятіе о войнѣ съ понятіемъ о чести, славѣ, военныхъ подвигахъ и другихъ всевозможныхъ доблестяхъ, что мы не въ силахъ допустить возможности уберечь государственный и общественный строй отъ окончательнаго распаденія безъ примѣненія насильственныхъ мѣръ, на основаніи одного человѣколюбія и справедливости.

Несмотря, однако, на все это, сомнѣнія въ благотворности политики, основанной исключительно на насильственныхъ мѣрахъ, стали за послѣднее время возникать все чаще и чаще: приходятъ къ тому выводу, что сила скорѣе вызываетъ сопротивленіе, чѣмъ подавляетъ его, порождаетъ духъ возмущенія, проявляющійся время отъ времени въ ненависти, кровопролитіяхъ и преступленіяхъ, доказательствомъ чему можетъ служить едва-ли не каждый листъ исторіи человѣчества.

Становимся-ли мы умнѣе, благодаря этой опытности? Начинаемъ-ли мы дѣйствительно искренне проникаться убѣжденіемъ, что, имѣя въ виду исправленіе людей, мы должны прибѣгать къ иной мудрѣйшей и благотворной нравственной силѣ—кротости? Вѣдь милосердіе еще никогда не вызывало въ отвѣтъ ни тайнаго, ни явнаго противодѣйствія, никогда не развивало въ людяхъ порочныхъ наклонностей, а напротивъ по мѣрѣ силъ облагораживало ихъ. Только сила любви обладаетъ способностью перевоспитывать въ самомъ благотворномъ направленіи тѣхъ, кто подпадаетъ подъ ея вліяніе, сдерживать дурныя стремленія и порывы злобы и смягчать самое строптивое сердце. Доброта беретъ верхъ надъ всякимъ зломъ и придаетъ крѣпость добру. И во взаимныхъ отношеніяхъ націй она играетъ

ту же роль. Исторія достаточно учитъ насъ, что она не разъ уже смягчала вѣковую вражду между отдѣльными сословіями и провинціями—стоитъ принять ее за основной принципъ международныхъ сношеній, и война между отдѣльными націями отойдетъ въ область преданій. Подобная идея въ настоящее время можетъ показаться несбыточной мечтою, но будущія поколѣнія, надо надѣяться, доживутъ до сознанія, что всякая война является преступленіемъ и грѣхомъ.

Извѣстный американскій философъ Эмерсонъ говоритъ, что «любовь придала бы новый обликъ этому старому истрепаншемуся свѣту; сердце согрѣлось бы при видѣ того, какъ мгновенно всѣ интриги честолюбивой дипломатіи, арміи и флоты, форты и крѣпости замѣнились бы этимъ безоружнымъ ребенкомъ. Любовь прокрадывается туда, куда ее не пускаютъ открыто и, соединяя въ себѣ и опору, и власть и двигательную силу, совершить самымъ незамѣтнымъ образомъ то, что не по плечу насилію. Случалось-ли вамъ замѣчать осенью въ лѣсу маленькій грибокъ, растеніе, похожее на мягкую студенистую массу, который своимъ упорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтнымъ давленіемъ достигаетъ мало-по-малу того, что пробиваетъ мерзлую почву и одѣваетъ въ концѣ-концовъ свою головку твердымъ покровомъ? Вотъ готовая эмблема силы любви. Эта сила позабыта людьми и кажется устарѣлой; между тѣмъ, когда ее примѣняли въ жизни человѣчества, она приводила къ самымъ блестящимъ результатамъ. Наше ветхое христіанство является единственнымъ, что сохранило еще понятіе о человѣколюбцѣ. Но придетъ время, когда эта любовь охватитъ всѣ людскія сердца и всѣ міровыя страданія растаютъ въ лучахъ всемірнаго солнечнаго сіянія.

Въ прошлые вѣка принципъ силы самымъ возмутительнымъ образомъ примѣнялся ко всѣмъ преступникамъ, умалишеннымъ и прокаженнымъ. Сумасшедшіе верѣдко

заковывались въ цѣпи, какъ дикіе звѣри, прокаженные изгонялись за городскую черту и влчили жалкое существованіе въ уединеніи, вполнѣ разобщенные съ остальными людьми *).

Приговоренныхъ къ наказанію на галерахъ заставляли до тѣхъ поръ работать веслами, пока они не падали отъ изнеможенія, умирая въ страшныхъ страданіяхъ. Безъ разбора пола и возраста преступники скучивались въ общихъ тюрьмахъ, каторья превращались такимъ образомъ въ притоны ужасающаго разврата. Четыре столѣтія тому назадъ преступниковъ отдавали флорентійскимъ врачамъ для произведенія надъ ними вивисекціи.

Къ благороднѣйшимъ друзьямъ человѣчества принадлежалъ св. Винцентъ де-Поль. Отецъ его, лангедокскій фермеръ, готовилъ его въ священники, съ трудомъ содержа его въ коллегіи въ Тулузѣ. Позднѣ одинъ изъ родственниковъ оставилъ юношѣ наслѣдство, за полученіемъ кото-

*) Последними, написанными для печати, словами Гейне—была слѣдующая трогательная исторія: «Въ 1480 году, какъ сообщаетъ лимбургская хроника, всѣ палѣвали и насвистывали пѣсни, очаровательнѣй которыхъ еще не создавалось въ Германіи. Старикъ и молодежь, а въ особенности женщины съ ума сходили по этимъ пѣснямъ. На бѣду ихъ авторъ, юный клеркъ, былъ одержимъ проказою и, какъ всѣ несчастные прокаженные, изгнанъ былъ изъ общества. Всѣ, одержимые этой неизлѣчимою болѣзью, скитались по землѣ, словно живые мертвецы, герметически закутанные съ головы до ногу, съ лицомъ, закрытымъ капюшономъ, и держа въ рукѣ такъ называемую «Лазареву трещотку», которой они возвѣщали о своемъ приближеніи, чтобы здоровые могли успѣть скрыться. Такъ и этотъ клеркъ бродилъ печальный и угрюмый въ то время, какъ веселая поэтическая Германія насвистывала его гармоничныя пѣсни... Часто въ чадѣ моихъ тяжелыхъ сонныхъ грезъ мнѣ видится бѣдный пѣвецъ лимбургской хроники, братъ мой по Парнасу, и его глубоко печальный взоръ, неподвижный и пристальный, устремляется на меня изъ подъ чернаго капюшона; и во мгновеніе ока, онъ опять скрывается съ глазъ моихъ и только, словно далекое эхо, въ смутномъ сновидѣніи до слуха моего доходитъ, замирая въ отдаленіи, отрывистый звукъ Лазаревой трещотки».

раго св. Винцентъ отправился моремъ въ Марсель. На обратномъ пути весь экипажъ его корабля попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ, а самъ св. Винцентъ былъ раненъ стрѣлою въ схваткѣ, а когда поправился, то его вмѣстѣ съ другими пассажирами и экипажемъ заковали въ цѣпи и отвезли въ Тунисъ, гдѣ онъ принужденъ былъ работать на галерахъ. Благодаря тому, что онъ не переносилъ моря, его продали одному мавританскому врачу, а когда тотъ умеръ, перепродали одному фермеру, уроженцу Ниццы. Св. Винцентъ обратилъ своего новаго хозяина въ христіанство, и оба рѣшили бѣжать во Францію, что и выполнили съ успѣхомъ.

Затѣмъ св. Винцентъ вступилъ въ братство, назначеніемъ котораго былъ уходъ въ госпиталяхъ за больными. Впослѣдствіи случай привелъ его въ семью графа де-Жуаньи, инспектора сосланныхъ на галеры преступниковъ, при дѣтяхъ котораго онъ находился въ качествѣ воспитателя. Здѣсь молодому священнику пришлось близко познакомиться съ ужасной судьбой людей, прикованныхъ цѣпями къ гребной галерѣ, на которой они работали. Св. Винцентъ посвятилъ себя всецѣло стремленіямъ доставить возможное облегченіе несчастнымъ, узнавъ о чемъ Людовикъ XIII назначилъ его главнымъ священникомъ при каторжныхъ. Легенда сообщаетъ, что, проникнутый глубокимъ сожалѣніемъ къ бѣднягамъ, св. Винцентъ даже помѣнялся однажды мѣстомъ съ однимъ ссыльнымъ и ходилъ нѣкоторое время въ цѣпяхъ, слѣды которыхъ сохранились на его тѣлѣ на всю остальную его жизнь. Многіе изъ преступниковъ подъ его благотворнымъ вліяніемъ раскаялись въ своихъ злодѣяніяхъ и смягчились сердцемъ. Путемъ энергичныхъ вмѣшательствъ ему удалось хотя нѣсколько облегчить судьбу каторжниковъ и провести нѣкоторыя улучшения въ тюрьмахъ.

Возвратясь въ Парижъ, онъ основалъ здѣсь общину сестеръ милосердія и тѣмъ направилъ къ врожденной жен-

щинѣ благотворительной дѣятельности многихъ изъ своихъ послѣдовательницъ. Сестры его общины являлись первыми всюду, гдѣ нужны были силы и руки для добрыхъ дѣлъ и подвиговъ христіанскаго милосердія: онѣ ухаживали за больными, заботились о покинутыхъ дѣтяхъ, учили юношество. Вспоминая о своемъ рабствѣ въ Тунисѣ, св. Винцентъ усердно собиралъ деньги для выкупа плѣнныхъ въ Африкѣ, освободивъ такимъ образомъ свыше двухсотъ человѣкъ, пока, наконецъ, въ 1816 году, союзный англо-французскій флотъ не положилъ конецъ владычеству нападеніямъ корсаровъ, опустошивъ ихъ притонъ въ Алжирѣ.

Съ ужасомъ выслушиваемъ мы теперь рассказы о подземныхъ темницахъ и тяжелыхъ цѣпяхъ въ рыцарскихъ замкахъ средневѣковья, а между тѣмъ, если мы взглянемъ хорошенько въ настоящее положеніе дѣлъ, то откроемъ немало ужаснаго и въ лѣтописяхъ преступленій, поступающихъ въ наши суды и по настоящее время.

Благодѣтельная тюремная реформа, проведеніе которой взялъ на себя извѣстный англійскій филантропъ Джонъ Гоуардъ, обязана въ сущности простой случайности, личному приключенію этого благороднаго человѣка. Онъ отправился, подобно многимъ, въ Лиссабонъ, пострадавшій отъ памятнаго въ исторіи землетрясенія и привлекавшій къ себѣ тогда всеобщее любопытное вниманіе. Въ морѣ его судно захвачено было французскимъ разбойничьимъ кораблемъ и самъ онъ попался въ плѣнъ и перенесъ самое ужасное обращеніе: сначала онъ томился въ продолженіе двухъ сутокъ голодомъ и жаждой, затѣмъ, закованный въ цѣпи, брошенъ былъ вмѣстѣ съ другими плѣнными въ сырую и грязную подземную темницу. Спустя трое сутокъ имъ бросили туда баранью лопатку, которую несчастные, какъ звѣри, разорвали на куски руками и оглодали.

Спустя нѣкоторое время Гоуардъ вырвался на свободу,

но, вернувшись на родину, онъ не давалъ себѣ ни на минуту отдыха, пока ему не удалось освободить своихъ товарищей по плѣну. Вступивъ въ переписку съ другими англійскими плѣнными, изнывавшими по тюрьмамъ, онъ убѣдился, что тяжкія страданія, подобныя перенесеннымъ имъ самимъ, выпали на долю всѣхъ, попавшихъ въ неволю.

Вскорѣ, получивъ должность главнаго шерифа въ Бедфордскомъ графствѣ, Гоуардъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ тюремнымъ бытомъ.

Тюремное дѣло въ Англіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, находилось тогда на самой низкой ступени развитія. Преступники отбывали тамъ свои наказанія безъ всякой системы и разбора: отъявленные злодѣи помѣщались вмѣстѣ съ совершившими самыя легкія преступленія: голодный, укравшій булку, находился въ обществѣ убійцъ и грабителей, проституттокъ и душегубцевъ, и всѣ эти люди то ссорились, то сближались между собою. Брань, проклятія, циничныя пѣсни стономъ ходили по тюрьмѣ. Дьяволъ царилъ тутъ неограниченно, и молитва была совершенно незнакомымъ явленіемъ.

Гоуардъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ то впечатлѣніе, которое произвело на него обращеніе тюремной прислуги и начальства съ заключенными: «Многіе, которыхъ судъ объявилъ невиновными, или освобожденные за недостаткомъ уликъ, или такіе, разбирательство дѣлъ которыхъ было отложено за неявкой въ судъ истца, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, отводились обратно въ тюрьму, гдѣ оставались до тѣхъ поръ, пока не уплачивали болѣе или менѣе солидныя суммы тюремщику, секретарю окружнаго суда и т. п. лицамъ. Многіе кредиторы, грозя въ ярости продержатъ должниковъ своихъ въ тюрьмѣ, пока они не сгніютъ тамъ, приводили свои угрозы въ исполненіе, и люди дѣйствительно гнили и ржавѣли въ тюрьмѣ, изнывая отъ грязи и зараженнаго воздуха. Какъ ни велико число преступниковъ, окончившихъ

жизнь на висѣлицѣ, еще больше народа погибало въ тюрьмѣ отъ сырости и голода».

Прежде всего Гоуардъ сталъ настаивать на необходимости назначить тюремщикамъ, получавшимъ до той поры свое жалованье отъ оправданныхъ судомъ подсудимыхъ, опредѣленное содержаніе отъ правительства. Ему предложили привести примѣръ подобнаго порядка вещей и, сѣвъ на лошадь, онъ отправился отыскивать его по всей Англии. Требуемаго примѣра онъ не нашелъ, но открылъ столько бѣдствій и страданій, что рѣшилъ посвятить себя окончательно проведенію тюремной реформы какъ въ Англии, такъ и въ другихъ государствахъ.

Въ Глостерѣ городской укрѣпленный замокъ, служившій тюрьмой, поразилъ его своимъ ужаснымъ видомъ. Должники содержались въ совершенно темныхъ камерахъ, преступники мужчины спали въ повалку тоже въ совершенно темномъ помѣщеніи. Среди заключенныхъ свирѣпствовали всевозможныя заразныя болѣзни. Въ епископскомъ городѣ Елайѣ, въ видахъ пресѣченія побѣговъ, преступниковъ приковывали въ острогахъ цѣпями къ полу, надѣвая имъ на шею желѣзный ошейникъ, усаженный острыми иглами. Въ Норвичѣ камеры помѣщались въ подвалахъ и были такъ скудно устланы соломой, что ея въ теченіе года выходило всего на одну гинею. Тюремщикъ здѣсь не только не получалъ жалованья, но еще платилъ за право занимать свою должность 40 фунтовъ стерлинговъ младшему шерифу. Какъ онъ долженъ былъ обирать заключенныхъ!

Такъ путешествовалъ Гоуардъ изъ тюрьмы въ тюрьму, и желаніе облегчить участь заключенныхъ превратилось у него въ настоящую страсть. Онъ объѣхалъ всю Англию и вывелъ на чистую воду всѣ мрачныя тайны британскихъ тюремъ, освободивъ на собственные средства многихъ томившихся въ тюрьмѣ за ничтожные долги. Когда осмотръ тюремъ пришелъ къ концу, палата общинъ назначила ко-

миссію для разсмотрѣнія дѣла, передъ которой и предсталъ Гоуардъ, запасшійся цѣлымъ сводомъ замѣтокъ.

Пораженный обширностью и точностью собраннаго имъ матеріала, одинъ изъ членовъ спросилъ его какъ-то, на чьи средства онъ совершилъ свое путешествіе; вопросъ этотъ возбудилъ въ Гоуардѣ такой гнѣвъ, что онъ чуть не задохся, прежде чѣмъ нашелъ въ себѣ силы отвѣтить. Члены палаты, выразивъ Гоуарду горячую признательность за его труды, принялись по его почину за тюремныя реформы.

Въ 1774 году парламентъ утвердилъ проекты трехъ законовъ, опредѣлявшихъ тюремщикамъ извѣстное жалованье отъ правительства, запрещавшихъ имъ обирать наказуемыхъ и повелѣвавшихъ немедленно выпускать на свободу всѣхъ оправданныхъ. Вслѣдъ за этимъ законодательная палата утвердила билль объ устройствѣ при тюрьмахъ лазарета и о переустройствѣ и улучшеніи остроговъ и тюремъ.

Гоуардъ, какъ разъ въ то время заболѣвшій, едва оправившись, немедленно еще разъ произвелъ ревизію всѣмъ тюрьмамъ, чтобы убѣдиться, насколько добросовѣстно примѣняютъ къ дѣлу всѣ эти благодѣтельные распоряженія.

Не удовольствовавшись Англіею, Гоуардъ предпринялъ осмотръ тюремъ въ Шотландіи и Ирландіи. Онъ нашелъ ихъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ англійскія, и провелъ въ нихъ тѣ-же реформы. Однако онъ не остановился и на этомъ, а отправился на континентъ, съ цѣлью ознакомиться съ тамошними порядками. Двери Бастили не открылись для него, и правительство пыталось даже арестовать его за наведеніе о ней справокъ, а другія французскія тюрьмы, хотя и были по его мнѣнію плохи, но все же лучше англійскихъ. Въ отместку за враждебное отношеніе къ нему правительства Гоуардъ напечаталъ отчетъ государственной тюрьмы, переведенный имъ на англійскій языкъ съ французскаго сочиненія, которое онъ досталъ съ большимъ трудомъ.

Онъ посѣтилъ Бельгію, Голландію и Германію и только въ Швейцаріи нашелъ тюремное дѣло поставленнымъ въ наиболѣе благоприятныя условія. Заключенные здѣсь работали, въ тюрьмахъ царствовалъ сравнительный порядокъ и дисциплина.

Послѣ трехлѣтняго странствованія, объѣхавъ болѣе тридцати тысячъ географическихъ миль и неустанно трудясь надъ приобрѣтеніемъ матеріала, Гоуардъ издалъ свое знаменитое сочиненіе «О тюремномъ дѣлѣ», которое произвело громадное впечатлѣніе на общество. По требованію палаты общинъ Гоуардъ составилъ еще проектъ, проектъ учрежденія исправительныхъ заведеній, при чемъ побывавъ въ Амстердамѣ съ цѣлью изучить дѣятельность тамошняго исправительнаго дома, который онъ принялъ за образецъ. Побывавъ онъ въ Австріи и Италиі, гдѣ долго безуспѣшно добивался возможности проникнуть въ инквизиціонныя тюрьмы. Другія же тюрьмы онъ все осматрѣлъ и вернулся черезъ Францію на родину. Всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его встрѣчали съ неописанной радостью, арестанты осыпали его благословеніями. Онъ раздавалъ милостыню и утѣшалъ несчастныхъ, но главнѣйшая его заслуга состояла въ томъ, что онъ открылъ всѣмъ челоувѣколюбивымъ и единомыслящимъ людямъ глаза на настоятельную потребность преобразованій въ тюремномъ дѣлѣ.

Осмотрѣвъ тюрьмы государствъ цѣлой Европы, Гоуардъ отправился въ Россію: онъ вошелъ въ Петербургъ одинъ, пѣшкомъ, чтобы сначала втайнѣ позондировать почву: однако появленіе его не прошло незамѣченнымъ тамошней зоркой полиціей, и его потребовали къ императрицѣ Екатеринѣ. Представленный ко двору, онъ почтительно объявилъ ея величеству, что пріѣхалъ въ Россію, имѣя въ виду осмотрѣть одни только тюрьмы и остроги, но не великолѣпные дворцы, наполненные блестящимъ обществомъ вельможъ.

Снабженный письменнымъ пропускомъ, онъ посѣтилъ всѣ тюрьмы, остроги и госпитали въ Петербургъ и Москвѣ, гдѣ былъ пораженъ большой смертностью, свирѣпствовавшей во всѣхъ этихъ заведеніяхъ. Путешествіе въ Россію было не послѣднимъ въ жизни Гоуарда: онъ побывалъ еще въ разныхъ странахъ, а въ 1783 г. предпринялъ путешествія по Испаніи и Португаліи.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ Гоуардъ неустанно трудился, имѣя въ виду осуществленіе принятой имъ на себя задачи. Посѣщая тюрьмы и остроги всѣхъ европейскихкихъ главныхъ городовъ, онъ сдѣлалъ дорогу въ 42 тысячи миль слишкомъ и изтратилъ на благотворительныя дѣла и облегченіе участи арестантовъ болѣе 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ себя въ правѣ остановиться на этомъ и рѣшилъ посѣтить тѣ страны, гдѣ свирѣпствовала чума, и попытаться найти средства противъ этой страшной гостыи. Онъ отправился въ Марсель, во Францію. Въ ноябрѣ 1785 года онъ очутился въ Парижѣ, куда вошелъ переодѣтый: тѣмъ не менѣе полиція въ ту же ночь накрыла его. Съ помощью хитрости онъ ускользнулъ отъ полицейскихъ и благополучно добрался до Марселя, гдѣ осмотрѣлъ госпиталь св. Лазаря и получилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по интересовавшему его предмету.

Переправляясь затѣмъ на чумномъ пароходѣ (съ цѣлью имѣть возможность выдержать самый строгій карантинъ) на берега Адриатическаго моря, онъ заразился, заболѣлъ и пролежалъ сорокъ дней въ карантинномъ баракѣ, въ одиночествѣ и лишенный какой-бы то ни было помощи. На этотъ разъ онъ выздоровѣлъ и вернулся на родину. Однако въ 1789 году мы его встрѣчаемъ опять странствующимъ по Голландіи, Германдіи и Россіи; онъ намѣревался пробраться въ Турцію и Египетъ, имѣя въ виду пополнить свои наблюденія надъ чумой. Но въ Херсонѣ, посѣщая, по обыкновенію, заключенныхъ, онъ схва-

тилъ тифозную горячку и черезъ нѣсколько дней умеръ въ чужой странѣ на 64-мъ году отъ рожденія. Умирая, онъ выразилъ желаніе, чтобы его похоронили на одномъ изъ дофинеискихъ кладбищъ: «Опустите меня въ могилу безъ всякой торжественности, поставьте солнечные часы надъ камнемъ и предайте меня забвенію!»

Но никогда не покроетъ забвеніе имя великодушнаго человѣка и его высоко-христіанскую дѣятельность. Онъ былъ благодѣтелемъ самой отверженной части человѣческаго рода. Забывая о себѣ, онъ всецѣло предался заботамъ о тѣхъ, которымъ кромѣ него никто не пришелъ-бы на помощь. Еще во время его жизни — старанія его на пользу ближнихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но благотворное вліяніе его не исчезло и съ его смертью; слѣды его замѣтны и понынѣ въ законодательствѣ Англіи и даже другихъ европейскихъ государствъ.

Современный ему извѣстный политическій писатель Бурке говоритъ о немъ слѣдующее: «Онъ провелъ цѣлыя годы, странствуя по Европѣ, съ цѣлью проникнуть въ самую глубину тюремной жизни, и одышать зараженнымъ воздухомъ госпиталей, измѣрить и опредѣлить весь міръ людскихъ бѣдствій и отчаянія, напомнить и всѣми забытыхъ, облегчить судьбу бѣдняковъ и, сравнивъ всѣ страданія и печали человѣка въ разныхъ странахъ, подвести имъ общій итогъ—планъ замѣчательно оригинальный, свидѣтельствующій столько-же о великомъ умѣ, сколько о гуманномъ сердцѣ. Путешествіе его является, такъ сказать, кругосвѣтнымъ плаваніемъ милосердія и уже теперь во многихъ странахъ ощущаются благотворныя его послѣдствія».

По примѣру Гоуарда многія челоѣколюбивыя сердца приняли на себя задачу содѣйствовать улучшенію тюремнаго быта. Преимущественно это были женщины: сопровождающая одну изъ нихъ, м-съ Фрей, по тюрьмамъ, — Сидней Смитъ настолько былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, что

расплакался какъ дитя. «Въ этомъ городѣ, — сказала онъ впоследствии въ одной изъ своихъ проповѣдей, — я удостоился видѣть самое торжественное и христіанское, самое умиленное зрѣлище. Я видѣлъ святую женщину среди несчастныхъ, жалкихъ заключенныхъ, искренно, отъ всего сердца призывавшихъ на нее благословеніе Божіе, ободренныхъ и утѣшенныхъ ею, боготворившихъ ее, какъ единственное существо, которое пришло къ нимъ съ любовью, съ кроткими поученіями о Богѣ и его милосердіи!»

Путемъ упорныхъ настойчивыхъ трудовъ м-съ Фрей удалось совершенно измѣнить порядокъ тюремной жизни вообще и женскихъ тюремъ въ особенности, такъ что члены ревизіонной комиссіи, въ отчетѣ, представленномъ суду присяжныхъ послѣ посѣщенія ньюгэтской тюрьмы, сообщаютъ: «если-бы начала, примѣненные м-съ Фрей въ тюремной жизни арестантокъ, получили распространеніе и въ мужскихъ тюрьмахъ, — они несомнѣнно обезпечили-бы за тюрьмами самымъ надежнымъ образомъ характеръ исправительныхъ заведеній. Такимъ образомъ преступники, почувствовавшіе раскаяніе, могли-бы вернуться впоследствии въ общество въ качествѣ полезныхъ его членовъ, а не закоснѣлыхъ и вредныхъ злодѣевъ».

Извѣстная не менѣе м-съ Фрей благотворительница, м-съ Татноль тоже посвятила немало труда и времени улучшенію быта Уарвикской тюрьмы, гдѣ мужъ ея занималъ должность главнаго инспектора. Особенно ревностно заботилась она о малолѣтнихъ преступникахъ обоого пола, неустанно трудясь надъ ихъ нравственнымъ перевоспитаніемъ, увѣнчавшимся полнымъ успѣхомъ.

Конечно, отдѣльныя личности не могли произвести полнаго переворота въ нравственномъ мірѣ преступниковъ. Рѣшить окончательно такой сложный и важный вопросъ способна только законодательная дѣятельность, которая должна изыскать средства устранить понужденія къ совершенію преступленій и такъ направить тюремную дис-

циплину, чтобы она сводилась къ нравственному исправленію преступника. Въ сущности это является долгомъ общества по отношенію къ преступнику, зачастую сдѣлавшемуся такимъ лишь въ силу обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ выросъ, недостатка образованія и юридическаго неравенства, созданнаго самымъ этимъ обществомъ.

Прежде общество какъ бы мстило преступникамъ и потому обходилось съ ними какъ съ дикими звѣрями, теперь оно рѣшило примѣнить къ нимъ кротость съ цѣлью вернуть ихъ въ общество. Въ такомъ воспитательномъ духѣ ведется тюремное дѣло въ Сингъ-Сингъ, въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Начало такому положенію дѣлъ дано было докладами м-ра Эдмондса, который отрицалъ всякую пользу въ системѣ насилія, принудительнаго обращенія преступниковъ къ дисциплинѣ, системѣ, основанной на одномъ изъ самыхъ низшихъ чувствъ человѣка—страхѣ. «Я достаточно пожилъ на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—чтобы вполне убѣдиться въ способности человѣка сохранить даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ паденія сердце, которое можетъ быть тронуто добротою, совѣсть, которую можно пробудить съ помощью логики, и стремленіе къ лучшему: достаточно одного слова сочувствія и надежды, чтобы поддержать многихъ на пути къ добру». Руководствуясь замѣчаніями м-ра Эдмондса, въ тюрьмѣ Сингъ-Синга приняли за правило наказывать преступниковъ какъ можно рѣже и какъ можно чаще поощрять тѣхъ, которые подають надежды на исправленіе.

Особенно благотворные результаты принесла новая система, примѣненная къ женщинамъ: послѣ того какъ въ тюремной церкви произнесена была рѣчь, указавшая арестанткамъ на необходимость самообладанія и исправленія характера, на то, что каждый человѣкъ долженъ сознавать и свято исполнять свои обязанности, если хочетъ спастись въ этой и будущей жизни,—замѣтно было, какъ женщины стали сразу стараться держать себя съ большимъ достоин-

ствоимъ и спокойствіемъ: движенія ихъ поражали отсутствіемъ рѣзкости, тонъ разговора сдѣлался кроткимъ и покорнымъ; всѣмъ распоряженіямъ онѣ подчинялись съ большою готовностью и охотой.

Замѣчательнаго успѣха на подобномъ же поприщѣ достигъ капитанъ Пильсбюри, начальникъ Уэстбурійской тюрьмы въ Коннектикутѣ. Исполненный нравственнаго мужества, доходившаго почти до подвига, онъ въ корень измѣнилъ господствовавшій въ этой тюрьмѣ до него обычный суровый способъ обхожденія съ арестантами, крайне унижавшій и ожесточавшій ихъ; озлобленіе выросло вмѣстѣ съ усиленіемъ наказаній; число преступниковъ увеличивалось, и штатъ все болѣе входилъ въ долги, добывая средства на содержаніе тюрьмы. Капитанъ Пильсбюри ввелъ по своему вступленіи совершенно иную систему—систему исправленія преступниковъ съ помощью человѣколюбія. Прежде всего онъ прекратилъ даже по отношенію къ самымъ закоренѣлымъ преступникамъ обычай заковыванія ихъ въ кандалы, объявивъ, что будетъ вѣрить ихъ обѣщаніямъ не дѣлать попытокъ къ побѣгу. Подобный поступокъ словно по волшебству измѣнилъ отношенія: арестанты стали относиться къ своему начальнику съ уваженіемъ и довѣріемъ, дисциплина въ тюрьмѣ стала образцовой, такъ что скоро она получила возможность существовать на тѣ деньги, которыя зарабатывали преступники.

Особеннаго удивленія заслуживаетъ обращеніе капитана съ однимъ изъ преступниковъ—великаномъ. Это былъ отмѣнный злодѣй, бѣжавшій изъ острога и державшій своими преступленіями въ страхѣ цѣлую страну въ теченіе 17-ти лѣтъ. М-ръ Пильсбюри сказалъ ему: «надѣюсь, что ты не повторишь здѣсь своихъ попытокъ бѣжать, я-же со своей стороны постараюсь, насколько возможно, облегчить тебѣ пребываніе здѣсь. Хотя у насъ имѣется камера для одиночнаго заключенія, мы никогда не пользуемся ею. Я

быль-бы чрезвычайно огорченъ, если-бы меня довели до необходимости заключить въ нее кого-либо изъ моихъ арестантовъ. А потому ты можешь безпрепятственно разгуливать по тюрьмѣ, какъ и я, если будешь выказывать довѣріе, такое же, съ какимъ я отношусь къ тебѣ». Дружескія слова эти не произвели однако впечатлѣнія на преступника и скоро до капитана дошелъ слухъ, что злодѣй собирается бѣжать. Онъ снова принялся увѣщевать преступника, но тотъ, не выказывая никакого раскаянія, лишь упорно отмалчивался. Тогда Пильсбюри объявилъ ему, что, узнавъ о его приготовленіяхъ къ побѣгу, долженъ посадить его въ одиночное заключеніе. Худощавый и маленькій капитанъ, взявъ лампу, пошелъ впередъ, а великанъ послѣдовалъ за нимъ. Когда они очутились въ самомъ отдаленномъ и узкомъ мѣстѣ карридора, Пильсбюри повернулся къ арестанту и, глядя ему прямо въ лицо, спросилъ его: «ну, а теперъ скажи, заслужилъ-ли я отъ тебя такого со мной обращенія? Не дѣлалъ-ли я все, что могъ, чтобы облегчить тебѣ пребываніе въ тюрьмѣ? Я исполнѣ тебѣ вѣрилъ, а ты собираешься такъ жестоко наказать меня за это довѣріе и причинить мнѣ громадныя непріятности по службѣ. Хорошо-ли это? И все-же мнѣ жаль засадить тебя въ одиночную камеру, и если-бы я замѣтилъ, что ты питаешь ко мнѣ хоть каплю довѣрія и расположенія... Тутъ преступникъ не далъ ему договорить и зарыдалъ. «Сэръ,—воскликнулъ онъ,—въ продолженіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ я былъ злодѣемъ, но вы, сэръ, обращаетесь со мною по человѣчески...»—«Этого довольно, пойдемъ назадъ»—сказалъ капитанъ, и арестанту попрежнему была предоставлена свобода бродить въ тюремныхъ стѣнахъ гдѣ угодно! Онъ благополучно отсидѣлъ весь срокъ своего тюремнаго заключенія, хотя признавался своему другу, что не разъ одолѣвало его искушеніе бѣжать тѣмъ болѣе, что выполнить это было очень легко. Но помня данное капитану слово—онъ побѣдилъ самого себя.

Въ другой разъ, узнавъ, что одинъ изъ преступниковъ собирается убить его, капитанъ Пильсбюри немедленно призвалъ его и заставилъ выбрать себя, не позволивъ никому присутствовать при этомъ. Хотя рука преступника, по всей вѣроятности, сильно дрожала, тѣмъ не менѣе онъ благополучно довелъ до конца свое дѣло. «Мнѣ сказали,—замѣтилъ ему тутъ-же капитанъ,—что ты собирався убить меня, но мнѣ кажется, что я еще могу довѣриться тебѣ».—«Да благословить васъ Господь, сэръ!»—воскликнулъ тотъ. Такова сила вѣры въ благородныя стороны человѣческой души.

Величайшимъ препятствіемъ на пути къ исправленію является для преступника невозможность достать себѣ работу, послѣ того какъ онъ побывалъ въ тюрьмѣ. Благодаря сообщаемымъ о немъ полиціей свѣдѣніямъ, ему всюду отказываютъ въ трудѣ, и онъ часто поневолѣ обращается на путь порока и преступленія. На помощь такимъ несчастнымъ пришелъ Томасъ Райтъ, настоящій искренній другъ безпріютныхъ арестантовъ, человѣкъ небогатый и незнатный, но вдохновляемый теплой любовью къ падшему брату.

Получивъ въ дѣтствѣ не обширное, но тщательное религиозное образованіе, онъ попалъ, тѣмъ не менѣе, по вступленіи своемъ въ жизнь со всѣми ея соблазнами — въ общество самой безнравственной манчестерской молодежи. Къ счастью врожденное ему эстетическое чувство, такъ же, какъ и собственная совѣсть скоро вступили въ его душѣ въ борьбу съ новыми его склонностями. Воспоминанія о наставленіяхъ его покойной матери окончательно отвлекли его отъ кружка новыхъ друзей. Познакомившись съ однимъ религиознымъ юношей, имѣвшимъ на него большое вліяніе, онъ снова началъ посѣщать церковь.

Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ ученики къ чугунному заводчику въ Манчестерѣ и, благодаря своему трудолюбію и прилежанію, достигъ постепенно

должности главнаго мастера формовщика съ жалованьемъ въ 3 фунта стерлинговъ слишкомъ въ недѣлю. Въ продолженіе многихъ лѣтъ это было его максимальнымъ доходомъ, что не помѣшало ему сдѣлать массу добрыхъ дѣлъ.

Однажды на заводъ, гдѣ служилъ Райтъ, явился неизвѣстный человѣкъ, нанялся въ поденные работники и прослужилъ тамъ нѣкоторое время, чрезвычайно добросовѣстно и хорошо исполняя свое дѣло. Скоро однако начальство завода узнало, что новый работникъ—выпущенный изъ тюрьмы арестантъ; Райту, который, при приѣмѣ работника на заводъ, ничего не зналъ о его прошломъ, поручили навести справки. На его разспросы работникъ отвѣчалъ сначала, что долго былъ за границей, но въ концѣ-концовъ, заливаясь слезами, сознался, что онъ бывший каторжникъ, но надѣется вернуться на путь истинный и трудомъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу загладить свою прежнюю дурную славу.

Райтъ повѣрилъ ему и попросилъ хозяевъ оставить бѣдняка на заводъ, предложивъ внести за него въ видѣ залога 20 фунтовъ стерлинговъ. За рабочимъ послали на квартиру разсылнаго, но, такъ какъ его уволили еще наканунѣ, посланный не нашелъ его. Завязавъ въ узелокъ свое имущество, онъ покинулъ городъ.

Райтъ немедленно отправился по его слѣдамъ и нашелъ его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Манчестера: въ отчаяніи, безсильный и безпомощный онъ молча сидѣлъ на камнѣ. Райтъ поднялъ его, утѣшилъ и сказалъ, что мѣсто остается за нимъ, и отъ него самого теперь зависитъ поддержать о себѣ славу честнаго рабочаго. Они вернулись вмѣстѣ на заводъ, и бывший каторжникъ велъ себя впредь настолько хорошо, что вполне оправдалъ ручательство за него Райта.

Этотъ случай произвелъ на Райта глубокое впечатлѣніе: онъ понялъ, что сочувствіе и человѣколюбіе безусловно способны совершенно возродить людей, въ родѣ вышеуказан-

наго рабочаго, что въ обязанность каждаго истиннаго христіанина вмѣняется протянуть такому человѣку руку помощи и облегчить ему возвращеніе къ трудовой жизни. И эту благородную миссію онъ, не колеблясь, принялъ на себя, хотя самъ былъ въ то время неизвѣстнымъ и темнымъ работникомъ и еще не видѣлъ себѣ ни откуда помощи и поддержки.

М. Райтъ жилъ по сосѣдству съ сальфордской тюрьмой и съ помощью одного молодого рабочаго, отецъ котораго служилъ въ тюремщикахъ, онъ получилъ отъ послѣдняго позволеніе присутствовать на вечернемъ богослуженіи въ тюремной церкви. Райтъ удовольствовался пока этимъ, выжидая удобнаго случая приступить къ дѣлу. Наконецъ, однажды вечеромъ тюремный священникъ обратился къ Райту съ просьбой, не можетъ ли онъ поставить на мѣсто одного арестанта, покидающаго на-дняхъ тюрьму съ искреннимъ желаніемъ вступить на честный путь труда. «Я приложу всѣ свои старанія, чтобы помочь ему въ этомъ»—отвѣчалъ Райтъ и сдержалъ свое слово.

Послѣ этого случая начальство тюрьмы допустило Райта къ болѣе близкому знакомству съ арестантами: Райтъ подолгу разговаривалъ съ несчастными, давалъ имъ хорошіе совѣты и всѣми силами старался поддержать ихъ въ ихъ благихъ намѣреніяхъ исправиться и начать новую жизнь. Онъ сдѣлался посредникомъ между арестантами и ихъ семьями, присутствовалъ при выходѣ ихъ изъ тюрьмы и поддерживалъ ихъ первое время изъ собственныхъ скудныхъ средствъ, пока не находилъ возможности подыскать имъ мѣсто или работу.

Мало-по-малу наниматели стали съ большимъ довѣріемъ относиться къ рекомендаціямъ Райта, слышавшаго за человѣка безусловно честнаго и кромѣ того предлагавшаго каждый разъ залогъ за рекомендуемыхъ имъ работниковъ, въ случаѣ если возникало какое-нибудь сомнѣніе въ нихъ.

Такъ скромно и молчаливо продолжалъ онъ исполнять

принятую на себя добровольно обязанность, избѣгая всякой огласки, которая, по его мнѣнію, могла-бы только помѣшать ему въ его миссіи. Дѣятельность его принесла богатые плоды: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ему удалось пристроить около 300 арестантовъ. Ему удалось и несравненно болѣе трудное дѣло: отучить отъ пьянства и тѣмъ спасти отъ окончательнаго паденія многихъ женщинъ. Не разъ приходилось ему на колѣняхъ упрашивать разгнѣванныхъ мужей вновь принять къ себѣ раскаявшихся грѣшницъ, стосковавшихся по своей семьѣ.

Одинъ изъ друзей Райта рассказываетъ слѣдующій замѣчательный случай въ его жизни. Человѣкъ, отбывшій наказаніе на каторжной работѣ въ Портландѣ, явился къ Райту съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тюремнаго священника. Райтъ опредѣлилъ его сначала въ мусорщики, а затѣмъ, при видѣ его трудолюбія, досталъ ему выгодную должность работника на шоссевыхъ дорогахъ. Онъ настолько хорошо велъ себя и на этомъ новомъ мѣстѣ, что Райтъ выхлопоталъ ему позволеніе посѣщать какъ воскресные, такъ и вечерніе классы каноника Стоуэлла, гдѣ онъ мало-по-малу занялъ мѣсто преподавателя. Такимъ образомъ, бывший порглендскій каторжникъ, благодаря своей необыкновенной способности къ преподаванію, сначала давалъ уроки богословія въ школь, а затѣмъ возвысился до должности священника.

Въ другомъ случаѣ, юноша, занимавшій должность управляющаго въ одномъ торговомъ заведеніи, растратилъ значительную сумму хозяйскихъ денегъ. Молодому человѣку грозили уже судомъ, когда Райтъ, принявъ въ немъ участіе, упросилъ хозяина оставить его въ видѣ испытанія на прежней должности, говоря: «Дайте ему случай или еще разъ украсть, или сдѣлаться честнымъ человѣкомъ!» Юноша, осчастливленный тѣмъ, что избавился отъ наказанія и позора, съ новымъ усердіемъ принялся за свою службу и добился того, что хозяинъ принялъ его въ члены

своего товарищества, а затѣмъ онъ сдѣлался и главой фирмы. Всю жизнь этотъ человѣкъ не переставалъ благословлять имя Райта.

Послѣ долгодѣльныхъ трудовъ на избранномъ имъ поприщѣ Райтъ удостоился наконецъ официального признанія полезности своей дѣятельности. Въ годовомъ отчетѣ о положеніи тюремнаго дѣла, капитанъ Вильямсъ отозвался о немъ, какъ о человѣколюбивѣйшемъ дѣятелѣ на благотворительномъ поприщѣ, имѣвшемъ такой успѣхъ въ своихъ благословенныхъ начинаніяхъ, что изъ 96-ти спасенныхъ имъ людей только пятеро не устояли на пути добра.

Въ случаяхъ, когда Райту не удавалось найти должности выпущеннымъ изъ тюрьмы арестантамъ, онъ поддерживалъ ихъ или собственными деньгами, или устраивалъ въ ихъ пользу подписку въ кругу своихъ друзей, съ цѣлью дать несчастнымъ возможность эмигрировать. Болѣе 940 человѣкъ переселилъ онъ такимъ образомъ на чужбину, помогая имъ возродиться для новаго образа жизни. Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ становились впоследствии его сотрудниками на поприщѣ благотворительности, стараясь въ свою очередь доставить занятія своимъ бывшимъ товарищамъ по несчастью, или давая имъ возможность эмигрировать. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ прислалъ въ 1864 г. Райту изъ Сѣверной Америки трогательное письмо въ которомъ, называя его своимъ вторымъ отцомъ и единственнымъ надежнымъ въ мірѣ другомъ, посылалъ ему три фунта стерлинговъ въ пользу мужского исправительнаго заведенія въ Лондонѣ.

Между тѣмъ Райтъ продолжалъ работать на своемъ литейномъ заводѣ, гдѣ проводилъ цѣлые дни отъ 5-ти часовъ утра до 6-ти вечера и позже. Вечера же посвящалъ своему служенію человѣчеству, проводя ихъ или въ тюрьмѣ, или въ исправительномъ домѣ, или въ воскресныхъ школахъ для безпріютныхъ дѣтей, или въ семьяхъ арестантовъ. Ему уже было за шестьдесятъ лѣтъ и здоровье его пошатну-

лось отъ непрерывныхъ трудовъ; отдавая всё свои сбереженія освобожденнымъ изъ тюрьмы преступникамъ, онъ ничего не скопилъ себѣ на старость. Тогда правительство, признавая все высокое значеніе заслугъ Райта, предложило ему мѣсто ревизора всѣхъ государственныхъ тюремъ съ жалованьемъ въ 800 фунтовъ стерлинговъ, давая ему такимъ образомъ полную возможность обезпечить себя и расширить поля своей дѣятельности. Однако Райтъ рѣшительно отказался отъ этого назначенія: онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ ему сдѣлаться правительственнымъ чиновникомъ, какъ арестанты перестанутъ видѣть въ немъ своего друга.

Узнавъ объ этомъ отказѣ, жители Манчестера составили между собою подписку съ цѣлью купить для Райта ренту, равную по размѣрамъ его годовому жалованью и составляющую тѣмъ не менѣе едва сотую долю той суммы, которую онъ своей дѣятельностью сберегъ для государства. Въ подпискѣ приняло участіе и королевское благотворительное общество. Такимъ образомъ составила сумма, обезпечившая м. Райту ежегодный доходъ въ 182 фунта стерлинговъ. Въ то-же время, «въ знакъ выраженія своего глубокаго благоговѣнія къ великодушному другу челоувѣчества Томасу Райту», извѣстный художникъ, Уаттъ, членъ королевской академіи, поднесъ манчестерской думѣ прекрасную картину, съ изображеніемъ благотѣльнаго самарянина. Помѣщенная на самомъ видномъ мѣстѣ думскаго зала, картина эта равно характеризуетъ великодушіе артиста и благородство души изображеннаго на ней Райта.

Райтъ и на старости лѣтъ не прекратилъ своей подвижнической дѣятельности. Подобно Гоуарду, онъ странствовалъ по странѣ, посѣщая тюрьмы, остроги, исправительныя заведенія и т. п. Много труда положилъ онъ въ дѣлѣ распространенія школъ для бѣдноты. Онъ страстно желалъ доставить сыновьямъ бѣдныхъ людей возможность

честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и избавиться такимъ образомъ отъ перспективы превратиться въ бродягъ и преступниковъ. Онъ смотрѣлъ на невѣжество какъ на главный источникъ всякаго зла и горячо убѣждалъ м-ра Кобдена, который проводилъ тогда свою систему народнаго образованія, сдѣлать ее обязательной. Кромѣ своего излюбленнаго дѣтища—школь для бѣдности—онъ посодѣйствовалъ учреженію нѣсколькихъ исправительныхъ школь, копѣчныхъ банковъ и артели чистильщиковъ сапогъ. Онъ прилагалъ руку ко всякому, по мѣрѣ возможности, добродѣлю. Онъ любилъ, чтобы въ жизни не пропадала у него ни одна минута: «Трудись, пока не смерклось, ибо ночь близка»—таковъ былъ его девизъ.

Доживъ до 85-тилѣтняго возраста, онъ почувствовалъ близость конца. Двадцать третій псаломъ не сходилъ съ его устъ; съ каждымъ новымъ наступленіемъ вечера онъ чувствовалъ себя постоянно «на разстояніи одного дня пути ближе къ дому». Онъ прожилъ жизнь не даромъ и теперь былъ у цѣли. 14 апрѣля 1875 года онъ тихо скончался, перейдя отъ жизни временной къ жизни вѣчной. То была жизнь, стойкая жизнь. Главнѣйшимъ принципомъ своей дѣятельности Райтъ считалъ довѣріе къ чловѣку и избралъ правильный путь. Вѣра дѣлаетъ чудеса. Вѣрою въ чловѣка мы вызываемъ наружу тѣ добрыя качества, которыя таятся въ глубинѣ его души: «Дурно думать о чловѣкѣ,—говоритъ лордъ Болингброкъ,—признакъ узости души и кругозора. Пусть вы станете жертвой ошибки; лучше быть обманутымъ, чѣмъ несправедливымъ».

Перейдемъ теперь къ другому извѣстному филантропу. Еще не такъ давно всѣ общественныя учрежденія были недоступны для массы англійскаго народа. Никто не могъ проникнуть по буднямъ ни въ Британскій музей, ни въ Національную галерею, ни въ Виндзорскій дворецъ, ни въ другія хранилища замѣчательныхъ коллекцій и произведеній искусства. Упорно держалось мнѣніе, что стоитъ

только допустить въ подобныя зданія народъ, и онъ немедленно примется скоблить дерево, портить камни, уничтожать и разрушать все, что лежитъ въ этихъ драгоценныхъ собраніяхъ.

Покойный Джозефъ Юмъ, извѣстный какъ свободомыслящій членъ парламента и директоръ Остъ-Индской кампаніи, первый, если мы не ошибаемся, приложилъ всѣ усилія, чтобы измѣнить этотъ странный порядокъ дѣлъ и открыть народу доступъ сначала въ одно лишь собраніе нашихъ національныхъ достопримѣчательностей—Британскій Музей.

На первыхъ порахъ противъ неслыханнаго новшества раздалось множество порицаній, кричали, что коллекціи грозить порча и ломка, что нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые экземпляры будутъ украдены, словомъ общій голосъ говорилъ чуть-ли не о наступленіи «птопа». Тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости м-ра Юма, музей открыли, рѣшивъ въ видѣ опыта впускать въ него не болѣе какъ по пяти и шести человекъ: къ посѣтителямъ приставленъ былъ одинъ изъ служащихъ при музеѣ чиновниковъ, которому поручили зорко слѣдить за новой публикой и пресѣчь сію же минуту всякую попытку къ разрушенію, которое только и ждутъ будто бы произвести эти вандалы и варвары.

Однако послѣ того, какъ вторженіе въ музей варварскаго нашествія въ видѣ булочниковъ, мясниковъ, солдатъ и швей сдѣлалось совершившимся фактомъ, лордъ Стэнли, покойный графъ Дерби, объявилъ въ палатѣ общинъ, которой онъ былъ членомъ, слѣдующее: «Я былъ очень встревоженъ и озабоченъ новымъ проектомъ, но теперь могу сказать съ искреннимъ убѣжденіемъ, что, хотя вчера, 1-го мая, музей посѣтило 31,500 человекъ — въ немъ не было произведено ни малѣйшаго поврежденія», Такъ благополучно обошлось дѣло, и общество убѣдилось наконецъ въ возможности открыть народу свободный доступъ въ обще-

ственные зданія для осмотра ихъ національной коллекціи археологическихъ рѣдкостей и произведеній искусства. Дѣло было въ самой простой истинѣ: народу повѣрили, и довольно.

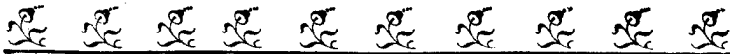
Мистеръ Юмъ не остановился на этомъ: онъ продолжалъ настаивать на возможно болѣе довѣрчивомъ отношеніи къ народу и необходимости открыть ему доступъ ко всевозможнымъ музеямъ и коллекціямъ, которые, доставляя своимъ посѣтителемъ развлеченіе, могли-бы въ то же время служить просвѣтительнымъ цѣлямъ. Путемъ неуступныхъ настояній, въ продолженіе ряда лѣтъ, ему наконецъ удалось добиться того, что двери Тоуера, Гэмптонъ-Корта, Вестминстерскаго аббатства и собора св. Павла открылись для всѣхъ желающихъ посѣтить ихъ безъ различія сословій. Обычай допускать въ подобныя мѣста публику привился мало-по-малу въ Англии, и въ настоящее время народныя развлеченія устраиваются не только въ садахъ и паркахъ Лондона, но и въ большой части большихъ мануфактурныхъ и другихъ центровъ.

Во время всемірной выставки 1851 года въ Лондонѣ также долгое время старательно обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ-ли, во избѣжаніе какихъ-либо беспорядковъ со стороны народа, окружить городъ войсками. Рѣшеніе послѣдовало въ концѣ-концовъ въ отрицательномъ смыслѣ. И въ результатѣ изъ числа экспонатовъ ничего не было ни украдено, ни попорчено, и начальникъ полиціи, капитанъ Роуэнъ, въ своемъ отчетѣ комитету палаты общинъ приписалъ это примѣрному умѣнью народа вести себя, прибавивъ, что замѣчаемое за послѣднее время улучшеніе въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отнести на счетъ предоставленнаго за послѣдніе годы народу права посѣщать общественныя мѣста, другими словами—большаго къ нему довѣрія.

Созерцая художественныя произведенія, въ которыхъ такъ ярко выражаются дарованные человѣку свыше таланты и способности, неподражаемые формы пластической

красоты, полныя чистоты, поэзіи и граціи, воскрешающія въ памяти зрителя какое-либо благородное чувство, возвышенную мысль или великій подвигъ, — зритель незамѣтно для себя становится образованнѣй и мягче въ обращеніи и развивается умомъ и душою. Картинныя галереи легко могли-бы при такихъ условіяхъ превратиться въ существеннѣйшій элементъ народнаго образованія. Уже одинъ фактъ довѣрія къ народу, выражающійся въ свободномъ доступѣ его къ подобнымъ коллекціямъ, является самымъ лучшимъ воспитателемъ характера. Стоитъ показать чело-вѣку, что вы вѣрите въ его чувство чести, и вы обезоружите безъ труда заложенное въ его природѣ злое начало. Чтобы сдѣлать людей болѣе гуманными, необходимо при-учить сначала къ тѣмъ влияніямъ, которыя способствуютъ смягченію ихъ нравовъ; чтобы сдѣлать изъ людей хорошихъ гражданъ, надо доставить имъ возможность проявить свои гражданскія права и обязанности. Прежде чѣмъ научиться плавать — чело-вѣкъ долженъ войти въ воду, прежде чѣмъ научиться ѣздить верхомъ — онъ долженъ сѣсть на лошадь, а прежде чѣмъ стать полезнымъ и разумнымъ гражданиномъ—онъ долженъ получить свободу дѣйствій, соединенную со званіемъ гражданина.

ГЛАВА XII.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО МИССИОНЕРОВЪ.

Терпѣніе — добродѣтель благочестивыхъ, пробный камень ихъ мужества и оружіе, съ помощью котораго они одолеваятъ самую судьбу.

Мильтонъ.

Вѣра приводитъ человека къ Богу, а любовь къ людямъ.

Лутеръ.

И все же мы не теряемъ надежды, что честно начатое здѣсь на землѣ не погинеетъ, а доживетъ до усовершенствованія въ боже свѣтомъ и широкимъ мірѣ.

Клоубъ.

Мы будемъ гонимы, но не погибнемъ!

Посл. къ Коринтянамъ. 2, 4.

Разсказываютъ, что герцогъ Веллингтонъ, на вопросъ одного священника, стоитъ-ли заниматься проповѣдью Евангелія въ Индіи — отвѣтилъ: «Въ чемъ состоитъ ваше назначеніе?» Священникъ отвѣчалъ словами Евангелія: «Идите и проповѣдуйте ученіе всему міру». — «Слѣдуйте этой заповѣди, — сказалъ герцогъ: — повиноваться — вотъ вашъ прямой долгъ».

И опасныя и наименѣе излюбленныя людьми миссіонерскія обязанности всегда находили тѣмъ не менѣе желающихъ пойти по стопамъ нашего Божественнаго Учителя. Христосъ проповѣдывалъ евреямъ и язычникамъ и св. апостолъ Павелъ былъ первымъ христіанскимъ миссіонеромъ: онъ основалъ церкви на востокѣ въ Коринѣ, Эфесѣ, Солуни и нашелъ свою смерть въ Римѣ, куда также явился съ проповѣдью.

Миссіонерство требуетъ отъ человѣка, посвятившаго себя ему, много больше самоотреченія и безусловной преданности долгу, чѣмъ всякое другое призваніе. Миссіонеръ долженъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ радостей и не страшиться опасности и самой смерти. Онъ долженъ отречься отъ всѣхъ благъ цивилизаціи и жить въ средѣ дикихъ, иногда и людоѣдовъ. За свою преданность дѣлу и самопожертвованіе, онъ не получаетъ никакихъ наградъ, кромѣ сознанія святости своего долга, поддерживающаго его среди всѣхъ опасностей и бѣдствій. Такъ-называемые «великіе мыслители» безконечно проигрываютъ въ сравненіи съ миссіонерами, потому что первые являются большей частью представителями отрицанія, которое можетъ многое разрушить, но создать что-либо новое не въ силахъ. Оно можетъ пошатнуть основы нашей вѣры, но не дастъ ничего, что могло-бы поддержать и возвысить нашъ нравственный міръ.

Когда кто-то замѣтилъ епископу Селуину, что для людей цивилизованныхъ вѣроятно крайне тяжело пребываніе среди такихъ презрѣнныхъ существъ, какъ дикіе, онъ отвѣтилъ: «Какое право имѣемъ мы называть дикихъ презрѣнными, мы, которыхъ Спаситель училъ не считать нечистымъ никакого человѣка. Я нахожу весьма неосновательными общепринятая теперь выраженія: «бѣдные язычники, погибающіе дикари, — я считаю гораздо ближе къ гибели тѣхъ христіанъ, которые, одаренные богато, сдѣлали такъ мало. Бѣднѣйшими-же являемся мы сами, когда, облеченные Божіей благодатью, оказываемся недостойными своего святого призванія. Идти въ среду язычниковъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что они суть наши братья, — много лучше, чѣмъ поддаваться фарисейскому самообольщенію, которое нашептываетъ миссіонеру, что онъ не таковъ какъ другіе люди и долженъ благодарить за это Бога».

Сколькимъ обязаны мы Августину, первому проповѣд-

нику Евангелія въ Англїи. Августинъ посланъ былъ въ Англїю папой Григоріемъ вмѣстѣ съ 36-ю монахами-бене-диктинцами для обращенія въ христіанство англо-саксовъ. Кентскій король Этельбертъ радушно встрѣтилъ его. Женатый на королевѣ Бергѣ, христіанкѣ, Этельбертъ подъ ея вліяніемъ принялъ христіанство самъ, и Августину удалось обратить затѣмъ почти всѣхъ его подданныхъ; въ эпоху кончины Августина, въ 605 г., большая часть Англїи подчинилась духовному главенству римскаго престола.

Сѣверная Англїя дольше была языческой страной, пока наконецъ Эдвинъ, вождь дружинъ къ сѣверу отъ Гумбры, не вступилъ въ бракъ съ христіанкой, сестрой короля Эдбальда кентскаго. Подъ ея вліяніемъ и благодаря увѣщаніямъ привезеннаго ею въ страну Эдвина священника — вождь принялъ христіанство, хотя его дружинники оставались язычниками. Имѣя въ виду основательно обсудить новое ученіе, виттенагемоттъ, то-есть собраніе старѣйшинъ-мудрецовъ, явился, чтобы выслушать Эдвина, который изложилъ передъ нимъ причины, побудившія его принять христіанство, и затѣмъ у каждаго члена отдѣльно спросилъ его мнѣнія объ обсуждаемомъ ими предметѣ.

Первымъ высказался верховный жрецъ, объявившій, что, по его мнѣнію, старые боги—Одинъ, Торъ и Фрейя, не имѣютъ никакого значенія, и онъ не желаетъ впредь поклоняться имъ. Вслѣдъ за нимъ всталъ старѣйшій вождь дружинъ и рассказалъ слѣдующую притчу.

«Не случилось-ли тебѣ замѣчать, о, король, какъ иногда въ зимній вечеръ, въ то время какъ ты сидишь за столомъ со своими танами и альдерменами, когда веселый огонь трещитъ на твоемъ очагѣ, а на дворѣ злится вѣтеръ и вьюга,—въ твои покои влетаетъ маленькая птичка. Впорхнувъ черезъ одну дверь, она промелькнетъ по залѣ и вылетаетъ въ другую. Мгновеніе этого перелета ей пріятно, потому что она не чувствуетъ ни дождя, ни ледянаго вихря, но это только мгновеніе. Птичка исчезла. Приле-

тѣвъ съ земней стужи, она опять вернулась туда-же. Подобной этому полету представляется мнѣ человѣческая жизнь, которая длится на землѣ минуту въ сравненіи съ долгимъ временемъ небытія, которое предшествовало рожденію и слѣдуетъ за смертью. Эта вѣчность темна и пугаетъ насъ, такъ какъ мы ея не понимаемъ. Если новое ученіе можетъ дать намъ какія-нибудь опредѣленные свѣдѣнія объ этой вѣчности,—я готовъ принять его».

Рѣчь стараго воина рѣшила дѣло. Собраніе торжественно отреклось отъ своихъ прежнихъ боговъ. Только когда Паулинъ объявилъ, что они должны разбить идолы прежнихъ боговъ, не нашлось между ними ни одного, настолько убѣжденнаго въ новыхъ истинахъ, чтобы взять на себя грѣхъ подобнаго святотатства. Тогда верховный жрецъ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ съ мечомъ и копьемъ къ храму, гдѣ ударилъ оружіемъ въ стѣны капища и окончательно разрушилъ ихъ. Послѣ этого Паулинъ крестилъ дружину Эдвина, а затѣмъ объѣхалъ области Деиру и Бернику, крестя въ водахъ Суаллэ и Юры всѣхъ, кто рѣшилъ подчиниться постановленію виттенагемотта.

Въ VII и VIII столѣтіяхъ свѣтъ христіанства распространился по всѣмъ языческимъ странамъ: Андомаръ водворилъ христіанство въ Галліи, Паулинъ и Вильфридъ въ Англіи, Килькенъ, Рудпертъ и Бонифацій въ Германіи.

Въ 826 году Ангарій, по желанію императора Людовика Благочестиваго, высадился съ однимъ только спутникомъ на датскій берегъ. Но въ послѣдствіи онъ учредилъ въ Даніи нѣсколько училищъ, воспитавшихъ немалое число миссіонеровъ. Въ X столѣтіи проповѣдники христіанства появились въ Венгріи и Польшѣ, гдѣ избрали своей резиденціей Гнѣзенскую епархію. Много трудовъ приняли они на себя, не одинъ кончилъ мученической смертью свою святую дѣятельность. Они занимались не однимъ обращеніемъ въ христіанство, но старались всячески придти на помощь населенію: помогали зараженнымъ чумою, соби-

рали деньги, чтобы выкупать плѣнныхъ изъ рукъ невѣрныхъ, ухаживали за больными.

Въ X и XI столѣтїяхъ во вновь обращенныя страны являлись миссіонеры искусства, соорудившіе тамъ церкви и соборы. Вдохновенные благочестїемъ, создавали они великія произведенія, дышавшія жизнью, правдой и любовью, полныя святой гармонїи. Какая разница съ архитектурными созданїями нашего времени, которыя поминутно обращаются въ развалины, тогда какъ старыя соборы стоятъ цѣлыя вѣка и до сихъ поръ вызываютъ своимъ великолѣпїемъ восторгъ во всѣхъ, кто видитъ ихъ!

Есть извѣстія, что христіанскїе миссіонеры секты несторїанъ уже въ VII вѣкѣ посѣтили Китай; съ XII вѣка появляются въ немъ проповѣдники французы, протестанты же проникли въ Небесную имперїю лишь съ 1807 года. Вообще миссіонерство въ Азіи и Африкѣ появилось пока еще только на окраинахъ. Апостоломъ Индіи былъ Францискъ Ксавье, побывавшій и въ Японїи, и Ласъ-Казасъ, одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ и ревностныхъ распространителей христіанскаго ученїя въ западной Индіи.

«Въ то время,—говоритъ о немъ Артуръ Гельсъ,—когда всюду торжествовала грубая сила, примѣнявшаяся въ особенности къ дѣлу миссіонерства, Ласъ-Казасъ смѣло выступилъ передъ королевскимъ совѣтомъ защитникомъ того мнѣнїя, что миссіонерская дѣятельность должна, болѣе чѣмъ какаѣ-либо иная, обходиться безъ поддержки военной силы, полагаясь единственно на помощь свыше. Его дѣятельность и до сихъ поръ можетъ служить образцомъ того, какъ должны поступать миссіонеры.

Ласъ-Казасъ родился въ Севильѣ и учился въ Саламанкскомъ университетѣ, а въ 1498 году онъ сопровождалъ своего отца въ западную Индію въ путешествїи, предпринятомъ Колумбомъ. Тутъ онъ впервые увидѣлъ Америку. Впослѣдствїи онъ исполнялъ обязанности священника въ Испаньолѣ, при чемъ выказалъ блестящїя оратор-

скія способности, много самопожертвованія и энергіи. Онъ всюду слѣдовалъ за испанцами, всѣми силами стараясь приобрести любовь и довѣріе индійцевъ и защитить ихъ отъ жестокости побѣдителей. Послѣ того какъ ему пришлось быть свидѣтелемъ многократнаго кровопролитія, Ласъ-Казасъ рѣшился поѣхать въ Испанію, чтобы заступиться за угнетенный народъ. Добившись свиданія съ королемъ Фердинандомъ, миссіонеръ разсказалъ ему о всѣхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, которыя приходится переносить индійцамъ, погибающимъ, не успѣвъ получить понятія объ истинной вѣрѣ и Богѣ. Но дрихлющій король не обратилъ вниманія на представленія Ласъ-Казаса и только послѣ его смерти самоотверженному миссіонеру удалось заинтересовать судьбой несчастныхъ кардинала Хименеса, новаго регента государства, который принялъ нѣкоторыя мѣры для защиты индійцевъ. Но отправленные вмѣстѣ съ Ласъ-Казасомъ въ западную Индію три монаха орена св. Иеронима, посланные съ цѣлью пресѣчь злоупотребленія губернаторовъ и судей, приняли ихъ сторону. Ласъ-Казасъ опять отправился въ Испанію, но нашелъ регента при смерти; за шестнадцатилѣтняго короля Карла V правилъ теперь его канцлеръ, съ которымъ Ласъ-Казасъ и завязалъ переговоры объ облегченіи участи индійцевъ. Но къ несчастью вскорѣ умеръ и канцлеръ; влияние надъ королемъ перешло къ епископу Бургосскому, и всѣ начинанія Ласъ-Казаса пошли прахомъ. Тогда онъ отправился въ Индію съ твердой рѣшимостью попытаться сдѣлать что можно въ пользу несчастныхъ самому, безъ посторонней помощи. Онъ попытался основать колонію въ Куманѣ, гдѣ подружился съ индійцами, стараясь спасти ихъ отъ жестокости испанцевъ. Но, не встрѣчая ни откуда помощи и сочувствія, онъ принужденъ былъ въ концѣ-концовъ сдаться и, удрученный неудачами, принялъ постриженіе въ доминиканскомъ монастырѣ въ Испаньолѣ, гдѣ и провелъ 8 лѣтъ въ уединеніи и молитвѣ. Потомъ

онъ снова обратился къ миссіонерской дѣятельности и отправился въ сопровожденіи двухъ монаховъ въ Перу и Мексику. Въ Никарагуа ему удалось создать настолько сильную оппозицію губернатору, что благодаря ей отмѣнена была одна изъ предполагаемыхъ внутрь страны экспедицій, всегда крайне пагубно отзывавшихся на туземцахъ. Такъ, на примѣръ, къ одной изъ такихъ экспедицій представлено было въ качествѣ носильщиковъ тяжестей около четырехъ тысячъ индійцевъ, изъ которыхъ вернулось домой только четверо. Ласъ-Казасъ рассказываетъ, что если кто-нибудь изъ индійцевъ заболѣвалъ въ дорогѣ отъ усталости и голода и не могъ идти далѣе, ему срубали голову, чтобы поскорѣй отдѣлать его отъ партіи его товарищей и освободить такимъ образомъ ошейникъ и дѣли, которыми онъ былъ прикованъ къ другимъ туземцамъ.

Ласъ-Казасъ съ двумя товарищами попытались, между прочимъ, съ цѣлью распространенія христіанства, проникнуть въ Тузулутанъ, «землю войны», какъ съ ужасомъ называли ее испанцы, которые три раза безуспѣшно нападали на ея храбрыхъ жителей. Но мужественные миссіонеры, исполненные сознанія правоты своей задачи, рѣшились проникнуть въ Тузулутанъ, хотя бы цѣной жизни. Для начала они перевели на мѣстный языкъ и изложили въ стихотворной формѣ главнѣйшіе догматы христіанскаго ученія, такъ что пѣніе этой поэмы могло сопровождаться игрой на мѣстныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Затѣмъ они выучили новой поэмѣ четырехъ индійскихъ разносчиковъ, посѣщавшихъ ежегодно Тузулутанъ со своими товарами. Ласъ-Казасъ снабдилъ кромѣ того разносчиковъ различными бездѣлушками, на которыя такъ падки туземцы: бусами, колокольчиками, маленькими зеркальцами и т. п.

Разносчики, встрѣтившіе радушный пріемъ со стороны тузулутанскаго князя, спѣли однажды вечеромъ въ присутствіи старѣйшинъ свои религіозные гимны подъ акком-

паниментъ туземной музыки. Гимны произвели глубокое впечатлѣніе на туземцевъ, купцы пѣли ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, и князь, по мѣстному кацикъ, пожелалъ знать ихъ происхожденіе. «Насъ научили имъ благочестивые падры», отвѣчали купцы, и кацикъ послалъ этимъ удивительнымъ людямъ приглашеніе явиться въ его страну. Вскорѣ кацикъ принялъ христіанство, и Ласъ-Казасъ и его товарищъ Педро де-Ангуло воздвигли церковь въ Рабиналъ. Они поучали народъ не однимъ только религіознымъ истинамъ, а также сообщали имъ свѣдѣнія о разныхъ ремеслахъ, объ употребленіи одежды, воды и мыла. Христіанство распространилось до области Кобанъ, и такимъ образомъ старанія великодушныхъ монаховъ увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ.

Когда Ласъ-Казасъ снова вернулся въ Испанію въ 1536 году, его надолго задержали тамъ, въ виду того, что онъ могъ сообщить правительству много полезныхъ свѣдѣній объ Индіи, и онъ приступилъ за это время къ изданію своего замѣчательнаго сочиненія «Опустошеніе Индіи», которое произвело сильное впечатлѣніе на общество. Ему предложили затѣмъ мѣсто епископа въ Куцко, въ Перу, а затѣмъ, когда онъ отклонилъ это предложеніе, — епископскій санъ въ Новой Мексикѣ въ Чіапѣ, убѣдивъ его, что отклонить это предложеніе было бы грѣхомъ. Такимъ образомъ Ласъ-Казасъ опять перебрался въ Америку, гдѣ поселился въ Сіудадъ-Реалѣ, главномъ городѣ провинціи.

Епископскій санъ не измѣнилъ его образа жизни и его привычекъ, отличавшихся крайней простотой. Онъ продолжалъ дѣятельную борьбу съ рабствомъ, отказывая въ отпущеніи грѣховъ всякому, кто становился рабовладѣльцемъ, чѣмъ и снискалъ себѣ всеобщую ненависть завоевателей, величавшихъ его епископомъ-чортомъ и антихристомъ и неоднократно покушавшихся на его жизнь. Мужественный епископъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ бороться съ несправедливостью и зломъ.

Неустрасимый миссіонеръ сложилъ съ себя, наконецъ, въ 1547 г. епископскій санъ и умеръ въ Мадридѣ 92-хъ лѣтъ отъ роду, двѣнадцать разъ въ жизни переплывъ океанъ.

То, противъ чего 300 лѣтъ назадъ возставалъ Ласъ-Казасъ, не устранено и понынѣ: миссіонерамъ всюду предшествуетъ пѣхота, конница или артиллерія, или является вслѣдъ за ними. Съ 1800 по 1850 г. авгличане выдали болѣе 14-ти милліоновъ на христіанскія миссіи — превосходный памятникъ благоговѣнія и вѣры, — но за это же время военныя издержки наши возросли до 2 милліардовъ съ милліонами, и это является еще болѣе краснорѣчивымъ памятникомъ нашей вѣры въ силу оружія.

Въ Африкѣ миссіонеры медленно подвигались къ своей цѣли путемъ невѣроятныхъ затрудненій. Привыкшіе къ комфорту цивилизованной жизни, они селились среди дикихъ племенъ и переносить разнаго рода лишенія было имъ тѣмъ тяжелѣе, что ихъ раздѣляли съ ними ихъ жены и дѣти. Дѣятельность ихъ отмѣчалась полнѣйшимъ безкорыстіемъ, потому что они получали отъ правительства самое скудное содержаніе.

Замѣчательнѣйшимъ среди дѣйствовавшихъ на югѣ Африки миссіонеровъ является докторъ Моффатъ, который въ 1820 году переправился въ качествѣ миссіонера черезъ Оранжевую рѣку къ бетчуанскимъ племенамъ. Имѣя въ виду выучиться языку туземцевъ, онъ жилъ среди нихъ, какъ равный, не обращая вниманія на ихъ дикость, и перекочевывалъ съ ними съ мѣста на мѣсто. Овладевъ ихъ языкомъ, онъ сталъ проповѣдывать имъ Евангеліе; много времени прошло, и много лишеній онъ перенесъ, прежде чѣмъ дикари научились внимать его спасительному слову. Рука объ руку съ христіанствомъ распространялась и цивилизація. Дикіе и грязные туземцы умылись и одѣлись; дикари привыкали къ труду, строили дома, воздѣлывали сады и заводили школы для дѣтей и церкви для взрослыхъ. Моффатъ могъ вздохнуть съ облегченіемъ.

Зять Моффата, Ливингстонъ, продолжалъ его дѣло. Ливингстонъ проникъ въ центральную Африку, куда еще никогда не ступала нога блага, неустанно борясь со стихіями, дикими людьми и звѣрьми, подвергаясь сплошь и рядомъ смертельной опасности. Ему удалось забросить сѣмена вѣры въ сердца самыхъ дикихъ племень и проложить путь къ дальнѣйшей дѣятельности новыхъ миссіонеровъ. Онъ и умеръ на своемъ посту въ Италѣ. Похороненъ Ливингстонъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, по праву отдыхая въ средѣ великихъ дѣятелей англійскаго народа.

Люди, даже вполне некультурные, судятъ другъ о другѣ не по словамъ, а по дѣламъ. Нерѣдко называющіе себя христіанами только набрасываютъ тѣнь на чистое ученіе, котораго являются проповѣдниками. Съ какой ужасающей ясностью звучитъ это положеніе въ незабвенномъ отвѣтѣ индійскаго вождя убѣждавшему его обратиться въ христіанство миссіонеру: «Христіанинъ лжетъ и обманываетъ, христіанинъ крадетъ, пьянствуетъ, убиваетъ, христіанинъ отнял у меня мои земли и вырѣзалъ мое племя— дьяволъ христіанинъ — я не хочу быть христіаниномъ!» «Подобныя слова,—говоритъ докторъ Гутри,—должны научить насъ съ осторожностью относиться къ выраженію нашихъ религіозныхъ убѣжденій, а разъ выразивъ ихъ—жить согласно съ ними».

Обратясь къ другой части свѣта, островамъ Тихаго океана, мы найдемъ въ миссіонерской средѣ, подвизавшейся тамъ, также не мало героевъ и подвижниковъ. Къ числу такихъ людей принадлежитъ прежде всего Джонъ Вильямсъ, извѣстный подъ названіемъ ирромангскаго мученика. Жизнь его — цѣлый романъ, который начинается, однако, въ зрѣлыхъ его годахъ, потому что его дѣтство и отрочество не отличались ничѣмъ особеннымъ. Мальчикомъ онъ поступилъ въ ученіе къ одному лондонскому торговцу желѣзными издѣліями, живя у котораго, съ большимъ совершенствомъ и умѣньемъ выполнялъ разныя же-

лѣзныя работы. Юношей онъ сблизился съ дурными товарищами, хвалившимися своими атеистическими взглядами; но лучшія стороны его характера взяли къ счастью верхъ, и онъ сдѣлался въ послѣдствіи однимъ изъ самыхъ ревностныхъ преподавателей воскресной школы.

Миссіонерская дѣятельность среди язычниковъ возбуждала тогда всеобщій интересъ въ обществѣ. Джонъ Вилльямсъ почувствовалъ горячее къ ней влеченіе и послѣ нѣкоторыхъ колебаній предложилъ свои услуги лондонскому миссіонерскому обществу. Въ 1810 году, едва двадцати лѣтъ отъ роду, онъ ушелъ изъ своей мастерской и занялся литературой и богословіемъ, посѣщая въ то же время мастерскія и фабрики, чтобы лучше и ближе познакомиться съ ремеслами и равными производствами, свѣдѣнія о которыхъ онъ могъ бы въ послѣдствіи распространить вмѣстѣ съ религіозными началами въ средѣ дикихъ народовъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія капитанъ Кукъ открылъ во время своего кругосвѣтнаго плаванія въ Тихомъ океанѣ большое количество острововъ, дикое населеніе которыхъ отличалось то сравнительной кротостью нрава, то жестокостью и кровожадностью,—всѣ безъ исключенія были язычниками. Эти острова и избрало лондонское миссіонерское общество первоначальной ареной своей дѣятельности. Піонеры цивилизаціи работали тамъ уже въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, но безъ особеннаго успѣха. Съ теченіемъ времени туземцы стали, однако, мало-помалу переходить въ христіанство. Такъ какъ миссіонеры постоянно настоятельно просили лондонское общество о присылкѣ имъ новыхъ товарищей, Джонъ Вилльямсъ, несмотря на его сравнительно недостаточную подготовку къ новой дѣятельности, отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими миссіонерами въ Сидней. Передъ отъѣздомъ онъ женился на миссъ Мэри Чаунеръ, въ послѣдствіи неутомимой его сотрудницѣ и помощницѣ въ дѣлѣ распространенія хри-

стіанства и цивилизаціи среди дикихъ. Изъ Сиднея новую партію миссіонеровъ переправили на одинъ изъ острововъ Товарищества—Эimeo. М-ръ Вилльямсъ немедленно принялся за изученіе таитійскаго нарѣчія, исполняя въ то же время всѣ желѣзныя работы для небольшого судна, которое миссіонеры строили для Помаръ, королевы Таити.

Вскорѣ мистера Вилльямса перевели сначала на островъ Гуагейнъ, а потомъ на островъ Райатеа, центральный и самый большой среди острововъ Таити, и здѣсь миссіонерская его дѣятельность привела къ блестящимъ результатамъ. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства поспособствовать по мѣрѣ силъ улучшенію какъ физическаго, такъ и нравственнаго состоянія туземцевъ. Туземцы отличались крайней лѣнностью. Вилльямсу удалось пріучить ихъ къ труду и ввести у нихъ единобрачіе вмѣсто прежняго безпорядочнаго сожительства.

По его примѣру они принялись строить себѣ дома, при чемъ его уютный и комфортабельный домъ, выстроенный имъ самимъ и обставленный собственноручно сдѣланными имъ предметами служилъ для нихъ образцомъ. Вилльямсъ научилъ туземцевъ строить суда, уговорилъ въ видахъ будущаго развитія торговли разводить собственныя сахарныя и табачныя плантаціи и обрабатывать на нихъ табакъ и сахаръ. Цилиндры для сахарнаго завода выточены были на станкѣ, изготовленномъ самимъ Вилльямсомъ.

Обучивъ такимъ образомъ туземцевъ разнымъ производствамъ и ремесламъ, Вилльямсъ принялся отыскивать рынки, гдѣ жители острова Райатеа могли-бы обывать свои произведенія. Онъ задумалъ распространить свои мирныя завоеванія и на другіе острова Таити, такъ какъ держался убѣжденія, что коммерческія сношенія между островами, лучше чѣмъ что-либо, послужатъ распространенію цивилизаціи.

Такъ какъ его небольшія лодки не годились для этой

цѣли, онъ, горя желаніемъ поскорѣй привести въ исполненіе свои замыслы, отправился въ 1822 году въ Сидней и купилъ тамъ грузовое судно «Стараніе» въ семьдесятъ тоннъ. Сэръ Томасъ Брисбенъ, губернаторъ Новаго Южнаго Уэльса, подарилъ ему нѣсколько экземпляровъ коровъ и овецъ для разведенія на островахъ скота. Всю отвѣтственность за задуманное предпріятіе Вильямсъ долженъ былъ принять на себя, потому что нашлись люди, которые многократно давали ему понять, что его дѣло проповѣдывать, а не заводить торговлю. Но онъ держался того убѣжденія, что лондонское общество, вникнувъ въ важное значеніе его предпріятія, придетъ со своей стороны на помощь ему.

Въ 1823 году онъ смѣло направилъ свой корабль къ островамъ Гарвейскимъ, съ намѣреніемъ открыть островъ Раратонгу, еще неизвѣстный европейцамъ, но о которомъ ходило много неясныхъ легендъ между народонаселеніемъ Райатеа. Поиски Вильямса оказались на этотъ разъ тщетными. И лишь во второй разъ, послѣ долгаго и тяжелаго плаванія при неблагоприятномъ вѣтрѣ, взбравшійся, по приказанію Вильямса, на самую верхушку мачты матросъ-туземецъ объявилъ, что видитъ на горизонтѣ Раратонгу.

«Въ ту минуту, какъ мы, за недостаткомъ провіанта,— рассказываетъ Вильямсъ,— уже почти готовы были отказаться отъ цѣли нашихъ продолжительныхъ поисковъ, жаркіе лучи восходящаго солнца разогнали облака, и матросъ вывелъ насъ изъ напряженнаго ожиданія, воскликнувъ: «Вотъ островъ, который мы ищемъ!» Переходъ отъ одного чувства къ совершенно противоположному другому совершился такъ быстро и рѣзко, что я до сихъ поръ, спустя много лѣтъ, еще живо помню то радостное впечатлѣніе, которое произвели на насъ слова матроса».

Миссіонеръ и его спутники встрѣтили у жителей острова самый радушный пріемъ. Вильямсъ сообщилъ, что явился съ цѣлью научить островитянъ Раратонги вѣрѣ въ истиннаго Бога. Вскорѣ владѣтель острова и его подданные

привяли христіанство. Вильямсъ, оставивъ на островѣ одного изъ туземцевъ-учителей, возвратился на Райатеа съ цѣлью предпринять новую экспедицію, чтобы соединить подъ своимъ попеченіемъ всю группу острововъ «Мореходцевъ», когда до него дошло изъ Лондона извѣстіе, что миссіонерское общество опасается, какъ бы новыя торговыя предпріятія не сообщили дѣятельности Вильямса слишкомъ свѣтскаго характера. Въ то же время губернаторъ Новаго Южнаго Уэльса издалъ новыя торговыя уставы, послужившіе большимъ препятствіемъ къ развитію островной торговли. Тогда Вильямсъ отправилъ свое судно въ Сидней, поручивъ своимъ друзьямъ продать его вмѣстѣ съ товарами, которыми оно было нагружено.

Вильямсъ остался жить попрежнему на Райатеа, а Раратонгу только навѣщаль по-временамъ. Въ 1827 году онъ отвезъ туда новыхъ миссіонеровъ, м-ра и м-съ Питманъ, которые нашли по прибытіи, что народъ истребилъ уже старыхъ идоловъ, и нравственное и физическое его состояніе значительно улучшилось. М-ру Вильямсу пришлось вскорѣ приняться за переводъ священнаго писанія на языкъ Раратонги, такъ какъ всѣ книги до сихъ поръ существовали лишь на языкѣ Таити. Такимъ образомъ Вильямсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ составить грамматику раратонгскаго языка. Затѣмъ онъ составилъ для туземцевъ планъ церкви, которая была съ помощью туземцевъ и ихъ вождей отстроена въ два мѣсяца.

Во время постройки этой церкви произошелъ слѣдующій любопытный эпизодъ. М-ръ Вильямсъ, забывъ однажды дома свой наугольничекъ, послалъ за нимъ одного туземца съ дочечкой, на которой онъ написалъ женѣ просьбу отослать наугольничекъ съ подателемъ дощечки. «Что мнѣ сказать?»—спросилъ туземецъ.—«Доска сама скажетъ, что мнѣ нужно, только передай ее»,—отвѣтилъ Вильямсъ. Туземецъ ушелъ, убѣжденный, что надъ нимъ подшучиваютъ. Когда-же м-съ Вильямсъ, получивъ дощечку, прочла

ее и подала посланному наугольникъ, туземецъ побѣжалъ отъ нея, крича съ удивленіемъ: «Какъ мудры англичане! Они заставляють даже доски говорить за себя». И въ продолженіе нѣсколькихъ дней вокругъ него собиралась толпа, которая съ изумленіемъ выслушивала рассказъ о чудотворной доскѣ, повѣшенной посланцемъ на веревкѣ себѣ на шею.

Принужденный прожить на Раратонгѣ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь корабль отвезъ-бы его на Райатеа, м-ръ Вильямсъ постарался съ пользою провести здѣсь время. Онъ открылъ школу для туземцевъ, которые однако выказывали гораздо меньше способностей къ ученію, чѣмъ ихъ единоплеменники на Райатеа. Впрочемъ, когда Вильямсъ перевелъ евангеліе на раратонгскій языкъ, обученіе пошло быстро.

Нововведенія на островѣ приплысь однако по вкусу далеко не всеѣмъ его жителямъ, и нѣкоторая часть молодежи, скучавшая по прежнимъ разнузданнымъ обычаямъ, составила заговоръ убить Вильямса и бросить въ море тѣло его и его спутниковъ. Совѣтъ старѣйшинъ, когда заговоръ открылся, приговорилъ четырехъ его зачинщиковъ къ смертной казни. Вильямсъ ходатайствовалъ о дарованіи имъ жизни. Пока шли совѣщанія по этому поводу, одинъ изъ старѣйшинъ спросилъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступаютъ англичане. Ему отвѣтили, что въ Англии существуютъ законы и судьи, которые опредѣляютъ наказанія преступникамъ, согласно съ закономъ. «Пусть и у насъ будетъ такъ-же!»—заявили старѣйшины. И м-ръ Вильямсъ и м-ръ Срежелдъ составили для туземцевъ цѣлый кодексъ законовъ, изложивъ его самымъ простымъ и яснымъ языкомъ. Въ основу судопроизводства они положили судъ присяжныхъ, считая его лучшей гарантіей отсутствія произвола и несправедливости.

Напрасно продавъ на Раратонгѣ нѣсколько мѣсяцевъ появленія какого-либо корабля, Вильямсъ предпринялъ нѣ-

что неслыханное до сихъ поръ: онъ рѣшилъ собственноручно построить себѣ корабль. Орудій для постройки у него совсѣмъ не было. Прежде всего нужно было раздобыть пару кузнечныхъ мѣховъ. Изъ шкуръ трехъ убитыхъ козь Вильямсу удалось приготовить ихъ, но только новые мѣхи вмѣсто того, чтобы раздувать огонь—тушили его. Кромѣ того однажды ночью ихъ совершенно съѣли крысы, оставивъ только деревянный остовъ. Тогда Вильямса осѣнила блестящая мысль, что если насосъ выкачиваетъ воду, отчего бы не заставить его производить движеніе воздуха, —и принялся за постройку соответствующей машины, съ помощью которой онъ и заготовилъ всѣ необходимыя желѣзныя части для будущаго корабля: вмѣсто молота онъ работалъ просверленнымъ камнемъ, и камень же служилъ ему наковальней. Каменный уголь замѣненъ былъ древеснымъ-кокосовымъ; испытывая недостатокъ въ желѣзѣ, онъ сколачивалъ доски деревянными гвоздями: якорь былъ тоже деревянный и кромѣ того для той же цѣли приспособлена была бочка, наполненная камнями. Паруса сдѣланы были изъ циновокъ, на которыхъ обыкновенно спали туземцы, и т. п. Послѣ пятнадцати недѣль работы корабль вышелъ въ море; онъ поднималъ до 80-ти тоннъ и носилъ названіе «Вѣстникъ мира».

Такъ какъ Райатеа отстояла отъ Раратонги болѣе, чѣмъ на 800 миль, то рѣшили, опасаясь за безопасность плаванія на новомъ кораблѣ, пойти сначала на островъ Айтутакъ, находившійся отъ Раратонги всего въ 170 миляхъ разстоянія. Несмотря на неблагоприятный вѣтеръ, плаваніе совершилось довольно благополучно. У м-ра Вильямса былъ компасъ и квадрантъ, что значительно облегчило ему путь. Принимавшій участіе въ экспедиціи король острова Раратонги, Макеа, ничему не удивлялся столько, какъ умѣнью европейцевъ указывать ту сторону, въ которой находился берегъ. «Никогда не назову я впредь воинами тѣхъ людей,—промолвилъ при этомъ Макеа,—ко-

торые дерутся на сушѣ: имени война достойны только англичане, которые умѣютъ справляться съ морскими бурями!»

«Вѣстникъ мира» простоялъ въ Айтутакѣ около десяти дней и взялъ тамъ въ качествѣ обратнаго груза кокосовыхъ орѣховъ, свиней и кошекъ. Раратонгскія свиньи были чрезвычайно мелки и плохо разводились: вотъ почему, имѣя въ виду помочь этой бѣдѣ, Макеа взялъ съ собой семьдесятъ штукъ лучшей породы. Что-же касается кошекъ, то ими запаслись для уничтоженія крысъ, которыя составляли одну изъ 10 египетскихъ казней Раратонги: крысы всѣхъ мастей и величинъ бѣгали всюду: по столамъ, стульямъ, постелямъ, воровали мясо, ѣли шкуры животныхъ, одежду, а въ случаѣ голода и собственныхъ крысятъ. Кошки поэтому были встрѣчены народонаселеніемъ Раратонги съ большимъ удовольствіемъ. вмѣстѣ со свиньями онѣ не замедлили избавить островъ отъ ужасныхъ крысъ.

Добравшись на своемъ кораблѣ до Райатеа, м-ръ Вильямсъ нашель тамъ все въ самомъ лучшемъ порядкѣ и рѣшилъ распространить свою миссію на другіе сосѣдніе острова. На «Вѣстникъ мира» онъ пустился къ берегамъ острововъ «Мореходцевъ», до сихъ поръ никогда еще не посѣщаемыхъ миссіонерами, и всюду, куда проникалъ, вводилъ христіанство и распространялъ цивилизацію.

«Христіанство,—говорилъ онъ,—побѣждало всюду не съ помощью земной силы, но единственно благодаря собственному нравственному могуществу, тому свѣту, который всюду разливало, и тому духу любви и смиренія, которымъ оно было исполнено, такъ какъ благость—самый надежный ключъ къ человѣческому сердцу, въ какой-бы груди оно ни билось: въ груди дикаря или въ груди цивилизованнаго человѣка. Народъ немедленно становился жаркимъ послѣдователемъ новаго ученія, какъ только слѣдствіемъ христіанства являлось милостивое обхожденіе съ ними ихъ вождей, когда-то столь кровожадныхъ и жестокихъ,

смягчившихся единственно подъ вліаніемъ евангельскихъ истинъ».

Послѣ долгихъ лѣтъ такихъ самоотверженныхъ трудовъ на чужбинѣ, м-ру Вильямсу захотѣлось, наконецъ, посѣтить свою родину. Отправивъ въ Таити свой знаменитый «Вѣстникъ мира», онъ прибылъ въ Лондонъ на китобойномъ суднѣ въ іюнѣ 1834 года. Тутъ м-ръ Вильямсъ представилъ британскому библейскому обществу рукопись своего перевода священнаго писанія на раратонгское нарѣчіе, который былъ одобренъ и представленъ къ напечатанію. Кромѣ того м-ръ Вильямсъ составилъ отчетъ о наиболѣе важныхъ результатахъ своей миссіонерской дѣятельности. Отчетъ этотъ, написанный въ повѣствовательной формѣ, переполненный самыми интересными этнографическими и этнологическими свѣдѣніями, привлекъ всеобщее вниманіе къ его автору, которому пришлось держать рѣчи на многихъ митингахъ въ разныхъ частяхъ Англіи. Благодаря связямъ со многими высокопоставленными лицами, а также со многими представителями науки и искусства, которыя онъ за это время приобрѣлъ, — со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія въ пользу его миссіонерскихъ задачъ. Часть этихъ денегъ м-ръ Вильямсъ издержалъ на приобретеніе миссіонерскаго судна «Camden», и послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Англіи супруги Вильямсъ отправились вмѣстѣ съ 16-ю новыми миссіонерами и ихъ женами на новомъ суднѣ на острова Южнаго океана, куда и прибыли благополучно.

Обѣхавъ группу острововъ Товарищества и другихъ, гдѣ миссіонеръ насадилъ уже начала христіанства и цивилизаціи, м-ръ Вильямсъ отплылъ далѣе на Западъ и благополучно совершалъ свое плаваніе, пока не высадился вмѣстѣ со своимъ другомъ Гаррисомъ при Дилонской бухтѣ на островѣ Ирроманго, принадлежащемъ къ группѣ Гебридскихъ острововъ. Раздраженные варварскимъ обращеніемъ съ ними какихъ-то европейцевъ, посѣтившихъ

также на кораблѣ этотъ островъ ранѣе Вилльямса, туземцы въ отместку за то, что вынесли отъ бѣлыхъ, убили миссіонеровъ, при чемъ Вилльямсъ и Гаррисъ были съѣдены ими: остальные поспѣшно спаслись.

Таковъ былъ ужасный конецъ дѣятельности одного изъ самыхъ безкорыстныхъ и благородныхъ распространителей высокихъ истинъ и подвижниковъ на поприщѣ христіанской любви къ ближнему. Исполненный несокрушимой энергіи, онъ умѣлъ съ полной вѣрой въ дѣло терпѣливо выжидать богатыхъ всходовъ посѣянныхъ имъ сѣмянъ. Ничто изъ предпринятаго имъ не погибло: даже каннибалы Ирроманго поддались наконецъ вліянію умиротворяющаго ученія Христа и уничтожили своихъ идоловъ и ихъ капища.

По слѣдамъ м-ра Вилльямса пошли многіе другіе благородные дѣятели, какъ, на примѣръ, епископъ Ново-Зеландскій Джорджъ Сильвейнъ, который послѣ семилѣтнихъ непрерывныхъ трудовъ на материкѣ, приступилъ къ проповѣди Евангелія на пяти группахъ острововъ Меланезіи, расположенныхъ между материкомъ и Новой Зеландіей. Въ отвѣтъ на упреки друзей, которые ставили ему на видъ опасности, соединенныя съ его предпріятіями, — онъ отвѣчалъ: «Куда купецъ проникаетъ съ цѣлью что-либо нажить, туда миссіонеръ долженъ идти за пріобрѣтеніемъ душъ». «Работая на этихъ островахъ, — писалъ онъ своему отцу, — нельзя, конечно, обойтись безъ риска, но, не рискуя, нельзя вѣдь и достигъ чего-либо».

Рискъ былъ тѣмъ болѣе значителенъ, что епископъ совершенно не позволялъ вооружаться людямъ своего судна, «такъ что только присутствіе духа, — говоритъ капитанъ Эрскинъ, — избавили однажды на островѣ Маликало епископа и его спутниковъ отъ участи, постигшей Вилльямса»

Въ отвѣтъ на другіе укоры, будто, заботясь объ островахъ, онъ запускаетъ дѣла собственной епархіи, епи-

скопъ увѣрялъ, что одно нисколько не вредитъ другому; сердце его жило на отдаленныхъ островахъ, исполненное братской любви къ ихъ смуглымъ обитателямъ: ему казалось, что Богъ, превратившій его въ такого искуснаго мореплавателя, «указалъ ему путь по волнамъ, вздымающимся какъ горы, домъ—надъ морской бездною».

Въ 1855 году на помощь къ епископу Сильвейну прибылъ Джонъ Кольриджъ Паттесонъ; полный высокаго самоотверженія, онъ отправился съ проповѣдью къ жителямъ Ново-Гебридскихъ - Банковскихъ, Соломоновыхъ и Санта-Круцскихъ острововъ, извѣстнымъ своимъ людоедствомъ. Проповѣдь его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и впоследствии онъ писалъ: «Не вѣрьте свирѣпости жителей острововъ. Когда страсти ихъ возбуждены—они способны на варварскіе поступки, и я не могу отрицать того, что они почти людоеды; но ужасные пиры свои они устраиваютъ обыкновенно послѣ битвы, не иначе. Если-же съ ними обходиться мягко и осторожно, то, мнѣ кажется, посѣщеніе ихъ не представляетъ никакой опасности. Подъ посѣщеніемъ я подразумѣваю сначала просто высадку на берегъ, затѣмъ можно побывать въ туземныхъ поселкахъ, а затѣмъ и провести тамъ дней десять».

Въ своихъ проповѣдяхъ въ Сидней высказалъ онъ слѣдующія положенія: «Любовь является всеобъемлющей силой. Пробужденная въ сердцѣ человѣка, она неизбежно вдохновитъ собою сердца его ближнихъ, къ какой-бы расѣ они ни принадлежали».

Поездку свою по Меланезійскимъ островамъ м-ръ Паттесонъ предпринялъ исполненный бодрости и самыхъ смѣлыхъ надеждъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ быстро приобрѣлъ любовь и уваженіе дикарей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, съ полнѣйшимъ довѣріемъ относясь къ тѣмъ и другимъ. Онъ посѣтилъ и островъ Ирроманго, гдѣ погибъ м-ръ Вильямсъ, и даже острова Фатэ, о свирѣпости жителей которыхъ ходили самые ужасные рассказы. Когда

однажды судно «Королевское Величество» потерпѣло крушеніе у береговъ этого острова, — населеніе Фатэ перерѣзало всѣхъ 18 человѣкъ экипажа, изъ которыхъ 9 тутъ-же съѣли, а остальныхъ послали на жаркое своимъ друзьямъ.

Въ 1861 году Паттесонъ посвященъ былъ въ епископы Меланзійскихъ острововъ: онъ продолжалъ трудиться по-прежнему и въ этомъ новомъ санѣ, подвергаясь каждую минуту смертельной опасности, такъ какъ отравленная стрѣла дикаря могла каждую минуту настичь его. Но миссіонеръ никогда не терялъ присутствія духа и сохранялъ свою обычную привѣтливость и радушіе. Сознаніе, что самъ Господь послалъ его спасать души язычниковъ, заставляло его пренебрегать всѣми опасностями.

Въ своемъ письмѣ къ лондонскому миссіонерскому обществу съ просьбой о присылкѣ ему новыхъ сотрудниковъ, онъ говоритъ: «Человѣкъ, который, посвящая себя миссіонерству, считаетъ это жертвой съ своей стороны, а также и тѣ, которые смотрятъ на наши кокосовые и коралловые острова съ романтической точки зрѣнія, — не подойдутъ мнѣ. Человѣкъ, убѣжденный, что всякая ручная работа унижаетъ его дворянское достоинство, точно также не годится для здѣшнихъ мѣстъ и будетъ только помѣхою для настоящихъ тружениковъ; онъ будетъ кромѣ того чувствовать себя крайне неловко, видя, что епископъ исполняетъ то, что онъ считаетъ унижительнымъ для себя. Если же къ намъ съ Божьей помощью вздумаетъ пріѣхать настоящий труженикъ, — онъ будетъ желаннымъ гостемъ и найдетъ счастье въ трудахъ, ведущихъ къ самымъ благотворнымъ результатамъ».

Этотъ призывъ не остался безъ отвѣта. Не изъ-за выгоды покидали Англію эти самоотверженные люди, посвятившіе себя миссіонерству, потому что они получали самое скромное содержаніе въ суммѣ около ста фунтовъ стерлинговъ въ годъ, впоследствии ста пятидесяти. Всюду на ихъ посту подстерегали ихъ опасности. При Санта-Круцѣ въ

1864 году туземцы встрѣтили епископа и его сотрудниковъ выстрѣлами изъ луковъ, причѣмъ одному стрѣла пронзила грудь, а другому глазъ, гребцу Юнгу отраженная стрѣла попала въ кисть лѣвой руки и онъ умеръ отъ столбняка, промолвивъ епископу: «Поцѣлуйте меня, я радъ, что смерть застала меня на моемъ посту».

Епископъ посѣтилъ вслѣдъ за этимъ Норфолькъ, острова Фиджи, Танти и другіе, всюду завоевывая новыхъ послѣдователей христіанской церкви. Онъ перевелъ на языкъ дикарей весь Новый Завѣтъ и часть Ветхаго. Однажды въ день Рождества Христова разбудилъ его на островѣ Норфолькѣ хоръ пѣвчихъ-меланезійцевъ, исполнявшій за дверьми его спальни гимнъ въ честь праздника. «Какъ сладостно было мнѣ слышать это пѣніе,—говоритъ онъ.—Голоса ихъ такъ отчетливо и звонко раздались въ тиши полуночи, въ тепломъ живительномъ воздухѣ этой волшебной страны. Долго не могъ я заснуть, размышляя о счастливой переменѣ, происшедшей въ душевномъ настроеніи этихъ дикарей, о томъ, за что Господь послалъ мнѣ на долю великое счастье быть свидѣтелемъ этой перемены, и преклоняясь передъ Его безконечнымъ милосердіемъ».

Послѣдуемъ теперь за нимъ въ его послѣдней поѣздкѣ по Санта-Круцкому архипелагу. Это было время, когда разбойничьи суда поминутно дѣлали набѣги на острова, похищая туземцевъ для работъ на своихъ плантаціяхъ, вслѣдствіе чего многіе маленькіе острова сдѣлались совершенно безлюдными. Такъ, человѣкъ пять туземцевъ увезено было квислендскими разбойниками и съ острова Нукануа. Когда миссіонерское судно епископа подходило къ этому острову, матросы увидѣли у коралловаго рифа пять туземныхъ лодокъ. Въ одну изъ нихъ, гдѣ находилось двое старѣйшинъ, дружившихъ прежде съ епископомъ, перешелъ Паттесонъ и высадився съ нея затѣмъ на берегъ.

Въ это время въ корабельную лодку, которая стояла вмѣстѣ съ яликами дикарей, одинъ изъ туземцевъ, неопи-

данно вскочивъ, пустилъ свою аршинную стрѣлу; его примѣру послѣдовали другіе. Тогда матросы принялись усиленно грести; тѣмъ не менѣ имъ удалось уйти изъ подъ стрѣлъ дикарей, только когда всѣ четверо почувствовали, что они ранены болѣе или менѣ тяжело. Епископъ былъ очевидно убитъ на берегу. Вскорѣ два ялика, одинъ наполненный туземцами, а другой повидимому пустой, приблизились къ кораблю; яликъ съ туземцами ушелъ обратно, а пустой понесся по теченію. Когда онъ проплывалъ мимо корабельной лодки, одинъ изъ матросовъ увидѣлъ на немъ сапоги епископа. Лодка подплыла къ ялику и вскорѣ матросы вытащили изъ него завернутое въ цыновку тѣло епископа съ кроткой улыбкой, застывшей на губахъ. На груди его была прикрѣплена большая пальмовая вѣтка, подъ которой найдено было при осмотрѣ пять глубокихъ ранъ.

Романическая таинственность, сопровождавшая смерть епископа, напоминаетъ намъ легенды о мученикахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Всѣ, знавшіе его и любившіе сходились во мнѣніи, что его постигла именно такая смерть, которую онъ желалъ встрѣтить, всегда готовый пожертвовать собою во имя своего долга. Очевидно, онъ погибъ жертвой мщенія за похищенныхъ съ острова Нукапуа туземцевъ. Тѣло Джона Паттесона было погребено въ волнахъ Тихаго океана.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого печальнаго событія островъ Санта-Круцъ посѣтилъ командоръ Гуденауфъ, пожелавшій во что бы то ни стало увидѣть мѣсто кончины епископа, хотя со всѣхъ сторонъ совѣтовали ему не дѣлать этого, такъ какъ мѣстные туземцы славились своимъ вѣроломствомъ. Когда онъ высадился въ первый разъ, туземцы встрѣтили его привѣтливо, не то было во второй разъ... Вотъ какъ описываетъ онъ происшедшее въ письмѣ къ своей женѣ, которому суждено было быть его послѣднимъ письмомъ:

«Высидившись, я вдругъ замѣтилъ туземца, который готовился пустить стрѣлу, и едва я успѣлъ подумать, что это не болѣе, какъ пустая угроза,—стрѣла вонзилась мнѣ въ бокъ. Я тотчасъ-же скомандовалъ матросамъ: къ лодкамъ! и выдернувъ стрѣлу, бросился, что есть силы, бѣжать внизъ по крутому берегу, осыпаемый градомъ стрѣлъ. Достигнувъ лодки, я показалъ свою рану доктору, который основательно прижегъ ее яписомъ и перевязалъ». Пять дней спустя онъ приписалъ: «Я чувствую себя почти здоровымъ: единственное, что меня беспокоитъ,—это боль въ спинѣ, лишающая меня сна. Я чувствую...» На этомъ прерывается его письмо, у него не хватило силъ дописать его.

Онъ умеръ жертвою отравленной стрѣлы, спокойно выслушавъ предупрежденіе доктора объ опасномъ положеніи, въ которомъ находился: вся его жизнь недаромъ была лишь подготовленіемъ къ смерти. Онъ приказалъ вынести себя передъ смертью на палубу и тамъ, обратясь къ стоявшимъ вокругъ его постели въ молчаливой печали спутникамъ его и товарищамъ, онъ заклиналъ ихъ смѣло идти по его слѣдамъ и не оставлять своихъ святыхъ задачъ. Затѣмъ онъ тихо скончался и тѣло его было опущено въ море.

Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ мѣста, намъ не приходится перечислять подвиги другихъ миссіонеровъ: іезуитовъ въ Японіи, Китаѣ и Америкѣ—Сѣверной и Южной, Джона Эллиота, перваго миссіонера американскихъ индѣйцевъ и слѣдовавшихъ за нимъ Давида Брейнерда и Джона-тана Эдвардса *), Мартейна, Гебера, Кэрри и Мерчмена,

*) Изгнанный изъ своей церкви въ Коннектикутѣ за порицаніе свободныхъ нравовъ своихъ молодыхъ прихожанъ, Эдвардсъ посвятилъ себя проповѣди христіанства въ Стокбриджѣ въ средѣ индѣйцевъ, гдѣ пробылъ вмѣстѣ со своей женой болѣе шести лѣтъ. Здѣсь онъ написалъ лучшіе и самыя глубокомысленные изъ своихъ трудовъ.

проповѣдывавшихъ въ Индіи; Чарльза-Фредерика Мэккензи, замученнаго въ Замбезе, и, наконецъ, Самуэля Марсдена, родоначальника австралійскаго миссіонерства *).

Будьте благословенны, благородные христіанскіе герои, покрывшіе себя славою или умершіе въ неизвѣстности; всѣ, кто посвятилъ свое время и трудъ на благовѣстіе Евангелія, всѣ, кто пожертвовалъ своей жизнью за вѣру, всѣ, кто помогалъ несчастнымъ, нищимъ и непросвѣщеннымъ, — сподобятся вѣчнаго спасенія!

*) Превосходное описаніе жизни и дѣятельности этихъ миссіонеровъ заключается въ сочиненіи миссъ Юонъ: «Pioneers and Founders».

ГЛАВА XIII.

МЯГКОЕ ОБРАЩЕНИЕ СЪ ЖИВОТНЫМИ.

Въ глазахъ каждого животнаго отражается что-то человеческое, лучъ непонятнаго свѣта, который словно пытается проникнуть въ тайну нашего преевходства надъ нимъ и отражаетъ въ себѣ присутствие въ насъ души и внутренней жизни.

Рескинъ.

Благочестивый милосердно относится къ своимъ животнымъ, безбожникъ не знаетъ состраданія.

Пр. Соломона 12, 10.

Тотъ, кто съ пренебреженіемъ относится къ какому бы то ни было созданію Божію,—выказываетъ тупой и ограниченный духъ.

Вордсвортъ.

Съ какой жестокостью обращается постоянно человѣкъ съ животными: звѣрьми, птицами, лошадьми, или какими бы то ни было другими живыми тварями, на которыхъ онъ въ своемъ ослѣпленіи смотритъ какъ на низшія существа, созданныя лишь для того, чтобы служить ему. Гладіаторскія состязанія, бывшія въ ходу въ Римѣ, исчезли, но бой быковъ въ Испаніи еще существуетъ и, подобно тому, какъ бывало римскія матроны находили удовольствие въ зрѣлищѣ окровавленныхъ гладіаторовъ, умиравшихъ на аренѣ амфитеатра, такъ въ настоящее время испанки упиваются картинами боя быковъ, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отворачиваются англійскіе и нѣмецкіе солдаты. Собственно и англичане не безупречны относительно безпощаднаго обращенія съ животными: еще не

такъ давно народъ стекался толпами на бой быковъ между собою, а бои пѣтуховъ и травля барсуковъ не вывелись и до нашихъ дней. Спортъ, то-есть въ сущности мучительство животныхъ, находить себѣ поклонниковъ, какъ въ богатомъ, такъ и въ бѣдномъ кругу. Въ 1822 году едва удалось другу животныхъ, Ричарду Мартейну провести законъ, принявшій ихъ подъ свою защиту, и все же нашлись судьи, которые объявили при этомъ, что быки должны остаться внѣ закона.

Въ 1829 году билль о запрещеніи травли быковъ былъ отвергнутъ палатою общинъ большинствомъ 73-хъ голосовъ противъ 28-ми. Правда, общественное мнѣніе было настолько противъ этой жестокой и безсмысленной забавы, что въ 1835 г. послѣдовалъ все-таки указъ объ ея окончательномъ уничтоженіи. Дальнѣйшій уставъ общества покровительства животнымъ составленъ былъ на основаніи закона Мартейна. Къ сожалѣнію далеко не всѣ животныя пользуются этимъ покровительствомъ закона.

Такъ, напримѣръ, птицы остались совершенно внѣ покровительства закона. Стоитъ лишь вспомнить объ избіеніи голубей въ Гурлингемѣ, гдѣ бѣдныхъ птичекъ выпускаютъ изъ западни и разряженныя дамы на пари стрѣляютъ въ нихъ. Кровь летитъ брызгами на пышныя платья, и каждый удачный выстрѣлъ встрѣчается рукоплесканіями. Раненая птичка съ раздробленнымъ крыломъ или лапкой, добравшись черезъ силу до ближайшаго лѣса, умираетъ въ тяжелой агоніи гдѣ-нибудь подъ кустомъ. Мода украшать перьями дамскія платья и шляпы принесла съ собою безжалостное избіеніе птичекъ. Въ газетѣ «Spectator» сообщалось однажды о свадьбѣ, на которой присутствовало одиннадцать молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, украшенныя обшивками изъ лебяжьяго пуха и пуха краснотелки. Какое ужасное избіеніе бѣдныхъ птичекъ должно было произойти ради одной этой свадьбы!

Торговля птичьими перьями приняла въ настоящее

время такіе ужасающіе размѣры, что нѣкоторымъ изъ самыхъ милыхъ созданій грозитъ въ скоромъ времени полнѣйшее истребленіе: жаворонки, соловьи, красношейки уничтожаются безъ пощады и безъ разбора. Одинъ лондонскій продавецъ перьевъ получилъ по одной только накладной 32 тысячи убитыхъ птицъ пѣвчихъ, 80 тысячъ водяныхъ и 800 паръ крыльевъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ парламентскимъ указомъ воспрещено было стрѣлять лѣсныхъ птицъ въ періодъ вывода птенцовъ, а затѣмъ сдѣлана была попытка ограничить истребленіе дичи; но оба постановленія не принесли особенной пользы. Согласно послѣднему слову моды, дамскіе шапочки и токи должны быть украшены блестящими перьями дикаго селезня. Такъ какъ дома получить это украшеніе невозможно, то несчастныхъ птицъ разыскиваютъ по всѣмъ уголкамъ земного шара, особенно опустошается Индія, гдѣ водится огромное количество дикихъ утокъ особенно красивой породы *).

Въ Норвегіи жители съ гнѣвомъ и презрѣніемъ относятся къ англійскимъ туристамъ за массовое истребленіе ими дичи и лѣсныхъ птицъ. Юмористическій журналъ, выходящій въ Христіаніи, не такъ давно высказалъ по

*) Одинъ «другъ природы» пишетъ изъ Кэйрпура въ лагерскую газету: «Недавно я слонялся вечеромъ по берегу одного изъ большихъ здѣшнихъ озеръ, когда мнѣ попались на встрѣчу двое людей съ какими-то страннаго вида корзинами черезъ плечо. На мои вопросы они отвѣтили, что они птицеловы изъ Мадраса, и показали мнѣ до двухсотъ убитыхъ ими ряполововъ, которыхъ, въ надеждѣ на хорошій барышъ, несли въ Мадрасъ. Они рассказали мнѣ, что существуютъ этимъ промысломъ, распространеннымъ по всей странѣ, откуда птицеловы отправляютъ перья убитыхъ птицъ въ Англію. Такъ какъ они направились къ югу, то я спросилъ не въ Гудуратѣ ли идутъ они теперь. Но, оказалось, что въ Гудуратѣ этотъ промыселъ запрещенъ. Да здравствуютъ жители Гудурата! Надо надеяться, что ихъ примѣру послѣдуетъ и населеніе другихъ мѣстностей Британской Индіи, иначе эта красивая птица осуждена на совершенное исчезновеніе.

этому поводу слѣдующее: «Прошло то время, когда Англія принимала ревностное участіе въ политикѣ; она, повидимому, дремлетъ. За то въ теченіе цѣлаго лѣта Англія сплавляетъ къ намъ всѣхъ своихъ бездѣльниковъ, которые стрѣляютъ птицъ, ловятъ рыбъ и все уничтожаютъ и разрушаютъ, такъ что скоро отъ всей нашей дичи не останется и воспоминанія».

Чтобы ограничить это самовольство англійскихъ туристовъ, норвежскій стортингъ издалъ постановленіе, воспреещающее иностранцамъ носить съ собою, безъ особаго разрѣшенія властей, ружья и удочки.

Въ Англіи громаднхъ размѣровъ достигла ловля жаворонковъ: за три дня въ Лэкенхизѣ въ Суффолькѣ переловлено было двѣ тысячи дюжинъ жаворонковъ, отправленныхъ въ Англію для приготовленія изъ нихъ особаго рода гастрономическихъ пирожковъ, употребленіе которыхъ за послѣднее время очень распространилось въ Англіи.

Однажды добрый человѣкъ рѣшилъ спасти отъ смерти жаворонковъ и провести лакомоѣ. Дѣло происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ Эбердина. Въ половинѣ марта поднялась снѣжная буря, и вся окрестность покрылась бѣлымъ саваномъ. Голодъ и холодъ вытѣснили птичекъ извнутри страны на берега моря, гдѣ жаворонки буквально покрыли собою всю землю, не отваживаясь взлетать вверху.

Этимъ воспользовалось множество народа, сбѣжавшаго ловить птицъ съ сѣтями, силками и западнями. Другъ птицъ, о которомъ мы говоримъ, встрѣтилъ какого-то парня, предлагавшаго ему купить жаворонка; птички помѣщались у него въ тѣсной клѣткѣ, гдѣ онѣ толпились, толкались, давили другъ друга, употребляя самыя отчаянныя усилія, чтобы выбиться. Добрый человѣкъ купилъ всю клѣтку и пріютилъ птичекъ на время въ своемъ амбарѣ. Отправившись къ секретарю общества покровительства животнымъ,

онъ, къ своему крайнему огорченію, узналъ, что жаворонки почему-то не находятся подъ защитой закона 1876 г., охраняющаго многихъ любимыхъ нами лѣсныхъ птичекъ.

Тогда этотъ другъ животныхъ рѣшилъ насколько возможно придти на помощь бѣднымъ птичкамъ собственными средствами: онъ объявилъ занявшимся истребленіемъ птичекъ жителямъ, что согласенъ покупать ихъ живыми по той же цѣнѣ, которую имъ даютъ въ городѣ. Птицеловы, сообразивъ, что это предложеніе гораздо выгоднѣе, такъ какъ птицы, скупленные добрымъ джентльменомъ, не подвергнутся избіенію, а, напротивъ, будутъ пользоваться самымъ лучшимъ уходомъ, наносили ему болѣе 1000 штукъ жаворонковъ, такъ что онъ вынужденъ былъ нанять для нихъ особое помѣщеніе. По утрамъ звонкое пѣніе спасенныхъ птицъ становилось почти оглушительнымъ, и цѣлыя стаи другихъ пернатыхъ пѣвцовъ собирались надъ домомъ, гдѣ они жили.

Спустя нѣкоторое время буря улеглась, и поля снова зазеленѣли. Въ жилищѣ птичекъ открыли окна и жаворонки со звонкимъ щебетаніемъ разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Клѣтки изъ амбаровъ также вынесли въ поле, и спаситель птичекъ самъ освобождалъ своихъ плѣнниковъ. Иные, вырвавшись на свободу, сейчасъ же вспархивали въ вышину, другіе летѣли низко надъ землею, скрываясь въ сосѣднемъ лѣсу. Выпущенные на волю жаворонки поселились въ окрестностяхъ Эбердина и каждую весну оглашали поля и лѣса звонкимъ и мелодичнымъ пѣніемъ. Можно себѣ представить радость гуманнаго человѣка!

Великій Леонардо да-Винчи, столь же знаменитый архитекторъ, философъ и художникъ, сколько извѣстный другъ животныхъ, часто покупалъ клѣтки съ птичками съ цѣлью выпускать на свободу своихъ плѣнниковъ. Въ Луврской картинной галлерей есть картина, на которой великодушный артистъ изображенъ съ пустыми клѣтками у ногъ и порхающими надъ головой птичками.

Отшельники первыхъ эпохъ христіанства съ большою нѣжностью относились обыкновенно къ животнымъ, которыя были ихъ единственными товарищами: птицы прилетали къ нимъ и даже дикія животныя чувствовали себя въ безопасности въ ихъ близости; казалось, они инстинктивно понимали, что тутъ никто не тронетъ ихъ, тогда какъ обыкновенно птицы чувствуютъ приближеніе опасности: такъ вороны, спокойно сопровождавшія пахаря, на бороздахъ котораго они лакомились хлѣбнымъ червякомъ, сейчасъ-же улетаютъ при приближеніи челоуѣка съ ружьемъ.

Святой Францискъ считалъ своими ближними всѣ живыя существа и изъ области поэзіи переносилъ эту идею въ дѣйствительную жизнь, обращаясь нерѣдко съ проповѣдью къ птицамъ. «Если вы обладаете способнымъ къ правильнымъ пониманіямъ жизни сердцемъ,—сказалъ другой философъ древности,—вы придете къ убѣжденію, что въ каждомъ живомъ существѣ заключается зеркало жизни и каждое послужитъ вамъ поучительной книгой».

Совершенно иначе относятся къ этому предмету въ мѣстечкѣ Басъ-Рокъ при Фѣрескомъ заливѣ, излюбленнѣйшемъ уголкѣ мѣстопробыванія шотландскихъ гусей. Яхты и пароходы съ охотниками и птицеловами то и дѣло появляются у скалистыхъ береговъ и убійственная пальба не умолкаетъ цѣлыми днями. Безчисленное количество птицъ убивается, другія же, раненныя и окровавленныя, мечутся въ смертельной тоскѣ надъ волнами, пока не умираютъ въ тяжкихъ мукахъ. На языкѣ людей, лишенныхъ сердца, это занятіе называется увлекательнымъ спортомъ. Птицы нерѣдко относятся другъ къ другу съ большей добротой и участиемъ, чѣмъ это дѣлаютъ люди. Однажды Эдвардъ изъ Банфа былъ свидѣтелемъ того, какъ двѣ морскія ласточки заботливо подняли на свои распростертыя крылышки убитаго имъ ихъ товарища и унесли хоронить его въ морскихъ волнахъ. Эдвардъ могъ бы застрѣлить и этихъ двухъ ласточекъ, но далъ имъ безпрепятственно за-

кончить ихъ подвигъ милосердія—прекрасный примѣръ любви къ ближнему, которымъ не худо было бы воспользоваться каждому изъ насъ.

Охота съ закономъ также принадлежитъ къ числу самыхъ недостойныхъ для болѣе или менѣе интеллигентнаго человѣка занятій; цѣлыя стада куропатокъ, фазановъ, зайцевъ и другой дичи загоняются лѣсными сторожами или спеціальными охотниками въ одно какое-нибудь определенное закрытое мѣсто, гдѣ охотники цѣлыми сотнями истребляютъ ихъ. Это тоже своего рода спортъ. Неужели можно допустить, что проявленіе подобной жестокости, служить выраженіемъ мужества? Серъ Чарльзъ Непиръ пересталъ охотиться на звѣрей и птицу, такъ какъ подобное избіеніе беспомощныхъ существъ было свыше его силъ—это не помѣшало ему выиграть сраженіе при Міэни. Когда генераль Утрамъ, рыцарь безъ страха и упрека своего времени, находился на излѣченіи въ Египтѣ вмѣстѣ со своей женою, одинъ изъ знакомыхъ принесъ имъ къ обѣду дичи. Утрамъ, печально посмотрѣвъ на птичку, промолвилъ: «Я далъ себѣ слово не охотиться больше на птицъ»—и не могъ заставить себя поѣсть ея, такъ что его другъ подарилъ жареную птицу бѣдной старухѣ-сосѣдкѣ.

Альбертъ Сіенскій изображается на средневѣковыхъ картинахъ ласкающимъ зайца, такъ какъ онъ считался покровителемъ этихъ животныхъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Человѣкъ, который держитъ собакъ, чтобы травить звѣрей, самъ становится похожимъ на звѣря; есть люди, которые до-сыта кормятъ ословъ и муловъ, предназначенныхъ для перенесенія тяжестей, но спокойно предоставляютъ людямъ умирать съ голода». Одинъ французскій романистъ представляетъ англичанъ въ качествѣ варваровъ, главное удовольствіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы бродить съ ружьемъ, убивая животныхъ, но онъ не видитъ бревна въ глазу своего соотечественника.

Во всякомъ случаѣ, еще въ Англіи водятся птицы, хотя за послѣдніе годы немало погубло ихъ отъ холода и голода, еще больше отъ охотничьихъ пуль. Во Франціи-же всѣ лѣса поражаютъ своимъ безмолвіемъ: ни пѣнія, ни щебетанія не услышите вы въ прозрачномъ воздухѣ; всѣ бодрыя маленькіе пѣвцы лѣсовъ истреблены и съѣдены, а перья ихъ пошли на украшеніе дамскихъ нарядовъ; исчезли даже воробьи—самые довѣрчивые изъ окружающихъ члвчка пернатыхъ созданій.

Возмездіе не замедлило явиться. Деревья въ плодовыхъ садахъ уничтожаются червемъ, виноградники пожираются филлоксерами, на листьяхъ кустарниковъ кистями висятъ гусеницы, которыми кормились бывало перебитыя птички, жатвы въ иныхъ мѣстахъ совершенно перестали приносить урожай. Ваттертонъ разсчиталъ, что пара воробьевъ способна истребить въ день столько червей, сколькихъ достаточно, чтобы пожрать въ недѣлю полъ-акра всходовъ хлѣбныхъ растений. Этихъ пернатыхъ защитниковъ Франція совершенно лишилась, благодаря собственному безразсудству.

Въ настоящее время во Франціи, благодаря почину министерства народнаго просвѣщенія, уже мало-по-малу вводятся разныя мѣры въ пользу покровительства животныхъ и птицъ. Такъ какъ дѣти обыкновенно склонны къ жестокости, то имъ первымъ и внушается въ школахъ сострадательное отношеніе къ животнымъ. Уже теперь возникло во Франціи около 500 юношескихъ обществъ покровительства животныхъ, которыя несомнѣнно принесутъ свою пользу. Въ Америкѣ точно также уже болѣе 2,000 мальчиковъ приписаны къ числу членовъ филладельфійскаго общества охраны животныхъ. Сколько требуется времени, чтобы вбить въ дѣтскія головы массу бесполезныхъ познаній и какъ мало внушается имъ члвчколюбиваго отношенія къ окружающему міру. Развивается преимущественно ихъ умъ, а сердце остается нетронутымъ.

Конечно, не легко и найти такихъ учителей, которые сумѣли бы затронуть въ душѣ ребенка ея лучшія струны. Гораздо чаще наши школы прибѣгаютъ къ физической силѣ: она проще и осязательнѣй; никто не задумывается о томъ, сколько горечи и ненависти вызываетъ она въ тайникахъ дѣтской души.

Нерѣдко учителя и воспитатели чрезвычайно жестоко обращаются съ дѣтьми, ввѣренными ихъ попеченіямъ, держась крайне ошибочнаго убѣжденія, что дѣти обладаютъ такими-же умственными способностями и темпераментомъ, какъ ихъ родители и наставники. Ребенка, который не можетъ такъ же быстро и хорошо готовить своихъ уроковъ, какъ остальные его сверстники, нерѣдко бранятъ и жестоко наказываютъ, не размышляя о томъ, какое горе причиняютъ они маленькому сердечку. «Отцы, не раздражайте чадъ своихъ»,—говорится въ Библии. Непомѣрная суровость или несправедливость вызываетъ въ сердце ребенка недовѣрчивость, тайное озлобленіе и недоброжелательство. Оскорбленіе способенъ чувствовать даже самый маленькій ребенокъ, и чувство горечи незамѣтно всасывается въ его сердце. Нельзя вспоминать безъ сожалѣнія объ одномъ отцѣ, сынъ котораго, умный и талантливый мальчикъ, встрѣчавшій тѣмъ не менѣе со стороны отца одну лишь строгость, умеръ въ самомъ юномъ возрастѣ. «Сынъ не разъ считалъ меня, вѣроятно, жестокимъ,—сказалъ этотъ человѣкъ одному изъ своихъ друзей,—и, конечно, имѣлъ для этого поводъ: онъ не зналъ, какъ глупо любилъ я его въ душѣ,—теперь это ужъ непоправимо!»

Родители, которые сѣкутъ своихъ дѣтей, поступали бы гораздо благоразумнѣе, примѣнивъ это наказаніе къ самимъ себѣ, потому что, если ребенокъ вышелъ не такимъ, какимъ они хотѣли его видѣть, то виноваты въ этомъ прежде всего они сами. Ребенокъ не можетъ быть въ раннемъ дѣтствѣ самъ воспитателемъ своего характера: если онъ получилъ въ наслѣдство отъ родителей неподвижныи

или раздражительный нравъ, то родители должны съ своей стороны приложить всѣ старанія, чтобы возможной кротостью, терпѣніемъ и любовью смягчить и сгладить врожденные дитяти недостатки.

Воспитаніе очень часто ставитъ себѣ задачей сломить «упрямство» ребенка, при чемъ подъ упрямствомъ подразумѣвается воля; воля-же является необходимымъ элементомъ характера и поэтому нужно ее воспитывать, а не извращать. Воспитывать-же волю отнюдь нельзя насильственными мѣрами или запугиваніемъ. Разъ приучивъ ребенка повиноваться исключительно изъ страха, т.-е. внушивъ ему, что власть надъ чужой волей должна необходимо быть связана съ физической болью, воспитатель сдѣлалъ все, чтобы посѣять въ ребенкѣ дурные задатки. «Первая вещь, увидѣнная или услышанная ребенкомъ, оставляетъ въ душѣ его неизгладимое впечатлѣніе,—говоритъ Рихтеръ.—Первое замѣченное дитятей проявленіе любви, несправедливости или какого-либо иного чувства бросаетъ тѣнь на всю его жизнь». Привычка внушать ребенку повиновеніе съ помощью физической боли незамѣтно, но неукоснительно приводитъ мало-по-малу къ возбужденію раздражительности, жестокости, деспотизма и приниженности.

Послѣ того, какъ въ одномъ учебномъ заведеніи въ Англіи отъ жестокаго обращенія повѣсился одинъ изъ учениковъ,—другой рѣшился описать цѣлый рядъ существовавшихъ въ этомъ заведеніи наказаній: это былъ цѣлый кодексъ, примѣнявшійся къ тому-же съ самой сомнительной справедливостью. Въ англійскихъ школахъ тѣлесныя наказанія въ ходу болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и однажды въ «Таймсѣ» помѣщена была статья м-ра Дрю, гдѣ онъ сравнивалъ сѣченіе мальчиковъ въ приютѣ Христа съ экзекуціей преступниковъ при лондонскомъ судѣ присяжныхъ; оказывается, что послѣдняя производится съ гораздо большей мигкостью.

Жестокое обращеніе съ дѣтьми воспитателей и родителей вызываетъ, въ силу подражанія, жестокость ихъ воспитанниковъ по отношенію къ другимъ, еще болѣе слабымъ и беззащитнымъ, чѣмъ сами они, существамъ: младшимъ товарищамъ и животнымъ. Громадное число жестокостей, которымъ ежедневно подвергаются животныя, вызывается прежде всего тѣми побоями, къ которымъ привыкъ ребенокъ дома или въ школѣ. Въ силу этого, встрѣчается ежедневно громадное количество дѣтей, которымъ доставляетъ громадное удовольствіе бить палкой несчастнаго ослика, топить кошекъ, привязывать камни къ хвосту собаки, обрывать крылья и лапки майскаго жука и т. п. Родители и наставники должны прежде всего сумѣть вызвать въ дѣтской душѣ самое мягкое отношеніе ко всему живому и воздержаніе отъ всякой попытки причинить кому бы то ни было боль и физическое страданіе. А достигается это лучше всего собственнымъ примѣромъ—отсутствіемъ желанія причинять боль и муку.

Остановимся здѣсь на описаніи осла, чрезвычайно полезнаго для человѣка животнаго, ладить съ которымъ вовсе не представляетъ особеннаго труда. Въ Швейцаріи ослы, нагруженные дровами, твердо и осторожно пробиваются по узкимъ горнымъ тропинкамъ, доставляя жителямъ вѣренную имъ ношу. Осель въ этой странѣ—самый надежный товарищъ бѣдняка въ его ежедневныхъ трудахъ; упрямство осла, о которомъ сложилось столько разнообразныхъ разсказовъ, вызывается, надо думать, прежде всего дурнымъ и безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ этимъ животнымъ. Между тѣмъ, вовсе не рѣдкость встрѣтить осла, всячески выказывающаго привязанность къ своему хозяину. Общепринятое выраженіе «нѣмое животное» является крайне ошибочнымъ, потому что животныя въ высшей степени обладаютъ способностью сообщаться другъ съ другомъ, конечно, не съ помощью словъ. Они обладаютъ богатымъ запасомъ разнообразныхъ звуковъ и интонацій,

разговариваютъ между собой знаками и т. п., понимаютъ разговоръ людей и идутъ на зовъ. Собаки, лошади, слоны и другія ручныя животныя въ особенности понятливы и повинуются человѣческому голосу.

Самымъ преданнымъ и вѣрнымъ спутникомъ человѣка является собака. Послушаніе, понятливость, сообразительность и почти разсудительность—вотъ отличительныя свойства собаки. Лордъ Брумъ рассказываетъ о сообразительности шотландской овчарки, потерявшей на ярмаркѣ своего хозяина; послѣ долгихъ поисковъ ей удалось напасть на его слѣдъ; по этому слѣду она бѣжала до того мѣста, гдѣ дорога развѣтвлялась на три; собака понюхала одну тропинку, потомъ другую, и затѣмъ со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать по третьей: очевидно, она разсудила, что если хозяинъ не пошелъ по первой и второй тропинкѣ, то третью не стоило и обнюхивать, такъ какъ больше ему некуда было свернуть.

Собаки обладаютъ и совѣстью часто въ большей мѣрѣ, чѣмъ люди. Однажды въ темную ночь сторожевая собака, выбѣжавъ изъ будки, вцѣпилась зубами въ проходившую мимо старуху, и когда та закричала,—съ ужасомъ отскочила. Оказалось, что она узнала въ ней по голосу ту старуху, которая обыкновенно кормила ее. Если-бы она могла говорить, то навѣрное воскликнула бы въ отчаяніи: «Какое я злое и неблагодарное животное! Укусить ту, которая всегда ласкала и кормила меня!» И собака была настолько пристыжена своимъ поступкомъ, что цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей конуры, даже когда ее звали ѣсть, пока наконецъ старуха не помирилась съ собакою, что привело послѣднюю въ восторгъ, такъ что она осыпала своего стараго друга безчисленными выраженіями любви и признательности.

Трогательна преданность собакъ. Удивительна въ этомъ отношеніи исторія вѣрной собаки Боба, которая, проводивъ тѣло своего господина до Грей-Фрiарскаго кладбища

въ Эдинбургѣ, въ теченіе четырехъ лѣтъ охраняла могилу своего господина, лишенную памятника. Цѣлые дни проводилъ Бобъ зимою и лѣтомъ и во всякую погоду на могилѣ своего господина и возвращался, даже если его прогоняли плетью. Съ тоски по своему хозяинѣ онъ совершенно исхудалъ, такъ что отъ него остались лишь кожа да кости. Исторія эта сдѣлалась извѣстной, благодаря сборщику податей, который искалъ, съ кого бы получить налогъ за Боба. И хотя находились люди, которые хотѣли приучить его къ себѣ, но Боба нельзя было оторвать отъ дорогой для него могилы! Когда, спустя четыре года, собака околѣла, ей воздвигли памятникъ у воротъ кладбища. Какой великій примѣръ любви и благодарности подалъ людямъ этотъ вѣрный Бобъ!

Капитанъ Голль рассказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Вальтеръ-Скотта, произведшій на великаго романиста самое глубокое впечатлѣніе. Однажды къ Вальтеръ-Скотту подбѣжала незнакомая собака, которой онъ перебилъ камень лапу; несчастный песъ подползъ къ своему обидчику и сталъ лизать ему руки, въ душѣ Вальтеръ-Скотта проснулось живѣйшее раскаяніе: онъ никогда не могъ простить себѣ этого поступка и полюбилъ съ этихъ поръ окружать себя собаками. Когда онъ писалъ свои романы, тутъ-же присутствовали и его собаки Немвродъ, Бранъ и Майда. Послѣдняя была его любимицей, и въ романѣ «Вудстокъ» мы находимъ съ большою любовью сдѣланное описаніе ея подъ именемъ Бевиса.

Вальтеръ-Скоттъ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ о собакѣ, спасшей своего хозяина во время пожара. Лордъ Форесъ проснулся однажды въ своемъ горѣвшемъ замкѣ, полузадушенный дымомъ, уже со слабыми проблесками сознанія. Уже комната его полна была огня и дыма, когда его огромная собака вскочила къ нему на постель и, схвативъ его за рубашку, вытащила его на лѣстницу на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ пришелъ въ себя и поспѣшилъ спа-

стись. А сенъ-бернардскія собаки, спасающія и отрывающія изъ-подъ снѣга полузамерзшихъ путниковъ! Не менѣе интересна исторія собаки изъ Монтаржиса, которая тщетно защищала своего хозяина Обри де-Мондидье отъ нападенія его врага Ришара Макера, а затѣмъ помогла отыскать убійцу.

Вѣчный памятникъ снискала себѣ своей вѣрностью геркуланумская собака Дельта: когда городъ открытъ былъ изъ-подъ лавы, скелетъ собаки найденъ былъ распростертымъ надъ скелетомъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, котораго она, очевидно, самоотверженно защищала своимъ тѣломъ. Оба погибли, но на найденномъ тутъ же ошейникѣ собаки археологи нашли надпись, сообщающую о ея вѣрности и мужествѣ; оказывается, что она три раза спасла жизнь своему хозяину: однажды вытащила его изъ волнъ, другой разъ защитила отъ разбойниковъ и третій отъ волковъ.

Изъ всего видно, что въ животныхъ отражаются многія человѣческія качества. Гартлей замѣчаетъ въ своихъ «Наблюденіяхъ надъ человѣкомъ», что мы являемся въ глазахъ собаки какимъ-то высшимъ существомъ, которое она считаетъ за Божія намѣстника, уполномоченнаго принимать отъ нея поклоненіе, любовь и преданность, а потому и сами мы должны быть ея вѣрными защитниками и покровителями.

Дарвинъ говоритъ: «Явственныя слѣды подобнаго убѣжденія мы находимъ въ глубокой любви собаки къ своему хозяину, любви, соединенной съ самопожертвованіемъ, покорностью и другими чувствами. Обращеніе собаки или обезьяны со своимъ хозяиномъ, когда онъ возвращается домой послѣ долговременнаго отсутствія, совершенно не похоже на ея поведеніе въ средѣ существъ, ей подобныхъ, съ которыми она себя чувствуетъ на равной ногѣ» *).

*) «Происхожденіе видовъ». Дарвинъ.

Отсюда ясно, что многія «нѣмыя животныя» лучше и умнѣе не только многихъ людей, но и цѣлыхъ человѣческихъ расъ.

Вотъ образецъ примѣрнаго поведенія собаки, оказавшейся въ одномъ случаѣ много благороднѣе человѣка: однажды фермеръ изъ Кумберланда побился объ закладъ въ томъ, что сабака его отведетъ совершенно самостоятельно цѣлое стадо овецъ изъ Кумберланда въ Ливерпуль, разстояніе между которыми опредѣляется болѣе чѣмъ въ сто миль. Скота было очень много, а дороги извилисты и затруднительны; нельзя было даже предвидѣть всѣхъ опасностей, которыя могли встрѣтиться собакѣ на пути, такъ что надежда выиграть пари была очень сомнительной. Однако, спустя нѣсколько дней, собака пригнала все стадо въ Ливерпуль, не потерявъ ни одной овцы,—но она была такъ измучена и истощена голодомъ, что тутъ-же околяла, павъ жертвой жестокаго эгоизма своего хозяина.

Обладаетъ-ли животное какими-либо правами? Если законъ не оберегаетъ его въ достаточной мѣрѣ, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ наравнѣ со всѣмъ живущимъ права на жизнь и ея радости. «Дѣло не въ вопросѣ, способны-ли животныя размышлять или говорить,—замѣчаетъ Іеремія Бентамъ,—но въ томъ, способны-ли они ощущать страданіе? Вотъ въ чемъ сила; и нравственная обязанность человѣка—обращаться съ животными гуманно и заботиться объ ихъ благосостояніи».

Сэръ Артуръ Гельпсъ приводитъ отрывокъ изъ сочиненій Вольтера, въ которомъ послѣдній жарко выступаетъ въ защиту правъ животныхъ: «Возможно-ли, чтобы кто бы то ни было держался искренно того убѣжденія, что животныя не болѣе, какъ машины, лишеныя пониманія, чувства и разума, что они только повторяютъ другъ друга и не способны совершенствоваться и познавать что-либо. Взгляните однако на птицу, которая, прилѣпляя гнѣздо свое къ стѣнѣ, дѣлаетъ его полукруглымъ, а пристраивая

его въ углу, измѣняетъ форму его въ четверть круга, на деревѣ-же вѣтъ его совершенно круглымъ. Похоже-ли это на однообразіе въ дѣйствіяхъ? Неужели собака, послѣ трехмѣсячнаго обученія знаетъ столько же, сколько вначалѣ, когда вы принялись учить ее?

Неужели лишь благодаря моей способности членораздѣльной рѣчи—вы проникаетесь убѣжденіемъ, что я чувствующее и мыслящее существо. Представьте себѣ, что я молчу, но вы видите, что я возвращаюсь домой совершенно разстроеннымъ, озабоченно принимаюсь за поиски какой-то бумаги, отворяю ящикъ, гдѣ надѣюсь найти ее, схватываю ее и прочитываю съ видимой радостью. На основаніи всего продѣланнаго мною вы заключаете, что я былъ сначала чѣмъ-то огорченъ, а потомъ обрадовался чему-то, хотя я и не выразилъ своихъ чувствъ словами.

Вы съ полнымъ правомъ можете сдѣлать подобный же выводъ и относительно собаки, которая, потерявъ своего хозяина, ищетъ его по всѣмъ улицамъ, встревоженная и внѣ себя отъ горя. Но вотъ она бѣжитъ въ домъ, бродитъ изъ комнаты въ комнату и находитъ наконецъ своего дорогого хозяина въ кабинетѣ, выражая ему свою радость прыжками, ласками и помахиваніемъ хвоста.

Эту - то собаку, сила привязанности которой часто стоитъ много выше таковой у человѣка, какой-нибудь безсердечный фокусникъ науки готовъ безъ колебанія пригвоздить къ столу, чтобы произвести надъ нею вивисекцію, чтобы наглядно показать функціи венъ. Она обладаетъ тѣми-же органами, какъ и человѣкъ. Мудрый анатомъ, что скажете вы на это? Неужели природа одарила это животное всѣми органами чувствъ только для того, чтобы оно не чувствовало? всѣми нервами для того, чтобы оно не ощущало горя? Стыдитесь! не обвиняйте природу въ такой непонятной непослѣдовательности.

Ученые схоластики спрашиваютъ тѣмъ не менѣе: есть-ли душа у безсловесныхъ животныхъ? Не понимаю такого

вопроса... Кто создалъ всё эти ихъ способности? Тотъ, который повелѣлъ произрастать травкѣ въ полѣ и землѣ тяготѣть къ солнцу».

Немало найдется людей, которые испытываютъ по отношенію къ животнымъ самую нѣжную любовь. Англійскій народный поэтъ Эбенезеръ Эллиотъ сказалъ какъ-то: «Не знаю, какъ-бы я сталъ жить на свѣтѣ безъ своей собаки и кошки!» Однажды одинъ мальчикъ, томимый страстью къ путешествіямъ, бросилъ свою школу: его страстно влекло въ даль; одно обстоятельство его удержало: онъ очень любилъ свою старую кошку Табби и потому боялся, какъ-бы ее не утопили или не отдали кому-нибудь въ его отсутствіе.

Торо, житель города Конкордъ въ штатѣ Массачусетъ, по своей любви къ животнымъ походилъ на древнихъ отшельниковъ. Въ 1845 году онъ удалился въ лѣсъ близъ урочища Уальденъ-Пондъ и принялся къ удивленію скворцовъ и бѣлокъ строить себѣ тамъ жилище. Скоро звѣрьки увидѣли, что новый сосѣдъ не имѣетъ никакого желанія вредить имъ: онъ проводилъ цѣлые дни, неподвижно сидя на какомъ-нибудь пнѣ или лежа на краю утѣса. Бѣлки, зайцы и сурки стали мало-по-малу поближе знакомиться съ нимъ, разнося по лѣсу молву, что появился человѣкъ, который не имѣетъ никакого намѣренія убивать ихъ, и между человѣкомъ и звѣрьками завязалась самая довѣрчивая дружба. Они являлись къ нему по первому зову. Даже змѣи обвивались вокругъ его ногъ и не пробовали даже ужалить его. Бѣлки, которыхъ онъ бралъ на руки, ласкались къ нему и прятали къ нему голову на плечо. Даже рыбы въ рѣкѣ позволяли ему брать себя въ руки, увѣренныя, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Торо построилъ свою избушку надъ норкой полевой мыши, которую сначала это очень встревожило: вскорѣ она, однако, настолько успокоилась, что смѣло подходила къ нему и ѣла съ нимъ за однимъ столомъ. Когда Торо доставалъ

кусочекъ сыру, полевая мышь подходила къ нему, садилась на руку и брала свою долю; поѣвъ, она утирала лапки и мордочку и спокойно удалялась.

«Ничто не производитъ такого вліянія на воспитаніе животныхъ,—говорить его преподобіе Джонъ Вудъ,—какъ доброта и заботливость. Твердость, идущая рука объ руку съ любовью и кротостью,—непобѣдимое оружіе въ рукахъ человѣка, и едва-ли найдется животное, которое не было бы укрощено имъ. Мнѣ довелось быть однажды свидѣтелемъ укрощенія мистеромъ Рареемъ великолѣпной, маленькой вороной лошади, чистыхъ арабскихъ кровей, которая, налетѣвъ на него словно тигръ, кусалась, лягалась и ржала въ одно и то же время. Не прошло получаса, какъ Рарей и лошадь оба лежали на землѣ, при чемъ голова всадника покоилась на заднемъ копытѣ, тогда какъ другое касалось его виска. Онъ сумѣлъ нагляднымъ образомъ убѣдить животное, что не имѣлъ никакого желанія причинить ей боль или зло, и лошадь, вмѣсто страха и озлобленія, почувствовала расположеніе къ человѣку, который, не причинивъ ей никакой боли, заставилъ ее тѣмъ не менѣе покориться».

Часто жестокое обращеніе съ животными является результатомъ легкомыслія и неразвитости: такъ въ Италіи дѣти любятъ привязывать веревочки къ ногѣ птицы и при каждой ея попыткѣ вспорхнуть тянуть ее къверху; когда она окончательно теряетъ силы, ее ощипываютъ живую, отрываютъ ей лапки и крылья. Дѣтямъ, очевидно, никто не внушаетъ въ этой странѣ состраданія ко всякой живой твари. На замѣчаніе и упрекъ въ жестокости они обыкновенно отвѣчаютъ: «Non é cristiano»—это не христіанинъ.

Въ Неаполѣ лошадямъ приходится таскать за собою до такой степени нагруженныя телѣги, что сбруя врѣзается имъ въ тѣло до крови. Измученныя и загнанныя лошади нерѣдко лежатъ безъ движенія по краямъ дороги; люди ждуть, пока заживутъ ихъ раны, чтобы снова впрячь

ихъ въ повозки. Однажды утромъ по Strada de Roma въ тяжело нагруженной телѣгѣ ѣхала на базарь толпа огородницъ и огородниковъ. Лошадь, бѣжавшая рысью, споткнулась и упала на влажной мостовой. И пассажиры, и вся ихъ кладь полетѣли черезъ голову лошади. Однако лошадь подняли, корзины опять поставили въ телѣгу, пассажиры размѣстидись тутъ-же, и лошадь, получивъ ударъ бича, опять пошлелась вдоль улицы.

Въ Англіи нѣтъ болѣе рабства! Только для лошадей сохранилось оно въ полной силѣ: стоитъ только посмотрѣть на omnibusы, дрожки и телѣги. Джемсъ Гуль, секретарь канцеляріи государственнаго совѣта, еще въ 1602 году заявлялъ, что Англія по справедливости называется адомъ для лошадей. Въ дрожки запрягаютъ обыкновенно старыхъ, загнанныхъ лошадей, прихрамывающихъ на одну ногу. Съ какой осторожностью она поднимаетъ и опускаетъ ее, обѣгая большіе камни, которые причиняютъ ей особенную боль. Ломовой лошади приходится еще хуже: она надрывается надъ работой въ продолженіе цѣлой жизни, въ жаръ и морозъ и непогоду, а жизнь кончаетъ обыкновенно на живодернѣ.

Одна сострадательная женщина, по имени Лизетта Ростъ, ежедневно выходила со своей прислугой на скользкую дорогу по крутымъ улицамъ отъ Темзы близъ Лондонскаго моста и посыпала ее пескомъ, чтобы облегчить страданія несчастныхъ лошадей, которыхъ она не забыла и умирая: по духовному завѣщанію она оставила значительную сумму на то, чтобы лондонскія скользкія улицы постоянно посыпались пескомъ.

Даже красивыя лошади, везущія на прогулку щегольскіе экипажи гордыхъ красавицъ, все время страдаютъ отъ неудобной узды, врѣзающейся въ ротъ, нерѣдко покрытый кровавой пѣной. Если-бы эти лошади умѣли говорить, онѣ навѣрное сказали-бы, что всѣ эти люди и джентльмены грубые тираны. А между тѣмъ большинство изъ нихъ

посѣщаетъ митинги анти-вивисекціонистовъ, выражая свой протестъ противъ жестокаго обращенія съ животными. Это не мѣшаетъ намъ убивать на каждой скачкѣ въ Ливерпуль не менѣе пяти лошадей, которымъ переламываютъ ноги и спины. «Мнѣ часто думается,—говоритъ сэръ Артуръ Гельпсъ,—что порабощеніе лошади явилось настоящимъ несчастьемъ для міра. Порабощеніе это съ самыхъ раннихъ поръ способствовало только угнетенію и насилію: ему обязаны мы принимавшими огромные размѣры грабежами средневѣковья; оно-же явилось и орудіемъ наиболѣе кровопролитныхъ войнъ, потому что безъ помощи лошадей человѣкъ никогда не втащилъ-бы пушекъ въ горы, да и полководецъ, которому пришлось бы совершать пѣшкомъ свои переходы, не вынесъ бы этого и очень скоро утопилъ бы свою жажду завоеваній».

Въ книгѣ Іова, три тысячи четыреста лѣтъ тому назадъ говорится: «Ты ли сообщилъ силу коню и облекъ его шею гривой? Въ силахъ ли ты испугать его какъ саранчу? Онъ смѣется надъ опасностью и восторгается силою и не отворачивается отъ меча. При трубномъ звукѣ онъ радостно ржетъ и издалека чувствуетъ битву и призывъ вождей».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ описываетъ Virgilій въ своихъ «Георгикахъ» военную лошадь: «Гордый конь, услыша издали зовъ трубы и шумъ войны, прыдетъ ушами и, дрожа отъ нетерпѣнія, не стоитъ на мѣстѣ, роетъ землю копытами и рвется въ битву».

Боевые кони, изображенные на фризѣ Партегона, находящемся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ, указываютъ на то, какъ греки гордились этими животными; восхищеніе конями пеласговъ выразилось въ созданіи мифологическихъ кентавровъ. Съ помощью главнымъ образомъ лошадей завоеваны были Мексика и Перу: түземцы приняли за боговъ скачущихъ всадниковъ и всюду обращались въ бѣгство передъ ними. А между тѣмъ эти люди, не имѣвшіе понятія о порабощеніи лошадей, достигли вы-

сокой степени цивилизаціи: испанцы нашли въ ихъ странѣ массу прекрасныхъ домовъ, окруженныхъ цвѣтущими садами. Такимъ образомъ и тутъ неизбежно представляется человѣку вновь столь избитый уже вопросъ: идемъ-ли мы на самомъ дѣлѣ къ цивилизаціи и прогрессу, становимся ли мы развитѣе и лучше, чѣмъ были римляне и греки или мексиканцы въ эпоху высшаго расцвѣта своей жизни?

ГЛАВА XIV.

ЧЕЛОВѢЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СЪ ЛОШАДЬМИ.

Глаза его сіяли добротой, и всѣ похвалы, расточаемыя ему, подобны потокамъ, вытекающимъ изъ ключа, который бьетъ все той же высокой и полноводной струей.

Шекспиръ.

Молитесь умѣть тотъ, кто искренно любитъ и человѣка, и птицу, и звѣря; тотъ, кто равно любитъ и большое и маленькое созданіе такъ, какъ Богъ, все создавшій, все одинаково любить.

Боллриджъ.

Бюфонъ называетъ лошадь благороднѣйшимъ приобретениемъ человѣка, и въ самомъ дѣлѣ, сколькими удовольствіями и пользой мы ей обязаны! Въ молодые годы въ расцвѣтѣ своей красоты она обыкновенно бываетъ любимицею своего хозяина, который не нарадуется на веселую и гордую осанку чуднаго животнаго. Позднѣе она, смотря по породѣ и способностямъ, служитъ въ упряжи или въ качествѣ ломовой лошади, безропотно работая на человѣка, нося для него всевозможныя тяжести и грузы; Тѣмъ старательнѣй, казалось бы, должны охранять люди ея беспомощную старость, на дѣлѣ же лошадь обращается на старости лѣтъ въ самага несчастнаго раба. Ломовую лошадь принуждаютъ, осыпая ее пинками, таскать непосильныя тяжести, извозчикъ лошадь проводить по всякой погодѣ на улицѣ цѣлые дни напролетъ. Ноги ея покрываются ранами отъ постоянной ѣзды по каменистымъ дорогамъ по сырости и слякоти,—человѣкъ безжалостенъ къ

старой лошади, потому что не видит большой для себя потери, если она околѣетъ: все равно въ концѣ-концовъ придется свести ее на живодѣрню.

На югѣ Франціи существуетъ еще болѣе безчеловѣчный способъ освободиться отъ старыхъ лошадей. Спекуляторы, занимающіеся разведеніемъ пивки, устроили на берегахъ Гаронны искусственныя болота, куда стаскиваются всѣ старыя и негодныя лошади всей окрестности. Мириады пивовъ впиваются имъ въ глаза, ноздри и другіе наиболѣе чувствительныя органы; тщетны судорожныя старанія лошади освободиться отъ нихъ. Изнемогая отъ страшной потери крови, лошади втягиваются наконецъ въ зловонную тину, гдѣ и погибаютъ. Въ Бордо каждый годъ уничтожается такимъ образомъ отъ 18 — 20 тысячъ лошадей.

Къ сожалѣнію и въ Англіи немногіе слѣдуютъ примѣру герцога Веллингтона, который до самой смерти берегъ коня, бывшаго подъ нимъ въ день битвы. Въ газетѣ «Truth» появилось какъ-то письмо одной лэди, краснорѣчиво описавшей страданіе лошадей, котораго она была свидѣтельницей. «На улицѣ стояла парная коляска, вожжи были до того натянуты, что несчастныя животныя не могли закрыть рта. Я подошла къ кучеру, тщетно убѣждая его отпустить немного вожжи; онъ свысока возразилъ мнѣ: «Госпожа любитъ, чтобы вожжи были натянуты. Они у насъ привыкли къ этому». Пристяжная въ особенности страдала и употребляла всѣ усилія, чтобы хоть нѣсколько освободиться. Взглядъ ея, полный невыносимаго страданія, долго еще будетъ преслѣдовать меня.

Человѣкъ, который болѣе чѣмъ кто-либо сдѣлалъ добра лошадямъ, назывался Эдуардомъ Фордгемъ-Флауэромъ, «лошадинымъ миссіонеромъ». Весь свой трудъ, свое время и средства посвятилъ онъ на уничтоженіе жестокаго обычая натягивать удила такъ, чтобы лошадь не имѣла возможности держать головы въ естественномъ положеніи, но

всегда носила ее откинутой назадъ. Мистеръ Флауэръ на одномъ митингѣ назвалъ эти удила кандалами, а «леди и джентльмены, которые пользуются этимъ орудіемъ пытки,—добавилъ онъ, — стоять того, чтобъ ихъ сослали на галеры».

Мистеръ Флауэръ неотступно и мужественно протестовалъ словомъ и дѣломъ въ продолженіе всей своей жизни какъ противъ рабства лошадей, такъ и противъ рабства людей.

М-ръ Флауэръ родился въ Гертфордѣ, но отецъ его со всей семьей, состоявшей изъ жены и 5-ти сыновей, переселился въ 1808 году въ прибрѣтенное имъ близъ Гертфорда имѣніе Марденъ-Гилль. Маленькій Эдуардъ очень любилъ животныхъ и съ пяти лѣтъ началъ ѣздить верхомъ на маленькомъ шотландскомъ пони, «little Moses», на которомъ онъ каждый день ѣздилъ на почту.

Когда ему минуло шесть лѣтъ, дядя его подарилъ ему новаго хорошенькаго пони и къ нему сѣдло, уздечку и хлыстикъ. Однажды маленькій Эдуардъ ударилъ своего пони за то, что тотъ испугался чего-то на дорогѣ. Отецъ Эдуарда увидѣлъ это: «За что ты бьешь свою лошадку, Недъ?—«За то, что она труситъ и не хочетъ бѣжать впередъ». «Развѣ ты не видишь, что направлялъ ее прямо въ глубокую яму?» Затѣмъ отецъ слегка ударилъ хлыстикомъ маленькаго наѣздника. «Какъ тебѣ это нравится?»—спросилъ онъ его. — «Совсѣмъ не нравится»—отвѣтилъ обиженный ребенокъ. «Ну, такъ помни, что никогда не надо бить лошади безъ самой крайней необходимости».

Марденъ-гилльскіе пашни и покосы, представлявшіе около тысячи акровъ земли, не приносили м-ру Флауэру особенной выгоды. Къ тому же онъ вздумалъ разводить мериносовъ, и это предпріятіе, не увѣнчавшись успѣхомъ, унесло у него много денегъ. Тогда старшій сынъ Флауэровъ, Джонъ, посланъ былъ въ Америку для ознакомленія съ тамошней жизнью и вскорѣ прислалъ оттуда письмо съ

восторженнымъ описаніемъ страны Соединенныхъ Штатовъ.

Продавъ въ 1817 году свое англійское помѣстье, мистеръ Флауеръ со всѣмъ своимъ семействомъ эмигрировалъ тогда въ Америку. Въ Ливерпулѣ наняты были два корабля для перевозки имущества: на нихъ, кромѣ самихъ Флауеровъ, помѣщалось человѣкъ около ста прислуги и нѣсколько паръ скота и собакъ.

Оба судна разгрузились въ Филадельфіи, красивомъ и чистомъ городѣ, тогда еще не особенно заселенномъ. Мистеръ Флауеръ принялся снаряжать въ путь по направленію къ западу (на купленную старшимъ его сыномъ полосу земли близъ рѣки Вабаша въ штатѣ Иллинойсѣ) поѣздъ со своими домочадцами и имуществомъ. Путешествіе было восхитительное: день и ночь, за неимѣніемъ отелей, гдѣ ночевать, путники проводили на воздухѣ. Страна была еще довольно безлюдна; время отъ времени попадались лишь бѣдныя деревни, зародыши будущихъ городовъ, гдѣ путешественники возобновляли свой запасъ хлѣба и съѣстныхъ продуктовъ. Только переходъ черезъ Аллеганскія горы оказался очень утомительнымъ для лошадей.

Достигнувъ рѣки Огію, м-ру Флауеру пришлось, за неимѣніемъ пароходства, сплавить свой грузъ внизъ по теченію рѣки къ мѣсту своего назначенія. Медленно потянулись внизъ по рѣкѣ три громадныя плота. Тутъ Флауерамъ впервые пришлось познакомиться съ невольничествомъ: рѣка Огію служила границей между рабовладѣльческими и свободными штатами. Нерѣдко бѣглецы невольники переправлялись черезъ рѣку, спасаясь отъ своихъ жестокихъ господъ, а тѣ гнались за ними, ловили ихъ и отводили обратно.

Одважды поутру м-ръ Флауеръ услышалъ подъ поломъ своей комнаты въ погребѣ страшные пронзительные крики; онъ поспѣшилъ на дворъ и въ полуоткрытую дверь по-

гребя увидѣлъ, что хозяинъ немилосердно бьетъ бичомъ негрятянку. Флауеръ вступился за нее, и, испугавшись его угрозъ, хозяинъ удалился.

Путешественники отправились далѣе опять по сухому пути, мимо колоніи Гармони, основанной Джономъ Раппомъ и его послѣдователями *). Въ колоніи находился рядъ бревенчатыхъ домовъ, церковь, школа и двѣ мастерскія. Подойдя къ восточному берегу рѣки Ваваши, караванъ Флауеровъ переправился на другую сторону съ помощью паромщика. И это былъ единственный человѣкъ, встрѣченный ими въ этой мѣстности. Дальше двинулись къ сѣверу черезъ преріи, которыя представляли чарующее зрѣлище: холмистой, волнообразной пеленой уходили онѣ въ необозримую даль, покрытыя свѣжей травой и прелестными полевыми цвѣтами, подернутыя серебристымъ, прозрачнымъ туманомъ. Караванъ двигался по компасу; указывала путь Флауерамъ также ярко горѣвшая на небосклонѣ «Большая Медвѣдица».

Наконецъ эмигранты приблизились къ мѣстечку Пианкишау, на крайнемъ западѣ, покинутому не такъ давно индійцами. Мѣстность была пустынная, но англичане дѣятельно принялись за постройку себѣ жилищъ, и скоро въ безлюдной мѣстности возникло поселеніе. Къ несчастью, наступалъ уже іюль: обрабатывать землю было уже поздно, и голодъ давалъ себя чувствовать новымъ поселенцамъ.

*) Раппиты, несмотря на мистическій характеръ ученія своей секты, аскетизмъ и ожиданіе скорого прішествія Христа, сумѣли провести въ своей жизни благотворныя начала практическаго христіанства: они считаютъ своей обязанностью трудиться, быть постоянно готовыми къ самоотверженію, руководствоваться въ жизни простотой, смиреніемъ и молитвой. Такъ какъ въ основу ихъ общественнаго устройства положено совмѣстное пользованіе имуществами, и каждый работаетъ для всѣхъ, то въ жизни ихъ не представляется случая ни для проявленія эгоизма, ни для расточительности. Въ такихъ словахъ они сами себя характеризовали въ разговорѣ съ нѣмецкимъ путешественникомъ Нейгофомъ.

Пытались случайно попадавшимися оленями, которые приводились или приносились обыкновенно домой съ веселыми возгласами: «Что дадите тому, кто убилъ оленя?!»

Голодъ такъ измучилъ наконецъ новыхъ поселенцевъ, что они рѣшили поѣхать куда-нибудь поискать себѣ съѣстныхъ припасовъ. Сопровождаемый нѣсколькими рабочими, Эдуардъ Флауеръ поѣхалъ за продовольствіемъ въ мѣстечко Пауни-Тоунъ, отстоявшее отъ ихъ поселенія на два дня пути. Тамъ они нашли возможнымъ приобрести крупы, муки и нѣсколько копченыхъ окороковъ; переправясь не безъ затрудненій черезъ рѣку Вабашъ, они доставили все это проголодавшимся колонистамъ, которые встрѣтили ихъ съ неописуемой радостью.

Такъ долгое время приходилось колоніи бороться съ различными неудобствами и препятствіями. Наконецъ Флауеръ построилъ себѣ новый прочный домъ, и Эдуардъ съѣздилъ въ Лексингтонъ за своей матерью, которую не хотѣли подвергать всѣмъ затрудненіямъ первоначальнаго пребыванія на новыхъ мѣстахъ. Тѣмъ временемъ въ окрестности стали возникать и другія поселенія, и положено было начало городу Альбіонъ, главному въ настоящее время въ провинціи Эдуардъ.

Когда Эдуарду Флауеру исполнилось четырнадцать лѣтъ, отецъ послалъ его къ школьному учителю, поселившемуся въ колоніи Уаррингтонъ. Такъ какъ школа находилась довольно далеко, то мальчикъ въ хорошую погоду для сокращенія пути проходилъ болотомъ. Однажды онъ убилъ индѣйку и отнесъ ее въ подарокъ своему учителю. Учитель пришелъ въ восторгъ при мысли о вкусномъ обѣдѣ и съ тѣхъ поръ Недъ сталъ его любимцемъ, и оба, вмѣсто того чтобы заниматься, ходили вмѣстѣ на охоту. Можно себѣ представить, какъ успѣшно подвигалось ученіе юнаго Флауера! Пробывъ въ школѣ шесть мѣсяцевъ, онъ вынесъ изъ нея полнѣйшее незнаніе самыхъ основныхъ правилъ ариметики, а затѣмъ отецъ взялъ его изъ школы и от-

далъ подъ его присмотръ свои многочисленныя стада. Такъ кончилось полученное Эдуардомъ въ Америкѣ образованіе.

Эдуардъ по-прежнему любилъ охотиться, и убиваемая имъ лѣсная дичь и олени составляли важное подспорье въ продовольствіи колонистовъ. На охотѣ Флауеру довелось пережить немало интересныхъ и опасныхъ приключеній. Въ штатѣ Иллинойсѣ еще водилось въ то время довольно много черныхъ, сѣрыхъ и бурыхъ медвѣдей. «Однажды утромъ, — рассказываетъ м-ръ Флауеръ, — когда я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабочихъ, черезъ поле, засѣянное кукурузой, направлялся въ лѣсъ, чтобы вырубить тамъ нѣсколько деревьевъ, дорогу намъ неожиданно перерѣзалъ громадный медвѣдь, поднявшійся при нашемъ приближеніи на заднія лапы. Онъ хотѣлъ, повидимому, скрыться отъ насъ, по направленію къ болоту. Собаки первыя кинулись на него, но онъ быстро передушилъ ихъ. Тогда мы вчетверомъ, вооруженные топорами, стали наступать на него и убили его, послѣ долгой и упорной борьбы; это было очень кстати: убитый медвѣдь сослужилъ намъ хорошую службу, такъ какъ наше продовольствіе оставляло желать очень многого».

Послѣ долговременныхъ большихъ трудовъ и затратъ страна стала наконецъ значительно измѣняться къ лучшему; пустыня застроилась и покрылась хорошо обработанными полями и посѣвами, хотя первое время и трудно было оберегать скотъ и пашни отъ набѣговъ дикихъ звѣрей. Эдуардъ Флауеръ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ колонистовъ, и единственно эта привычка къ упорному труду, но никакъ не уаррингтонская школа и ея учитель, выработала въ немъ такой энергичный и непреклонный характеръ, не отступавшій ни передъ какими затрудненіями и препятствіями.

Старый Флауеръ сдѣлалъ ошибку, приобрѣтя такое значительное помѣстье въ совершенно незаселенной странѣ,

которая спустя лишь лѣтъ двадцать привлекла значительное число поселенцевъ. Кромѣ того немало неприятностей пришлось перенести Флауеру изъ-за негровъ—и невольниковъ, и свободныхъ. Какъ мы уже говорили, рѣка Огіо отдѣляла свободный штатъ Иллинойсъ отъ рабовладѣльческаго Кентукки. Тамъ встрѣчалось немало мягко-сердечныхъ господъ, которые отпускали за нѣкоторое вознагражденіе своихъ черныхъ рабовъ. Многіе изъ этихъ негровъ селились въ городѣ Альбіонѣ, въ пятистахъ миляхъ разстоянія отъ помѣстья Флауеровъ. По другую же сторону рѣки мѣстность полна была невольниковъ, переносившихъ самое жестокое обращеніе отъ своихъ господъ. Цѣлыя семьи распродавались порознь въ различные штаты и на различныя плантаціи. Многіе негры, покинувъ своихъ господъ, цѣлыми мѣсяцами скрывались въ рѣкахъ и болотахъ по ту сторону рѣки, или уходили въ Альбіонъ, или же, наконецъ, пробирались въ свободную страну Канаду.

Преслѣдуя бѣглецовъ при помощи особо выдрессированныхъ собакъ-ищейекъ, хозяева отводили ихъ назадъ въ неволю и подвергали еще худшимъ истязаніямъ. Кромѣ того тогда-же составила въ странѣ цѣлая шайка аферистовъ, которые, переправляясь черезъ Огіо, ловили бѣглыхъ и свободныхъ невольниковъ и, сплавляя ихъ по теченію рѣки Миссисипи, продавали въ Новомъ Орлеанѣ. У Флауеровъ работалъ однажды красивый и сильный негръ, честный, трудолюбивый и преданный. «Ты, вѣроятно, выкупился на свободу?»—спросилъ у него однажды Эдуардъ. —«Нѣтъ, господинъ,—отвѣтилъ тотъ,—я просто бѣжалъ отъ своего хозяина, который обращался со мной какъ нельзя хуже». Вскорѣ послѣ этого разговора прежній хозяинъ невольника накрылъ его на фермѣ Флауера и, связавъ, потащилъ за собою. Негру удалось убѣжать вторично; умирая отъ голоду, онъ явился къ Флауерамъ, объявивъ, что хозяинъ напалъ уже на его слѣдъ и гонится за нимъ.

Бѣглеца опустили въ безводный колодець, куда время отъ времени бросали хлѣбъ для прокормленія негра. Хозяинъ на этотъ разъ не могъ найти его. Когда преслѣдователи удалились, Эдуардъ Флауеръ вытащилъ негра изъ колодца, подарилъ ему большой запасъ хлѣба и посоветовалъ бѣжать куда-нибудь подальше. Направившись къ Канадѣ, негръ не успѣлъ еще переплыть рѣку, какъ опять попался въ руки своихъ преслѣдователей. На этотъ разъ онъ, доведенный до полного отчаянiя, рѣшительно объявилъ, что лучше умереть, чѣмъ вернуться къ своему хозяину. Когда полицейскiй явился взять его, онъ убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета, за что и былъ повѣшенъ.

Подобные случаи постоянно повторялись, и м-ръ Флауеръ возмущался до глубины души такимъ положенiемъ дѣлъ въ странѣ, слывшей «свободной». Одно время онъ намѣревался даже покинуть ее, но, затративъ такiя большiя суммы на первое обзаведенiе на новомъ мѣстѣ, не имѣлъ достаточно средствъ, чтобы взяться опять за какое-либо другое предпрiятiе.

Между тѣмъ шайка, работавшая надъ похищенiемъ людей, все возрастала и рѣшила выжить мѣшавшаго ей Флауера изъ страны. Флауеръ со своей стороны приготовился къ стойкому отпору.

«Однажды вечеромъ,—разсказываетъ мистеръ Эдуардъ Флауеръ,—я возвращался съ охоты вдвоемъ со своимъ товарищемъ, усталый и голодный. Мнѣ было въ то время лѣтъ уже девятнадцать. Подходя къ дому, мы услышали за деревьями сосѣдняго лѣса громкiй споръ, и голосъ моего отца явственно произнесъ: «Пока я живъ, я не выпущу изъ рукъ этихъ поводевъ!» Я съ товарищемъ бросился на этотъ голосъ, и мы увидѣли отца, державшаго за поводья лошадь, на которой былъ прикрученъ веревками къ сѣдлу одинъ изъ нашихъ рабочихъ-негровъ. «Пустите лошадь, а не то—выстрѣлю въ васъ!»—говорилъ одинъ изъ занимавшихся захватомъ негровъ людей. Мы бросились на вы-

ручку отца со своими топорами и повалили двухъ него-
дяевъ на землю, а остальные убѣжали въ лѣсъ».

Съ помощью судьи Мозеса Мичеля разбойники были
переловлены людьми Флауера, во главѣ которыхъ нахо-
дился Эдуардъ Флауеръ. Современемъ, благодаря трудамъ
и хлопотамъ Флауеровъ, ловлѣ и торговлѣ людьми вдоль
всего Огіо нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, и штатъ
Иллинойсъ никогда, благодаря этимъ самоотверженнымъ
людямъ, не сдѣлался рабовладѣльческимъ.

Люди, которымъ Флауеры мѣшали заниматься ихъ по-
зорнымъ промысломъ, платили имъ самой пламенной не-
навистью. Составилась цѣлая компанія заговорщиковъ, на-
мѣревавшаяся убить Эдуарда Флауера, который самымъ
энергичнымъ образомъ противодействовалъ торговлѣ не-
счастливыми неграми. Къ счастью, слухи объ этомъ дошли
до одного земляка Флауеровъ, Джека Эллиса, поселивша-
гося въ густыхъ лѣсахъ въ окрестности, гдѣ онъ часто
охотился вмѣстѣ съ Эдуардомъ. Джекъ явился однажды къ
сестрѣ Эдуарда и подъ строжайшей тайной сказалъ ей: «По-
совѣтуйте Неду отъ моего имени бѣжать отсюда какъ можно
скорѣе, иначе ему не сдобровать». Такъ какъ въ Эдуарда
Флауера уже стрѣляли однажды, когда онъ сидѣлъ у себя
дома за ужиномъ, — совѣтъ Джека былъ принять, и м-ръ
Флауеръ-отецъ вмѣстѣ съ Недомъ на слѣдующее же утро
покинули домъ. Тутъ разыгралась страшная драма. Такъ
какъ въ странѣ еще не знали объ ихъ отбѣздѣ, то дня
черезъ два къ дому Флауеровъ явилась толпа неизвѣ-
стныхъ людей, объявившихъ, что желаютъ переговорить съ
м-ромъ Флауеромъ младшимъ. Ричардъ, двоюродный братъ
Эдуарда, вышелъ къ нимъ: едва успѣлъ онъ взяться за
ручку двери и пріотворить ее, какъ разбойники кинулись
на него и изрубили его своими топорами. Убійцы скры-
лись и никогда не были найдены.

Флауеры прибыли въ Англию въ 1824 году, семь лѣтъ
спустя послѣ своей эмиграціи въ Америку, и Эдуарду

пришлось смѣнить на европейскій костюмъ свою охотничью куртку и енотовую шапку, нарядъ жителей сѣвероамериканскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Влюбившись въ дочь своего родственника Бенжамена Флауера, Эдуардъ выразилъ своему отцу желаніе остаться въ Англии подѣ предлогомъ нѣкотораго пополненія своего образованія. Отецъ согласился и выдѣлилъ ему нѣкоторую сумму изъ своихъ доходовъ, и Эдуардъ поселился на время въ Нью-Ланаркѣ въ Шотландіи у Роберта Оуэна, одного изъ выдающихся филантроповъ своего времени. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ онъ занимался такъ усердно, что даже подорвалъ свое здоровье; кромѣ того, онъ въ продолженіе полугода учился еще въ Лондонѣ у доктора Келлей въ Тринити-Скверѣ.

Двадцати одного года онъ отправился въ Бирмингамъ, гдѣ поступилъ на службу къ одному хлѣботорговцу, платившему ему сначала сто фунтовъ въ годъ, а затѣмъ возвысившему это вознагражденіе до 400 фунтовъ. Тогда онъ женился на любимой женщинѣ. Спустя нѣкоторое время онъ поселился въ Стратфордѣ на Авонѣ, гдѣ завелъ громадную пивоварню. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ былъ городскимъ мэромъ и мировымъ судьей въ Уарвикшейрѣ, который прославился на весь околотокъ своимъ радушнымъ гостеприимствомъ. Эдуардъ Флауеръ съ особенной любовью встрѣчалъ обыкновенно своихъ американскихъ друзей. Въ 1864 году онъ по собственной инициативѣ торжественно отпраздновалъ трехсотлѣтіе рожденія Шекспира.

Разбитый три раза параличемъ, онъ принужденъ былъ въ 1869 году отправиться на излѣченіе въ Римъ, откуда проѣхалъ въ По на югъ Франціи. Во время этого путешествія ему поминутно приходилось видѣть всюду жестокое обращеніе съ лошадьми, ослами и мулами. Перебравшись въ 1873 году на жительство въ Лондонъ, онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы уничтожить пытку, причиняемую лошадямъ мундштуками и удилами. Онъ написалъ по

этому поводу письмо въ «Times», напечатанное, благодаря содѣйствію м-ра Артура Хельпса, говорилъ о томъ-же на митингѣ общества покровительства животнымъ, издавалъ брошюры («Мундштуки и удила», «Лошади и ихъ упряжь») и обратилъ наконецъ на этотъ предметъ должное вниманіе общества.

Мистеръ Флауеръ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ общепринятую въ Англіи моду запрягать и взнуздывать лошадей. «Узду натягиваютъ обыкновенно возможно туже, чтобы заставить лошадь высоко держать голову; ремень, соединяющій узду и подпругу, мѣшаетъ ей въ то же время закидывать голову назадъ. Другіе тугіе ремни охватываютъ туловище лошади, отчего голова и хвостъ бѣднѣе связаны вмѣстѣ. Чтобы хоть нѣсколько ослабить эти путы, несчастное животное, стоя на мѣстѣ, неестественно выставляетъ впередъ свои переднія ноги и отбрасываетъ назадъ заднія, стараясь достигнуть этимъ хоть нѣкотораго сокращенія мускуловъ спинного хребта, и получаетъ въ результатъ воспаленіе ладьеобразной кости. Головные ремни, стѣсняя дыханіе лошади, развиваютъ саль и другія болѣзни, а также болѣзни ушей. Если мучимая давленіемъ ремней лошадь вскидываетъ голову вверхъ—ее пытаются усмирить, еще туже стягивая орудія пытки—ремни. Такова мода; она мнѣ кажется сильнѣе даже гуманнаго чувства, но все-же я не теряю надежды на возможность переменъ ея въ будущемъ: прежде точно также по требованію моды обрѣзали у лошадей хвосты, а теперь это уже вышло изъ моды: вотъ почему я смѣю надѣяться, что теперешній варварскій способъ запрягать лошадей уступитъ мѣсто болѣе гуманному».

Мистеръ Флауеръ съ особымъ воззваніемъ относительно переменъ въ способѣ запряжки лошадей обращался къ англійскимъ леди, такъ какъ былъ убѣжденъ, что незнакомыя съ организмомъ лошадей женщины позволяютъ своимъ кучерамъ наиболѣе жестоко обращаться съ бѣдными

животными. «Познакомьтесь сами,—пишетъ онъ между прочимъ,—съ нѣжными органами животныхъ, которыя доставляютъ вамъ столько удовольствія и удобствъ, и берегите ихъ; они же сумѣютъ отблагодарить васъ за доброе обращеніе съ ними!»

Несомнѣнно, что мистеру Флауеру удалось по крайней мѣрѣ процентовъ на тридцать смягчить жестокое обращеніе съ лошадьми со стороны многихъ болѣе мягкосердечныхъ владѣльцевъ ихъ. Лордъ Ли написалъ однажды мистеру Флауеру слѣдующее: «Искренно поздравляю васъ съ достигнутыми вами успѣхами и надѣюсь, что недалеко время, когда лошадь, обремененная мундштукомъ, удилами, наглазниками и другими орудіями пытки, будетъ встрѣчаться такъ-же рѣдко, какъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, и вы найдете возможнымъ поздравить себя съ тѣмъ, что облегчили участь лошадей въ той же мѣрѣ, въ какой нѣкогда Уильберфорсъ облегчилъ судьбу несчастныхъ негровъ».

М-ръ Флауеръ обратилъ вниманіе и на ломовыхъ лошадей. Съ помощью своей жены, онъ уже подъ старость написалъ книгу «Лондонскіе камни», появившуюся съ портретомъ Макадама, много потрудившагося надъ улучшеніемъ дорогъ: по теоріи Макадама улицы должны быть вымощены камнями такой величины, чтобы они могли проходить сквозь имѣющее не болѣе двухъ вершковъ въ діаметрѣ кольцо, вѣсомъ не болѣе четырехъ лотовъ каждый. Кромѣ того ихъ должно укладывать такъ, чтобы они прихотились плотно другъ къ другу углами и образовывали твердую и непроницаемую поверхность. Въ наше же время улицы мостятся камнями, достигающими по величинѣ кулака громаднаго и дюжаго человѣка, и ломовымъ лошадямъ чрезвычайно тяжело таскать по такимъ мостовымъ до-нельзя нагруженныя телѣги.

Такимъ образомъ м-ръ Флауеръ всю свою жизнь выступалъ горячимъ защитникомъ не только людей, но и

безсловесныхъ животныхъ. Когда вспыхнула война между сѣверными и южными американскими штатами, м-ръ Флауеръ, вѣрный своимъ убѣжденіемъ, прочелъ во всѣхъ концахъ Англіи немало лекцій въ защиту негровъ. Послѣ смерти старика Флауера, который умеръ въ Америкѣ въ самый разгаръ освободительной войны, газеты въ Америкѣ съ благодарностью вспоминали о его борьбѣ съ рабовладѣльчествомъ въ Иллинойсѣ, прибавляя слѣдующій отзывъ о его сынѣ: «Въ упорной борьбѣ, сопровождавшей въ 1823 году попытку узаконить рабовладѣльчество въ Иллинойсѣ, онъ проявилъ больше чѣмъ кто-либо самаго искренняго героизма. Голоса противныхъ партій въ государствѣ раздѣлились тогда почти на двѣ равныя части, и только благодаря голосу англійскихъ колонистовъ, неизмѣнно вотировавшихъ за свободу, рабовладѣльчество было уничтожено».

Пусть челоуѣчество вспомнить эти великіе труды Флауера на пользу людей и животныхъ въ ту минуту, когда придетъ пора воздвигнуть памятникъ м-ру Эдуарду!

ГЛАВА XV.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ.

Все, что сдѣлано благороднымъ человекомъ,
озаритъ міръ на долгіе годы.

Лонгфелло.

Учись такъ, какъ будто проживешь вѣчность;
живи такъ, чтобы быть готовымъ умереть хоть
завтра.

Ansatus de Insulis.

Долгъ возлагается на человѣка вмѣстѣ съ его жизнью и прекращается лишь съ его смертью, охватывая всю его жизнь. Онъ повелѣваетъ намъ заботиться о нравственномъ и физическомъ образованіи нашихъ дѣтей, обязываетъ насъ показывать имъ хорошій примѣръ, въ силу котораго они привыкали-бы поступать справедливо и честно. Долгъ охватываетъ не только семейную жизнь человѣка, но и его отношенія къ своей отчизнѣ, правительству и ближнимъ. Исполненіе этого долга связано съ великой нравственной отвѣтственностью, и только человѣкъ, глубоко проникшійся сознаниемъ этой отвѣтственности, можетъ надѣяться на добросовѣстное выполненіе своихъ обязанностей. Этимъ сознаниемъ отвѣтственности и уваженіемъ къ общественнымъ правамъ и обязанностямъ обусловливается неприкосновенность всего строя общественной жизни. «Родъ человѣчскій скоро пришелъ-бы къ гибели, — говоритъ Вальтеръ-Скоттъ, — если-бы люди отказались помогать другъ другу. Начиная съ того момента, какъ мать принимается целовать ребенка, и до того, какъ чья-либо сострадательная

рука поддержитъ слабѣющую голову умирающаго—ни одинъ изъ насъ не можетъ обойтись безъ посторонней помощи. А потому всѣ нуждающіеся въ помощи имѣютъ полное право требовать ея отъ своихъ ближнихъ, а тѣ, кто не оказываютъ ея, имѣя полную возможность это сдѣлать, — преступны».

Мы уже дѣлали попытку доказать въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ все неизмѣримо благодѣтельное значеніе примѣра. Главнѣйшей обязанностью человѣка является обязанность показать хорошій примѣръ своимъ ближнимъ, потому что онъ лучше, чѣмъ какіе-либо совѣты и наставленія, воспитываетъ характеръ. Но для того, чтобы явить собою такой благодѣтельный примѣръ, человѣкъ долженъ обладать мужествомъ, скромностью и самоотреченіемъ. Вѣра и мужество являются главными орудіями человѣка въ борьбѣ съ искушеніями, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. «Побѣда добра надъ зломъ, — говоритъ лордъ Эрскейнъ, — способствуетъ обращенію всякаго зла въ добро, тьмы въ свѣтъ и кривды въ правду».

Лучшіе и благороднѣйшіе люди переживаютъ минуты сомнѣнія и слабости, когда они чувствуютъ какъ колеблются самые основные принципы ихъ вѣры; но это колебанія минуты, и человѣкъ, истинно добродѣтельный, возвращается къ тому, что считалъ истиной, и борется за нее попрежнему твердо. Никто не можетъ вполне искренно вѣрить въ систему отрицанія, убивающую лучшую часть человѣческой души, надежду и вѣру. Зло побивается не отрицаніемъ, но только дѣятельной добротой.

Самая наука одержала лучшія свои побѣды съ помощью одной только вѣры: только вѣра помогла Ньютону проникнуть въ тайну законовъ вѣчнаго движенія, она же поддержала Кеплера, Дальтона и Фарадея.

Къ отрицанію приводитъ насъ только уныніе и отчаяніе: человѣкъ начинаетъ съ сомнѣнія въ существованіе Бога, невѣрія въ человѣка, собственный долгъ, невѣрія во все,

исключая себя самого и своихъ эгоистическихъ побуждений. Насъ обуреваютъ страсти, мракъ, заблужденіе, эгоизмъ, и душа не находитъ себѣ выхода изъ этого лабиринта. Цѣнность жизни обуславливается степенью нашей дѣятельности на пути исполненія данныхъ намъ свыше законовъ; и только на этомъ пути пріобрѣтаетъ человѣкъ свободу, внѣ которой не можетъ быть настоящей жизни.

Всякое испытаніе, которое посылается человѣку, очищаетъ его душу. Прикованный надолго къ постели тяжелымъ недугомъ, одинъ богатый и безпечный человѣкъ впервые спросилъ себя: «Быль-ли я хоть на что-нибудь полезенъ въ жизни? даль-ли кому-нибудь счастье? Облегчилъ-ли чье-нибудь горе? Будетъ-ли хоть для кого-нибудь замѣтно мое исчезновеніе изъ міра?» Отвѣтъ получился самый неутѣшительный, но вопросъ не прошелъ безслѣдно. Больной, оправившись, постарался въ корень измѣнить свою жизнь и посвятить ее полезной для своихъ ближнихъ дѣятельности. Случай къ этому уже не разъ представлялся ему и прежде, только у него не хватало воли совершить доброе дѣло, а главное не доставало любви, настоящей теплой любви къ Богу и людямъ. Религія-же представляетъ не что иное какъ договоръ вѣчной любви, болѣе глубокой, чѣмъ самая вѣра и надежда, той любви, которая освѣщаетъ и вдохновляетъ собою всѣ наши обязанности.

Сознаніе долга облегчаетъ намъ жизненный путь, помогаетъ намъ глубже проникать въ жизнь, подчиняться, преодолевать препятствія и противостоять искушеніямъ. Видно на опытъ, что люди большей частью становятся такими, какими дѣлаютъ себя сами. Борясь съ влеченіемъ ко злу, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ влеченіе къ добру, и постоянныя усилія мало-по-малу облегчаютъ намъ путь и приводятъ насъ къ цѣли нашихъ стремленій.

Лучшій и самый легкій путь къ успѣху—это стремленіе къ подражанію избранному для себя самимъ человѣкомъ наиболѣе яркому и совершенному образцу. Попытки

подражать такимъ образцамъ, даже неудачныя, все-таки ведутъ къ самосовершенствованію. Человѣкъ, сильный духомъ, никогда не пройдетъ безслѣдно въ міръ. Какъ-бы ни былъ онъ мало образованъ, какими-бы ни обладалъ посредственными способностями, невысокимъ положеніемъ въ обществѣ, какъ-бы ни былъ незамѣтенъ и бѣденъ,—онъ всегда пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе и пользуется вліяніемъ на окружающихъ, если только отличается достаточной силой воли. Умъ человѣка никогда не притупляется отъ усиленной дѣятельности, но часто покрывается ржавчиной небрежнаго отношенія къ нашей умственной жизни. «Пылкое воображеніе,—сказалъ Пертесъ, очень талантливый и обладавшій громаднымъ запасомъ силы воли человѣкъ, — это соль земной жизни, душа человѣческой природы, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на человѣка, богато одареннаго, возлагается и большая отвѣтственность». Одному юношѣ онъ сказалъ слѣдующее: «Идите впередъ бодро и съ надеждой: вотъ совѣтъ старика, вынесшаго въ свое время на своихъ плечахъ немало житейскихъ печалей. Надо умѣть бодро смотрѣть въ лицо опасности и, не падая духомъ, покоряться необходимости. Сознаніе кратковременности нашей земной жизни не должно мѣшать намъ возможно полнѣе пользоваться этой жизнью—иначе мы будемъ лишены всякой энергіи въ дѣятельности».

Юность—пора дѣятельности и стремленія къ прогрессу. Вступая въ жизнь, молодой человѣкъ имѣетъ возможность проявить свою личность со всевозможныхъ сторонъ. Если его родители позаботились воспитать въ немъ понятіе о достоинствѣ человѣческой личности—онъ будетъ стремиться жить такъ, чтобы не бросить никакой гѣни на ихъ честное имя и не сдѣлать ни одного поступка, который заставилъ бы ихъ покраснѣть за него. «Докажи, что ты достойный потомокъ своихъ предковъ»,—говорилъ Періандръ, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ. Но если юноша не заявилъ себя въ началѣ своего поприща—мало надеждъ ожи-

дать отъ него какихъ-либо благородныхъ дѣлъ и стремлений въ пору его зрѣлости.

Дѣти не забываютъ ни одного обращеннаго къ нимъ слова, а въ особенности нагляднаго примѣра. Ни одинъ дурной нашъ поступокъ не проходитъ безслѣдно: возмездіе не замедлитъ. Преступая законъ вѣчной истины, мы всюду открываемъ послѣдствія своего преступленія. Св. евангелистъ Матеей сказалъ: «За всякое праздное слово, сказанное людьми—они отвѣтятъ передъ Господомъ въ день судный. Ибо отъ словъ своихъ оправданъ будетъ чловѣкъ и отъ словъ своихъ осужденъ будетъ».

Дурные поступки отличаются еще большей долговѣчностью, чѣмъ слова. Они живутъ вѣка и по наслѣдію переходятъ отъ одного къ другому. Память о чьей-либо жизни и то вліяніе, которымъ она пользовалась на окружающихъ, не проходятъ вмѣстѣ съ нею. «Нѣтъ поступка,—говоритъ Томасъ Мальмсбери,—который не велъ за собою такого длиннаго сцѣпленія послѣдствій, какое не въ силахъ охватить умъ чловѣка». «Каждый окружающій насъ атомъ,—говоритъ Баббаджъ,—пропитанъ добромъ или зломъ и, сохраняя въ себѣ мысли и дѣла мудрецовъ, смѣшиваетъ ихъ въ вѣчномъ движеніи съ дѣлами и поступками ничтожнѣйшихъ изъ людей. Самый воздухъ похожъ на исполнскую книгу, на страницахъ которой запечатлѣлось все, что когда-либо произнесъ чловѣкъ».

И такъ, каждое слово, мысль, поступокъ оказываютъ свое вліяніе на судьбу чловѣка и вліяніе это сказывается на цѣломъ рядѣ грядущихъ поколѣній. Вотъ почему каждый изъ насъ долженъ проникнуться глубокимъ сознаниемъ той отвѣтственности, которая лежитъ на насъ за каждое наше слово и даже мысль». Дурныя книги имѣютъ еще болѣе вредное вліяніе, чѣмъ дурныя слова, потому что они воспитываютъ мышленіе и волю грядущихъ поколѣній, продолжая жить, когда самый прахъ ихъ авторовъ давнымъ-давно уже ислѣлъ въ могилѣ. «Искусство книгопе-

чатанія, — говоритъ Фридрихъ Шлегель, — блистательнѣйшее изобрѣтеніе человѣческаго ума, запятнано, тѣмъ не менѣе, быстрымъ распространеніемъ порочныхъ, безнравственныхъ и атеистическихъ мыслей. Это оно вызвало къ жизни цѣлое море ничтожныхъ и вздорныхъ книгъ, полныхъ остротъ, похожихъ на мыльные пузыри, и трескучей скуки, море, по которому шатается современный умъ, подвергая себя опасности окончательно потерять изъ виду компасъ здраваго смысла и путеводную звѣзду истины.

Шлегель правъ: на каждомъ писателѣ лежитъ громадная отвѣтственность; вредная книга такъ легко попадаетъ въ руки нашего юношества и, нерѣдко остроумно написанная, — распространяетъ незамѣтно, но прочно свои ядовитыя сѣмена, отравляя ими чистую душу. Миѣніе Стерна, что порокъ, лишенный грубой оболочки, теряетъ свою силу — какъ нельзя болѣе ошибочно: грубость, напротивъ, отталкиваетъ, тогда какъ порокъ, прикрытый остроумными и блестящими парадоксами, незамѣтно вѣдается въ душу. Эти слова какъ нельзя болѣе примѣнимы къ моднымъ французскимъ и англійскимъ романамъ, которыми такъ зачитываются наши молодыя дамы, романамъ, посвященнымъ блестящему изложенію всевозможныхъ прелюбоудѣлій, убійствъ, разврата и другихъ гнойныхъ язвъ нашей общественной жизни.

Есть и другой родъ сочиненій, вызывающихъ въ насъ непрерывный смѣхъ и издѣвательство надъ жизнью — вѣрный признанъ легкомыслія и пустоты подобныхъ твореній, и эти книги вредны не менѣе первыхъ. Какая разница между подобными книгами и настоящими серьезными трудами лучшихъ писателей даже въ области романа. Локгартъ выразился о дѣятельности Вальтеръ-Скотта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Какой глубокой благодарностью обязаны мы длинному ряду его сочиненій, издававшихся въ теченіе цѣлыхъ 30-ти лѣтъ, сочиненій, всецѣло посвященныхъ распространенію здоровыхъ, благородныхъ чувствъ,

вдохновлявшихъ своимъ величіемъ человѣческую душу, подвиговъ, подсказывавшихъ презрѣніе ко всему недостойному и низкому, сочиненій, заложившихъ въ душу своихъ читателей столько началъ любви и снисходительности, столь отличной однако отъ холоднаго индифферентизма, сочиненій, проникнутыхъ мягкостью, чуждой сентиментализму, и блиставшихъ остроуміемъ, чуждымъ цинизму и пошлости, сіявшихъ мѣнѣями и убѣжденіями, основой которыхъ было одно лишь начало: честь и отвага». Эта похвала можетъ быть немного преувеличена, но вполне заслужена, и самъ Вальтеръ-Скоттъ съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ: «Я приближаюсь къ концу своего жизненнаго пути. Я можетъ быть былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ писателей своего времени, и мнѣ отраднo думать, что во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ не найдется и слѣда стремленій смутить чью-нибудь душу, пошатнуть чью-либо вѣру: я не написалъ по крайней мѣрѣ ничего такого, въ чемъ могъ-бы горько раскаяться въ свой предсмертный часъ».

То-же самое могъ бы сказать о себѣ и Диккенсъ — народный писатель въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. «Я прочиталъ главнѣйшія сочиненія Диккенса, — говоритъ менчестерскій епископъ, — и не нашелъ ни одной строки, содержащей какой-либо безнравственный намекъ, что-либо способное пробудить порочную или низменную мысль въ своемъ читателѣ. Напротивъ, всѣ сочиненія Диккенса принесли неизмѣримую пользу Англій, научивъ насъ уважать высокія добродѣтели, спрятанныя подъ грубой оболочкой, познавать высокіе примѣры христіанской любви къ ближнему. Англія обязана вѣчною благодарностью великому романисту за все, что онъ сдѣлалъ, чтобы возвысить и облагородить человѣчество».

Книга—это живой голосъ, духъ, вѣчно скитающійся по землѣ, мысль человѣка, отдѣленнаго отъ насъ непроницаемымъ покровомъ пространства и времени. Родъ чело-

вѣческой вымираетъ, разрушаются самыя незблемыя памятники, остается одна лишь все переживающая мысль: что такое Платонъ — онъ давно превратился въ ничто, только дѣла и мысли живутъ понынѣ. Вотъ почему, тогда какъ хорошая книга — драгоценнѣйшее сокровище жизни, дурная — духъ мучительный и порочный. И каждый честный писатель долженъ никогда не терять изъ виду этой страшной отвѣтственности, которой отмѣчены всѣ литературныя произведенія.

«Въ послѣднее мое свиданіе съ Водсвортомъ, — говорить одинъ изъ друзей этого замѣчательнаго поэта, — я поразился его угнетеннымъ состояніемъ: онъ видимо изнемогалъ подъ бременемъ своихъ семейныхъ несчастій и недуговъ. «Мнѣ все равно, какъ бы ни отзывался міръ о моихъ трудахъ, — сказала онъ, — единственное утѣшеніе я нахожу въ томъ, что во всѣхъ моихъ стихотвореніяхъ не найдется ни одной строчки, которая казалась-бы мнѣ порочной или унижительною. Сходя въ могилу, я не страшусь, что мои созданія будутъ расадниками зла и разврата».

Приведемъ въ заключеніе этой главы басню знаменитаго русскаго баснописца Крылова, содержащую въ себѣ хорошій урокъ писателямъ. Она носитъ заглавіе: «Разбойникъ и Сочинитель».

Въ жилище мрачное тѣней
 На судъ предстали предъ судьей
 Въ одинъ и тотъ-же часъ — грабитель
 (Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
 И въ петлю, наконецъ, попалъ),
 Другой былъ славою покрытый сочинитель:
 Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
 Всеялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
 Былъ, какъ сирена, сладкогласенъ,
 И, какъ сирена, былъ опасенъ.

Въ аду обрядъ судебный скоръ,
 Нѣтъ проволокѣкъ бесполезныхъ,
 Въ минуту сдѣланъ приговоръ:
 На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
 Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла,
 Въ нихъ виноватыхъ разсадили,
 Дровъ подь разбойника большой костеръ взвалили,
 Сама Мегера ихъ зажгла
 И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться сталь въ сводахъ адскихъ камень.
 Судь къ сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
 Подь нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ,
 Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разгорался.
 Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
 Ужь подь разбойникомъ давно костеръ погасъ,
 Подь сочинителемъ онъ злѣе каждый часъ.
 Не видя облегченья,
 Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
 Что справедливости въ богахъ нимаго нѣтъ,
 Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
 И ежели писалъ немножко вольно,
 То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
 Что онъ не думалъ быть разбойника грѣшнѣй.
 Тутъ передъ нимъ во всей красѣ своей
 Съ шипящими между волосъ змѣями,
 Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
 Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
 «Несчастный, — говоритъ она, —
 Ты-ль Провидѣнію пеняешь?
 И ты-ль съ разбойникомъ себя равняешь?
 Предъ лютостью твоей ничто его вина.
 По лютости своей и злости
 Онъ вреденъ былъ,
 Пока лишь жилъ;
 А ты — уже твои ислѣбли кости,

А солнце разу не взоидеть,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ,
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаясь, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вотъ дѣти — стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? — Тобою!
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальство, власти,
Имъ причиталь въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть? — Ты!
Не ты-ли величалъ безвѣрье просвѣщенемъ?
Не ты-ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти, и пороки?
И вотъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
А до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты виною.
И смѣль ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтъ зодь!
Терпи-жь: здѣсь по дѣламъ твоимъ и казни мѣра!»
Сказала гнѣвная Мегера
И крышкою захлопнула котель.

ГЛАВА XVI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Все живущее должно умереть и снискать себѣ
вѣчность. *Шенкманъ.*

Я слышу не доходящій до васъ призывъ, который
говоритъ мнѣ, что я не долженъ больше оставаться.
Я вижу невидимую для васъ руку, которая манитъ
меня отсюда вдалѣ. *Тейксель.*

Юноша вступаетъ въ жизнь, полный самыхъ заманчивыхъ надеждъ. Миръ разстилается передъ нимъ, какъ усыпанный цвѣтами лугъ, весь залитый солнцемъ. Но время быстро охлаждаетъ его пламенные грезы. Свѣжесть утра смѣняется полдневнымъ зноемъ, а загѣмъ и мрачной ночью. Юность проходитъ, наступаетъ зрѣлость, а загѣмъ человекъ долженъ мало-по-малу привыкать и къ мысли о старости и смерти—концѣ всего.

Конецъ этотъ представляетъ обыкновенно итогъ всей его минувшей жизни со всѣми ея неизгладимыми словами и поступками, которые перейдутъ потомству. Наше прошлое не покидаетъ насъ ни на минуту. «Каждый грѣхъ,—говоритъ Іеремія Тэйлоръ,—представляется намъ сначала обольстительнымъ видѣніемъ съ лучезарнымъ лицомъ». Когда человекъ, стоя на рубежѣ жизни, не сумѣлъ до тѣхъ поръ покинуть стези порока — конечно приближеніе старости пугаетъ его и исполняетъ отчаянія.

Добрые-же принципы, напротивъ, представляютъ на-

дежный оплотъ, который не въ силахъ пробить никакое оружіе. «Истинная религіозность,—говоритъ Сесиль,—это жизнь и здоровье души; кто обладаетъ ею, тотъ достаточно вооруженъ противъ всякаго зла».

Всѣ мы знаемъ и чувствуемъ приближеніе «вѣтника, который,—по словамъ Карлейля,—равно настагаетъ и дѣятеля и празднаго, настагаетъ среди удовольствій и занятій, измѣняетъ челоуѣка въ корень и отсылаетъ его въ невѣдомый міръ».

Смерть неизбежна, и песочные часы могутъ служить лучшей эмблемой нашей земной жизни. Песокъ непрерывно убываетъ до послѣдней крупинки, послѣ чего наступаетъ тишина и смерть. Даже вѣнценосцы должны перешагнуть къ престолу черезъ могилы своихъ предковъ и мимо тѣхъ же гробницъ прахъ ихъ относить въ свое время въ могилу.

Когда извѣстный англійскій художникъ, Давидъ Вильки, посѣщая Эскуриаль, остановился передъ знаменитой картиной Тиціана «Тайная Вечера», водившій его по дворцу монахъ-іеронимитъ сказалъ ему: «Болѣе шестидесяти лѣтъ гляжу я на эту картину; за это время одинъ за другимъ исчезли всѣ мои товарищи; старшіе меня и однихъ лѣтъ со мною, а также и многіе изъ тѣхъ, кто значительно младше меня. Не одно уже поколѣніе прошло — лишь образы, нарисованные на этой картинѣ, остаются безъ измѣненія, и, когда я долго всматриваюсь въ нихъ, мнѣ начинаетъ казаться, что дѣйствительность — это они, а мы только мимолетныя тѣни».

Старость должна уступать мѣсто юнымъ, а молодежь въ свою очередь посторонится передъ новыми поколѣніями. Тѣмъ не менѣе на склонѣ жизни, когда мы только уже прозябаемъ и становимся въ тягость себѣ и другимъ,— въ насъ особенно настойчиво начинаетъ пробуждаться жажда жизни. «Собаки,—сказалъ Фридрихъ Великій своимъ гренадерамъ, которые колебались идти на встрѣчу

вѣрной смерти, — вы хотѣли бы жить вѣчно!» И это выраженіе примѣнимо ко многимъ старикамъ.

Киръ, царь персидскій, приказалъ вырѣзать на своемъ надгробномъ камнѣ слѣдующія слова: «О, человекъ, кто бы ты ни былъ и откуда бы ты ни пришелъ, знай, что я основатель персидской монархіи: не завидуй ничтожному пространству земли, покрывающему мое тѣло!» И Александръ Великій былъ несказанно тронуть этой надписью, указывавшей на тлѣнность и шаткость всего земного.

Перикль замѣтилъ, умирая, что окружающіе, прославляя его за то, что другіе могли бы совершить не хуже, — не упомянули о главнѣйшемъ благородномъ стремленіи всей его жизни: не сдѣлать несчастнымъ ни одного аѳинянина.

Тяжелыя минуты отчаянія переживаетъ душа тѣхъ людей, которые не умѣютъ въ достаточной мѣрѣ управлять собою, — если передъ ними воздвигается неожиданно предѣлъ, дальше котораго не можетъ идти ихъ непомѣрное честолюбіе. Александръ Великій залился слезами, узнавъ, что нѣтъ болѣе въ мѣрѣ страны, которую онъ могъ бы покорить. Точно также Махмудъ Газневидъ, первый магометанскій завоеватель Индіи, плакалъ, какъ ребенокъ, разсматривая въ послѣдній разъ передъ смертью свои драгоценности: «Сколько перенесъ я трудовъ, лишеній и опасностей для того, чтобы пріобрѣсти эти сокровища! — воскликнулъ онъ! — И вотъ я умираю и навѣки расстаюсь съ ними». Онъ былъ похороненъ въ стѣнахъ дворца, гдѣ, какъ говоритъ легенда, бродила впоследствии его неутѣшная тѣнь.

Одной изъ самыхъ страшныхъ была кончина французскаго короля Карла IX. Всѣ ужасы Варооломеевской ночи *), на которую онъ далъ нѣкогда свое согласіе, возставали въ его разгоряченной фантазіи въ послѣднія ми-

*) Избіеніе католиками безоружныхъ и спящихъ протестантовъ въ 1572 г.

путы его земной жизни, и образы замученныхъ протестантовъ постоянно преслѣдовали его. «Не понимаю, что дѣлается со мною всѣ эти послѣдніе дни, — говорилъ онъ своему придворному доктору, — меня словно бьетъ ни на минуту не прерывающаяся лихорадка: во снѣ и на яву встають передъ мною, ежеминутно смѣняя другъ друга, отвратительныя, чудовищныя кровавыя сцены, трупы убитыхъ, истекающіе кровью. О, что бы я далъ, чтобы воротить жизнь столькихъ невинныхъ и слабыхъ, погибшихъ въ ту ужасную ночь!»

Сидней Смитъ посѣтилъ однажды вмѣстѣ съ сэромъ Самуиломъ Ромиллы извѣстный своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ замокъ Говардъ. Взглянувъ на виднѣвшійся вдали фамилный склепъ владѣльцевъ замка, онъ воскликнулъ: «Какъ тяжело было умирать всѣмъ людямъ, разставаясь съ такой восхитительной страной!»

Когда врачи объявили кардиналу Мазарини, что онъ не проживетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ сталъ съ грустью бродить по своимъ великолѣпнымъ картиннымъ галереямъ: «И такъ я долженъ расстаться со всѣмъ этимъ! Съ какимъ трудомъ приобрѣталъ я эти дивныя произведенія, и вотъ приходитъ время, когда я буду лишень возможности любоваться ими». Брѣнень подошелъ къ нему, и Мазарини, взявъ его подъ руку, промолвилъ: «Я слабѣю, какъ я плохо вижу!» И все-же онъ возвращался поминутно къ волновавшей его мысли: «Видите-ли вы, мой другъ, это дивное твореніе Корреджіо и эту Тиціановскую Венеру, и эту несравненную картину Каррачи? Страшно подумать, что скоро я покину все это. Прощайте, милыя картины, которыя я такъ любилъ и которыя столько стоили мнѣ!»

Есть однако въ мірѣ и худшія страданія: смерть еще не самое ужасное изъ нихъ и не внушаетъ никакого страха человѣку, который чувствуетъ себя правымъ. Любовь сильнѣе смерти, которая является желаннымъ отдыхомъ для человѣка, добросовѣстно исполнившаго свой долгъ.

«Да будетъ благословенъ Господь,—сказалъ передъ смертью казненный Стюартами за свои республиканскія убѣжденія сэръ Генри Вень,—за то, что Онъ сподобилъ меня умереть за правое дѣло!» Однажды, присутствовавшіе при кончинѣ одного извѣстнаго полководца стали вспоминать о его побѣдахъ и числѣ отнятыхъ имъ у враговъ знаменъ. «Что значать всѣ эти такъ-называемые славные подвиги!—воскликнулъ старый воинъ.—Глотокъ воды, поданный жаждущему Христа ради—стоитъ больше всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ».

Сэръ Джонъ Муръ, смертельно раненный, сказалъ, умирая, подошедшему къ нему доктору: «Мнѣ нельзя уже помочь: спѣшите къ тѣмъ, кому ваше присутствіе еще можетъ доставить облегченіе». «Другъ мой,—промолвилъ Вальтеръ-Скоттъ передъ смертью, обращаясь къ своему зятю,—будь хорошимъ, благочестивымъ человѣкомъ: ничто кромѣ этого сознанія не поддержитъ тебя въ ту минуту, когда ты, подобно мнѣ, будешь лежать на смертномъ одрѣ».

Кантъ, величайшій философъ новѣйшаго времени, скончался 80-ти лѣтъ отъ роду: «Я не боюсь смерти,—говорилъ онъ,—потому что знаю, какъ надо умирать. Если-бы я зналъ, что эта ночь—последняя въ моей жизни, я воскликнулъ-бы, простирая руки къ нему: хвала Господу! Конечно иначе встрѣтилъ-бы я смерть, если-бы, живя, сознательно причинилъ какое-нибудь зло кому-либо изъ своихъ ближнихъ».

Раньше, еще въ болѣе молодые годы, Кантъ сказалъ: «Отнимите у человѣка надежду и сонъ, и онъ сдѣлается несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ. Вотъ когда человѣкъ начинаетъ ощущать въ полной мѣрѣ тягость жизни, которая не по силамъ нашей слабой природы. Единственное, что поддерживаетъ насъ—это сіяющая намъ вдали надежда увидѣть когда-нибудь обѣтованный край».

Однимъ лишь путемъ является человѣкъ въ мірѣ; для того-же, чтобъ выйти изъ него, существуетъ тысяча путей. Рожденіе и смерть образуютъ волшебный кругъ, въ кото-

ромъ возвращается наша жизнь. Богъ, призвавъ насъ къ жизни, вручаетъ намъ и ключи къ ней. Мы обязаны трудиться, любить нашихъ ближнихъ и добросовѣстно исполнять свой долгъ. «Истинное благочестіе выражается въ неукоснительномъ исполненіи нами долга,—говоритъ Іеремія Тэйлоръ.— Религія заключается болѣе въ дѣятельной любви, чѣмъ въ познаніи Божества. На небесахъ, конечно, мы должны сначала видѣть, а потомъ любить, здѣсь же мы должны начинать съ любви, и она откроетъ глаза и сердца наши, чтобы мы увидѣли и уразумѣли».

Для того, чтобы пріобрѣсть возможность смѣло глядѣть въ глаза грядущему, — мы должны трудиться изо-дня-въ-день, мужественно и неустанно. Единственное, что даетъ намъ возможность бодро и безропотно переносить всю горечь и лишения земной жизни, — это надежда на жизнь вѣчную, которая осушитъ всѣ слезы, вознаградитъ за всѣ печали. Истинное и прочное богатство человѣка — это добро, которое онъ приноситъ, живя, своему ближнему. Когда кто-либо умираетъ, люди обыкновенно спрашиваютъ: «Оставилъ онъ послѣ себя какое-нибудь состояніе?» Но ангелы, встрѣчающіе на небесахъ его душу, зададутъ ему иной вопросъ: «Какія добрыя дѣла открываютъ тебѣ доступъ сюда?»

Все имѣетъ свой конецъ въ этомъ переходящемъ мірѣ: у каждой книги есть послѣдняя страница, у всякой проповѣди заключительное слово, у всякаго собранія окончательная рѣчь, у всякой жизни послѣднее дѣло, послѣднее слово умирающаго. «Выведи, Господи, душу мою изъ темницы, чтобы я вознесъ хвалу имени Твоему святому!» — Таковы были послѣднія слова св. Франциска Ассизскаго. «Здѣсь покоится»...—возвѣщаетъ начало каждой надгробной надписи; и глубочайшія тайны даннаго существованія откроются въ свое время—въ день второго пришествія.

Таково время, которое беретъ отъ насъ на вѣру нашу юность, наши радости и все, что мы можемъ дать

ей, и платитъ намъ старостью и безмолвной могилой, въ которую заключаетъ исторію нашего земного странствованія, когда мы совершили все, что намъ было суждено. Но, вѣрую, Господь воззоветъ меня въ свое время и изъ этой могилы, земли и праха.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОЛГЪ. ПЕРЕВОДЪ Н. НАДЕЖДИНА.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Долгъ—совѣсть	3
II. Исполненіе долга	27
III. Правдивость и честность	53
IV. неподкупные люди	79
V. Мужество—устойчивость	103
VI. Постоянство до конца—Савонаролла	143
VII. Морякъ	170
VIII. Солдатъ	200
IX. Геронизмъ добрыхъ дѣлъ	233
X. Сочувствіе	264
XI. Человѣколюбіе	294
XII. Подвижничество миссіонеровъ	320
XIII. Мягкое обращеніе съ животными	345
XIV. Человѣчное обращеніе съ лошадьми	366
XV. Ответственность	380